ДЕРИБАСОВСКАЯ ✠ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

35

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА, 2008

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 35 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. — Одесса: "Печатный дом", 2008. — 320 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.
Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.
Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0
© Авторство художественных текстов, 2008

От редакции

Дорогие друзья! Если вы читаете эти строки, значит, очередной – тридцать пятый – номер альманаха "Дерибасовская – Ришельевская" увидел свет. А если при этом вы шуршите страницами, есть уверенность, что он вышел не только как субъект Интернета, но и в традиционном, печатном виде. Таким образом, на ваших книжных полках не прервалась череда томиков одесского периодического издания, которое, по убеждению краеведов и книголюбов, побило рекорды долголетия в разряде литературно-художественных и историко-краеведческих альманахов, сборников, журналов.

Признаемся, достичь этого (уместнее было бы написать – "добиться") нам было нелегко. И тем, кто стоял у истоков рождения альманаха, кто все эти годы подпитывал его материально, и авторам, и членам редколлегии. Выпуская номер 34-й, мы не могли предположить, что спустя месяц-другой на мир, на страну, на город навалится кризис, и все резко либо вздорожает (к примеру, полиграфия), либо исчезнет (средства меценатов), либо резко усложнится...

Вы, наши читатели, разумеется, ощутили все это на себе. Сегодня трудно многим, но, как всегда, наиболее незащищенными оказались медицина, образование, культура. В нашем городе уже закрылись несколько периодических изданий, приостановлены некоторые культурологические проекты, образовательные программы...

Подобная участь, казалось, угрожает и нам, но, к счастью, нашлись земляки, которые поддержали одесскую традицию, и 2009 год мы встречаем с вами на легендарном углу Дерибасовской и Ришельевской., где столько всякого происходило, и еще будет происходить.

Олег ГУБАРЬ

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ним общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", уже 12 лет плодотворно работает на отечественном рынке недвижимости. Предлагаем вниманию читателей первую часть монографии, посвященной целостной истории градостроительства Южной Пальмиры. Столь масштабного исследования по заявленной проблематике до настоящего времени еще не было.

Интродукция

На протяжении десятилетий существования функции Одесского строительного комитета (ОСК) эволюционировали в соответствии с изменениями региональных и городских потребностей. На первых этапах ОСК, по сути, продолжал деятельность так называемой Экспедиции строения города и порта, учрежденной еще в 1794 г. Его руководителями фактически были главные региональные администраторы — герцог де Ришелье, генерал-майор Кобле, граф де Ланжерон, граф Воронцов, — осуществлявшие посредством этой институции практически все реальные шаги по строительству Одессы, ее благоустройству, формированию инфраструктуры: военно-оборонительной, социально-бытовой, коммерческой. В поле деятельности ОСК так или иначе оказывался и обширный регион — от дельты Дуная до Тавриды включительно.

Не покажется слишком смелым заявление о том, что, по крайней мере, до 1825 г. ОСК реально служил основным управленческим инструментом, совершенно отодвигая на задний план подотчетный и подконтрольный ему институт местного самоуправления. И это вполне объяснимо, поскольку именно через ОСК шли, как принято нынче говорить, основные финансовые потоки, а именно: "питейные сборы", то есть налоги от содержателя городского винного откупа, регламентированный таможенный сбор с каждой отпускаемой из одесского порта на экспорт четверти (3,07

литра) зерна (сначала по 2,5, а затем по 5 копеек) и так называемая "портовая сумма", а именно пятая часть таможенных сборов, определенная на портовые работы именным указом Правительствующему Сенату от 26 июня 1803 г.[1]. Средства эти, по утверждению высшим региональным начальством, отпускались на те или иные виды работ, добычу и закупку строительных материалов, покупку или изготовление инструментов и в целом средств производства, наем и приобретение зданий и сооружений, кредитование приватного домостроительства и прочие насущные надобности. В связи с этим первыми лицами Комитета, помимо военного коменданта, военных инженеров, городского головы и представителя от купечества, были руководители таможни и карантина.

Посему функции ОСК были гораздо шире, нежели обычно принято считать. К традиционным, общеизвестным аспектам его деятельности можно отнести: общее планирование градостроительства, сооружение порта, карантина, общественных зданий, рынков, мостов, устройство черты порто-франко, мощение городских коммуникаций, озеленение, водоснабжение и канализацию, отвод мест под частное строительство домов, магазинов, лавок, промышленных предприятий и под садоводство, контроль над исполнением и выдачу владельческих документов. К нетрадиционным, малоизвестным — строительство и ликвидацию оборонительных казарм, сооружение храмов и некрополей, формирование городской системы здравоохранения (включая выдающуюся роль ОСК в ликвидации чумной эпидемии 1812-1813 гг., устройство казенной аптеки и проч.), просвещения (в том числе создание сиротского дома, наем домов для учебных заведений и др.), строительство домов для колонистов, борьбу с оползнями и другими инженерно-геологическими неприятностями, регламентацию добычи камня и эксплуатации подземных выработок, организацию маячной службы, устройство средств массовой информации, аукционов, общественных увеселений (в том числе создание певческой и инструментальной школ), городских часов, кофеен, купален и бань, колодцев, "фонтанов", прудов, ремесленных цехов, борьбу с криминалом и коррупцией, финансирование частного строительства (в том числе промышленного), покупку приватных и продажу казенных зданий, наем домов для квартирования учреждений, чиновников, офицеров, актеров, типографов, покупку и продажу морских судов, организацию подрядов на поставки в действующую армию и их обеспечение залогами, совершенствование методов оценки недвижимости и исполнения подрядов хозяйственным способом и многое другое.

Многообразная деятельность, история и предыстория ОСК отражены не только в колоссальном архивном фонде 59, но и в, так сказать, смежных — прежде всего, Одесской городской думы (фонд 4), Управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (фонд 1), Канцелярии одесского градоначальника (фонд 2), Одесского коммерческого суда (фонд 18), Одесского городового магистрата (фонд 17) и в ряде других. Отдельной строкой упомянем не так давно сформированный фонд 895 — "Архитектурные объекты города Одессы и городов Украины". Фонд этот составлен на основе изъятых в свое время и переданных другим организациям материалов фонда 59 — чертежей, планов, рисунков, гравюр, литографий[2].

Чтобы представить себе, насколько грандиозен массив документов лишь в одном 59-м фонде, достаточно упомянуть о том, что, скажем, только объем дел по отводу мест под застройку частными зданиями и сооружениями 1804 — первой половины 1820-х годов составляет многие тысячи листов. На сегодняшний день нет исследований, хотя бы более или менее внятно иллюстрирующих этот блистательный источник по региональной истории и, в частности, истории градостроительства Одессы. Лучшим, пожалуй, знатоком фонда 59 был видный краевед В.А. Чарнецкий, однако его занимала главным образом избранная, излюбленная проблематика: "Пушкинские адреса", "Масонские адреса", "Адреса декабристов", устройство черты порто-франко, карантина, строительство отдельных зданий и сооружений[3].

Свою задачу вижу в следующем. Во-первых, по возможности продемонстрировать все основные функции ОСК, традиционные и нетрадиционные, на типологических примерах, на образцах. Причем так, чтобы читатель получил исчерпывающую информацию обо всех бюрократических и прочих тонкостях того или иного сюжета, имел возможность детально проследить ход процесса градостроительства. При этом сама эволюция функций ОСК будет показана в реальных обстоятельствах, вписанная в конкретный историко-бытовой контекст. Во-вторых, построение рубрикации и изложения должно помочь читателю пользоваться настоящим архивным фондом, а равно сопредельными.

Почему я назначил именно такую рубрикацию разделов? Мне представляется целесообразным сконцентрировать внимание читателя на наименее исследованных тематических срезах истории градостроительства и быта. В то же время проблематика и аспекты, которые наиболее часто попадали в поле зрения исследователей (устройство порта, карантина,

трех черт порто-франко и т. п.), упоминаются лишь в контексте других событий и сюжетов, полагаю, без ущерба для текста в целом.

Хотя основная задача заключается в презентации архивных материалов, я счел возможным и даже необходимым во многих случаях сопоставлять (дополнять) их с другими историческими источниками.

Следует уточнить: атрибутируемые в тексте адреса зданий, сооружений и проч. условны — в том смысле, что для наглядности привязаны к современной топонимии. Разумеется, Волконскому, де Рибасу, Кобле и др. места отводились не на Ришельевской, Канатной и Коблевской улицах, каковые еще не сформировались, а в тех или иных безымянных нумерованных кварталах и местах, согласно утвержденному плану новостроящегося города.

Предыстория

До создания ОСК его функции фактически исполняли две инстанции: так называемая Инженерная команда и Одесский городовой магистрат. В частности, первая отводила места под застройку в 1795-1800, а второй — в 1800-1803 гг.[4] К сожалению, журналы Одесской инженерной команды, на которые ссылается наиболее эрудированный специалист XIX столетия в этой сфере К.Н. Смольянинов[5] и которые, по его собственным словам, находились в архиве ОСК, ныне не обнаруживаются.

Что касается магистратских дел об отводе мест, то они крайне немногочисленны, и сами по себе не могут дать объективного представления о порядке и характере застройки городских кварталов и владельцах первых домостроений. В частности, мы имеем в этом фонде дело "Об отводе разного звания людям под построение домов мест и о выдаче разных открытых листов", лишь отчасти охватывающее май-август 1803 г.[6] Более ранних нет, правда, есть возможность проследить переход отдельных патриархальных строений из рук в руки по "Книге Одесского городского магистрата о записке купчих крепостей 1799 года"[7], но и здесь содержатся весьма и весьма отрывочные сведения. Из названий дел сохранившихся описей[8] видно, что в фондах Магистрата и Думы такая информация была, однако дела эти до нас не дошли.

Впрочем, подверстывая к масштабному корпусу документов ОСК то немногое, что сохранилось в упомянутых выше фондах, включая и наименования утраченных дел, исследователи все же имеют возможность довольно подробно реконструировать очередность и характер застройки го-

родских кварталов, получить сведения о домовладельцах, пунктирно проследить первый этап формирования городской инфраструктуры и становления Одессы в целом. О чем и пойдет речь в следующих разделах.

Планировка Одессы к моменту создания ОСК

Какой была Одесса к моменту создания Строительного комитета, который на первых порах фигурирует в архивных документах как Одесский комитет? Изрядное впечатление об этом дает план города, составленный военным инженером, полковником (впоследствии генерал-майором) Е.Х. Ферстером в 1802 г.[9] и его высочайше утвержденная редакция 1803 г.[10] Сопоставление этих планов с более поздними планами того же Ферстера, архитекторов Франческо (Франца) и Джованни (Ивана) Фраполли, Дигби, Торичелли в процессе исследования дадут отчетливое представление о территориальном распространении города и характере плановой застройки.

Несмотря на весьма неблагоприятные обстоятельства — дефицит финансов, транспортных средств, рабочих рук, строительных материалов, воды, топлива, незащищенность гавани, сложные эпидемиологические и инженерно-геологические условия, наличие военной угрозы и др., — всего лишь за семь-восемь лет многие кварталы исторического центра уже были застроены. Другое дело, что застройка эта не была сплошной, то есть на отведенных местах, довольно обширных, возводились преимущественно небольшие дома, лавки, флигеля, магазины, различные хозяйственные помещения, далеко не всегда по красной линии планируемых улиц. Причем, как мы увидим ниже, большинство из них в ближайшие десятилетия неоднократно перестраивались в соответствии с требованиями ОСК, по высочайше утвержденным фасадам. К этому времени уже сформировано несколько торговых центров, построены общественные здания, ряд гидротехнических сооружений, большая и малая крепость, казармы, морской госпиталь и др.

На плане 1802 г. наблюдается как бы два основных "центра кристаллизации" застройки, два патриархальных конгломерата. Первый тяготеет к Старому базару (Вольному рынку), причем, как будет показано на многочисленных убедительных примерах, под Старым базаром понималась вовсе не только территория, ограниченная нынешними улицами Успенской, Большой Арнаутской, Базарным и Успенским переулками. Сюда входят и все примыкающие кварталы, в том числе уже построенные мяс-

ные ряды (о которых будет сказано в отдельном разделе) по нечетной стороне Большой Арнаутской, меж Екатерининской и Преображенской, поворачивающие по Александровскому проспекту в направлении Малой Арнаутской. С противоположной стороны этого проспекта, от Успенской в направлении Гостиных (Красных) рядов, тоже построена вереница лавок.

Что касается непосредственно Красных лавок, то и они уже возведены по обеим сторонам проспекта, меж Троицкой и Еврейской. Впоследствии четная сторона Гостиных рядов получила название Авчинниковского ряда, а нечетная — Протасовского, по именам известных купцов. Всего здесь застроили три квартала (отделения) по 20 лавок (номеров). В систему Старого базара вписывались и кварталы от Успенского переулка до четной стороны Мещанской включительно и от Базарного переулка до Екатерининской, в частности, XLI-XLIII кварталы Греческого форштата[11]. На рубеже 1800-1810-х, как мы увидим в дальнейшем, Старый базар еще более распространится в направлении Городского кладбища, в его орбиту попадут специализированные торговые ряды: щепной, рыбный (на месте старого рыбного ряда одно время находилась "привозная площадь"), мясной (так называемый *резничный*) и др.

Опосредованное отношение к Старому базару имел также район (и его окрестности), получивший название Арнаутка, или Арнаутская Слободка, располагавшийся меж нынешними улицами Пушкинской (Итальянской) и Канатной, Пантелеймоновской (Новорыбной) и Базарной, а затем распространившийся и за Канатную. Планы города, составленные Ф. де Воланом и П. Харламовым в 1795-1799 гг., предусматривали две главные торговые магистрали, ведущие из гавани к квадратным площадям: по Военной балке — к будущему Вольному рынку (Старому базару) и по Карантинной — к другой рыночной площади[12], каковую можно было бы условно назвать Арнаутской. В середине 1790-х здесь построили 16 казарм для переселенцев, греков и албанцев (арнаутов)[13]. Очень скоро "арнаутские казармы" пришли в ветхость, и в 1810-е гг. их остатки были проданы с публичного торга, а места отданы по застройку, — о чем еще пойдет речь. Казармы сгинули, а название прижилось.

Примерно в тот же период, когда Ферстер составлял свой план, на этой площади стояла недостроенная греческая церковь, заложенная в конце 1795 г., но так и не оконченная. Из кварталов, примыкающих к Арнаутке, в 1802 г. довольно плотно застроен 51-й, меж Успенской, Итальянской, Базарной и Канатной и отчасти соседний, 38-й, меж Успенской, Итальянской, Ришельевской и Базарной. Почему? Потому что Карантинная

балка стороной обтекала перекресток Успенской и Канатной, что облегчало движение гужевого транспорта, следовавшего из гавани к Старому базару и назад по этим улицам.

По сравнению с габаритами построек окрестностей Старого базара куда более солидно выглядит другой общественный центр, который можно ориентировочно оконтурить улицами Ланжероновской (нечетная сторона), Польской, Полицейской (Бунина) и Александровским проспектом. Впрочем, красная линия Полицейской (четная сторона) более или менее застроена лишь на одном квартале из четырех. Частично застроены также кварталы 19-й и 24-й, ограниченные улицами Полицейской, Екатерининской, Еврейской и Александровским проспектом. Врезающаяся в будущую Александровскую площадь Военная балка (которая служит естественной границей, разделяющей город на две части: Военный, или Северный, и Греческий, или Южный, форштаты) доходит до Греческой улицы, отчего застроены лишь нечетная сторона Красного переулка и четная сторона Колодезного. По той же причине косогора не застроена будущая улица Гаванная. Строительство, как мы увидим ниже, будет сопровождаться здесь отсыпками грунта, устройством мостов и дренажных сооружений.

Греческий форштат в это время застроен лишь фрагментарно, исключая четную сторону Александровского проспекта (до Преображенской). Но весь этот район по своей прямой планировке скорее относится к Военному форштату, и довольно быстро примкнул к нему, слившись с ним в первую (полицейскую, или съезжую) часть города. Немногочисленные же постройки тяготеют к улице Херсонской (Пастера) и началу Торговой, на террасе под которой находился Морской госпиталь. На нечетной стороне будущей улицы Гоголя (Надежной, Надеждинской), над Военной балкой — офицерские флигеля. На противоположной стороне этой балки, на территории будущего Приморского бульвара, на упомянутых планах города обозначены малая крепость (где было турецкое укрепление), воинские казармы и неоконченный Екатерининский храм. Под бульваром показаны длинные казенные магазины. Порт представлен несколькими молами. В Карантинной балке — первые частные магазины.

Как видно из планов Ферстера[14] и планов Франполли[15] городские кварталы (и прямой, и "угловой" планировки) предполагалось продолжить в юго-западном направлении, однако вскоре город ограничила построенная по частным подрядам линия оборонительных казарм, проложенная по будущей черте порто-франко[16]. Молдаванская Слободка на плане

не обозначена, планировка Пересыпи уже намечена, а реальная ее застройка на тот момент представлена дюжиной домиков в начале будущей улицы Московской, немалым причальным сооружением (так называемой Лесной пристанью) и магазинами в приморской части.

Как и кому отводились места под застройку? Какие требования предъявлялись к застройщикам? Как эти требования менялись во времени? Кто регулировал отношения между застройщиками? Ответам на эти и другие вопросы посвящен следующий большой раздел настоящей монографии.

Примечания

[1] Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 1-е. — СПб., 1830. — Т. 27. — № 20.819.

[2] Архитектурные объекты г. Одессы и других городов Причерноморья, конец XVIII — начало XX ст.: Каталог. — Одесса, 2003. — 224 с.

[3] Чарнецкий В.А. Древних стен негласное звучанье. — Одесса, 2001. — 162 с.

[4] Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО), ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 405.

[5] Смольянинов К.Н. История Одессы. — Одесса, 1853. — С. 38, 60.

[6] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214.

[7] Там же, оп. 1, д. 15.

[8] Там же, оп. 3, д. 113, 202; ф. 4, оп. 1а, д. 6 и др.

[9] Одесский государственный историко-краеведческий музей (далее — ОГИКМ), инв. № К-600; версия этого же плана сохранилась в копии, сделанной городским землемером Гаэтано Даллаква в 1836 году (инв. № К-609).

[10] Тимофієнко В. І. Зодчі України кінця XVIII — початку XX століть. — К., 1999. — С. 385-386.

[11] Именно *форштат*, а не *форштадт*, то есть "*посад*". См.: Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб. — М., 1882. — Т. 4. — С. 538.

[12] Тимофеенко В.И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. — К., 1984. — С. 151-155; Его же. Одесса: Историко-архитектурный очерк. — К., 1983. — С. 9.

[13] Смольянинов К.Н. Указ. соч. — С. 54-55, 78, 91.

[14] ОГИКМ, инв. №№ К-600 и К-609.

[15] Там же, инв. № К-602.

[16] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 406.

Илья ГЕРАСИМОВ

Письма одесских вымогателей и проблема еврейской преступности в Одессе начала XX века*

Из эпистолярного наследия уголовной Одессы

В конце 1914 — начале 1915 г. Одессу захлестнула волна шантажистских писем: обыватели в разных районах города едва ли не ежедневно начали получать письма с угрозами и требованиями крупных сумм денег. Массовая преступность неожиданно обрела форму письменного слова, создавая нарратив самоописания и саморепрезентации; прежде описание и интерпретация преступных деяний были прерогативой репортеров и полиции. Казалось, что "язык преступного мира" записывался самими налетчиками и, минуя посредничество газетчиков и юристов, становился достоянием широкой публики. Теперь все было готово к появлению художественных произведений, осваивающих новое языковое пространство и социальную реальность, придавая популярной в Одессе теме налетчиков статус общенационального мифа: писателям оставалось лишь заговорить на языке, который приобрел самостоятельный статус, после того как был записан его носителями. Именно это и произошло всего через несколько лет, когда благодаря Исааку Бабелю и Константину Паустовскому, Илье Ильфу и Евгению Петрову, Льву Славину и Леониду Утесову появился миф о бравых одесских налетчиках. Как и положено, миф преображает и расцвечивает породившую его реальность, однако подлинные послания одесских вымогателей ничуть не уступают в экспрессии сочному слогу персонажей Бабеля.

Итак, 15 января 1915 г. потомственный почетный гражданин Николай Петрович Расторгуев получил письмо с угрозами: "Барон миллионеров, мы ждали товарища свободы. Но увы, теперь тебе позорная смерть — жди". (Скорее всего, письмо отправили сообщники налетчика Григория Григораша, которого накануне осудили на 3,5 года за налет на квартиру Расторгуева 18 января 1914 г.) В тот же день Рувин Аронович Биргер получил письмо от кружка "анархистов-коммунистов" с требованием 25 рублей и угрозами в адрес двух его сыновей. И в этот же день Борух Моисеевич Аронберг представил в полицию письмо, полученное им накануне:

"13 января 1915 года. Господин Борис Аронберг чего вы не положили под лестницей где лавка деньги, лучше вы положите а то будет плохо ес-

* Журнал "Ab Imperio"

ли вы хотите положить то положите 5 ч. января я вам одно письмо написал, чтобы вы положили 100 руб. а иначе мы вас убьем и ограбим. С почтением черной шайки помощник Зелим-Хан-Шура".

(И нарисованы две человеческие головы.)

Через неделю жена капитана Евдокия Гринько представила в сыскную полицию писанное карандашом письмо: "Вам грозит смерть принесите деньги 500 руб. 24 января буду ждать вас в 12 час. дня тогда Вас оставлю в покое буду на углу Б-Арнаутской и Канатной я всюду слежу за Вами". Еще через три недели принес письмо с угрозами Дмитрий Большаков:

"Многоуважаемый Дмитрий Ефимович. Прошу вас если вы хотите избегнуть той гибели, которая в настоящий момент вам предстоит, то только вы можете избавиться если внесете пять 500 р. по нижеуказанному месту, если же вы этого не исполните, то будете убиты когда вы идете на службу или со службы... Деньги представите Коблевская № 26 кв. 2 Филиппу Малярчику..."

Затем на два месяца воцарилось затишье. Новая вспышка вымогательской корреспонденции отмечается только в конце апреля. 24 апреля купец Хаим Пекелис принес в полицию такое письмо:

"Г. Пекелис просим вас немедленно дать откупа 100 руб. или смерть деньги положите возле театра Аполо. Мы много не берем шайка никтертертер в воскресенье 26 апреля 8 час. вечера".

27 апреля принес аналогичное письмо купец Александр Кузнецов:

"Милый Алексаша. Раздай на военные нужды 2000 р. и этом должно быть напечатано в Одесской почте иначе ты будешь убит в течении 3-х дней не прибегай к помощи полиции. Преемник Арсена Люпена".

14 мая жена капитана Гринько получила второе письмо угрозами: "Мы затихли теперь снова мы начинаем действовать на первом плане Гринько, Парненко и Лозинская, шайка "Черная рука" шайка требует у Вас 700 рублей денег...". А 23 мая письмо с требованием 15000 рублей от имени "Черной руки" принес бухгалтер мануфактурного магазина наследников Пташникова Трофим Павлович Стасенко. Но его "Черная рука" писала совсем другим почерком, на другой бумаге, внизу вместо черной корявой лапы был нарисован неуклюжий череп с перекрещенными саблями...

10 июня получил по почте угрожающее письмо Карл Христофорович Топалов:

"Смерть или жизнь

Карл Христофорович Топалов!

Ночью 12го июня мы должны с вами покончить убиты вы будете или

войдем во двор собаки будут отравлены или же взломаем окно ваше залезим и с вами покончим, но чтобы не допускать до убийства приготовьте 500 рублей мы у вас их пока возьмем и временно дело кончим, не думайте что вы заявите полиции мы этого не боимся и каторга нам не страшна.

Словом мы на днях будем [пропивать?] деньги они у вас есть мы знаем все.

От нас братьев разбойников".

Вновь почти месячный перерыв, отмеченный очень вялой активностью преступного элемента. 6 июля владелец аптеки дворянин Антон Гаевский представил в полицию украшенное корявыми завитушками письмо с требованием 25 р. на имя кассирши аптеки Марии Пешинской:

"Милостивая государыня, г-жа Кассирша по приказание моего письма исполнить мою просьбу дать мине двадцать пять рублей денег 26 р. Я думаю лутьче дать 25 р. чем продать свою жизнь".

И вновь затишье... 4 сентября 1915 г. Фрейда-Тауба Симо-Бомзе также получила письмо анонимных шантажистов:

"Здравствуйте мадам Бомза Хана от вас мы просим чтобы вы нам вынесли 300 руб. <...> В случае отказа будет в вашу квартиру брошена бомба пока не получим от вас это что требуем, то будет ваш дом от бомб разнесен немедленно в казанное число доставить 300 руб. будем втроем сидеть на станции".

И снова спадает накал страстей на страницах донесений сыскной полиции, регистрируется лишь хулиганская выходка солдата на рынке и кража типографского шрифта. А в январе 1916 г. фиксируется новая вспышка распространения вымогательных писем от имени "Черной маски", "Черной руки" и прочих персонажей, избегающих цвета хаки...

"Нулевая степень" писем и "гранд-нарратив" одесской преступности

Появление "одесского мифа" о разудалых одесских налетчиках, в основном, евреев по происхождению, явилось не только важным фактом развития советской литературы. Этот миф оказался востребованным историками (как в России, так и за ее пределами), которые пытались осмыслить девиантное поведение в Одессе как целостное явление. Дело в том, что даже в столь редкой своей — письменной — форме преступление остается такой же непроницаемой для понимания дискурсивной "черной дырой", как и другие феномены, недоступные опыту внешнего наблюдателя:

самоубийство (и вообще смерть), безумие, сознание животных или принципиально чуждых культур... Одесский миф является первым кандидатом на роль обобщающего метанарратива, набора универсальных тропов и интерпретаций благодаря предельному "реализму" своей поэтики. Действительно, разве напоминает письмо от "Зелим-Хан Шуры" Борису Аронбергу цитату из вымогательского письма Бени Крика — ведь именно так, а не наоборот, воспринимает ситуацию современный исследователь:

"Типичный налет в Одессе начинался с вымогательного письма, которое получал владелец предприятия... В этом письме вымогатель требовал, чтобы владелец собрал назначенную сумму денег и доставил ее в указанное место. Такие письма неизменно содержали некоторые из тех штампов, которые встречаются в деловых письмах".

Исследование одесских полицейских архивов и газет начала века свидетельствует о том, что широкое распространение вымогательские письма получили лишь во время первой мировой войны, когда усиленные меры безопасности в стратегически важном портовом городе Одессе крайне затруднили проведение традиционных налетов. В 1912-1913 гг. зафиксированы единичные случаи получения горожанами писем шантажистов. Всплеск активности почтовых вымогателей весной 1915 г., очевидно, показался начальнику сыскной части одесской полиции новым и важным явлением — настолько, что он решил посвятить одному из писем отдельное донесение начальству.

Отличительной чертой этого всплеска эпистолярного шантажа после 1914 г. был его сугубо криминальный характер: почти все письма подписываются от имени всевозможных разбойников, шаек "Черной руки" и прочих персонажей популярной приключенческой литературы. Преступники не скрывают, что требуют денег ради личного обогащения.

Напротив, в период после первой русской революции вымогательские письма были характерны не для заурядных аферистов, а для "идейных" анархистов-экспроприаторов (письма должны были документировать "высокие" цели налета), и даже заурядные шантажисты прикрывались революционной фразой. Позднее вымогательские письма начинают ассоциироваться с молодежным хулиганством. Очевидно, что некоторые из процитированных писем 1915 г. ("Милый Алексаша... Преемник Арсена Люпена...") являлись скорее аналогами современного телефонного хулиганства/терроризма — юный автор явно начитался дешевых детективов из иностранной жизни про благородных апашей. Никаких налетов вслед за получением письма с угрозами в 1910-х годах обычно не фиксировалось.

Корявый, но экспрессивный язык писем на самом деле распадается на разные диалекты "одесского русского": тех, для кого родным был идиш, и тех, кто привык разговаривать на украинском или суржике, а также тех "русских", кто просто не владел письменным языком... Бабелевский смачный язык еврейских обитателей Молдаванки — столь же искусственная конструкция, сколь и наблюдательное воспроизведение реальных речевых оборотов реальных одесситов (но не обязательно евреев). Да и само расхожее представление о том, что прототипом Бенциона Крика был налетчик Мишка Япончик (Винницкий), является лишь мифом: десять лет вплоть до февральской революции Михаил (Моисей Вольфович) Винницкий сидел на каторге за участие в анархистских "эксах" в ранней юности, его карьера короля Молдаванки длилась чуть больше года, трагически оборвавшись в 1919 г. В то же время ни о каком воровском синдикате в Одессе (а бабелевский Беня Крик воплощает именно миф о еврейской организованной преступности) до революции 1917 г. не могло идти и речи — и не шло: ни в полицейских документах, ни на страницах одесских газет.

Одесский миф, безусловно являющийся самостоятельным культурным феноменом, не может и не должен оцениваться с точки зрения степени его соответствия "исторической реальности". Живя своей судьбой и обладая собственной историей, он не может помочь исследователю собрать разрозненную мозаику эпизодов этнической еврейской преступности в Одессе воедино, в некую комплексную модель.

По ту сторону уголовной статистики

Прямой противоположностью художественному мифу и реальной альтернативой ему кажется сухая и точная наука статистики. Действительно, собранные официальными лицами цифры рисуют более нюансированную картину по сравнению с крупными мазками экспрессионистского полотна литературного одесского мифа.

В начале XX в. евреи стабильно составляли одну треть бурно растущего населения Одессы (за пятнадцать лет, с 1897 по 1912 г., число жителей города выросло на 50%, доля же евреев среди одесситов колебалась в пределах 31-35%). В 1912 г. из 620 тысяч жителей Одессы евреи составляли 200 тысяч, представляя вторую по численности группу населения после русских. В то же время, в 1913 г. в Одесском судебном округе было осуждено за разные преступления всего 122 лица иудейского вероисповедания (в Киевском — 222, а в Варшавском даже 659 евреев). За решетку отпра-

вили 21 рецидивиста-еврея и 116 рецидивистов-русских (то есть православных). Как видим, согласно судебной статистике, роль еврейского элемента в городской преступности была незначительной, во всяком случае, она была намного ниже процента евреев в населении города.

Впрочем, официальная статистика никак не подтверждает и славы криминальной столицы — "Одессы-мамы". В 1913 г. процент осужденных к общему числу горожан был в Одессе почти в два раза ниже, чем в Нижнем Новгороде, уступала Одесса по криминализации населения Казани и Баку. Никак не отмечает повышенную криминогенную обстановку в Одессе и такое ведомственное издание, как "Вестник полиции". Что действительно выделяло Одессу на фоне других местностей империи, так это беспрецедентный прирост судебных дел в начале XX в. (вполне соответствующий, впрочем, необыкновенной социальной динамике города): с 1901 по 1905 г. ежегодное количество дел, заведенных в Одесском судебном округе, выросло на 49% (в то же время в Московском округе прирост составил 37%). Число дел о телесных повреждениях выросло за 20 лет (1885-1907) в 4-5 раз. То есть можно говорить о том, что жизнь в одном из наиболее динамично развивавшихся городов Российской империи была отмечена комплексным социальным стрессом, вызванным (наряду с острым жилищным кризисом и проблемой занятости) также и ростом преступности, которая, однако, не превышала среднероссийского уровня.

Евреи вообще никак не выделялись в общеимперской криминальной статистике: процент евреев среди осужденных колебался в пределах 3,4-3,9%, то есть был чуть меньше доли евреев в населении империи (4,15% в 1897 г.). Сомнительное первое место по числу арестантов на каждые сто тысяч представителей данной этнической группы в 1909-1913 гг. принадлежало полякам, а за ними следовали русские, латыши и литовцы; евреи, как правило, демонстрировали показатели ниже среднего по империи. Так, если в 1913 г. в среднем по России на каждые 100.000 человек приходилось 104 осужденных, то из каждых 100.000 евреев только 97 были осуждены, а из каждых 100.000 поляков — 130. В то же время евреи не были и образцом законопослушности, так как в том же году этот показатель для тюрко-мусульманских народов, к примеру, составил только 55 человек.

Таким образом, официальная судебная статистика лишает проблему еврейской криминальности не только сенсационности, но и какой-либо исключительности: цифры рисуют ситуацию, лишь незначительно отклоняющуюся от нормы, причем в сторону большей законопослушности евреев. Однако, как известно, криминальная статистика, а тем более судеб-

ная, может являться лишь косвенным индикатором общей динамики преступности. Далеко не все арестанты становятся осужденными, не все преступники арестовываются, значительная часть преступлений вообще не регистрируется (особенно экономические или сексуальные). В случае полиэтнической империи и такого многонационального города, как Одесса, уголовная статистика не может рассматриваться даже в качестве надежного свидетельства "относительной криминогенности" того или иного этноса. Официально регистрируются, в основном, деликты, последствия которых выходят за пределы данной общины, или те конфликты, которые не могут быть урегулированы в рамках официальных или неофициальных структур самоуправления. Поэтому статистика количества правонарушений или судебных приговоров на сто тысяч представителей той или иной этнической группы свидетельствует скорее о степени интегрированности данной этнической группы в институциональную структуру государства: именно этим, очевидно, объясняется невероятно низкий уровень осужденных среди "горячих" тюркских народов Кавказа по сравнению с народами западных окраин (поляками и прибалтами) — в 2,5 раза! И в случае Одессы цифры осужденных евреев могут оказаться значительно заниженными по сравнению с цифрами осужденных русских. Таким образом, официальная статистика является второстепенным источником для изучения роли еврейской криминальности внутри еврейской общины в Одессе.

Остается опираться на источники, с трудом поддающиеся ретроспективной статистической обработке: газетные публикации и полицейские отчеты. Основываясь на анализе содержания всего двух популярных одесских газет (из нескольких дюжин, выходивших в городе), Рошанна Сильвестр убедительно воссоздает атмосферу виртуального присутствия еврейской криминальности как постоянного фактора городской жизни в Одессе. Регулярные (два раза в неделю) донесения начальника одесской сыскной полиции в Жандармское управление о значительных происшествиях, зафиксированных полицией, являются более репрезентативным источником, хотя в них далеко не всегда указываются этничность или вероисповедание упоминаемых лиц (что заставляет обращаться к традиционному "имперскому" приему определения национальности по имени и фамилии). Даже если рассматривать донесения, прежде всего, как нарративный источник, обращает на себя внимание значительный удельный вес "еврейских" сюжетов. Можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что по информации сыскной полиции (которая, кстати, никак дискурсивно или символически не выделяла этноконфессиональный

аспект регистрируемых происшествий), евреи играли значительную роль в общей криминогенной ситуации, часто давая 25-50% зафиксированных случаев.

"От крови — к мошенничеству" или "от народничества — к марксизму"?

К началу XX в. в среде криминологов сформировалось представление о том, что характер преступности изменяется вместе с модернизацией общества в целом и отдельных социальных групп: на смену жестоким и насильственным действиям в отношении личности приходят преступления против собственности (или "white-collar crime", в современной интерпретации этой теории). Соответственно, среди более примитивных народов доминирует первый тип преступности, а среди цивилизованных — второй. Например, российский общественный дискурс (выраженный в произведениях литераторов-"реалистов") представлял дело следующим образом: "Татары совершают преступления самые тяжкие: убийства, грабежи и проч., — евреи же преимущественно грешат против собственности". (Под татарами понимались не только средневолжские татары и башкиры, но и тюркские народы Кавказа.) Официальная статистика подтверждала это наблюдение: действительно, в 1907 г. за кражу осудили почти в два раза больше евреев, чем татар, зато за убийства — более чем в пять раз больше татар, чем евреев. Эти цифры специально комментировались, причем подчеркивалась политическая активность евреев (особенно актуальная в 1907 г.):

Существенные отличия от всех остальных национальностей представляет преступность евреев. На первом месте у евреев стоит кража, но на втором не преступления против порядка управления или телесные повреждения, а — преступления государственные, за которые осуждено около 22% общего числа осужденных евреев. Между тем русских за государственные преступления осуждено только 7% общего числа, литовцев и поляков — менее 5%. Далее, среди евреев сильно развиты: нарушение уставов казенных управлений, мошенничество... С другой стороны, сравнительно мало осуждено евреев за убийство, нанесение телесных повреждений...

Мишель Фуко возводит старое наблюдение криминалистов в основной закон модернизации, описанной с точки зрения борьбы общества со своими врагами:

Фактически переход от криминальности крови к криминальности мошенничества формирует часть целого комплексного механизма, включающего в себя развитие производства, рост благосостояния, повышение юридической и моральной значимости отношений собственности, более строгие методы надзора, более плотное разделение населения, более эффективные техники обнаружения и получения информации...

В этой перспективе еврейская криминальность (в частности, в Одессе) должна рассматриваться как свидетельство модернизированности российского еврейства и в то же время его виктимизации со стороны российского государства и общества в целом. Помимо невысокой объясняющей ценности этой гипотезы (что нового привносит она в наши представления о российском еврействе или о социальных и этнических границах в Одессе?), она не находит никакого фактического подтверждения. Действительно, в историографии распространено мнение о том, что для черты оседлости был характерен очень невысокий уровень еврейской преступности и низкий градус внутриобщинного насилия. Отсутствие сведений, оспаривающих этот тезис, и распространенность мифа (среди евреев и антисемитов в равной степени) о том, что еврей никогда не навредит еврею, являются основным фундаментом этого мнения. Однако частично цитировавшиеся выше сведения о еврейской преступности в Одессе рисуют совершенно иную картину: очень много евреев участвуют в преступном насилии по отношению к другим людям, в том числе и к евреям. Речь идет не об абстрактных дискурсивных проекциях общества на представителей нежелательного сегмента населения, а о реальных побоях, изнасилованиях и убийствах.

Традиционная модернизаторская схема "от криминальности крови к криминальности мошенничества" в данном случае не работает, так как по сравнению с любыми эксцессами в черте еврейской оседлости Одесса выступала в роли одновременно и Содома, и Гоморры. Если же учитывать уровень насилия, в котором будут замешаны евреи в период революции, гражданской войны и первых советских десятилетий (участие в бандах и карательных отрядах, военных частях и органах ВЧК-ГПУ-НКВД), то вектор получается просто диаметрально противоположной направленности: от "мирной" контрабанды, воровства и мошенничества — до систематического физического насилия и убийств.

Альтернативный подход к проблеме преступности, рассмотренный в предыдущем разделе, кажется более адекватным одесскому случаю. Рассмотрим его с точки зрения феномена спонтанной самоорганизации населения и проблемы комплексной социальной интеграции.

Колонисты

В отличие от других местностей Российской империи, где этнические группы проживали на одной и той же территории столетиями, а традиции государственности насчитывали едва ли не тысячу лет, Одесса в XIX в. представляла собой недавно заселенную колонию. Город, возникший практически на пустом месте в причерноморской степи, не могли назвать "исконно своим" ни пришедшие из внутренних губерний великороссы, ни мигрировавшие из сел украинцы, ни бежавшие из местечек в черте оседлости евреи, ни перебравшиеся из Бессарабии молдаване, ни тем более многочисленные греческо-, турецко- и прочие подданные. Никаких предустановленных сценариев распределения ролей и "полномочий", и освященных обычаем границ между этническими группами в Одессе не существовало.

Имперская власть была представлена в полной мере в Одессе с момента зарождения города, однако для нее были характерны те же домодерные практики управления, что и в других областях империи, где немногочисленная администрация опиралась на формальные и неформальные структуры сословного и духовного самоуправления. В Одессе же этнические и конфессиональные общины не имели той высокой степени жесткости и легитимности, что на "большой земле". Именно полицейские документы с их фиксацией на формальном (сословном) статусе горожан демонстрируют всю абсурдность старых социальных разграничений. Вот лишь несколько взятых наугад случаев: крестьянин Николай Ясинский и дворянин Вениамин Николаев под видом агентов сыскной полиции вымогают пять рублей у мещанки Неси Неханкис; просившая милостыню мещанка Ефросиния Полянская украла у крестьянина Иосифа Кручинского золотые часы за 85 рублей; у мещанина Василия Захарчука на Привозе украли кошелек аж со 170 рублями, а потомственный почетный гражданин Абрам Борецкий промышлял кражей дамских сумочек. Сословие, род занятий и материальный достаток в этих и многих других случаях вообще никак не коррелируют друг с другом.

Особенно характерен в данном случае пример евреев, которые в Одессе вели себя совершенно иначе, чем в местечках черты оседлости: любовь к театру и другим светским "космополитическим" развлечениям явно перевешивала религиозность, традиционная общинная замкнутость уступила место открытости социальных взаимодействий. Перед одесскими ев-

реями, свободными от узких рамок традиционной местечковой социальности, стояла задача выработки нового, светского и современного модуса социального и политического поведения, выстраивания внутриобщинных и межобщинных связей. Институционализированная власть была не готова регулировать социальные процессы на микроуровне, что оставляло широкий простор для самодеятельной инициативы населения, в том числе и криминального характера. Власть пользовалась относительной неопределенностью юридического статуса горожан и их институтов для достижения своей главной цели— административно-политического контроля; попытка достичь этой цели при помощи неких универсальных норм, одинаково действующих на территории Туркестана и Финляндии, была бы куда менее эффективной и затратной. Но и рядовые горожане пользовались ситуацией "правового релятивизма" в своих интересах, подчас слишком далеко преступая пластичные и пористые рамки закона. Горожанам приходилось встраивать новые социальные практики и проводить новые социальные границы наугад и "на ощупь", методом проб и ошибок. Большая часть нового социального опыта формировалась в "серых зонах", недостаточно или вовсе никак не определенных имперским законодательством, модерность "прорастала" в промежутках между редкой сеткой юридических норм архаической империи.

Постскриптум

В заключение вернемся в Одессу 1915 г., к началу этой статьи. Постепенно нарастающие экономические трудности и отсутствие надежды на скорое улучшение ситуации, приток беженцев делали людей раздражительными, менее терпимыми друг к другу. В августе в одной популярной кондитерской произошел следующий примечательный эпизод, рассказанный в газете "Маленький одесский листок" фельетонистом "Бедовым". Фотограф Белоцерковский (еврей) послал прислугу (очевидно, православную) в кондитерскую. Кассирша должна была дать сдачу 2 р. 50 коп., а медная и серебряная мелочь в обстановке ползучей инфляции уже стала дефицитом. Кассирша спросила:

— Вы от русских?

— Нет.

— Тогда нет сдачи.

Несмотря на нервную обстановку в стране и городе и разворачивающуюся кампанию по поиску внутренних врагов, даже такой мелкий слу-

чай дискриминации по этническому признаку (по современным российским понятиям — заурядного хамства) не воспринимался в Одессе как обыденный и "нормальный". Включился механизм саморегуляции, и случай стал достоянием гласности. "Политически некорректную" кассиршу в тот же день уволили. Что характерно, такой исход не удовлетворил ни фельетониста, ни пострадавшего фотографа Белоцерковского. Они обратились через газету к владельцу кондитерской с просьбой взять кассиршу назад, называя ее слова "необдуманной фразой", уверяя, что она осознает свою оплошность. Оказалось, перед разговором с прислугой какая-то покупательница сказала кассирше:

— Надо спрашивать покупателей, кто они, если не русские — сдачи не давать.

Так замотавшаяся женщина и поступила.

Эта рождественская история, случившаяся в конце августа, свидетельствует о том, что потенциальные источники межэтнического конфликта находились в самом одесском обществе, возникая ежедневно и повсеместно. Однако очевидно, что в состоянии относительной стабильности окружающего мира одесское общество обладало удивительно устойчивым механизмом интеграции и социализации — по обе стороны официальной законности. Динамично развивающееся и постоянно "втягивающее" в себя посторонних членов, находящихся еще в состоянии относительной аномии (подобно кассирше, "необдуманно" нарушающей общепринятые нормы поведения), оно осваивало новую реальность и новых людей, сохраняя при этом неизменными очень важные элементы своей идентичности: открытость, терпимость и креативность, нередко выступавшие в роли уголовного деликта. Вероятно, в эту устойчивость в какой-то степени внес вклад и страшный октябрьский погром 1905 г., хотя бы тем, что обозначил те пределы, за которыми динамично развивающаяся открытая система ввергалась в пучину действительно деструктивного хаоса.

В ситуации слабой или неэффективной государственной власти, аномии "колониальной" неукорененной жизни, спонтанного возникновения и развития социальных иерархий и неформальных властных отношений незаконная деятельность одесских евреев (как и остальных одесситов) являлась более комплексным феноменом, чем банальная "преступность". В начале XX в. около 50 тысяч одесских евреев существовали на грани физического выживания и примерно такое же количество их более удачливых соплеменников выживало за счет поиска лазеек в дискриминирующем антиеврейском законодательстве. Все это создавало питательную

среду для своеобразной формы социальной организации и даже самоуправления (на уровне банд).

Повышенная заметность еврейской преступности в общественном дискурсе (по сравнению с официальной статистикой) и определенные ее характеристики, зафиксированные в тысячах изученных случаях, дают основания видеть в ней также проявление конфликта между институтами архаического государства и быстро модернизирующегося "колониального" анклава внутри империи ("фронтира"). Одесские евреи чувствовали и вели себя иначе, чем евреи в других частях России (и мира), находя собственный путь интеграции в "большое" общество, который был не всегда легальным.

Закир КАЛМЫКОВ

Одесские татары: прошлое без будущего?

С первых лет своего существования Одесса была интернациональным городом. Уже в начале XIX века здесь жили русские, украинцы, немцы, итальянцы, французы, поляки, евреи, греки, молдаване, албанцы (арнауты), турки, татары, болгары.

Татары, проживавшие, да и ныне живущие в Одессе, попали сюда из самых различных мест. Первые из них являлись потомками обитавших издавна в этих краях татар и ногайцев.

Особенно много разноплеменного народу прибывает в Одессу к середине XIX века. Ведь с 1819 г. город обладал привилегиями порто-франко, что означало право без уплаты пошлины торговать иностранными товарами. Сюда съезжаются толковые и энергичные люди со всех концов России. Здесь поселяются и эстонцы, и чехи, и армяне, и цыгане. Появляются в Одессе и расторопные и хваткие татарские купцы и ремесленники из самых различных мест. Вначале они приезжают сами, потом привозят и семьи. Так в Одессе появились пензенские, нижегородские, казанские, астраханские, крымские и даже сибирские татары.

По переписи 1892 года, на 340 тысяч одесситов приходится 958 мусульман, в подавляющем большинстве — татар. В паспортах тогда национальность не вписывалась, отмечалось только вероисповедание — "маго-

Сотрудники татарской пекарни. 1913 г.

Татары — продавцы ковров
Справа дядя Хасан

метанин". Кроме татар среди одесских "магометан" есть турки и выходцы с Северного Кавказа.

В Одессе работают в ту пору татарские лавки и пекарни, турецкие кондитерские и кофейни.

Среди одесских татар было немало людей, традиционно занимавшихся торговлей. Одним из них был мой дед — купец Хусеин Хаир Огълы Калмыков, выходец из Пензенской губернии, татарин-мишар. Мишаре, живущие южнее и западнее нынешнего Татарстана и представляющие часть поволжских татар, в отличие от казанских татар, являются прямыми потомками кипчаков и говорят на отдельном, западном диалекте, близком к степным говорам крымских татар.

Деду, приехавшему в Одессу в 1891 году, очень понравился этот веселый и оживленный город. Он довольно быстро открыл свое дело, наладил торговые связи с Турцией, Польшей, Румынией и крымскими городами. Вскоре он перевез сюда свою семью и приобрел дом на Малороссийской улице (ныне Лазарева). Дед торговал коврами, шалями, платками, мелкой галантереей. Товары реализуют по всей Одессе шестьдесят его помощников — молодых одесских татар, в том числе и трое сыновей. Мой отец, проживший более ста лет, часто вспоминал, как торговал различными товарами, носил огромные узлы по всей Одессе, как раскладывал ковры и ткани во дворах, чем-то, наверное, напоминая при этом героя популярного в свое время кинофильма "Аршин мал алан", также меривше го аршином ткани.

После безвременной кончины деда его сыновья продолжали вести то же дело, но позже, в связи с первой мировой войной и прекращением поездок в Турцию и другие страны, решили переключиться на иной, как сейчас говорят, бизнес. Они принимаются за торговлю бараниной и кониной, и берут в свои руки обеспечение мясом халяль одесских мусульман. Постепенно они становятся владельцами мясных лавок на шестнадцати одесских базарах. Отцовский дом для трех братьев уже тесен; в 1918 году они покупают новый просторный дом на Хуторской улице (ныне Генера-

ла Цветаева), и там же во дворе открывают небольшую колбасную фабрику. Во время Курбан-байрамов мясо мусульманам раздается бесплатно.

С приходом советской власти, конечно же, все было ликвидировано, братья попали в тюрьму, из шестнадцати лавок осталась на некоторое время только одна на Новом базаре, да и ту вскоре отняли, как и дом на Хуторской. Дядя Ибрагим переселился в Крым, дядя Хасан — в Узбекистан, где жили родственники. Туда же, пару раз отсидев ни за что, ни про что в тюрьме, полностью ограбленный советской властью и лишенный права голоса, был вынужден уехать и мой отец.

Мама (справа вверху) с родственницами 1923 г.

Через несколько лет дядя Ибрагим погиб от голода в лагере. Дядя Хасан, отсидев в тюрьме, чудом устроился на какую-то работу и уже до конца дней жил в Ташкенте, а моему отцу, тоже побывавшему в лагерях, все-таки удалось в 1952 году вернуться с семьей в родную Одессу.

Участь братьев Калмыковых не была случайной. Примерно такой же была судьба практически всех толковых и состоятельных людей России после Октябрьской революции: кто погиб, кого сгноили в тюрьмах и лагерях, а кто, оставшись без копейки, влачил до конца дней жалкое существование.

Второй же мой дед, Рехметулла Янмурзин-Ляпин, татарин астраханского происхождения, попал в Одессу еще в 1880 году и долгие годы работал пекарем в известной татарской хлебопекарне Султана Али Бикбаева-Рашкина, располагавшейся на Дальницкой улице. Работало там более 50 татар. Хлебом они обеспечивали чуть не половину Молдаванки.

Татары Одессы, имевшие самое различное происхождение, жили между собой очень дружно и часто общались. Конечно же, все они были ревностными мусульманами-суннитами, а единая вера в былые годы крепко объединяла. Они ходили в мечеть, что располагалась в конце Старопортофранковской улицы рядом с мусульманским кладбищем неподалеку от Чумной горы.

Отец с товарищами. 1916 г.

Одесский мулла вместе с городскими властями, как правило, встречал высокопоставленных гостей. В частности, мулла Ибрагим Адикаев встречал бухарского эмира и шаха Ирана, а позднее мулла Сабирзян Сафаров — приезжавшего в Одессу царя Николая II.

Все татары, от мала до велика, соблюдали пост в месяце Рамазан. Ими выплачивался закят — религиозный налог в пользу бедных и неимущих, а более состоятельные люди совершали хадж — паломничество в Мекку.

В Одессе была и традиционная мусульманская школа, где занимались моя мама и ее сестры. До сих пор хранятся у меня их похвальные грамоты и Коран, изданный в Бахчисарайской типографии Исмаила Гаспринского, который изучали в школе девочки.

Кстати, обучение на татарском языке продолжалось еще некоторое время и после революции. Существовали татарские классы, изучался литературный язык. Любопытно, что в тридцатые годы прошлого века обучение в Одессе велось на 18 (!) языках.

В Одессе до революции даже находилась центральная контора по переправке паломников-мусульман в Джидду через Константинополь со специальной санитарно-паломнической гостиницей "Хаджилар Караван-Серай" или попросту "Хаджи-Хане". Гостиница могла принять в свои корпуса более 3000 человек и располагала баней и больницей на 20 коек. В случае смерти кого-то из паломников его хоронили на мусульманском кладбище.

Интересно, что ровно сто лет назад, в 1908 году, в Одессу приезжал из Санкт-Петербурга лидер мусульманской фракции Государственной думы О.Ш. Сыртланов, изучавший и регулировавший дело перевозки паломников-мусульман в Мекку через Одессу. Помогал ему и руководитель паломничества мусульман, представитель министерства внутренних дел Саид-Гани Саидазимбаев. Одесский генерал-губернатор И.Н. Толмачев, рассмотрев докладную записку С. Саидазимбаева, предоставил дополни-

тельно для карантинных целей так называемый "Дом трудолюбия". Обслуживали паломников 7 врачей, в том числе и врач-бактериолог.

Близ нынешнего Морского транспортного банка, бывшего шахского дворца, в разрушенном во время второй мировой войны здании находился "Татарский клуб", где собиралась и знакомилась молодежь, пели татарские песни разных регионов, играли оркестры.

Дядя Ибрагим

Приход советской власти резко изменил жизнь татар. Наступила пора воинствующего атеизма и недоверия к "инородцам". Одесский мулла, татарин Сабирзян Сафаров, был расстрелян, мечеть закрыта, а потом разрушена, мусульманское кладбище сравняли с землей. Татары начинают называть себя русскими именами и менять паспорта. Мой дядя Инеятулла Рахметуллаевич стал, например, Ильей Родионовичем.

После второй мировой войны гонения на верующих одесских мусульман, в большинстве татар, усиливаются. Религиозная жизнь сохраняется только в кругу семьи и близких друзей-соплеменников. В одной из квартир на Молдаванке татары тайно собирались на пятничную молитву. Продолжали читать Коран, соблюдали пост, раздавали милостыню. Обязанности муллы в послевоенные годы исполнял Хусеин Семирханов, затем Ханафи Басыров, а в 70-е годы — старый пекарь Абдулла Хасанович Каипов. С его смертью исполняющего обязанности муллы не осталось. Лишь несколько пожилых женщин-татарок, еще учившихся в мусульманской школе и знающих Коран, помогали в проведении религиозных обрядов и читали молитвы.

Только с началом перестройки, после прекращения многолетнего атеистического давления жизнь татар-мусульман оживляется. В середине 1992 года на странице одесской газеты "Юг" появляется приглашение на собрание, посвященное организации мусульманской общины. Инициаторами собрания и создания мусульманской общины явились одна из самых активных мусульманок города Амина-апа Халитова и председатель Общества татарской и башкирской культур, деятельный, решительный и энергичный человек,

полковник запаса Маис Рахимович Батталов. Впервые после 70-летнего перерыва он добивается регистрации общины при одесском облсовете народных депутатов, он же разрабатывает устав общины. Вначале для проведения пятничных молитв использовали закрытое помещение детского сада по улице Якира. Помог с арендой помещения сирийский бизнесмен Мишель Мухаммед. Роль имамов стали исполнять студенты-мусульмане, арабы.

По пятницам на молитву людей собиралось все больше, помещение стало тесным, и с 1994 года арендуется новое, более просторное, по улице Балковской. Вот уже 14 лет работает там мечеть "Ар-Рахма", находящаяся под эгидой Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ). При мечети есть помещение, где готовят в последний путь умерших мусульман. Хоронят их теперь на недавно открытом мусульманском отдельном участке общегородского "Западного" кладбища. При мечети работает и мусульманская школа. Здесь обучают и основам ислама, и арабскому языку.

Кроме этой мечети одесские татары-мусульмане с 1996 года могут посещать мечеть в помещении бывшего детского сада на Слободке (близ рынка и церкви). Зарегистрировал эту новую "Религиозную общину мусульман" г. Одессы все тот же Маис Рахимович Батталов. Работает эта мечеть под эгидой общественных арабских организаций "Аль-Раид" и "Аль-Масар".

Есть возможность ходить и в мечеть Арабского культурного центра на улице Ришельевской. Великолепное здание центра построено на средства сирийского бизнесмена, известного благотворителя Аднана Кивана.

Число татар в Одессе в 1989 году было 3747, сейчас, по ориентировочным подсчетам, порядка четырех тысяч. Многие из них пользуются в Одессе широкой известностью. Это, например, генерал Виль Шарипов, блестящий нейрохирург Венер Якупов, Герой Советского Союза профессор Назым Якупов, замечательный организатор Маис Батталов, заместитель начальника управления архитектуры и градостроительства Марат Касимов.

Живущие практически во всех уголках города татары сейчас уже не стесняются своих имен и свободно могут исповедовать ислам. А завершившие свой жизненный путь могут быть похоронены с соблюдением всех необходимых ритуалов на мусульманском кладбище.

Михаил ЛАНДЕР

Слепой "слухач"

Капитанский мостик — в День Победы

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...
Б. Окуджава

Чем ближе этот праздник, тем дальше он уходит из памяти. Наверное, это правильно, что наша память хранит преимущественно только хорошее. Но приходит это с годами. Великий Праздник — День Победы — единственный из всех советских, который я отмечаю. В этот день я стараюсь избегать праздничных банкетов, чтобы не чувствовать себя "свадебным генералом". В этот день я остаюсь наедине со своей памятью, со своими мыслями.

Судьба подарила мне удивительных друзей. Самым близким я посвятил рассказ-памятник "О друзьях-товарищах", напечатанный в журнале "Флорида". И хоть проходят годы, и война оказалась вдруг в ушедшем, прошлом веке, но, наверное, никогда не будет конца этой проклятой теме, пока я жив, пока жива моя память... Вот и опять возникла она из небытия.

Для меня, как и для моих сверстников — курсантов Одесской военно-морской спецшколы, юность закончилось утром 22 июня 1941 года. Война застала нас на летней практике — на кораблях и береговых батареях. В этот день мы услышали первый свист бомб и первый незнакомый запах взорванной земли, к которому потом долго привыкали. А звон падающих на палубу отстрелянных гильз у меня в ушах стоял долгие годы.

Мы, пятнадцати-шестнадцатилетние, взрослели под присмотром отцов-командиров, заменивших нам родителей. Но пули и снаряды, как известно, не выбирают, взрослый ты или пацан, а потому после войны нас, "спецшколистов", осталось очень мало. Кто-то предложил ежегодно встречаться у памятника Дюку в последнее воскресенье июля, на который приходится День военно-морского флота. Вначале собралось нас около сорока человек. Но с годами наше братство "морской бурсы" редело.

Я был часто в море, а потому всего только трижды смог встретиться с однокашниками. И каждый раз эти встречи заканчивались походом в ресторан "Волна". Помню, когда впервые мы пришли в ресторан и сели за стол, к нам подошел скрипач в темных очках со стриженными под ежик седыми волосами. Он пожал всем руки, молча выпил фужер водки, снова

пожал руки, и его проводили на сцену. Скрипач был слепой. Но играл он блестяще. Когда по залу расплылась мелодия "Раскинулось море широко", все затихли.

"Кто это?" — наклонился я к приятелю. "Так это ж наш однокашник Гарик Пресс. Ты не слышал? Его все зовут Слухач".

Прошло немного лет. Уже открыли мемориал — Аллея Славы, и в День Победы толпы одесситов приходили сюда возлагать цветы на черные мраморные обелиски. Как-то с моим близким другом Колей Дрогиным, тем самым Колей, кто единственный чудом остался в живых из экипажа подводной лодки "М-33", мы пошли положить цветы на плиту, установленную в память об этой субмарине. Рядом находилась еще одна плита — память об экипаже подлодки "М-60". Возле нее стоял Гарик Пресс и играл "Раскинулось море широко". Раскрытый футляр был наполнен деньгами. Мелодия умолкла, но никто из собравшейся вокруг толпы не шелохнулся, у многих на глазах были слезы...

Возле скрипача стояли два подростка — мальчик и девочка.

— Дети, — обратился к ним Гарик, — возьмите деньги, купите себе мороженное, а на все остальное — цветы, и положите их на плиту.

Я подошел и, тронув музыканта за руку, напомнил о себе. Потом представил Николая.

— Ну что? Пойдем в "Волну"? — предложил я.

— Нет, — покачал головой Гарик, — сегодня я выходной.

— Тогда пойдем в "Глечик", тут рядом, — предложил Николай.

Мы отпустили сопровождавших Гарика ребят и пообещали лично доставить его домой. Ресторан был переполнен, но геройская звезда Николая сработала мгновенно, и нам накрыли отдельный стол.

Не помню, кто из великих сказал замечательную фразу, что до сорока лет каждый человек представляет собою текст, а после сорока — комментарии к нему. И в этом я убедился в тот вечер, слушая рассказ своего однокашника.

Отец Гарика Самуил Иосифович Пресс был радистом на подводной лодке. Когда-то по комсомольскому набору он пришел на флот, через два года стал командиром отделения радистов и остался на сверхсрочную службу. В Севастополе он женился, там же родился Гарик. Вскоре молодая семья Пресс перебралась в Одессу, куда перебазировали несколько подлодок.

Гарик Пресс поступил в нашу спецшколу вопреки желанию родителей, которые видели в нем музыканта. В семь лет его редкий слух привлек внимание соседа-скрипача, он начал с ним заниматься. Через год сосед

сказал родителям, что ученик догнал учителя, и Гарика отвели в школу Столярского, знаменитую далеко за пределами Одессы. Сам Столярский, прослушав мальчика, сказал родителям, что их сын — алмаз, и нуждается только в огранке.

Стать бы Гарику знаменитым музыкантом, но тут, как назло, открылась военно-морская спецшкола и (видно, сработали гены!) сын моряка, не спрашивая родителей, отдал туда документы. Мама Варя упала в обморок. Отец отправился к начальнику школы капитан-лейтенанту Могилеву. О чем они там говорили — неизвестно, но Гарику было поставлено условие: если спецшкола, то и музыка — одного без другого не будет. Гарик условие принял и по вечерам продолжал посещать музыкальную школу.

Прозвище Слухач он получил за способность узнавать шаги начальства. С сигналом "приступить к занятиям" всех курсантов словно смывало из коридора по классам, и наступала гробовая тишина. В гулком коридоре раздавались только шаги преподавателей, и Гарик безошибочно называл каждого из них.

Когда началась война, подлодки, в том числе и экипаж Самуила Пресса, ушли в Севастополь. Мать Гарика пыталась эвакуироваться, но как и сотни других одесситов, спасавшихся на пароходе "Ленин", утонула. Гарик самостоятельно добрался до Севастополя, и отец определил его в учебный отряд по специальности акустик, что на морском сленге означает "слухач". Под водой субмарина слепа, и акустик — ее глаза и уши. В те годы акустика находилась в зачаточном состоянии, и гидрофоны были далеки от совершенства. Иметь хорошего "слухача" — это гарантия успеха атаки и скрытности подводной лодки. Акустиков обучали распознаванию звуков в воде, записанных на пластинки: от шумов корабельных винтов до писка дельфинов. В класс акустиков отбирали людей с абсолютным слухом.

Закончив обучение, Гарик получил назначение на подводную лодку "Щ-203". Весной 1942 их перебазировали на Кавказ, в Поти. Начались боевые будни, и с отцом он практически не виделся. А в августе 1942 лодка "М-60", на которой служил Самуил Пресс, ушла на боевое задание и больше не вернулась...

Необыкновенные способности Гарика проявились уже в первом боевом походе. И во второй поход Гарик был назначен главным акустиком. Молва о необыкновенном "слухаче" быстро распространилась по дивизиону.

Но, к сожалению, не все зависит только от акустика. В августе 1943 года лодка была обнаружена и атакована немецкими самолетами. На нее было сброшено больше полусотни глубинных бомб. От взрывов корпус дал течь,

от сотрясения вырвало аккумуляторы из гнезд. Пары хлора стали заполнять отсек. Когда лодка оторвалась от преследования и всплыла в ночной темноте, несколько человек из экипажа уже были без сознания. Их вынесли на свежий воздух. Вернуть к жизни удалось только Гарика, но... он ослеп.

Начались скитания по госпиталям, однако надежды на излечение не оправдались. Гарик мог отличать только день от ночи. Чудом уцелела скрипка, она и спасала от тоски и одиночества. Так, не видя ничего перед собой, держа в руках скрипку и справку об инвалидности, Гарик приехал в свою часть в Поти. За это время его лодку отремонтировали, но из следующего похода она уже не вернулась. Слепота и одиночество полностью окутали Гарика Пресса: он потерял и родителей, и родной экипаж. Казалось, выхода нет. Но вопреки всем законам, командир дивизиона Клынин оставляет его, слепого, служить инструктором-акустиком и даже больше того, дважды берет с собой в море на задание! Я не знаю, бывали ль подобные случаи в мировой военно-морской практике, но факт остается фактом: за смелость и невероятное мужество, проявленное на море, Гарика Пресса наградили высшей морской наградой — медалью Нахимова.

В августе 1945 года Гарик демобилизовался и вернулся в Одессу. В знаменитом глазном институте Филатова ему сделали три операции, он стал видеть только контуры при ярком свете. Но жить ведь надо. Его поводырем становится стальная трость, а кормилицей — скрипка. Так и попал он в ресторан "Волна".

— Теперь я профессиональный "лабух", но на жизнь хватает, спасибо родителям, — закончил Гарик свой рассказ.

Уже было темно, "Глечик" опустел, а мы все сидели и сидели.

— Почему ты не... — начал и, тут же поняв всю бестактность, прервал я свой вопрос.

Но Гарик его сразу понял:

— О хорошем профессиональном оркестре речи быть не может. У меня за плечами только музыкальная школа, да и дирижерской руки я не вижу.

Так и не допив, мы вызвали такси и отвезли скрипача домой. Он жил рядом с рестораном "Волна". Мы молча довели Гарика до ворот.

— Спасибо за вечер, дальше меня не провожайте, — сказал он и застучал своей тростью по камням.

Это было 9 мая 1975 года — три десятилетия со Дня Победы.

Встречался я с Гариком еще пару раз, в той же "Волне", но от предложенной рюмки он всегда отказывался. "Я ведь вообще не пью, — говорил он, — мне нужна твердая рука. Только 9 Мая могу одну стопку".

Как сложилась его дальнейшая судьба, мне неизвестно. В Одессу я попадал редко, ресторан "Волна" после развала Союза закрыли, и следы слепого подводника затерялись. Но, как известно, каждая история имеет свой эпилог. Есть он и у этой. Весной 1950 года в семи милях к юго-востоку от мыса Большой Фонтан рыбаки тралом зацепили какой-то предмет и подняли часть антенны подводной лодки. Вызвали корабль аварийно-спасательной службы, и водолазы обнаружили на дне советскую подводную лодку "М-60". Когда в июле 1951 года подготовили лодку к подъему, рядом в 150 метрах обнаружили еще одну подводную лодку, той же серии, "М-33". Обе субмарины подняли с глубины 27 метров, останки экипажей захоронили, а корпуса разделали на металлолом.

Созданная при Одесской военно-морской базе комиссия установила: "М-60" 26 сентября 1942 г. подорвалась на румынских минах, причем взрывов было два. Из 20-ти членов экипажа были обнаружены 12 останков. Остальные, вероятно, были уничтожены взрывом либо выдавлены через дыру разорванного корпуса. Подводная лодка "М-33" погибла 29 августа 1942 года, подорвавшись также на мине румынского заграждения. При осмотре лодки были обнаружены останки 16-ти из 20-ти членов экипажа. Четверо, вероятно, выбрались через рубочный люк, который оказался при осмотре открытым, но, скорее всего, утонули, так как до берега было 14 километров.

Останки экипажей были захоронены в одной братской могиле на Слободском кладбище, а к 30-летию Дня Победы — перезахоронены на Аллее Славы, где были установлены памятные плиты с именами экипажей этих двух подводных лодок.

Бывший комендор "М-33" Николай Павлович Дрогин уцелел совершенно случайно. Его перед уходом лодки на боевое задание направили на комсомольское собрание дивизиона. Прочитав заключение комиссии, Николай Дрогин вскоре поехал на мыс Большой Фонтан и начал свои поиски, которые привели его в поселок Люстдорф. Опрос сотни прибрежных жителей привел его к одному старику, который поведал, что осенью 1942 года он и два рыбака подобрали у берега четырех утопленников в тельняшках и тайно (так как рядом располагалась румынская батарея) захоронили их на берегу. Чтобы не потерять могилу, посадили там маленькое деревцо акации. Старик привел Николая к этому месту — здесь действительно цвело дерево, а под ним из камней выложили якорь. Через год Николай вернулся на Большой Фонтан к могиле своих боевых товарищей. Он привез цемент и кирпичи, чтобы сделать надгробие, но ни дерева,

ни якоря из камней не нашел, — все покрыла асфальтовая дорога. И старика, знавшего это место, в живых уже не было. Кто были эти моряки, из какого экипажа? — мы уже никогда не узнаем. Ведь обе подлодки погибли рядом и той же осенью.

На другой день после нашей встречи в "Глечике" мы втроем — Гарик, Николай и я — поехали на Большой Фонтан, взяли лодку и опустили на воду венок.

Прошло много лет, много рейсов и праздников вдали от родного города. Последний раз я был в Одессе осенью 2005 г. В ресторане "Волна", заново перестроенном, гремела музыка. Никто из музыкантов о слепом скрипаче ничего не слыхал. Дом, в котором жил Гарик, тоже перестроили, ничто уже не напоминало о нем... Ушел из жизни и другой подводник, дорогой мой друг Коля Дрогин...

В одиночестве шел я по Аллее Славы. Золотые осенние листья обсыпали обелиски. На черной плите подводников лежала, придавленная камнем от ветра, старая бескозырка советского производства с золотым тиснением на ленточке: "Подводные силы ЧФ". Я положил на обелиск гвоздики и отряхнул от листьев бескозырку. Спасибо тем, кто ее сохранил, и тем, кто еще помнит.

Майами

Василий БЕЛЯЕВ

Конец банды "Черная кошка"
Записки сотрудника УГРО

Василий Георгиевич Беляев (1904 г. р.) служил в органах ГПУ и МВД в 1920-1940-е годы. В 1929-1947-м – начальник отдела по борьбе с бандитизмом УМВД в Одессе. В годы Великой Отечественной войны награжден медалями за оборону Одессы и Кавказа, а затем двумя орденами Красной Звезды за ликвидацию в Одессе бандитских формирований. В 1946 и 1947 годах дважды привлекался к суду по одному и тому же делу – "За применение физической силы к вооруженным бандитам" (?!), был оправдан, но из партии исключен и не восстановлен. В течение многих лет консультировал сотрудников уголовного розыска как один из опытнейших оперативников.

Написанные в 1970-е годы по просьбе родных и близких воспоминания В.Г. Беляева – слепок эпохи и автора одновременно. Бесхитростный, прямолинейный, и в то же время отважный и изобретательный оперативник, Василий Беляев – подлинный герой сериалов типа "Ликвидация". К слову, одна из его новелл, о ликвидации банды "Черная кошка", и в самом деле составляет тот фактический материал, на котором мог бы по-хорошему строиться упомянутый сценарий. Помилованный румынскими оккупантами и отпущенный "на оперативный простор" безжалостный грабитель и убийца Дзюта – вовсе не мифический, а вполне реальный исторический персонаж. Не меньший интерес представляют новеллы о ликвидации бандитской группировки Ваньки Шивера, ограблении страховой кассы, убийстве оперуполномоченного Гуревича и др.

Беляев, конечно, никогда не занимался профессиональной литературной деятельностью. Тексты его написаны, что называется, "телеграфным стилем", они просты и информативны, словно военные донесения и сводки. А потому я позволил себе лишь немного их откорректировать, без малейшего искажения смысла, а исключительно в целях некоторого улучшения читабельности.

В этом номере мы предлагаем вниманию читателей первую новеллу В. Г. Беляева из цикла "Конец банды "Черная кошка", с намерением продолжить эту серию публикаций.

Олег ГУБАРЬ

"Оперные артисты"

1.

В 1934 году в ночное время Одесса была довольно плохо освещена. Если где и были фонари у подъездов, мерцали они тускло. На окраинах, в особенности на Молдаванке, с наступлением сумерек в дождливую ту-

манную погоду был полнейший мрак, что позволяло уголовному элементу беспрепятственно разгуливать по городу.

В это время на Матросской слободке (иначе — Ставки; Матросская слободка лежала внизу, под Матросским и Скидановским спусками на улицу Балковскую, меж городом и Слободкой-Романовкой. — **О. Г.**) проживала некая гражданка Лебедева, мать-одиночка с двумя детьми. По сведениям, поступившим в уголовный розыск, она сожительствовала с вооруженным грабителем Иваном Шивером, находившимся на нелегальном положении. Нам было известно, что Ванька Шивер — руководитель опаснейшей бандитской группы, в которую входят бежавшие из ссылки рецидивисты Михаил Луки, Андрей Копыцин и Василий Николаев, ряд других, второстепенных в воровском мире фигур. В связи с бесчинствами банды Шивера постоянно поступали заявления граждан о грабежах, убийствах и т. п.

Начальник уголовного розыска товарищ Блиминац собрал весь личный состав на экстренное совещание. Ситуация выходила из-под контроля: город наводнили вооруженные бандитские шайки, буквально терроризирующие одесситов, и первую скрипку в этом криминальном оркестре, несомненно, играла банда Ваньки Шивера. Руководитель розыска призвал собравшихся срочно принять все возможные меры по обнаружению и задержанию дерзких преступников.

Мы стали планомерно днем и ночью проверять известные нам притоны, "малины", короче говоря, разнообразные адреса, посещаемые уголовниками. Кроме того, применялось ночное патрулирование, обходы. Преступники стали осторожнее, число грабежей несколько уменьшилось, однако взять бандитов никак не удавалось.

На этом этапе начальник розыска вызвал меня к себе и поручил негласно проследить все связи грабителя и убийцы Шивера, излюбленные им объекты и, так сказать, "места дислокации". Вернувшись в свой кабинет, я рассудил так, что наиболее перспективной ниточкой к главарю банды может стать его сожительница Лебедева. Но обращаться за информацией непосредственно к ней было бы, конечно, неразумно. Поэтому я осторожно принялся расспрашивать соседей о навещавших Лебедеву лицах.

Таким путем удалось установить, что Шивер и в самом деле бывает у нее по ночам, но очень редко, предсказать такое появление практически невозможно. Впрочем, в процессе общения с людьми выяснилось и другие занятное обстоятельство: бандит обманывал свою зазнобу, и одновремен-

но навещал другую, по имени Феня, проживающую по улице Фрунзе (Балковская. — **О. Г.**), № 27.

Взявши на заметку этот адрес, я установил: сказанную Феню действительно навещает некий неизвестный, приметы которого сходятся с приметами грабителя Шивера. Тогда за ее домом было установлено наружное наблюдение.

Время шло, но бандит не появлялся. Судя по всему, наши информаторы работали не только на нас, и Шивер прекрасно знал о приготовленной для него западне.

2.

В эти дни Ванька Шивер и Андрей Копыцин, нелегалы со стажем, сговорились меж собой тормознуть по окончании спектакля в оперном театре, то есть около 23-х часов, первого же "солидного гуся". Решили так: Шивер сам "берет" приличную парочку, а Копыцин следует сзади, в двадцати шагах, и прикрывает закоперщика. С этим и направились к театру.

Когда подошли, спектакль как раз закончился, и публика устремилась на улицу. Шивер стоял поблизости от театрального подъезда, выбирая подходящих "клиентов". Наметив солидную парочку, он последовал за ней. Когда удалились от освещенного театра на некоторое расстояние, туда, где было темновато, Шивер подошел к парочке справа, взял мужчину под руку, уткнул револьвер прямо ему в грудь, приказав "без лишнего шума" следовать, куда укажет, в противном случае нажмет на спусковой крючок.

Шивер повел парочку по Ришельевской, свернул налево, вниз по Дерибасовской, там по лестнице на спуск Кангуна (Польский спуск. — **О. Г.**), далее — вверх по Канатному спуску (Таможенный спуск. — **О. Г.**) до улицы Канатной, а оттуда — в парк Шевченко. Здесь было уж совершенно темно, вообще никакого освещения. Едва различались кусты в пожухлой осенней листве. Где-то вдали рокотало море. Потенциальные жертвы, надо полагать, чувствовали себя весьма неуютно.

Тут следовавший всю дорогу замыкающим Копыцин присоединился к "честной компании". Парочке приказали раздеться до белья, одежду оставить, самим отойти в сторону, лечь лицом к земле и оставаться на месте в течение получаса, иначе им несдобровать.

Собрав одежду и немедленно опустошив ее карманы, Шивер и Копыцин скрылись. Ограбленные были настолько огорошены, что не сразу сумели прийти в себя.

3.

Из поступившего заявления потерпевших, где имелись рельефные приметы грабителей, стало ясно: снова дерзко проявил себя Ванька Шивер.

Минуло всего лишь несколько дней, как в уголовный розыск поступило заявление гражданина Городищева. В нем указывалось, что 29 ноября Городищев с супругой были в оперном театре. В 23 часа, после окончания спектакля, они вышли из театрального подъезда и направились по улице Ришельевской в сторону своего дома.

Пройдя квартал, жена Городищева попросила подождать ее у входа в подворотню, а сама пошла в дворовой туалет. В этот же примерно момент в ту же подворотню вошел неизвестный человек, как полагал Городищев, жилец этого дома. Вскоре этот гражданин вышел на улицу, неся под мышкой объемистый сверток. Городищеву это показалось подозрительным, он почувствовал тревогу, бросился во двор, к уборной, где нашел свою жену мертвой. С убитой было снято дорогое беличье манто.

Хотя Городищев видел незнакомца мельком, но все же дважды, а потому успел зафиксировать его приметы. И по всем приметам, это был тот же зловещий Ванька Шивер.

4.

Терпение сыщиков, что называется, лопнуло. На Матросской слободке, в доме Лебедевой, и на улице Балковской, № 27, в доме Фени Грошив, работниками уголовного розыска были устроены засады. Двое суток ожидания ровно ничего не дали: Шивер не приходил ни к "жене", ни к "любовнице".

В эти дни вместе с двумя другими сотрудниками розыска я находился в засаде на квартире у Лебедевой. Уставшие и разочарованные, мы стали совещаться, как быть дальше. Мне предложили оставить квартиру, установив за домом наружное наблюдение. Но я это предложение отклонил: "Терпение. Посидим еще двое суток. Не может быть, чтоб никто не появился".

Прошло немного времени, и во входную дверь дважды постучали, причем как-то по-особенному, вероятно, как было заранее условлено. Я подошел к двери и без всяких вопросов распахнул ее на себя, то есть сам оказался прикрыт дверью. Света мы не зажигали, и вошедший гражданин

очутился в темном коридоре. Втроем мы мгновенно его скрутили, надели наручники и обезоружили.

Когда зажгли керосиновую лампу, увидели, что в наших руках оказался Ванька Шивер собственной персоной. Мы немедленно доставили его в Центральный арестный дом при управлении уголовного розыска.

Шивер содержался в камере-одиночке третьего этажа, откуда, по мнению сотрудников уголовного розыска, бежать было невозможно. Охрана тоже была надежная. На допросы в течение двух недель бандита водили сразу два конвоира.

Жена Ваньки Шивера, Лебедева, дважды в неделю передавала арестованному дозволенную пищу. Передачи эти тщательно проверялись комендантом арестного дома — чтоб не попало к Шиверу какой-либо записки, предметов, которые могут быть использованы для взлома дверей или решетки. Но ничего подозрительного в этих посылках не обнаруживалось.

В ходе допросов Шивер полностью признался в целом ряде ограблений и убийств, совершенных им самим или совместно с другими уголовниками. Затем арестованного стали готовить к отправке в тюрьму.

Внутренний распорядок Центрального арестного дома (на перекрестке Преображенской и Полицейской улиц. — **О. Г.**) предусматривал пост во внутреннем дворе. В обязанность часовому вменялось наблюдение за окнами и забором. Но, как это случается, часовой опростоволосился: на какое-то время зашел в дежурную комнату, а когда вернулся во двор, то увидел привязанное к решетке и свисающее из окна третьего этажа тряпье.

Часовой дал тревогу, вызвал дежурного арестного дома и указал на окно камеры в третьем этаже. Ответственный дежурный поднялся на третий этаж вместе с ключником. Стали заглядывать в "волчки" камер. Арестованного Шивера на месте не оказалось. Открыли камеру, осмотрели окно, обнаружили, что решетка перепилена ножовкой, к окну привязаны брюки, к брюкам — кальсоны. По этой "веревке" Шивер достиг второго этажа, оттуда соскочил на землю, а далее бежал через двор соседней городской пожарной команды (со стороны Полицейской, ныне Бунина улицы. — **О. Г.**) буквально в одних трусах. Каким образом в камеру-одиночку попала ножовка, так никто и не смог объяснить. Вероятно, уровень контроля передач от Лебедевой со временем сошел на нет. Нечего и говорить о беспечности часового.

О побеге "сурьезного бандита" Шивера тотчас же сообщили всем городским отделениям милиции, по тревоге подняли на ноги весь личный состав уголовного розыска. Все сотрудники получили свежие фотокар-

точки Ваньки Шивера, были проинформированы об особой его дерзости и опасности при задержании.

Проходя по улице Кузнечной вблизи улицы Успенской около 24-х часов, оперуполномоченный шестого отделения милиции заметил подозрительного субъекта. Сверившись с фотокарточкой Шивера, убедился: рядом с ним — сбежавший преступник. Уполномоченный стал преследовать беглеца в кромешной темноте, город уже спал.

Многоопытный рецидивист заметил преследователя, нисколько не растерялся, и из дичи сам превратился в охотника. Не подавая виду, что заметил слежку, спокойно прошел несколько шагов по Кузнечной до Успенской, свернул за угол, остановился, достал револьвер и принялся поджидать милиционера. В свою очередь, оперуполномоченный выхватил собственный револьвер и устремился к углу, за которым скрылся Шивер. Но едва преследователь выглянул на Успенскую, как бандит почти в упор выстрелил в него. Тяжело раненный милиционер упал на землю, а Шивер скрылся.

На выстрел сейчас же сбежались постовые милиционеры и патрули. Вызвали "карету" и отправили раненого в больницу. Придя в себя, он еще успел сообщить о том, что в него стрелял разыскиваемый бандит Шивер, и вскорости скончался.

Гибель коллеги произвела на сотрудников милиции и уголовного розыска крайне тягостное впечатление. Они чувствовали, что и на них лежит часть вины. В этом случае, пожалуй, даже не начальство, а мы сами поставили перед собой задачу любой ценой, даже ценой собственных жизней найти и обезвредить банду Шивера.

Помощник оперативного уполномоченного Громов получил сведения о том, что в Успенском переулке (тогда именовался переулком Кагановича. — **О. Г**.) во дворе Успенской церкви в квартире одинокой женщины в ночное время появляется неизвестный гражданин. Не доложив руководству, Громов решил самостоятельно выяснить, кто этот ночной гость. Вызвал дворника упомянутого дома, и они подошли к подозрительной квартире и постучали. За дверью, в комнате хозяйки, послышались шорох и шепот, затем спросили: "Кто?". Дворник отозвался и потребовал отпереть.

Заскрипел засов, дверь отворилась. Вошли вовнутрь. Комнату освещала электролампа. Около стола, стоящего близ окна, сидел на стуле неизвестный мужчина, хозяйка подошла к нему и остановилась рядом. Оставшись вблизи входной двери, Громов потребовал у неизвестного предъявить документы. Тот, нисколько не смутившись, ответил: "Пожалуйста!". Тут же поднялся, пошел навстречу Громову, по ходу засовывая руку во внутрен-

ний боковой карман. Подойдя вплотную к Громову, выхватил револьвер и хладнокровно выстрелил в грудь оперуполномоченному. Тот повалился на пол, а неизвестный вместе с хозяйкой скрылись.

Вслед за неизвестными на улицу выскочил дворник, поднял крик, на который прибежали постовые, быстро прибыл дежурный уголовного розыска. Громова доставили в больницу, где он сообщил приметы стрелявшего в него гражданина. По всем приметам, речь шла все о том же дерзком Ваньке Шивере. К счастью, ранение Громова оказалось не смертельным, однако преступник преподал ему хороший урок на будущее.

5.

А вот далее сюжет развернулся в непредсказуемую сторону.

Упомянутая Лебедева узнала от сотрудников уголовного розыска о том, что ее Ванька сожительствует с Феней Грошив. Не доверяя "уголовке", Лебедева решила самолично проследить, действительно ли Шивер по ночам наведывается на Балковскую, № 27. Неизвестно, как и сколько времени она выслеживала изменника, однако убедилась: в "уголовке" не соврали. После этого Лебедева решила выдать Шивера, и тем самым, во-первых, утолить жажду мести, а во-вторых, заслужить прощение розыска и избежать выселения из города за пособничество бандитам.

Воскресный день в розыске выходной. Разумеется, ежели не бывает чрезвычайных ситуаций. Именно в одно из воскресений Лебедева явилась к дежурному по розыску и сообщила: Ванька Шивер вместе со своим сообщником Васькой Николаевым, тоже беглым и разыскиваемым, в данный момент находятся на русском Слободском кладбище, причем послали ее, Лебедеву, за водкой и закуской, каковые она и держала в руках.

Ситуация возникла непростая — со мною был только сотрудник розыска Брага, если ожидать подкрепления, можно опоздать. Не оставалось ничего другого, как попытаться обезвредить опаснейших рецидивистов собственным силами, так сказать, два на два. Лебедева проводила нас на место: мы увидели сидящих меж памятников Шивера и Николаева. Лебедеву от греха подальше отправили прочь.

Решили взять бандитов во что бы то ни стало, живыми или мертвыми. Скрыто пробираясь среди надгробий, мы с двух сторон подобрались к ним поближе. Когда подошли уже на 25-30 шагов, матерый Шивер все-таки заметил меня. Он мгновенно нырнул за памятник, выстрелил в мою сторону, однако промахнулся. В этот момент Брага находился в тылу стреляв-

шего в меня Шивера, а потому сумел выстрелить прицельно. Падая, Шивер выронил револьвер, который тут же оказался в руке бандита Николаева. Тот принялся стрелять из-за памятника в направлении Браги. Однако теперь уже я находился в более выгодном положении, поскольку отлично его видел. Мне удалось подобраться еще ближе, и тогда я закричал: "Руки вверх! Бросай оружие!". Николаев повернулся и попытался в меня выстрелить. Собственно говоря, мы стреляли почти одновременно, однако я опередил на какое-то мгновение, и его выстрел пришелся в воздух, когда он падал.

Когда мы с Брагой подошли к распростертым на земле бандитам, то обнаружили, что Шивер мертв, а Николаев тяжело ранен. Последнего доставили в Слободскую больницу, где он и скончался.

6.

На свободе все еще оставались два других опасных бандита из шайки Шивера — Мишка Луки и Андрей Копыцин, оба нелегалы. Розыск и милиция по-прежнему работали в тревожном режиме. Каждые полчаса звонили патрули, докладывая о благополучии в городе. Ночь напряженно тянулась и тянулась.

Я беспокойно расхаживал по своему кабинету, прикидывая планы задержания подручных Шивера. Перед самым рассветом зазвонил телефон. Меня срочно вызывал начальник розыска, в кабинете которого застал пять сотрудников. Получив инструкции, я с оперативной группой отправился реализовывать план по задержанию бандита Луки.

Мы прибыли на Балковскую, № 27, к дому сожительницы убитого главаря, Фени. Дом был оцеплен, все входы и выходы перекрыты. Желательно, конечно, было проникнуть в квартиру скрытно, чтоб застать бандита врасплох. Но это было невозможно: прочная дверь заперта изнутри, окна закрыты внутренними тяжелыми ставнями. Чувствовал себя неуютно, ибо в любой момент мог прогреметь выстрел из-за укрытия в упор.

Делать нечего. Я просто-напросто постучал рукояткой револьвера в дверь и крикнул: "Мишка, а Мишка! Сдавайся, выходи!". Ответа не последовало. Вдруг из помещения, где скрывался Луки, посыпались выстрелы: один, другой, третий. Мишка стрелял из окна. После снова все стихло.

Мне было известно, что помимо Луки в квартире находится хозяйка Феня, а возможно, и еще какие-либо непричастные к делу посторонние лица. Следовательно, открывать ответную стрельбу по окнам мы не мог-

ли. Один из сотрудников розыска прокричал: "Сдавайся, Мишка! Нас здесь много! Не уйдешь от нас теперь!". В ответ снова прозвучал выстрел.

Мы напряженно ждали, когда совсем рассветет, — тогда обложенному зверю еще труднее будет выскользнуть из ловушки. Время тянулось. Стрельба смолкла.

Вдруг где-то в темноте, за домом, закричал один из наблюдавших сотрудников розыска: "Стой! Руки вверх! Лучше сдавайся живым!". Тут же затрещали частые выстрелы с обеих сторон. Оказалось, что Луки из комнат второго этажа выбрался на чердак, а оттуда на крышу. Дома на Балковской примыкают друг к другу. Пользуясь этим обстоятельством, Луки перескочил на соседнюю крышу, одновременно отстреливаясь из двух револьверов. Так он лихо перескакивал с крыши на крышу на протяжении целого квартала.

Отлично ориентируясь, зная пути отхода, Мишка в одном из домов воспользовался пожарной лестницей — спустился на тротуар и побежал по улице, отстреливаясь на ходу. При этом ухитрился ранить в руку сотрудника уголовного розыска Либина. Преследователи не отставали, чтобы ни в коем случае не выпустить бандита из поля зрения.

Добежав до Хаджибеевской горы, Мишка Луки скрылся в одной из катакомб. Каменоломня эта работникам розыска была хорошо известна: другого выхода оттуда не было. Тем временем уже совершенно рассвело, и не могло идти речи о том, чтобы незамеченным уйти из западни. Вместе с тем мы знали, что Мишка вооружен двумя револьверами, которыми, насколько можно было судить, превосходно умеет пользоваться. Брать бандита нахрапом было неразумно.

Мы решили еще раз проверить меткость его стрельбы. Из подручных средств соорудили чучело, на которое напялили фуражку, а затем постепенно стали продвигать ко входу в катакомбу. Едва чучело вошло в просвет входа, раздался выстрел. Сбитая пулей, отлетела в сторону фуражка. И мы еще раз убедились в том, что штурмовать каменоломню не следует.

Вскоре к нам доставили розыскную собаку-ищейку. Но и тут нас ждало разочарование: едва пса запустили в катакомбу, как он был убит двумя меткими выстрелами.

На место осады прибыл начальник уголовного розыска и приказал предупредить бандита, что если немедленно не выбросит оружия и не пожелает сдаться живым, то будет взят мертвым. Ответа на предупреждения не последовало. Отчаянный Мишка решил дорого продать свою жизнь.

Тогда все находившиеся на месте сотрудники уголовного розыска от-

крыли стрельбу во входное отверстие, после чего запустили туда другую собаку-ищейку. Пес сперва громко залаял, а затем, схватив бандита за рукав, потащил его к выходу. Тяжело раненного Мишку Луки отправили в больницу, где выставили надежную охрану из работников розыска и милиции.

Несмотря на серьезность ранения, крепкий Мишка стал быстро поправляться. Тем более, врачи лечили его на совесть, даром что прекрасно были осведомлены о том, с кем имеют дело. Луки понемногу стал перемещаться по палате на собственных ногах. Показательно, что в ночное время, причем дважды, неизвестные вооруженные лица пытались освободить выздоравливающего, однако надежная охрана отбила нападения, и Луки перевели в тюремную больницу. Через три месяца Мишка совершенно выздоровел, а потому его перевели в общую камеру Одесской тюрьмы.

В тюрьме, как правило, арестованных ежедневно выводили на прогулку. Порядок был такой: надзиратель выводит арестованных гуськом, друг за другом, а сам идет впереди. В данном случае Луки шел замыкающим. Арестованных вели мимо стоявшей во дворе автомашины — это был нефтевоз, из которого как раз сливали в люк горючее, предназначавшееся для отопления тюремных зданий.

Когда группа поравнялась с автомашиной, Мишка Луки стремительно подбежал к ней, вскочил на бак и никем не замеченный спрятался вовнутрь цистерны. Дремавший в кабине шофер тоже не обратил на это происшествие внимания, дождался, пока горючее будет полностью слито, вытащил шланг, завел машину и поехал к тюремным воротам. Дежурный осмотрел нефтевоз со всех сторон, заглянул в кабину, под сидения и проч. Однако ему не пришло в голову обследовать дурно пахнущую цистерну. Таким образом, с ног до головы покрытый мазутом Мишка очутился за воротами тюрьмы.

Как знают одесситы, напротив тюрьмы находится обширное кладбище. Луки потихоньку вылез из цистерны, перемахнул через кладбищенскую стену — и был таков.

Тем временем надзиратель привел арестованных в камеру с прогулки. Здесь ключник принимал их по счету. Одного не досчитались. Пересчитали еще раз и получили тот же результат: минус один. Пришлось провести списочную проверку, в ходе которой обнаружилось, что недостает арестованного Луки.

По случаю чрезвычайного происшествия в тюрьме объявили тревогу. Шли списочные проверки по всем камерам. По два-три раза перепроверяли по фамилиям каждого заключенного. Обследовали все закоулки.

Но Луки как сквозь землю провалился. Исчезновение его казалось необъяснимым.

Ничего не подозревавший о поистине курьезном тюремном происшествии начальник уголовного розыска просматривал в своем кабинете материалы, касавшиеся последнего из находившихся на свободе зубров банды Шивера — Андрея Копыцина. И вдруг звонок начальника тюрьмы о побеге Мишки Луки. Мало того, непонятно даже, каким образом этот побег осуществлен. Тюремное начальство просит срочно принять меры к розыску и задержанию беглеца, а кроме того, командировать сотрудника "уголовки" товарища Шумского для выяснения обстоятельств побега.

Сотрудник уголовного розыска Шумский, если позволено так выразиться, по разным вопросам обслуживал тюрьму регулярно, так что наработал определенный опыт. Быстро прибыв на место, он вызвал одного из сидевших в одной камере с Луки заключенных, и нашел с ним общий язык. Заключенный имярек поведал Шумскому, как в течение нескольких дней Мишка весьма скрупулезно готовился к побегу, просчитывая все детали. А далее во всех подробностях нарисовал и саму картину побега.

О побеге Луки оповестили всех сотрудников уголовного розыска и милиции города Одессы. Была поставлена задача: в кратчайшие сроки найти и задержать беглого бандита и убийцу.

7.

Оказавшись на свободе, Мишка не стал долго отлеживаться. Вскоре он развернул столь бурную деятельность, что буквально посыпались заявления ограбленных им граждан.

Луки оставался по-прежнему дерзким, отчаянным. Не боялся появляться в городе, не прибегал к маскировке. Во время одной из таких прогулок его заметила Лебедева — та самая первая незаконная жена Ваньки Шивера, которая с некоторых пор помогала уголовному розыску. Мишка был на Новом рынке, а затем зашел в пивной бар, находившийся на углу улиц Нежинской и Торговой (там и теперь помещается заведение относительно быстрого питания. — **О. Г.**).

По стечению обстоятельств это случилось опять-таки в воскресный день. Запыхавшаяся Лебедева сбивчиво рассказывала ответственному дежурному по розыску о том, что она жила с убитым главарем банды Шивером и что узнала бежавшего из тюрьмы Мишку Луки, который в настоящий момент находится в упомянутом пивном баре с двумя неизвестными ей лицами.

Ответственный по розыску инспектор Москвич быстро сориентировался в ситуации. На счастье, рядом оказался я и еще один сотрудник розыска. Мы тут же бросились бежать в сторону перекрестка Нежинской и Торговой. Однако Луки успели оповестить о нашем приближении. Он вышел из бара и попытался скрыться в воскресной базарной толчее, но мы заметили его маневр, стали преследовать.

Видя, что на него набегают с трех сторон, Мишка решительно применил оружие — выстрелил в сторону преследовавшего его сотрудника уголовного розыска. Набегавший с другой стороны инспектор Москвич вынужден был стрелять в Луки. Мишка медленно опустил руку с револьвером, повернулся лицом к Москвичу и свалился замертво. Вызванная "скорая помощь" констатировала смерть одного из самых дерзких одесских бандитов.

8.

После гибели Мишки Луки из главных фигур банды Ваньки Шивера на воле остался гулять лишь Андрей Копыцин, который фактически свернул свою преступную деятельность. Ему пришлось отказаться от общения с родителями и близкими, проживавшими по улице Балковской, № 32, как и от друзей-приятелей, встречи с которыми становились небезопасными. Он знал, что его упорно разыскивают, что он "последний из могикан", и потому вынужденно обрубал многие привычные связи. Копыцин скрывался в разных концах города по самым надежным адресам.

В принципе, это был еще очень молодой человек, 23-х лет. Среднего роста, широкоплечий, крепкий, он с малых лет занимался воровством, был дважды судим за кражи, впоследствии на беду свою связался с оголтелым бандитом Шивером, повернув к грабежам и убийствам. Копыцин хорошо понимал: за ним числится такое, за что по головке точно не погладят.

В плане операции по его задержанию уголовный розыск задействовал все известные адреса, по которым он мог объявиться. Адреса эти были известны на основании полученных в свое время показаний Шивера и Луки. Однако ни проверки, ни наружное наблюдение, ни засады никаких результатов не давали. Если бы не случайная встреча с Лебедевой, возможно, мы еще долго не взяли бы налетчика Копыцина.

Мы столкнулись прямо на улице. "Вы меня извините, пожалуйста, товарищ Беляев, что остановила вас, но я обязана и искренне хочу вам помочь, чем только могу. Вы, вероятно, интересуетесь Андреем Копыциным:

ведь он один только и остался из их бандитской группы?". Я ответил прямо: "Вы, Лебедева, правильно рассуждаете. Остался один Копыцин, который меня интересует". Сказала: "Я вам помогу. Мне кажется, и я даже уверена, что Копыцин должен бывать или скрываться у своей сожительницы по имени Нина и по кличке Дрымба, проживающей по улице Гоголя, дом № 12, в подвальном помещении. Однажды я была у Нины Дрымбы вместе с Шивером и Копыциным. Там устраивали вечеринку, и тогда мне стало известно, что Копыцин с ней сожительствует".

Поблагодарив Лебедеву за информацию, я решил проверить протоколы допросов Шивера и Луки, в которых они указывали адреса своих "малин", приятелей и т. п. Однако упомянутого Лебедевой адреса там не оказалось. Поэтому я немедленно доложил начальнику розыска об этом важном обстоятельстве, и тот распорядился проверить его безотлагательно.

Мы прибыли на улицу Гоголя, № 12 (обширный дом Кредитного общества, построенный архитектором А.Г. Люиксом в 1881 г., памятник архитектуры. — **О. Г.**) на рассвете, расставив сотрудников розыска у всех возможных выходов и лазеек, дабы не дать возможности бандиту улизнуть. Вызвали дворника, и втроем, еще с одним работником розыска, подошли к дверями и раз-другой постучали. Из-за двери спросили, кто стучится. Дворник отозвался: "Откройте, к вам розыск". За дверью воцарилась тишина. Минут через пять послышался скрип отпираемого засова, дверь открылась.

Мы вошли в коридор подвального помещения, подсвечивая фонарем осмотрели все кругом, проследовали в комнату, где горела электролампа. Кровать аккуратно прибрана, застелена покрывалом, на диване — подушка и одеяло. Обратил на себя внимание табачный чад: недавно накурено. Внимательно осмотрели комнату — ничего подозрительного.

Настораживал тот факт, что долго не отпирали дверь. С чего бы это? Ну, спала хозяйка, вскочила с дивана, накинула халат, а дальше-то что? И накурено изрядно... Небрежно вынимаю портсигар, закуриваю, и как бы невзначай предлагаю папиросу хозяйке. Однако Нина Дрымба отодвигает открытый для нее портсигар: "Нет, я не курю".

Тут я обо всем догадался. Подошел к кровати и рывком сорвал покрывало вместе с периной. "На дне" обнаружился бандит Копыцин с револьвером в руке, который попытался вскочить, но мы вдвоем навалились на него, вырвали оружие и надели наручники. Андрей как-то обреченно поднялся на ноги и сказал: "Всё. Моя песенка тоже спета".

На допросе Копыцин во всех предъявленных ему обвинениях сознал-

ся и заявил: "Я не боялся совершать преступления, и теперь не побоюсь за все мои проделки отвечать честно". Суд приговорил его к 10-ти годам лишения свободы с отбыванием наказания на Соловецких островах. Содержательница притона Нина по кличке Дрымба была осуждена на два года лишения свободы.

Прошло несколько лет после ликвидации банды Шивера, и мне довелось встретиться с Лебедевой. Скажу откровенно, ее трудно было узнать: привлекательная, и в то же время без прежней вульгарности. Спросил, не обознался ли, действительно ли Лебедева. Навстречу — приветливая улыбка: "Я вам очень благодарна за все. Жизнь наладилась. Работаю на суконной фабрике и, представьте себе, ударница. Заходите обязательно, посмотрите, как дружно живу с семьей".

Надеюсь, что так.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Люсики

Зеленая лампа. Два ханукальных светильника. Фаянсовые банки с металлическими крышками — одна для кофе, треснувшая, время от времени приходится подклеивать, другая — с надписью "Чай". Секретер. Диван с придиванной полкой, на котором теперь спят гости. Шкафчик, когда-то на Садовой на нем стоял проигрыватель, теперь на нем стоит на кухне телевизор. На лоджии стоит старый Анечкин диванчик, на котором в последнюю ночь в Одессе спала четырехлетняя Марьяна. Иногда спрашивают: " А что вы эту рухлядь держите?". Для кого-то это "рухлядь", для нас это — воспоминания, поэтому от комментариев удерживаемся. Альбомчик с латунной застежкой пополняется до сих пор художниками — последний рисунок Резо Габриадзе. Английские тарелки с блюдом, ложечка "фраже" из кафе "Фанкони". Стеклянный цилиндр, не то вазочка, не то большой стакан, в последний день перед отъездом из него пили шампанское, бусы муранского стекла, не нынешние, которые теперь продаются в супермаркетах, а старинные, футуристический портрет работы Александра Богомазова и крошечный рисунок пером ужгородского художника Бедзира — портрет Люсика, фотография — веселый Бекерман в колхозе — в кепке, с растянутой гармошкой в руках... Остановлюсь.

Филиал "музея" на Садовой, квартиры Люсиков, квартиры Ильи Исааковича Бекермана и Люси Сатановской. Можно написать — "Хранить вечно", но писать не нужно. Все хранится в памяти, в сердце.

Каждый отъезд был трагедией для нас. Когда уезжали в конце 80-х — начале 90-х, уже не было так беспросветно. Прощание же в "глухую пору листопада", в семидесятые, было прощанием навсегда. Отъезд Люсиков, как мы все называли эту семью, оставил в нашей жизни такую зияющую дыру, такую беспросветную бездну, которая и за тридцать лет не заполнилась.

Илья Исаакович Бекерман был гидрологом. Часто в командировки ездил в Западную Украину — Закарпатье, Буковина были местами, которые курировал его проектный институт. В те времена специалисты были хорошие. При Бекермане и его институте таких катастрофических наводнений, как сейчас, не было и в помине.Хоть это шутка, но все же...

Люсик прекрасно знал не только города, но и многочисленные местечки, села, архитектуру, народные промыслы гуцулов, лемков, бойков. Настоящих народных мастеров и замечательных ужгородских и львовских художников, местных коллекционеров. Сколько названий — Яремча, Косов, Бере-

говое, Коломыя, Ворохта, сколько имен мы слышали от Люсика! Когда мы впервые поехали в тот край, казалось, что все нам знакомо, мы шли вслед по рассказам и адресам Бекермана — приходили ли мы в дом к вдове замечательного ужгородского художника Адальберта Эрдели или к львовскому графику — ясновельможному Леопольду Ивановичу Левицкому...

Постепенно у Люсика начала складываться прекрасная коллекция украиники. Хоть многообразное собрание зарождалось гораздо раньше, еще до того, как зазвучали в нем украинские мотивы.

Коллекция начиналась и продолжалась, во всяком случае, в Одессе, — с графических листов и стала одним из самых безупречных по вкусу, по значительности имен собранием графики не только в нашем городе. Ее знали ценители искусства в других городах некогда огромной страны, а с ее владельцем дружили, общались, советовались, обменивались раритетами многие знатоки этого утонченного искусства — искусства графики. И подстать этой коллекция — любовно собранная библиотека, посвященная, в первую очередь, искусству графики.

Что это было за время, когда начинали собираться эти одесские коллекции уже с середины пятидесятых годов, в "оттепель", этими, можно сказать, мальчишками, часто еще не успевшими окончить институты, но уже чувствовавшими неистребимую тягу к подлинному, прекрасному, достойному сохранения в сметавшем все на своем пути советском беспамятстве.

Эти умные, начитанные, влюбленные в культуру, искусство, в город, в его историю юные одесситы! Одесские мальчики, ставшие собирателями.

Конечно, и до них, и при них были солидные коллекционеры, рассказы о которых звучали как легенды. Кроме того, нужно помнить, что Одесса, как говорит Михаил Жванецкий, стояла на трех китах — море, музыка, медицина.

Музыканты, врачи, целые врачебные династии в Одессе, где в домах хранился прекрасный антиквариат и достойная живопись, переходившие от поколения к поколению. Эти знаменитые имена были на слуху в культурной среде Одессы тех лет, и как легенда, хранятся до сих пор в памяти коренных одесситов.

Но эти мальчики на свои нищенские стипендии приобретали то, что тогда часто по равнодушию, а то и по невежеству, не привлекало к себе "солидных" покупателей. Книга, купленная в Букине, на книжном развале Староконного рынка, этюд давно забытого художника, работы моло-

дых, еще не прославленных живописцев, значки, жетоны, открытки, все, что напоминало о прекрасной истории нашего города ("до несчастья", как говорит один наш друг), — все доставляло радость, наполняло жизнь потаенным, сокровенным смыслом.

"Так начинают жить стихом..."

Так начинались коллекции.

Так рождался интерес друг к другу, перераставший в привязанность, дружбу на долгие-долгие годы. Советы друг другу, подсказки, обмены, восторженная зависть по поводу удачного приобретения другом, долгие посиделки, увлекательные рассказы, ирония, анекдоты, книги, воспоминания — все это было.

В тесноте крошечных квартир и в комнатах советских "коммуналок" сохранялась культура, история, драгоценные осколки рухнувшего мира...

Тесная квартира на Садовой. Одна комната, перегородкой разделенная на две.

Вторая — настоящий пенал. Там живут Илья Исаакович Бекерман и его приветливая мама Мария Григорьевна. Там же обитает коллекция — живопись, графика, антикварная мебель, украинские народные иконы на стекле, керамика, изделия из дерева, украшенные резьбой и инкрустацией. Коллекция все больше становится многозвучной — в нее драматически вплетается еврейская мелодия. Генетическая память давала о себе знать: Люсик был племянником еврейского поэта Ицика Фефера, расстрелянного по "делу" Еврейского антифашистского комитета... Иудаика стала органичной частью этого многогранного собрания. У Люсика я впервые увидела сакральный мир еврейского искусства.

Как это все помещалось? Те, кто теперь приходит в музей Александра Владимировича Блещунова, наверное, не могут представить себе, что вся основная коллекция помещалась в одной из двух комнат коммунальной квартиры, разгороженной шкафами, хранившими уникальные собрания.

Эти коллекции, собиравшиеся в условиях "немыслимого быта", в удушливом воздухе советского бытия, были для каждого владельца, как ни странно это прозвучит, пространством выбора, территорией свободы.

Расстаться с коллекцией?! Продать?! Ни за что! Это была жизнь, исполненная радости, вкуса, любви, независимости. Ты отгораживался от окружающей пошлости и лжи, ты оставался с замечательными книгами, картинами, рисунками. И с замечательными друзьями-единомышленниками, понимавшими тебя с полуслова, с полужеста.

...Потом в этой крошечной квартире появилась Люся. Люся Сатановская. Кто-то из наших друзей-остроумцев сказал: "А у Бекермана появилась "девушка с глазами дикой серны"!". Мы тут же побежали знакомиться. Какие глаза у дикой серны, я так до сих пор не знаю. Но в красивых глазах Люси таились и выскакивали время от времени лукавые чертики. Выбор Люсика нам понравился.

Хоть, не скрою, мы вначале к Люсе присматривались, потом единодушно признали: она "ex nostris", как говорили когда-то в Одессе, — "из наших"!

Так образовались "Люсики". Пойти к "Люсикам", позвать "Люсиков" — стало не просто привычным речевым оборотом, стало привычной частью нашей жизни.

Как легко дышалось, как комфортно, уютно, как весело, наконец, было в доме на Садовой! Как обволакивал нас аромат табака из дымящейся трубочки Ильи Исааковича (трубок было много, и одна элегантнее другой!) и запах свежесмолотого кофе, волшебной пенкой уже поднимавшегося в джезве. Сейчас будем тянуть это удовольствие — Люся уже расставила чашки и несет благоухающий, "с восточной гущей", кофе.

Люся! Настоящая подвижница, какими и были обычно знакомые жены коллекционеров — и Фаина Марковна, и Мея, и какой остается Галя. Как Люся успевала и работать, и, как говорили прежде в Одессе, "держать дом", и оставаться милой и острой на язык, выдерживать эту круговерть — знакомых, коллег, коллекционеров, гостей друзей, приходивших посмотреть коллекцию?! Бегу с работы мимо их окон, Люся выглядывает: "Ты что пробегаешь мимо, не заходишь?! Иди, кофе выпьем!". Посидеть с Люсей, выпить кофе, поговорить о нашем "девичьем", поточить "на оселке" языки — какое было удовольствие!

Мы были молоды, "синих чулок" и "человеков в футляре" в нашей компании не водилось. И хоть разговоры велись бесконечные — о литературных новинках, о стихах, о живописи, об идиотизме советской действительности, — если бы кто-то из нас сказал, что мы ведем "умные" разговоры, его бы немедленно высмеяли. А уж смеяться, иронизировать, реагировать молниеносно — все были мастерами.

Кроме "постояльцев" в доме Бекермана иногда появлялись на какое-то время и временные гости, которых мы все тоже знали, но они не входили в "наш круг".

Так одно время ходил к Люсикам "книгоноша", работавший где-то электриком. Люсик его называл "электротехник Жан". Наверное, немногие сей-

час вспомнят строчки из стихотворения Маяковского: "Он был монтером Ваней, но в духе парижан, себе присвоил званье: "электротехник Жан".

Смеялись все, и "электротехник Жан" в том числе, потому что все прозвища давались легко, беззлобно, и обижаться было бы глупостью.

Один из наших общих друзей, отложив на какое-то время кисти и краски, занялся "реставрацией" мебели. Он покупал старые комоды, буфеты, чистил их, ремонтировал, покрывал черным лаком и медными, латунными накладками от старых бра, чернильных приборов. Имя Андре Шарля Булля, знаменитого чернодеревца при дворе Людовика XIV, витало в воздухе. Восторженные покупательницы приходили смотреть "шикарную" мебель. "Настоящий Буль", — небрежно бросал наш приятель. При встречах Люсик непременно спрашивал: "Ну, как твой новый "буль"?.

Ирина Михайловна Дробачевская и Валентина Ивановна Меленчук, "дамы из букина", — постоянные гостьи в доме Бекермана. Сколько рассказов и анекдотов о новом директоре книготорга, которого партия "бросала" на руководящие посты: он был начальником тюрьмы, потом директором оперного театра, наконец, его назначили "на книготорг". Было о чем поговорить!

В середине шестидесятых годов в журнале "Знамя" была большая публикация рассказов И. Бабеля, среди них — "Фроим Грач", "Гапа Гужва", "Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна". Нужно ли говорить, что журнал зачитывался до дыр!

Однажды на посиделках у Бекермана было, как всегда, людей много, одна из гостий в поисках места присела на колени Люсика.

— Вы, нивроко, дама с весом, Маргарита Прокофьевна, — мгновенно отреагировал Люсик. Взрыв смеха! После этого мы достаточно долго их звали — Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна.

В недавнем письме от Люсика прочла подзабытое обращение "Милейшая Эрудиция Степановна!", бытовавшее когда-то в доме на Садовой. "Узнаю льва по когтям"! Знакомая ирония и язвительность. Я не замедлила откликнуться: "Любезнейший Элья Исаакович!". Как будто вернулась в те времена.

А постоянный участник этих вечеров, этих собраний Миля Шаргородский, который навсегда в памяти остался "Наполеоном", за подвижническое коллекционирование всего, что было связано с именем французского императора...

И Миля, и Люсик были активными членами секции книголюбов при Доме ученых. И выступали там с докладами. Прошло несколько лет после отъезда Мили Шаргородского, а потом и Бекерманов, как появились но-

вые "имена". Юрий Михайлович Иноземцев, издававший в какой-то ведомственной типографии пригласительные билеты, программки секции, к ее 15-летию в 1982 году издал миниатюрную книжечку с перечислением заседаний секции, тем докладов и фамилий докладчиков. В среде книголюбов его полиграфическая продукция носила название "Инюриздат". В названии был понятный книголюбам подтекст: "Инюрколлегия разыскивает..." (в "Известиях" печатались такие сообщения о поисках из-за рубежа родственников в СССР) и робкий намек на "самиздат". Когда книжечка была отпечатана, то мы увидели, что вместо фамилии Шаргородского стоит фамилия — Иванов И.И., а вместо Бекермана — Петров П.П. — такие вот "шутки" цензуры. Почти два подпоручика Киже по-советски!

Пожалуй, только к Ивану Михайловичу Федоркову в этой острой на язык, насмешливой и ироничной компании все относились с пиететом, Может, и потому, что Иван Михайлович, "ровесник века", как он сам себя справедливо называл, в два раза старше каждого из нас, любил сам над собой подтрунить и посмеяться. Доброжелательно относившийся ко всем, Иван Михайлович к Люсику относился как к родному человеку, как к сыну.

Свою лепту в это дружеское веселье вносил еще один непременный участник — Петушок. Это был майоличный кувшин в виде петуха с высоким гребнем, весьма вместительный. Напротив окон Бекерманов, на противоположной стороне Садовой была винарка под названием "Аист". Петушок и летал туда. Продавщица восклицала: "О, наш петушок прилетел!". Наполненный живительной влагой, Петушок возвращался, разве что не хлопая крыльями, домой, к радости всех собравшихся.

Как настоящий коллекционер Бекерман легко во имя нового желанного, приобретения расставался с чем-нибудь из своих "запасников". В этом были азарт и отвага! На мои признания, что для меня почти невозможно расстаться с чем-то, что уже есть в доме, настолько я привязываюсь к вещам, Люсик отвечал: "Ты никогда не будешь коллекционером", — и смотрел на меня с сожалением.

Тридцать лет прошло, пролетело, протянулось. "Иных уж нет, а те далече".

Из всей той нашей компании остались в Одессе только Сергей Зенонович и Галина Григорьевна Лущики и мы. Не было случая, чтобы при встрече не были произнесены слова: "А Люсики...", "А Бекерманы...", и понеслись воспоминания.

Если бы не Лущики, наверное, оставалось бы только чувствовать себя Фирсом в заколоченном доме нашей памяти...

Разрешите получить
(Подлинные документы)

Директору Ленинградского
государственного театра миниатюр
под руководством Народного артиста СССР
Аркадия Райкина
Чобуру В.И.
от заведующего литературной частью театра
Жванецкого М.М.

Заявление

По роду своей деятельности я связан с необходимостью бывать в разных районах города, посещать репетиции Ленинградского государственного театра миниатюр под художественным руководством Народного артиста СССР Аркадия Райкина, выезжать на совещания с художественным руководством Театра миниатюр под руководством Народного артиста СССР Аркадия Райкина, принимать участие в шефских концертах в воинских частях и спортивных сооружениях, находящихся зачастую за чертой города, что связано с необходимостью выезда и прибытия в определенное время. Отсюда возникла необходимость в автомобиле для осуществления передвижения.

Прошу Вашего разрешения на ходатайство дирекции Ленинградского государственного театра миниатюр под художественным руководством Народного артиста СССР Аркадия Райкина перед руководством магазина № 3 по продаже автомобилей на покупку автомобиля марки "Жигули" третьей модели.

Прошу в моей просьбе строго не отказать.

Заведующий литературной частью
Ленинградского государственного театра миниатюр
под художественным руководством Народного артиста СССР
Аркадия Райкина
Михаил Жванецкий.
7 декабря 1969 года,
г. Ленинград

Директору магазина №3
по продаже автомобилей
от Жванецкого М.М.,
заведующего литературной частью
Ленинградского государственного
театра миниатюр
под художественным руководством
Народного артиста СССР Аркадия Райкина,
проживающего по адресу:
Ленинград, улица Стойкости, 19, кв. 87

Заявление

Прошу продать мне автомобиль марки "Жигули" 3-ей модели, так как я по роду своей деятельности связан с необходимостью бывать в разных районах города, посещать репетиции Ленинградского государственного театра миниатюр под руководством Народного артиста СССР Аркадия Райкина, выезжать на совещания с художественным руководством театра, принимать участие в шефских концертах в воинских частях и спортивных сооружениях, находящихся зачастую за чертой города, что связано с необходимостью выезда и прибытия к месту проведения в определенное время. Отсюда возникает необходимость в автомобиле для осуществления передвижения.

Прошу в моей просьбе строго не отказать.

Однокомнатную квартиру по выше указанному адресу я также получил за городской чертой для поощрения творческих способностей и написания спектакля "Светофор" для Народного артиста СССР Аркадия Райкина, удостоенного самых положительных рецензий прессы (газета "Правда" от 13 августа 1967 года и газета "Известия" от 11 августа того же года).

Городской транспорт из квартиры до центра перестает ходить в 23.00, что вызывает острую необходимость в приобретении автомобиля для посещения собственной квартиры по адресу: 207167, Ленинград, ул. Стойкости, 19, кв. 87.

25 декабря 1969 года.

Михаил Жванецкий

Директору магазина № 3
по продаже автомобилей
От дирекции Ленинградского государственного
театра миниатюр
под художественным руководством
Народного артиста СССР Аркадия Райкина

Ходатайство

Руководство театра ходатайствует о продаже автомобиля марки "Жигули" 3-ей модели заведующему литературной частью Ленинградского государственного театра миниатюр под руководством Народного артиста СССР Аркадия Райкина Жванецкому М.М.

По роду своей деятельности Жванецкий М.М. является автором нашего спектакля, что связано с необходимостью выезжать на совещания с художественным руководством театра на улицу Желябова, 43, принимать участие в шефских концертах в воинских частях и спортивных сооружениях, находящихся зачастую за чертой города, что связано с необходимостью выезда и прибытия к месту проведения в определенное время. Что требует автомобиля для передвижения.

Руководство Ленинградского государственного театра миниатюр под художественным руководством Народного артиста СССР Аркадия Райкина ходатайствует перед директором магазина о продаже автомобиля указанной марки для передвижения зав. литературной частью М. Жванецкого.

Просьба со вниманием отнестись.

Директор театра Чобур В.И.

20 января 1970 года

P. S. Уважаемый Евгений Иванович! Пишет Вам Народный артист СССР Аркадий Райкин:

Жванецкий М.М. является автором и заведующим литературной частью нашего театра. Им осуществлено написание ряда популярных миниатюр, ставших очень смешными: "Авас", "Дефицит", "В греческом зале", "К пуговицам претензии", "Сигизмунд" и многих-многих других. По роду своей деятельности Жванецкий М.М. связан с необходимостью выезда для участия в шефских концертах.

Евгений Иванович, руководство нашего театра предлагает четыре пригласительных билета в ДК Первой пятилетки на спектакль "Светофор" по произведениям зав. литературной частью М. Жванецкого на 25 марта 1970 года.

Просьба в нашей просьбе не отказать.

Буду рад личному знакомству.

Народный артист СССР Аркадий Райкин.

Резолюция:

Бухгалтерии принять оплату за автомобиль марки "Жигули" 3-ей модели

Директор магазина по продаже автомобилей

Подпись.

Родион ФЕДЕНЕВ

Граф Ланжерон*
Роман

Опасный экспромт

Приглашение на королевский прием в Версале было для графа Ланжерона неожиданным. Напрасно он ломал голову: чем оно вызвано? Он одевался с помощью своего слуги Пьера, который был у него также за камердинера, и обдумывал причину приглашения. Во всяком случае, когда он облачился в свой парадный камзол, именуемый его тетками-"драконшами" "праздник у моря с синим фейерверком" из-за ткани сочного зеленого цвета с синими переливами, граф так и не нашел ответа на этот вопрос, и всего лишь на мгновение, тут же забытое мгновение, к нему явилась тревога и сразу растаяла: он выбирал шляпу и решал, какие часы и с какой цепочкой украсят его расшитый райскими птицами жилет.

Прием в Версале был одним из бесконечной серии приемов, приуроченных к событию долгожданному — рождению наследника короля. Этого события ждали целых семь лет! Уж многие причислили королеву Марию-Антуанетту к женщинам бесплодным, и вдруг она родила девочку, а потом и дофина-наследника. Событие отмечалось пальбой из пушек, фейерверками, досрочными производствами в чины. Счастливая королева выдавала неимущих девиц замуж, ссужая им средства на приданое, щедро раздавала милостыню, король объявил амнистию, прощение долгов и не очень больших растрат казенных денег. Королева принимала депутации горожан, среди которых были даже торговки рыбой с набережной де Вилье, которые преподнесли колыбель младенцу в виде громадной, выложенной перламутром раковины, по краям украшенной пальмовым жемчугом, найденным в кокосовых орехах. Правда, были и такие люди, а среди них и брат короля граф Прованский, что часто вспоминали обстоятельства свадьбы Марии-Антуанетты и теперешнего короля Людовика XVI. Тогда на Гревской площади состоялось свадебное гулянье, и стечение народа было таково, что началась давка, закончившаяся катастрофой: погибло несколько сот человек — свадьба обернулась трауром, и парижские ясновидцы судачили об этом как об очень дурном предзнаменовании.

* В архиве прозаика и драматурга Р. Феденева остался неопубликованный роман о Ланжероне, завершающий трилогию, начатую книгами о де Рибасе и де Ришелье. Первую главу романа, который готовится к печати, мы предлагаем читателям альманаха.

Но в этот вечер граф Ланжерон не думал о плохих знаках Судьбы, когда ступил в просторный светский улей, где королевскую чету окружили братья короля граф Прованский и д'Артуа, непроницаемые придворные, дипломаты, бриллиантовый маркиз Бомбель, у которого и пряжки башмаков искрились драгоценными каратами, граф Эстергази, выделяющийся среди всех своей исключительной неприметностью и костюмами, которые, как говорили, он шьет у мышей, а не у портных. Прием был назначен во дворце Малый Трианон, который как раз недавно был закончен реставрацией по желанию королевы. Внешне это было строгое здание с коринфскими колоннами, но внутри, в переходах и залах, дворец был напичкан скульптурами Церер, Деметр и Прозерпин — древних богов и покровителей плодородия и пейзанского изобилия. Блестящее общество вельмож, дам, офицеров лицезрело дофина-наследника, мирно спящего как раз в перламутровой колыбели — подарке рыбных торговок. После приема общество должно было перейти в королевский театр, где давали "Армиду" Глюка. Граф Александр прошествовал в шеренге знати мимо королевских особ и наследника-дофина и оказался в обществе придворных — сорокапятилетнего бельгийского принца Жозефа де Линя, расфранченного и родовитого виконта Луи де Виля и сухопарого и морщинистого немецкого принца Нассау-Зигена, который в свое время совершил кругосветное путешествие, служил Испании, а теперь говорил о пользе путешествий и для наследников престола. Он имел в виду графа Северного, который был на приеме. Всем было известно, что граф Северный — это наследник российского престола Павел, путешествующий с женой по Европе инкогнито.

— Конечно, путешествие по Европе не сравнить с кругосветным, — говорил Нассау-Зиген, — но и Европа может закружить графу Северному голову.

В ответ принц де Линь, военный и дипломат, недавно прибывший из Вены, рассказал:

— В Вене с графом Северным случился анекдот. Он явился в театр, чтобы увидеть "Гамлета" Шекспира. У них в России эта пьеса запрещена. И что же? Венский актер Брокман отказался играть роль Гамлета в присутствии наследника русского престола Павла! Был скандал. Актер Брокман потом объяснил императору Иосифу: "Но если бы я исполнил эту роль, то в театре оказалось бы два Гамлета! Один на сцене, другой — в зале! Боюсь, это кончилось бы еще большим кровопролитием, чем у Шекспира!". Император смеялся и велел выдать Брокману пятьдесят дукатов за предусмотрительность.

Граф Ланжерон читал газетные отчеты о пребывании Павла в Париже. В них о нем льстиво отзывались, как об образованном уме, "утонченно понимающем французские обычаи и язык". А сейчас, в дополнение анекдота, немецкий принц Нассау-Зиген, поглаживая свои аскетичные щеки, сказал:

— Я знаю, что Людовик спросил этого Павла: "Правда ли, что вы не можете ни на кого положиться в вашей свите?". И тот откровенно ответил: "Если бы в Париже ко мне привязался какой-нибудь пудель, моя мать, императрица Екатерина, тотчас бы приказала моим свитским бросить пуделя в Сену с камнем на шее". А? Каково?

"Обычные светские пересуды", — подумалось графу Ланжерону. Он наблюдал за братом короля графом Прованским и заметил, что тот был единственным в окружении короля, кто не занимал своего положенного по рангу места, а все время перемещался по залу и без умолку с красноречивыми жестами что-то говорил то кардиналу де Роану, то графине де Ламотт, то своему родному брату графу д'Артуа... Это же отметил виконт де Виль, красуясь в своем излишне "раскаленном" камзоле цвета "брусничного кирпича":

— Граф Прованский в своем амплуа. Он так переживает рождение дофина-наследника, что просто летает по залу!

Причина столь странного поведения графа Прованского была понятна многим на этом приеме. Ведь в течение долгих лет он считался единственным наследником престола Франции, а тут вдруг двадцатипятилетняя Мария-Антуанетта родила! Разумеется, ее сын и был объявлен теперь наследником-дофином, а граф Прованский потерял официальное наименование *монсеньор* и перестал числиться в дофинах. Считалось, что из-за этой коллизии у него появился "пунктик". В придворной среде о его достоинствах всегда были невысокого мнения. В свои двадцать шесть лет он был чем-то похож на своего брата-короля, фигурой рыхлого, склонного к тучности из-за наследственной гипертонии и гастрономической невоздержанности. Но кроме всего этого граф Прованский унаследовал красноречие и склонность к безграничному фантазированию, которое после рождения дофина-наследника и своей отставки он и пустил в ход. Сначала он утверждал, что во всем виноваты врачи-австрийцы, которые сделали Марие-Антуанетте тайную хирургическую операцию, после которой и появился на свет младенец-наследник. Потом он стал намекать: еще не известно, что это за младенец, и не привезли ли его в Версаль "эти австрияки". Он уверился в своих сомнениях и уверял других: тут дело нечисто!

Тут обман. И он, граф Прованский, докопается до истины! Его пробовали образумить, но это только подстегнуло полет его мысли. Направо и налево он стал говорить, что сынок королевы происхождения сомнительного, и если даже поверить, что его родила королева, то надо бы расспросить ее об отце. Он настойчиво советовал сделать это и своему брату — королю, который был на два года старше его. Но старший брат, зная с детства взбалмошный его характер, только разводил руками и просил младшего братца не сходить окончательно с ума из-за того, что его больше не называют дофином и не величают Монсеньором. Но граф Прованский совсем обезумел, распространял грязные слухи и устроил скандал во время крестин младенца. Он сказал архиепископу Парижскому, что тот нарушил обряд крещения! Когда же архиепископ спросил, в чем же состоит нарушение, граф в наступившей церковной тишине громко отчеканил: "Ваше высокопреосвященство забыли осведомиться об именах родителей младенца". Разумеется, архиепископ лишился дара речи, но потом все-таки заметил, что родители младенца всем хорошо известны, на что граф Прованский безапелляционно спросил: "А вы уверены в этом?".

Граф Ланжерон знал все пересуды от своих теток-"драконш" и относился к ним как к салонным россказням, но щеголь виконт де Виль, вспомнивший об этой истории и поглядывающий на "летающего" по залу графа Прованского, сказал:

— Да он и сейчас говорит все о том же. Разве вы не видите, как он жестикулирует, как он красноречив? Одно время он даже считал, что появление соперника-младенца — это происки спирита Месмера. Королева тайно бывала на сеансах этого спирита и могла на них ненароком и забеременеть.

— А в Вене говорят, что младенец явился плодом потусторонних сил, которыми в Париже сейчас управляет граф Калиостро, — сказал принц де Линь. — Калиостро обычно живет в одной из египетских пирамид, но иногда от скуки путешествует по Европе и творит, по преимуществу с женщинами, чудеса.

Тем временем граф Прованский остановился неподалеку, разговаривал с принцем Конде громким шепотом, и можно было расслышать слова о наследнике-дофине: "Она устраивает приемы с младенцем в разных дворцах Версаля! Думает, что это поможет. Думает, что всех убедит: родился Сын Франции! Как бы не так!"...

Принц Жозеф Конде, генерал-лейтенант, был шефом полка драгунских войск, расквартированных в Лиможе. В этом полку девятнадцати-

летний парижанин граф Ланжерон служил лейтенантом. Об офицере Ланжероне часто говорили, что он из тех, "кто сочиняет", то есть занимается в силу своих способностей и литературой. В полку были в ходу несколько эпиграмм лейтенанта, которые давались ему легко, шутя. И сейчас, удивляясь странностям графа Прованского, его "пунктику", в уме лейтенанта-сочинителя явился неизвестно откуда экспромт... и сочинитель тут же заговорщицким полушепотом поделился им со своими собеседниками:

— "Наш граф — Цицерон... Каждый думать привык: отлично у графа подвешен язык! Подвесим и то, что расскажет о графском уме, — весы, не колеблясь, останутся лишь на нуле"...

Собеседники заулыбались. Пестрый франт де Виль попросил Ланжерона повторить экспромт. Граф Прованский взглянул на весельчаков и тут же устремился к американцам Франклину и Адамсу, которые представляли в старой Европе Конгресс Нового Света. А к графу Ланжерону вдруг подошел церемониймейстер и пригласил его к королю.

Людовик стоял возле королевы и о чем-то разговаривал с графом Северным, но заметив графа Ланжерона, обратился к нему:

— Я тут говорил нашему гостю о том, что ваш предок — какой-то из Ланжеронов — служил у его деда, Петра Первого.

Граф Ланжерон впервые об этом слышал, но постарался в тон королю довольно уверенно сказать:

— Да, ваше величество, мой предок служил... служил Петру Великому.

— Мне об этом сегодня сообщили из Академии, — сказал Людовик.

— Петр Великий — единственный человек, который меня всегда утешает, — заговорил о покойном императоре граф Северный и продолжил: — Я как-то шел по ночному Петербургу и встретил его. Он пошел рядом со мной и говорил: "Павел! Бедный Павел! Я тот, кто примет в тебе участие. Ты не будешь привязан к этому миру, но я в нем буду тебе опорой." И знаете, я ощущал холод с той стороны, с которой он шел рядом со мной. А случилось это на том самом месте, где теперь стоит монумент Петру над Невой!...

Людовик в ответ стал рассказывать о своем, не менее мистическом случае, когда ему явился король Хлодвиг Первый, захороненный в Сен-Клу... А в это время франт де Виль подошел к принцу Конде и что-то зашептал ему на ухо. Конде заулыбался, закивал головой и, отойдя от сияющего де Виля, направился к кардиналу де Роану, которому тоже заговорщицки что-то проговорил на ухо. Кардинал де Роан, в прошлом человек

светский, оценил сказанное и тотчас направился к молодой и счастливой королеве, к которой он был довольно неравнодушен. И граф Ланжерон явственно услыхал окончание своего экспромта, который нежно проворковал на ушко веселой королеве кардинал. Мария-Антуанетта встала, отыскала глазами в зале графа Прованского — он ощутил, "поймал" ее взгляд, — и она прыснула от смеха, глядя на него.

Граф Ланжерон был поражен прической королевы: она была не только высокой, но и просвечивалась насквозь, а внутри просвета была различима миниатюрная клетка, в которой на пружинке весело покачивалась радужная птичка колибри. Королева распорядилась отнести спящего сына в детскую. Оркестр, чтобы не разбудить младенца, в четверть силы заиграл колыбельную. И предводительствуемое монархами общество направилось по переходным галереям в королевскую оперу.

Мелодичная выразительность Глюка всегда была по душе графу Ланжерону, но почти все первое действие "Армиды" ему мешала сосредоточиться на музыке мысль: каковы могут быть последствия столь быстрого продвижения его экспромта по кулуарам двора? И последствия эти не заставили себя ждать. Церемонимейстер вдруг нашел его и не только пригласил к графу Прованскому, но и отвел к нему, тут же удалившись. Брат короля сидел в ложе один, а поэтому громко и свободно сказал:

— Лейтенант! Я надолго запомню вашу выходку. И сделаю это без труда. Потому что у меня не только отлично подвешен язык, но и отменная память!

После этих слов он отвернулся и стал смотреть в провал партера. Что оставалось лейтенанту Ланжерону? Только поклониться и выйти.

Уже у себя дома на рю де Бурбон он рассказал обо все своему давнему приятелю, такому же лиможскому отпускнику, лейтенанту Шарлю Виоменилю. Тот, по своему обыкновению, пожалел, что его не было рядом, ибо тогда граф Прованский, будь он хоть десять раз брат короля, имел бы дело с ним, с Шарлем. Впрочем, лейтенант Шарль не долго об этом думал, так как спешил развлечься в Париже, и сообщил:

— Во вторник мы едем в Венсенский лес с дамами. А потом приглашены в салон мадам Сюар! Едем к портному. Я хочу быть у Сюар в цивильном фраке а-ля Франклин.

В Венсенский лес они отправились с модистками и в обществе еще двух офицеров, капитана Квентина Ришеборга и лейтенанта Риго Водреля. Прогулка получилась на редкость приятной. Модистки были милы и не скупились на ласки. Никто и не вспомнил об опасном версальском

экспромте графа Ланжерона, но его последствия были тут, рядом, в Венсенском лесу. Сначала мимо офицерского пикника пронесся лающий и визжащий вихрь, за ним группа всадников, которые в этот день занимались с егерями охотой. Они преследовали обреченную лисицу.

Герцог Орлеанский скакал по-английски, привстав на стременах. Собственно, он и был хозяином этой охоты. Братья короля граф Прованский и д'Артуа лишь присутствовали на ней, с неохотой согласившись быть участниками древнего занятия лишь потому, что рассчитывали поинтриговать на бале-ужине, который был обещан после окончания охоты. Братья отстали от преследовавших лисицу всадников, тщетно искали тропинки и в конце концов решили, что заблудились. Но тут, сделав большой круг по лесным чащам, лисица и выскочила на них. При этом она себя странно повела. Остановилась, как вкопанная, села и чуть ли не с улыбкой стала смотреть на братьев короля. Граф Прованский выстрелил первым, и — о позор! — лисица сделала сальто через голову и пустилась наутек. Они бросились ее преследовать, а она выскочила на дорогу, по которой ехал одинокий экипаж. Из него выпрыгнул офицер и уложил лисицу на месте выстрелом из пистолета. Когда к офицеру подскакали оба незадачливых охотника, он сразу понял, с кем имеет дело, и сказал:

— Поздравляю! Это ваш трофей.

— Но ваш выстрел был последним, — сказал д'Артуа.

— Да. Но она упала возле кареты и была бездыханной до моего выстрела, — сказал офицер и добавил: — Я стрелял лишь для того, чтобы убедиться: не обманывает ли она меня? — и он представился: — Капитан Сюар, к вашим услугам, ваши высочества.

С таким заявлением граф Прованский не только согласился, но был несказанно обрадован: в кои веки ему повезло на охоте!

— Как вы отрекомендовались? — спросил он.

— Капитан инфантерии Сюар.

— Прекрасно, капитан. Бросьте-ка эту хищницу на луку моего седла и поезжайте за нами в замок. Там, говорят, будет интересная компания сегодня.

Игроки

— Семнадцать!..

— Господи, опять этот номер! Воды, скорей воды, тете Кате плохо! И что у тебя за руки, там столько номеров — ты что, не можешь вытянуть что-то другое?

— И при чем тут я, если большевики забрали у тети Кати ее дом на Эстонской именно в семнадцатом году?!.

Тетя Катя живет в большой квартире на Мечникова — это все, что осталось от многочисленной недвижимости ее мужа, азартного одесского негоцианта. С тех пор прошло больше 50 лет, но тетя Катя все еще отчетливо видит перед собой широкий, покрытый зеленым сукном стол, разбросанные по нему карты, ровные стопки ассигнаций, яркий свет ламп и молодого человека в светлом костюме, небрежно откинувшегося назад с папиросой в руке...

— Пять!..

— У меня пять раз, по разу на каждой карте...

— Тетя Катя, а это правда, что вы один раз проиграли в лото пять тысяч за вечер?

— Кто это говорит? Конечно, нет.

— Я так и думала — врут, как всегда.

— Конечно, врут, — я проиграла десять!..

Старый стол под раскидистой сливой, деревянные скамейки по сторонам, вьющиеся стебли плюща, ажурные листья винограда, овальные лепестки петуний, высокие столбики мальв, "Саша, ты помнишь наши встречи..." на соседней даче...

— Девятнадцать!..

— "В жизни только раз бывает девятнадцать лет..."

— Не девятнадцать, а восемнадцать: "В жизни только раз бывает восемнадцать лет..."

— Ой, можно подумать, что девятнадцать бывает два раза!

— Тетя Эльза, а что вы делали, когда вам было девятнадцать?

— Что я делала? Думала, за кого выйти замуж.

— У вас что, было из кого выбирать?

— Конечно! Я выбирала из Баталова и Жерара Филипа.

— Ну, и кому из них больше повезло?

— Я думаю, Жерару Филипу — представляете, каково было бы ему в нашей коммуне на Островидова!..

Тетя Эльза только недавно переехала в отдельную квартиру на Черемушках, и еще долго не сможет забыть, как они вдесятером размещались на сорока восьми квадратных метрах минус коридор, удобства во дворе, душ на углу Торговой и Княжеской через три квартала...

— Двадцать девять!..

— Почин...

— И почему это двадцать девятый трамвай летом всегда такой полный?

— Скажи еще спасибо, что только летом, — вон Галина Ивановна полная не только летом, но и вообще весь год!..

Летняя высота неба, предвечерняя теплота моря, белые росчерки чаек, черные штрихи лодок, шум набегающих волн, "Арлекино, Арлекино..." где-то вдали над берегом...

— И что это за песня? Кто это поет?

— Та какая-то Пугачева, она с этим арлекином недавно что-то выиграла в Сопоте.

— Дядя Иголь, а сопот — это когда тихо говолят?

— Нет, Людочка, когда тихо говорят — это шепот, а Сопот — это когда громко поют.

— Три!..

— Деньги брал...

— "Три миллиона тонн зерна сдали в закрома Родины одесские хлеборобы..."

— Папа, а что такое "закрома Родины"?

— Ну... это такое место... это такое место, где все есть.

— А, я знаю! Это то же самое, что Торгсин. Там тоже все есть, я там один раз был с мамой.

— Девяносто девять!..

— Выверни свои глаза и читай еще раз. Такого нет.

Такого, правда, еще нет: никто пока еще не знает, что на памятнике рядом с именем тети Беллы будет написано "1914-1999".

— Да? Тогда шестьдесят шесть...

— Людя, поиграем потом в шестьдесят шесть? Или в девятку?

— Изабелла, не морочь голову: примус еле горит, иголок нет — и когда мы будем играть, если чай остынет быстрее, чем мы его будем греть?

Людя, урожденная Людвига, в советском паспорте Людмила... никто, кроме сестер, так ее давно не зовет. Только они еще помнят, как красивый мужчина с модно подстриженными усами развешивает игрушки на елке, стоящей посередине большой комнаты; он негромко напевает *O Tannenbaum*, а потом кричит с сильным немецким акцентом: "Людя, Людечка, посмотри!" — распахиваются высокие двери, и в комнату входит стройная большеглазая девочка лет двенадцати: "Что, папа?". Папа, он же дедушка Ваня, он же Иван Степанович, он же Иоганн Юнг, главный кондитер кафе Фанкони....

— Двадцать!..

— Не верю.

— Что значит — не верю?! Двадцать, можешь сам посмотреть.

— Ну, они же сказали, что через двадцать лет мы будем жить при коммунизме. Так я теперь как каждый раз слышу "двадцать", так не верю, и все!

Солнце исчезает за высоким обрывом. Затихает дневной бриз. На песок ложатся длинные тени.

— Четыре!..

— Квартира!

— По одному, по одному!..

— Я всегда говорила Витьке, что у его мамы было четверо детей: трое умных и он.

— Да? А я никогда не знал, что Витькина мама была с Молдавии.

— При чем здесь? Какой Молдавии?

— Вы ж сами сказали — Ион. Чисто молдавское имя.

Темнеет.

— Эльза, ты что, не видишь, что я уже ничего не вижу?

— Мама, как я могу видеть, что ты ничего не видишь, если я сама давно ничего не вижу!..

На небе появляются тусклые звезды. У горизонта загораются судовые огни. Из пионерлагеря наверху доносится "Не уходи, еще не спето столько песен..."

— Двадцать восемь!..

— Хорошо помешай!..

— Кстати, о Молдавии. Когда в Одессу пришли румыны, мне было как раз двадцать восемь. Хотя выглядела я максимум на двадцать семь. Папа к тому времени уже успел научить нас, как и что, — конечно, столько лет кондитером в "Лондонской", — и я пошла работать на хлебзавод. Хлеба, конечно, вынести было нельзя — не буду говорить при детях, как именно нас проверяли, — так тогда я подумала про тесто: надо же было как-то кормить Игоря и Эльзу, а спечь хлеб мы могли и дома. И вот один раз, перед тем как уйти с работы, я положила немного теста — всего три кило, ну, максимум четыре — дети, закройте уши — себе в лифчик. И пошла домой. На проходной мне никто слова не сказал, но май в том году был, как в этом август, а что делает тесто на жаре? — правильно: подходит. Так пока я дошла до дома, на меня посмотрело столько мужчин — больше, чем за всю мою остальную жизнь. А один так вообще захотел меня потрогать именно там — так я так заорала, что он наверняка подумал, что я ненормальная недотрога, — это с такими формами... Жалко, что он не знал за тесто... В общем, Моноля был потом очень недоволен... в отличие от детей...

Когда началась война, дяде Игорю было было семь лет, и он навсегда запомнил разрушенный бомбой дом на Конной, румынских солдат и мокрые стены катакомб; а теперь у него лодка и курень недалеко от дачи прямо над пляжем.

— Шестьдесят один!..

— Гагарин.

— Ну да. Валерчик.

— Почему Валерчик? Юрий. Юрий Гагарин.

— Именно Валерчик. Ты когда родился, Валерчик?

— В шестьдесят первом.
— Вот видишь. А ты — Гагарин...
— Ну, и дедушка Ваня...
— И дедушка Ваня, конечно... В декабре.
— В декабре. Шестнадцатого.

Валерка старательно накрывает монетками выпавшие цифры; ему еще нет десяти, и он пока не может помнить о том, что потеряет родителей и брата в течение всего трех лет, — это произойдет позже, а пока он думает только о цифрах, еще не подозревая, что за ними всегда что-то есть...

— Восемьдесят девять!..
— Вот-вот, дедушке Ване как раз исполнилось восемьдесят девять.
— Семьдесят два!..
— Правильно, дедушка родился в тысяча восемьсот семьдесят втором.
— Десять!..
— А бабушка Маруся была младше его на десять лет...

Одно за другим числа ненадолго повисают в воздухе, нанизываются на время, уплывающее в небо тонким дымом от дядиигоревой сигареты, и пропадают вместе с ним в темноте. Кто-то из взрослых перемешивает на столе черно-белые карточки лото, которые мелькают числами — 12, 31, 40, 57, 78 — и превращаются в черно-белые фотографии. Тысяча девятьсот двенадцатый год, тетя Катя и бабушка Маруся, темноглазые южные красавицы, на Николаевском бульваре; тридцать первый год, дедушка Арсений, молодой белокурый атлет, рядом с бабушкой Людой, тонкой миниатюрной брюнеткой, на пляже "Ланжерон"; сороковой год, тетя Света, серьезная кудрявая девочка в светлом платьице с оборками, вместе со своим братом Толей, красивым мальчиком в матроске; пятьдесят седьмой год, тетя Света и дядя Сережа, студенты университета, у комбайна в степи; семьдесят восьмой год, дедушка Арсений в саду на даче, одна из последних его фотографий...

Они играют в лото на старом деревянном столе в желтом конусе света, подвешенном на электрическом проводе в звенящей темноте южной ночи.

Ярко освещенный изнутри шестидесятиваттной лампой накаливания, этот конус пространства и времени висит над столом в нашей гостиной.

Худенький круглолицый мальчик с головой, едва высовывающейся из-за стола, — это дедушка, объясняем мы сыну, этот серьезный молодой

человек в очках с зачесанными наверх волосами — его папа, папа твоего дедушки, твой прадедушка, Том, вот эта красивая молодая женщина, аккуратно передвигающая по картам металлические кружочки, — твоя прабабушка, объясняем мы и садимся играть в лото. Мы раздаем карты, раскладываем в столбики монеты и хорошо перемешиваем содержимое мешка. Семнадцать, объявляет сын, закрывает нужную клетку, отрывается от карт и взглядывает на десятилетия назад.

Заключенные в конус теплого ночного воздуха, навсегда вырезанного из времени светом старой электролампы, они играют в лото на деревянном расшатанном покрытом истертой клеенкой столе, выкрикивая номера, смеясь и переругиваясь друг с другом.

Меняя увеличение, мы смотрим на них сверху, то приближаясь на несколько сантиметров, чтобы разглядеть бегущего по столу муравья, то отъезжая за Малое Магелланово облако, чтобы понять, где они находятся по отношению к Ближнему Космосу.

Мы смотрим на них сверху и сбоку, немного снизу и со стороны, глазами десятилетнего мальчика и случайного прохожего, соседки Нины Степановны и сорокалетнего мужчины.

Мы долго смотрим на них и никак не можем разобрать, кто же выигрывает, но отлично понимаем, что не проигрывает никто.

Мы то замедляем течение времени и порой даже останавливаем его, превращая в фотографию, то ускоряем до предела, прокручивая целые годы за несколько секунд.

Мы хорошо понимаем, что для тех, кто сидит за старым столом, завтра — это наше вчера, и что будущее наших детей — это прошлое наших внуков.

Мы наблюдаем за тем, как окружающая местность постепенно меняется, как сидящие вокруг стола люди исчезают, уступая место другим, как сам стол в конце концов растворяется на фоне глинистых склонов, но при этом в конусе света всегда остается кто-то из тех, благодаря которым сегодня мы и сидим в нашей гостиной.

Мы видим их в ярком свете ламп внутри прожитых ими жизней, а когда наконец рассматриваем все детали до самых последних мелочей, то снова берем в руки пульт управления и переключаемся в режим жизней возможных, но не случившихся, — там есть и такая кнопка.

— Dix-huit*! — выкрикивает тетя Белла, перекрывая шум авеню д'Опера за окном. Тогда, в тысяча девятьсот восемнадцатом, родители

* Восемнадцать (франц.).

в последний момент передумали оставаться в большевистской Одессе, и она выросла в пятнадцатом округе Парижа, удачно вышла замуж и переехала на правый берег поближе к Большим Бульварам, где у ее Эмманюэля была популярная кондитерская Londre*.

— Achtzehn**! — отвечает ей тетя Эмма с тенистой Пратерштрассе. Нет, в гражданскую им все же не удалось попасть в Париж, и после нескольких лет приключений они осели в Вене по протекции одного из многочисленных папиных родственников. Она окончила гимназию рядом с квартирой Иоганна Штрауса, выучилась бухгалтерскому ремеслу и поселилась с мужем невдалеке от плавучих мастерских, где он работал слесарем.

— Eighteen***! — отзывается бабушка Люда с 62-й стрит. Когда началась война, родители отправили ее через Стамбул в Будапешт, куда она так никогда и не добралась, познакомившись на пароходе с молодым фельдшером, который направлялся в Америку. После мытарств Эллис-Айленда и нищеты Ист-Сайда они в конце концов обосновались возле Централ-парка, где ее Арни открыл собственный кабинет с медной табличкой "Dr. Plasterer" на двери...

Мы всматриваемся в лица трех сестер и видим в них отражения того, что не случилось, — морщинки от грусти, отеки от ностальгии, круги от разлук. Мы пытаемся прокрутить еще немного вперед, чтобы узнать, что могло бы произойти с ними потом, но черты размываются, изображение теряет резкость, и мы отказываемся от этой затеи, понимая, что человек несет в себе только приблизительные очертания своего будущего; понимаем это и возвращаемся к игрокам за деревянным столом. Спокойной ночи, говорит жена через какое-то время и уходит в спальню, через несколько минут за ней следую я, и сын остается один перед конусом света, висящим в полутьме на старом электрическом проводе. Мы просыпаемся среди ночи, разбуженные его голосом: взволнованный, он стоит перед постелью, чтобы позвать нас в гостиную; мы идем за ним и видим посреди темноты остановленное изображение, которое ярко освещено изнутри: стол, лежащие на нем карты, кубики лото и несколько белых страниц с рисунками; деталей не разобрать, но сын нажимает кнопку увеличения, и перед нами оказывается перевернутый портрет, небрежно сделанный карандашом, как будто кто-то из игроков, заскучав, в рассеянности начал во-

* Лондон (франц.).

** Восемнадцать (нем.).

*** Восемнадцать (англ.).

дить грифелем по бумаге. Переворот, увеличение, поворот — и мы видим перед собой лицо нашего сына, набросанное чьей-то умелой рукой задолго до его рождения.

Люди перетекают друг в друга, не отвлекаясь на даты.

Человек появляется на свет задолго до момента рождения и долго живет после смерти.

Время существует для того, чтобы, остановив его, бесконечно долго рассматривать срез.

Париж

Леонид ФИНКЕЛЬ

Воспоминания о Сульце
Моя Via Nostalgia

Моим друзьям Ирине Варшавской и Илье Гомельскому посвящаю

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж выдают?
А. Пушкин

Мне скучно, бес...
А. Пушкин

1

Уже давно нет царской России, нет тех людей, про которых пишу. Они давно переселились в меня, связаны моей памятью, моими мечтами и фантазиями, а все хочется говорить о них, вспоминать, какими были, как жили. Те, кто живет на их месте, — это другие люди, да и я другой. И вот этот другой — живет там, в ином измерении, соединяя прошлое и настоящее, сбывшееся и несбывшееся. И все это за гранью реальной жизни, которую одни прожили с мукой, другие счастливо. А в общем, — сон, который снится мне одному...

2

До двухсотого дня рождения Александра Сергеевича Пушкина оставался один день. Объявленный праздник на Пушкинской площади поражал своей пустынностью и заорганизованностью. Площадь оцеплена милицией. Любителям поэзии прорваться к Пушкину — невозможно: с трибуны будут выступать высокие государственные лица...

А когда-то мы здесь читали стихи. И еще... чуть дальше... на площади Маяковского. А поэт Илюша Бокштейн однажды вышел на площадь Маяковского, взобрался на постамент и произнес двухчасовую речь "Сорок четыре года кровавого пути к коммунизму". Все кончилось для него Лубянкой, Мордовией и Дубровлагом № 17.

Как-то некстати были эти воспоминания, совсем уж не юбилейные...

Однажды, отправляясь в институт на лекции, я увидел, как мойщики мыли памятник Пушкину: приставили к монументу большую лестницу и... отправились на долгий перекур. Я сфотографировал памятник и эту лестницу, припомнив слова Гоголя, что Пушкин ушел и не оставил к себе лестниц...

Увы! та лестница и сегодня перед глазами. И по ней уже взбираются все кому не лень...

Пушкин вдруг сделался "солнцем русской кулинарии".

"Златая цепь" на широко известном дубе стала украшением ювелирных магазинов. Торговцы спиртным наперебой приглашают: "Подвинем бокалы, содвинем их разом".

"Тройка, семерка, туз" под портретом Пушкина зазывают в казино.

В средней школе первоклассники лихо отвечают на вопросы корреспондентов: "Чем занимался Пушкин?":

— Пушкин был депутатом.

— Пушкин был первым русским царем. Пусть он объяснит, почему не кончается война в Югославии.

— Пушкин пишет стихи и будет нашим президентом.

— Пушкин самый добрый человек.

— Пушкин написал наш гимн.

— Пушкин писал сказки и первым полетел в космос.

— Пушкин построил Москву.

— Пушкин — это кого все знают наизусть.

— Пушкин любил детей.

И хотя последнюю фразу вполне могло бы подтвердить население поселка Михайловское, у изрядной части которого до сих пор проглядываются признаки кудрявой гениальности, прочие утверждения поставили меня в тупик. Все то же когда-то говорили о Ленине. Это, как предупреждал Иосиф Бродский, "сидит на сетчатке, слившись в одно бесконечное серое целое".

Еще хуже было, когда стали читать в микрофон стихи Пушкина, под-

твердая его слова "мы все учились понемногу...". И впрямь, те случайные прохожие, кто читал стихи Пушкина, знали из него уж слишком "понемногу". А больше всего поразил премьер-министр, который лихо отчеканил:

И пальцы тянутся к перу,
Перо к бумаге,
Секунда — и стихи свободно потекут...

Что справедливо можно было расценить как желание "тянуться" к Пушкину. Но поскольку главе правительства свойственно торопиться, пушкинская "минута" была заменена другой, более динамичной единицей времени.

Мы, русскоязычные писатели, тоже в тот год отличились. Организованный нами Пушкинский фонд, который возглавил Давид Колин, в Яффо на улице Александра Пушкина открыли временную мемориальную доску, чтобы всяк знал, в чью честь назвали улицу. Коренным жителям, заинтересовавшимся именем и честью, которую Пушкин оказал Израилю, мы объяснили, что Александра Сергеевича убил террорист. Если признаться, никакого преувеличения в том не было, и объяснение было принято сразу.

Точно предчувствуя будущие потери, Давид, рыцарь и бессребреник, умер от инфаркта прямо в студии радиостанции РЕКА, передавая очередное сообщение о подготовке к юбилею Пушкина.

Да, в те первые годы репатриации среди других потерь потерять Пушкина казалось особенно несправедливым...

Я часто выходил на берег моря, и мне казалось, что по древнему Ашкелону бродит Александр Сергеевич, в цилиндре, опираясь на палку, и совершенно нагой, потому что у нас в Африке жара стоит необыкновенная...

Я смотрел на море и думал о возврате в прошлое. Только что подняли со дна два финикийских парусника. Везли из Тира в Карфаген амфоры с вином. На всем побережье Средиземного моря лучшее красное вино было в Ашкелоне. Ирод Великий поставлял его к столу римских императоров.

Я смотрю на море и вижу очертание лица. Точно человека поставили так, чтобы Луна отбрасывала на стене его тень. И обвели эту тень углем. Человек ушел, а тень осталась. И еще длинный ноготь на мизинце, одетый, чтоб не сломался, в золотой колпачок...

Вот он берет перо, склоняется к бумаге и выводит нечто важное, касающееся всех нас:

...Вдруг лоно волн
Измял с налету вихрь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

И подписал: июль 1998 года. Ашкелон. Средиземное море, температура воды двадцать пять градусов...

"Арион" — ну чем не репатриантское стихотворение? В перестройку и наше перемещение в Израиль все так и было... Ничего более русского, чем язык и Пушкин, у нас не было...

Здесь, в Ашкелоне, начались Пушкинские праздники.

Я еще не знал, виток это или оборот.

Какие-то атмосферные раскаты, громыхания: приближение грозы.

Будущее в прошедшем.

Тогда запала нелепая мысль: о Дантесе как о террористе. Мысль эта не писалась, она точно проступала, словно она уже была, а я ее лишь достал оттуда.

Откуда?

В середине 20-х годов в Москве существовало литературное общество "Звено". Молодой пушкинист самым серьезным образом доказывал, что Пушкин был большевиком чистейшей воды без всякого там уклона. Поднимается известный тогда беллетрист Насимович и говорит: "Товарищи! Я очень удивлен нападками, которым тут подвергается докладчик. Конечно, Пушкин был чистейший большевик! Я только удивляюсь, что докладчик не привел еще одной главной цитаты. Вспомните, что сказал Пушкин: "Октябрь уж наступил".

В дальнейшем мне приходилось слышать, что тем молодым пушкинистом был мой учитель в Литературном институте известный Валерий Яковлевич Кирпотин. Во всяком случае, я был знаком с его статьей "Пушкин и коммунизм".

В России не восприняли смерть Пушкина как смерть на дуэли.

В России всегда знали — произошло спланированное убийство.

Теракт.

В Европе обычным расстоянием между барьерами — считалось двадцать пять — тридцать пять шагов.

В русских поединках минимальным расстоянием было три (!) шага, дуэли на шести шагах не были экзотикой, а средним расстоянием считалось восемь-десять шагов.

Тридцать пять шагов при тяжком оскорблении — знаменитые дуэлянты Толстой-Американец, Дорохов, Якубович, да и Пушкин умерли бы от смеха.

Дуэль Пушкина и Дантеса по европейским меркам выглядела "необыкновенной", незаконной, даже варварской...

Пушкин целился в одного, а видел многих. Он не мог уловить, откуда идет опасность. Это был бой в темноте. И он готов был стрелять на звук, на шорох шагов, на голос, в едва различимый силуэт. Он вслушивался, пытаясь определить верное направление удара. Но не выдерживали нервы. Африканская кровь бушевала. Оскорбленное самолюбие угнетало...

.

3

Наш путь в Сульц начался в Баден-Бадене, от памятника Достоевскому и тургеневской аллеи с бюстом Ивана Сергеевича Тургенева. Вот стоит Федор Михайлович, который только что вышел из игорного дома, босой, потому что в пух проигрался, руки готовы сжаться в кулаки, нервное напряжение столь велико, что он как бы продавил земной шар, а Тургенев был человек спокойный, тихий, склонный к миролюбию и согласию, но вот согласия между ними как раз и не было. Достоевский видел в Тургеневе жеманного либерала, совершенно не понимающего Россию, а Тургенева бесило, что "у Достоевского через каждые две страницы его герои в бреду. В исступлении. В лихорадке". И мне кажется, что я слышу их голоса. И как задолжавший Тургеневу Достоевский (пятьдесят талеров!), вместо того чтоб вернуть ему долг, кричал: "Вы никогда не знали Россию, и никогда не могли ее понять! Вам надо съездить в Париж и купить себе телескоп, чтоб смотреть на Россию". А Тургенев парировал: "Я ненавижу ваш квасной патриотизм... Если вы оскорбляете немцев, вы оскорбляете меня лично, Я считаю себя немцем, а не русским. И горжусь этим...".

А пока наша машина никак не хотела трогаться с места, попросили немецкого техника посмотреть, в чем дело, он сел за руль и произнес слово, которое я знаю с детства: "Капут". К счастью, он ошибся, и мы двинулись в Сульц, расположенный невдалеке от Винной дороги, в родовой замок баронов Дантесов. Именно отсюда в поисках счастливой фортуны уехал молодой Дантес, и сюда же после дуэли 1837 года он вернулся, но уже не

один, а с женой, Екатериной Гончаровой, родной сестрой блистательной Натальи Пушкиной.

Вообще, весь край на Северо-Востоке Франции поразителен. Не случайно, присоединив Эльзас к Франции, Людовик XIV воскликнул: "Какой прекрасный сад!". Буквально за каждым поворотом дороги вас непременно встретит то романтический замок, то великолепный готический собор, то средневековые крепостные стены...Окрестные маленькие городки и села утопали в цветах. Любая улочка — законченный пейзаж. Любая зеленая лавка — это столько-то и столько-то натюрмортов. Стоит ли говорить о готических соборах? Их красота и величие говорят сами за себя. Их строили сотни лет. Тысячи людей вложили в этот камень свою душу. Заезжаешь в Шартр, кажется, не может быть собора более светлого, высокого, красивого, излишне красивого, но вот собор в Страсбурге — и просто на грани пышности...

Все ухожено, добротно сделано, все здесь помнят и хранят историю рода, высоко ставят честь.

Только часто понимают ее по-разному...

Спустя почти сорок лет после дуэли Дантес представлялся русским во Франции:

— Барон Геккерен (Дантес), который убил вашего поэта Пушкина.

Так что потомки Пушкина и потомки Дантеса до сих пор не подают друг другу руки. Правда, я где-то вычитал, что бельгийский потомок Пушкина и французский потомок Дантеса во время какой-то пьянки обнялись, но что не бывает по пьянке! Я знал Григория Пушкина, прямого потомка Александра Сергеевича, он ничего подобного слышать не хотел!

4

Вообще, история нестерпимо старая: две молодые женщины полюбили одного мужчину. Жена Пушкина Наталья Николаевна и ее сестра Екатерина влюбились в Дантеса. История эта задыхается среди исторических воспоминаний, как среди семейных сувениров. Молодят ее, увы, ставшие уже редкими находки, как книга итальянской исследовательницы Витолии Сирены, которая очаровала правнука Дантеса. Он раскрыл перед ней свой "секретный" чемодан, где она обнаружила 25 писем Дантеса к Геккерену и другие интересные материалы.

Совсем недавно выступила и московская "Литературная газета" со статьей известного пушкиниста, который считает, что находка-де хороша, но...

В общем, как бы это точнее сказать... Недостаточно патриотична. Хо-

роший вкус мешает что-либо делать... да и делать уже нечего: все главное как будто уже сделано.

А нам захотелось вдруг в Сульц, так сказать, в логово...

...Городок маленький. Его и сегодня не на всех картах найдешь, а в ту пору о нем вообще мало кто знал...Сначала мы с женой и друзьями заехали в Кольмар, прекраснейший среди городов Эльзаса. Конечно, осмотрели здание бывшего Доминиканского монастыря, основанного в X веке, который как нельзя лучше подходит для произведений Мартина Шонгауэра, Ганса Старшего, Лукаса Кранаха Старшего (моего любимого). Ну и конечно, знаменитый Изенгеймский алтарь. Но меня интересовала биографическая подробность Дантеса: он уроженец Кольмара. Значит, все эти красоты видел?! Как ко всему относился? Известно, что школяр он был никудышный, литература вообще выпала из его поля зрения. В будущем он уповал на две вещи: острую шпагу и рекомендательное письмо.

Конечно, по пути разговорились, как и положено, о Наталье Николаевне, вспоминали, как чествили ее Ахматова с Цветаевой, ревновали, как к собственному мужу. Да и Серена Витали, итальянка, серьезная исследовательница, незаурядный пушкинист, назвала Наталю Николаевну "поджигательницей": "Вы говорите о том, что Наталья Николаевна оставалась верной Пушкину. Но разве измена — это только физическая близость с другим? А измена сердца — это ли не измена? Где провести границу? В Евангелии сказано о грехе прелюбодеяния в сердце. К мужчинам и женщинам это относится в равной мере. Наталья Николаевна — только женщина. А женщина, как и мужчина, может любить не один раз. Вы хотите знать мое собственное мнение о Наталье Николаевне? Вот оно: она была поджигательница... Пушкина погубила ее игра в поджигание. Я думаю, если бы она пошла в своих отношениях с Дантесом до конца, Пушкин не погиб бы...".

Думаю, это больше всего и не понравилось известному пушкинисту из "Литературной газеты".

Впрочем, у меня была своя версия Натальи Николаевны.

5

Писатель Юрий Дружинников, увы, уже покойный, как-то писал, что сегодня за определение совместимости Пушкина и Натальи Гончаровой взялись программисты и брачные конторы. И что, вы думаете, выдал компьютер? Из всех кандидатур в невесты Пушкина — Софья Пушкина, Ан-

на Оленина, Екатерина Ушакова и Наталья Гончарова — самой неподходящей оказалась именно Наталья Николаевна. Наиболее приемлемыми программа посчитала для Пушкина Екатерину Ушакову и Анну Оленину. Но, строго говоря, и те не подошли. Вторичный выбор назвал одну из клиенток брачного бюро аспирантку кафедры славянских языков Калифорнийского университета Беркли, еврейку из Одессы.

Из того же эксперимента стало известно, что для Натальи Николаевны подходящей кандидатурой оказался Дантес, далее Николай Первый, и никак не Пушкин.

Выбор Пушкина был куда более человечным.

Выбор машины — безжалостно-прагматичным.

Это в жизни. Вот что интересно, как в творчестве.

А в творчестве Пушкина старик постоянно стоит на пути молодого человека.

Это заметил еще Сергей Эйзенштейн, великий кинорежиссер, который хотел снимать фильм, посвященный Пушкину. Замысел преследовал его настолько, что за два дня до смерти он открыл его в разговоре с одним из преподавателей драматургии кино в Москве:

— Что является темой всех произведений Пушкина? Упростим схему: старик, загораживающий дорогу к счастью. Вспомните "Евгения Онегина", "Цыган", "Бориса Годунова", "Капитанскую дочку". В "Пиковой даме" старуха скрывает секрет. В "Скупом рыцаре" нет любви, но есть старик, владеющий богатством, которое он ревниво хранит и никому не отдает...

Гениальное изобилие мыслей, характеров — и одна-единственная ситуация, проходящая через все произведения Пушкина: старик, который мешает любить, неосуществленная любовь юноши, мечта о несбыточной любви.

Я подивился совпадению мыслей: а что если в ту роковую осень 1836 года Пушкин сам был тем стариком, который стоял на пути молодого человека? И он это понял! Наталья Гончарова напоминала Пушкину о его первой любви к жене Карамзина — в нее Пушкин влюбился еще в лицее. Писал, просил свидания, а она пришла на свидание вместе с мужем. Кажется, от этой травмы он так и не излечился никогда.

Запретной для него была любовь к Собаньской, не менее мучительной к Воронцовой.

Его треугольники удваиваются. Утраиваются — Он, Она и ее Муж.

Он, Она и Царь.

В "Капитанской дочке" треугольник "Отец-Женщина-Сын" вырастает до треугольника "Разбойник-Россия-Властелин"...

6

Итак, Пушкину какая-то еврейка, в прошлом одесситка, а ныне студентка из Беркли подходит больше всего.

А кто она, из Беркли-то? Лиля Брик, что ли?

В 70-х годах я написал пьесу "Ты — моя вечность" (Монолог Натальи Николаевны). Тогда же показал ее легендарному импрессарио Пинкусу Абрамовичу Фалику. Тот — жене, замечательной еврейской актрисе Сиди Таль. Пьеса их тронула, чего, по правде сказать, я никак ожидать не мог, — мне казалось, что истории Пушкина никак не в сфере их интересов. На семейном совете (в моем присутствии) решили, что для этой цели надо пригласить известную актрису — Аду Роговцеву. У Пинкуса Абрамовича "сказано" и значило "сделано". И он тут же позвонил в Киев.

Красавице Роговцевой пьеса понравилась, и она пообещала, что непременно сделает моноспектакль, правда, сроки были весьма неопределенны — год, два. Для молодого литератора, которым тогда был я, эти сроки были равносильны пришествию коммунизма или Мессии, по нашей нынешней терминологии. До сих пор вспоминаю улыбку известной актрисы, которая отдавала грустью.

В результате за роль взялась другая исполнительница: рослая, красивая. Она всегда привлекала к себе внимание мужчин. Я видел, как она лишала рассудка имеющих жизненный опыт людей. В общем, она и меня лишила рассудка.

Художественный совет пьесу утвердил, но актриса неожиданно подала документы на выезд в Израиль. И поскольку Наталья Николаевна стала "выездной", дирекция филармонии тут же отнесла Наталью Николаевну в разряд пособниц убийц Пушкина. Таким образом, "всемирный сионистский заговор" вокруг Пушкина разрастался. Монолог Натальи Николаевны был снят с повестки дня.

На прощанье директор филармонии, бывший секретарь райкома по сельскому хозяйству, улыбнулся. Сегодня я бы сказал, что его улыбка рассыпала доллары (тогда я их в глаза не видел). Причем все вклады гарантировались от инфляции. Риска — никакого.

Он говорил на простом русско-украинском наречии, но я долго не мог уловить смысл его слов. На минутное дело он потратил час. В переводе на современный русский, он сказал следующее: "Держать в портфеле филармонии пьесу уже не имеет смысла, поскольку Наталья Николаевна скомпрометировала себя...".

Конец его речи оставлял сожаление, как конец чековой книжки.

В общем, тот же треугольник.

Он.

Женщина.

Государство.

И незримое присутствие Эдипа и Фрейда.

7

Мы въехали в Сульц. Симпатичный городок, насчитывающий около пяти тысячи жителей (в годы, когда здесь проживал Дантес, их было четыре тысячи, то есть почти два века мало что изменили в городе).

— Что это? — остолбенел я.

В первой ближайшей витрине информационного агентства я увидел большой плакат, и на нем — портрет Пушкина.

Я толкнул дверь.

Зазвенел колокольчик.

Я вздрогнул.

Звон колокольчика до самой кончины в ссылке пушкинский прадед Ганнибал не мог слышать. Не мог слышать его и правнук. Колокольчик увез его в Москву, вернул в Михайловское, затем в Петербург, Арзрум, Оренбург — и провожал в последнюю дорогу.

Заходим в агентство. Естественно, французского языка не знаем. Немецкий — как писали в советских анкетах — со словарем, то есть никак. На помощь зову подругу с английским и друга, который, не зная ни одного языка (кроме, разумеется, русского и иврита), может разговаривать даже с китайцем. Но английского не знает директор агентства мсье Валлон. Французы тоже в некотором роде "бывшие советские", у них, как говорил про нас Маяковский, "собственная гордость": на любом другом языке ни бум-бум. В конце концов, он дает мне программку спектакля о Пушкине, который будет показан в парке замка Дантесов. Пушкина играет русский актер, в афише фамилия не обозначена. Этот спектакль был уже показан однажды, там заняты двенадцать человек, билеты недорогие — 10 евро для детей и 20 для взрослых. Кажется, сюда входит цена за легкое угощение...

Актер Джордж Чарльз уже сделал имя себе на этом спектакле. Он играет Дантеса и рассказывает о своей поездке в Россию. Старик (а актер играет Дантеса в старости) прожитой жизнью очень доволен.

Общими усилиями при помощи рук, плеч, ног и вошедшего посетите-

ля с полуанглийским определяем позиции сторон. Щепетильные места обходим. Взаимоотношения любовников барона Геккерена и Жоржа Дантеса опускаем, поскольку парады гордости как в Тель-Авиве, так и в Иерусалиме игнорируем. До сих пор не знаем, жил ли Дантес с Геккереном, или Геккерен с ним...

Между прочим, сам Пушкин первым пустил слух о том, что только что зачисленный в гвардию блестящий француз, уже ставший весьма популярным в высшем свете, — гей, живущий на содержании стареющего дипломата. Секрет рассказали ему в одном из борделей тамошние девицы, к которым захаживал Дантес.

— Понимаете, — говорит мсье Валлон, — Дантес сражался за свою честь. И если бы он не убил поэта, тот убил бы Дантеса. К тому ж, все было по-честному.

Возражений по этому поводу у меня нет. Крикнув после выстрела: "Браво!", но, узнав, что Дантес не убит, Пушкин сказал: "Как только мы поправимся, снова начнем". Вообще, последний выстрел Пушкина вызвал серьезную печаль философа Сергея Соловьева: "Это крайнее душевное напряжение, этот отчаянный порыв страсти окончательно сломил силы Пушкина и действительно решил его земную участь. Пушкин убит не пулею Геккерена, а своим собственным выстрелом в Геккерена".

Но это еще не повод не любить русских, правда, мсье Валлон?

Но мсье Валлон человек весьма практичный. Конечно, он плохо понимает смысл моих слов. Он просто размышляет о том, как трудно добиться понимания, если речь касается чего-то возвышенного или глубокого, и тут же переходит на тему о туризме в Сульц, которому мешают русские своим предвзятым отношением к Дантесам. Оно совершенно несправедливо, отталкивает туристов от старого замка и портит всю историю мирного и уютного городка. Тем более что никто из Дантесов тут больше не живет. Они продали все, что имели, городу и уехали отсюда. Кстати, последний из Дантесов — владелец мусороперерабатывающего завода. Когда он приезжает в Сульц, он снимает в своем бывшем замке номер...

Мсье Валлон волнуется:

— Господин пушкинист?

— Нет, что вы! Я писатель, выпускник Московского литературного института, автор полутора десятков книг, но пушкинист ли? Я просто человек, обязанный этой великой тени спасением своего мозга.

Я чувствовал легкое возбуждение, даже нечто вроде слабой желудочной колики.

Какое бедствие в бездне звуков!

Видимо, не найдя во мне коммунистического запала, мсье Валлон стал спокойнее.

— Между прочим, вы сейчас выйдете на площадь, которая была создана в бытность Жоржа Дантеса мэром. Он снес квартал старых домов, перестроил здание мэрии и водрузил над фонтаном статую святого Мориса, которому посвящена местная церковь. Среди достопримечательностей Сульца — орган восемнадцатого века, да и сам замок Дантесов.

Мсье Валлон показал нам, как туда пройти. Прощаясь с нами, он старался держаться как можно дружелюбнее. Но на вопрос, гордится ли он Дантесом, сказал с обезоруживающим достоинством: "С какой стати отрекаться от своих героев? Но, поверьте, потомки Дантеса относятся ко всей этой истории с полной ответственностью. Станьте же и вы на их место!".

— Да, но с этим невозможно смириться... А все-таки, о чем предстоящий спектакль? — переменил я тему.

Ах, о чести семьи! Вообще же, честь на Западе хранят неукоснительно. Несмотря на все усилия советского, а потом российского МИДа, так и не удается получить в нидерландском посольстве доступ к переписке барона Геккерена.

Распрощавшись с мсье Валлоном мы двинулись к поместью Дантесов... и через пять минут оказались на улице "rue d'Anthes", — кривая улочка, большинство окон закрыты ставнями, улочка упирается в поместье, то есть трехэтажный дом с башенкой на углу, дом под высокой островерхой крышей (именуется замком д'Антесов). Фасадом он выходит на улицу Жана Жореса (французский материк давно перевернулся!) но торцом смотрит на эту самую кривую улочку, по которой я хожу туда и обратно. Мои друзья глядят на меня, как на привидение...

Когда Дантес вернулся в Сульц, там, разумеется, понятия не имели про Пушкина, дуэлью же французов не удивишь. Для жителей было главным, что он вернулся из России без чинов, без богатств, под чужой фамилией. Но человек он был энергичный, по натуре, как я понимаю, — предатель (чего стоят два имени и три отечества!). И жители его выбрали мэром города, позже он станет сенатором. Как утверждает мой коллега, в честной борьбе непременно побеждает жулик.

Перед входом в дом растет могучий клен. Он встречал молодоженов, прибывших из Петербурга. Вообще, дом окружен парком с раскидистыми ясенями и каштанами.

В начале 90-х годов разорившиеся потомки Дантесов продали родовой

дом, и в нем разместилась гостиница с рестораном, где одно из меню, видимо, для возбуждения аппетита названо "Дантес".

При содействии российских властей восстанавливается исторический контекст эпохи. Не без их участия появились здесь комнаты "Александр", "Наталья", "Екатерина", зал "Сергей", названный в честь отца Пушкина. Особой популярностью у молодежи пользуется зал "Екатерина", который выбирают для бракосочетания те, кто в отеле проводит и медовый месяц.

Я молча стоял. Смотрел на решетку единственного балкона, где сохранились инициалы и герб барона д'Антеса. Екатерина, которую здесь окрестили "печальной дамой в лиловом", прожила в замке семь лет, до самой смерти. Она скончалась после рождения четвертого ребенка — долгожданного сына...

В какую-то минуту мне показалось, что в окнах стали появляться тени: их четкое очертания прекрасно просматривались с улицы, это были очертания людей, собравшихся в комнате, — настоящий конгресс призраков. Там присутствовали и генералы, и министры, и сам государь император Николай Павлович, и еще какие-то знатные люди, но члены семейства Дантеса очертаниями фигур напоминали персонажей фресок Джотто. Старик Геккерен (ему и пятидесяти не было) нюхает табак, чтоб не курить (врачи запретили).

Я знал: Дантес скользкий, его не ухватишь. Все равно что собирать шарики ртути на ковре. Или сосать леденец: сколько не соси — не уменьшается, словно покрыт непроницаемой пленкой. Нет никакого сопротивления. С него все стекает, будто бы подбит какой-то взвесью. Даже когда думаешь, что знаешь его по Щеголеву или Витали Серене, и считаешь, что у тебя к нему иммунитет, я чувствую вдруг, как рубашка прилипает к телу, когда так рядом, близко, дышит тебе в лицо все то, что годами гнило, загнивало и прогнивало, затхлое и все-таки пускаемое в ход: ханжеское, освещающее любое мошенничество жесты, пустое достоинство, слушающее лишь самого себя, ловкое, использующее свое преимущество, хитрость, казуистическое заговаривание фактов — всегда из-за угла, всегда прикрывая наглую ложь полуправдой... — все мешало мне дышать, хотелось кричать, требуя воздуха. В общем, я — не на высоте. Не сумел. Не справился. Потом понял: просто мне нельзя было кривиться от отвращения...

Постепенно я ощущал в себе способность стать соучастником этих призраков.

Были здесь и какие-то надоедливые типы от искусства и литературы, не умеющие улыбаться искренне люди с недоверчивыми взглядами, точно некий узел мешает им двигать руками и ногами, понимать и творить...

Иной раз открывалось окно, и кто-то мелькал за портьерами в глуби-

не темной комнаты, я думал, что это, скорее всего, кто-нибудь из предков, может быть, даже основатель рода, который создал завод холодного оружия. В гербе — шпаги. Правда, нынешний из Дантесов — владелец завода по переработке мусора, — тут уж вряд ли что-нибудь позаимствуешь для герба, не более чем игра воображения.

А вот и Екатерина. Сидит за столом. Перед ней столовый прибор. И вдруг в руке повисает ложка...

Да, она возвела на вершину предвкушение любви, но после нее остался неприятный привкус...

8

Большой портрет Екатерины Николаевны (практически неизвестный в России) — основная достопримечательность муниципального музея в Сульце. Автор картины — местный художник Анри Бельц. Рядом с портретом — копия гробовой доски Гончаровой, портреты Дантеса и его приемного отца барона Геккерена. Дантесам посвящен целый зал музея, в котором не бывает посетителей. И как мы убедились, куратора музея в означенные работой часы музея — тоже трудно застать. Мсье Валлон был прав. Русские сюда не едут...

Муниципалитет купил еще несколько гравюр, две огромные печки — чугунную и облицованную изразцами, некогда они находились в поместье Дантесов. История дуэли представлена здесь литографией, копией дуэльных пистолетов, подлинное оружие находится в музее французского города Амбуз, история его приобретения весьма оригинальна. Пистолеты купил на аукционе в Париже коллекционер, увлекавшийся историей... почты. Для него Пушкин — автор повести "Станционный смотритель", а стало быть, имел отношение к почте. Вскоре не только злополучные пистолеты будут напоминать в Амбузе о русском поэте. В ходе реконструкции муниципального театра перед ним разбивается новая площадь, и городские власти решили назвать ее именем Пушкина.

Затронув тему пистолетов, не могу не сказать, что здесь для меня кроется некая загадка. Советское пушкиноведение убеждало меня в том, что Дантес был хорошим стрелком, профессиональным военным, который тактически правильно построил дуэль, он не стал подходить к самому барьеру, военная выучка подсказала ему, что стрелять нужно сразу. А между тем в музейной комнате среди других предметов посетитель может взгля-

нуть на зловещую мужскую фигуру из чугуна в полный рост с вьющейся шевелюрой, с прикрепленным на уровне сердца деревянным кругляшом, служившим Жоржу Дантесу мишенью для пистолета. Эта фигура датируется 1840 годом, Дантес, видимо, тренировался. Фигура жутковатая в своей молчавшей обиде. И явно говорит о том, что Дантес был плохим стрелком. А Пушкин действительно отменным, это он мог вколотить пулю в муху на стене. И мишень, точно живой человек, смотрела на меня и спрашивала: тот, которого убил Дантес, он потом вправду был мертвым?

Всерьез думаю — Бес вмешался.

Сатана.

И поплыло по кругу, как трубка мира, это словечко: Бес, да Бес...

Всю жизнь Пушкин пестрил рукописи картинками бесов, чертей, дьявола и прочей нечисти.

Но не Провидение ли Божие?

— Когда его товарищ и секундант Данзас, — рассказывает князь Вяземский, — желая выведать, в каких чувствах умирает он к Геккерену, спросил его, не поручил ли он ему чего-нибудь в случае смерти касательно Геккерена, — "Требую, — отвечал он, — чтобы ты не мстил за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть христианином".

Иосиф Бродский считал, что судьба послала Пушкину удивительную удачу: он не стал поэтом-убийцей! Представляете: поэт-убийца! Это все равно что Скупой Рыцарь...

...Уходя из замка, мы двинулись к старому кладбищу на краю города. Почти в центре кладбища у забора было фамильное кладбище Дантесов. Первым его обнаружила подруга. Вскрикнула от радости — искать пришлось недолго.

А я подумал: ну как там они?

Здесь, на кладбище, могила приемного отца Дантеса — барона Геккерена, дожившего до 93 лет, могила Дантеса, он умер в возрасте 83 лет в собственном доме. Долго прожили, видимо, не очень совесть мучила.

Недавно на могиле Екатерины Николаевны стараниями Российского генерального консульства установлена новая мраморная доска с надписью: "Здесь покоится Екатерина Гончарова, баронесса Геккерен, родившаяся в Москве, умершая в Сульце 20 октября 1843 года в возрасте 32 лет". С возрастом вышла небольшая ошибка. Известно, что Екатерина Николаевна скончалась в 34 года. Свой истинный возраст она, скорее всего, скрывала, будучи на четыре года старше любимого супруга.

Неподалеку от материнской находится могила дочери Леонии-Шарлотты Дантес. Первая красавица, умница, дома она прошла весь курс Эколь Политекник ("Высшей политехнической школы"), что женщине в те времена было сделать довольно трудно. Во французской семье, во французской обстановке она изучила русский язык, больше всего, как пишут, "до крайности разума", полюбила стихи дядюшки Пушкина, вместо распятия повесила у себя в комнате его портрет и в запале дерзко высказала отцу свое мнение по поводу поединка на Черной речке, бросив ему в лицо: "Убийца!".

На два года в доме барона затаилось тяжелое молчание.

А после — точно кто-то отобрал ее здоровье. Она угасала на глазах. Закончила жизнь в доме умалишенных. Запер, по-видимому, туда ее сам отец, написав в истории болезни: "эротомания под влиянием произведений дядюшки Пушкина...".

Дантес, говорят, часто приходил сюда, на ее могилу, клал маргаритки и долго молчал.

Вижу Екатерину Николаевну. В ее руке — рука красавицы дочери.

— Как это случилось?

— Не знаю...

Думаю, и здесь не обошлось без Черта.

На беломраморной плите Леонии-Шарлотты — отсутствует католический крест.

Скучала ли Екатерина Николаевна по Полотняному заводу, по Петербургу, братьям, родителям, друзьям?

Как эти сестры жили врозь? Писал ей только старший брат Николай, да и то по делам хозяйства либо наследства.

По утрам она мысленно проделывает дорогу от Калуги до Полотняного завода и обратно. Коллекционирует письма, неудачи, непробиваемую холодность мужа. Его многочисленные измены и удивительное скопидомство. Там, на Полотняном заводе, ищут каждую копеечку, большая часть которой осядет в кармане Жоржа. Ну и пусть. Ну и славно. Лишь бы Жорж был доволен. Она не брезгует ничем ради своей Любви. Большая любовь. Безоглядная. Такая любовь может нести венок славы...

Доволен жизнью был один только Дантес. Один из его внуков, Леон Метман, вспоминал: "Дед был вполне доволен своей судьбой и впоследствии не раз говорил, что только вынужденному из-за дуэли отъезду из России он обязан своей блестящей политической карьерой, что не будь этого несчаст-

ного поединка, его ждало бы незавидное будущее командира полка где-нибудь в русской провинции с большой семьей и скудными средствами...".

Еще раз Дантес встретится с Николаем Первым. Принц-президент Франции Луи Бонапарт вспомнил о бароне Дантесе-Геккерене и дал ему деликатное поручение ознакомить Николая I со своей политикой. Царь согласился принять Дантеса, но только в качестве частного лица.

Дантес был счастлив. Жаль, не было к тому времени Екатерины. Наверняка сказала бы: "Как красив, этот мой Жорж!". Русские гвардейские офицеры думали иначе. Один из них (Афанасий Синицын) вспоминал:

— Я насмотрелся на этого Дантесишку во время военного суда. Страшная французская бульварная сволочь со смазливой рожицей и бойким говором. На первый раз он не знал, какой результат будет иметь суд над ним, думал, что его без церемонии расстреляют или в тайном каземате засекут казацкими нагайками. Дрянь! Растерялся, бледнел, дрожал. А как проведал через своих друзей, в чем вся суть-то, — о! — тогда поднялся на дыбы, захорохорился, черт был ему не брат, и осмелился даже сказать, что таких версификаторов, каким был Пушкин, в его Париже десятки...

Внуки же рассказывали, что всякий раз, когда кто-нибудь пытался ворошить старую историю из грязи и крови, вся семья Геккерена-Дантеса чувствовала себя довольно забрызганной.

Месть Пушкина была полной. Геккерен перед отъездом устроил частный аукцион по распродаже собственной мебели, фарфора и серебра, который и прошел в его собственном доме. "Многие воспользовались тем случаем, чтоб сделать ему оскорбления. Например, он сидел на стуле, на котором выставлена была цена; один офицер, подойдя к нему, заплатил ему за стул и взял из-под него".

Известно, что после смерти Пушкина Наталья Николаевна дважды выезжала за границу, как тогда было принято, "на воды". В первый из этих выездов ей довелось увидеть убийцу своего мужа. По воспоминаниям сына Дантеса, племянника Натальи Николаевны, это случилось так:

"Один раз здесь, в Париже, мне было 12 лет, я шел с отцом по улице Мира. Вдруг я заметил, что он сильно побледнел, отшатнулся назад и глаза его остановились. Навстречу нам шла стройная блондинка с начесами... как Мадонна. Заметив нас, она тоже на мгновенье остановилась, сделала шаг в нашу сторону, но потом обогнула нас и прошла мимо, не взглянув.

Отец мой все стоял как вкопанный. Не отдавая себе отчета, с кем он говорит, он обратился ко мне:

— Знаешь, кто это? Это — Наташа.

— Кто такая Наташа? — спросил я.

Но он уже опомнился и пошел вперед.

— Твоя тетка, Пушкина, сестра твоей матери"...

...Выскажу, может быть, такую еретическую догадку: по-настоящему Наталья Николаевна поняла и полюбила Пушкина уже после смерти, во втором браке с генералом Ланским. Буря с Пушкиным была позади.

Медленное постижение Натали духа Пушкина не могло не поразить Лермонтова, который всегда старался избегать Наталью Николаевну. Но накануне своего отъезда на Кавказ на прощальном вечере у Карамзиных Лермонтов против обыкновения сел рядом с Натальей Николаевной и долго говорил с нею. Под конец этой беседы он признался, что раньше видел в ней только холодную светскую красавицу, и лишь теперь под этой оболочкой увидел все ее обаяние и искренность. Расставаясь, Лермонтов сказал, что когда вернется, станет ее другом...

Арапова, дочь Натальи Николаевны от второго брака, передавала со слов матери:

— Случалось в жизни, что люди поддавались мне, но я знала, что это из-за красоты. Этот раз была победа сердца. И вот чем она мне дорога, даже и теперь мне радостно подумать, что он, Лермонтов, не дурное мнение обо мне унес с собой в могилу.

9

По приезде в Израиль на другой день я двинулся в Яффо, на улицу Пушкина, мне хотелось быть ясным, присутствовать и не поддаваться путанице. Заодно просто полюбоваться памятной доской, которую мой приятель нарек "Доской вздохов". Обычно о таком не говорят: рыдают. Впрочем, для приятеля то была не стена, а "узурпация пространства", ибо стена этого дома в Яффо вовсе "не на то рассчитывала"...

Единственный выход это — сквозь. Или через. Единственный выход из ситуации — продраться сквозь ситуацию.

...Накануне в Израиле состоялся какой-то важный футбольный турнир, и в страну прибыла пара десятков частных самолетов с известными российскими толстосумами на борту. Вместе с ними, само собой, — их те-

лохранители, длинноногие красотки, — земная имитация райской жизни. В аэропорту олигархов встречали арендованные ими бронированные "Мерседесы" с приставленными к ним водителями. Все машины были черного цвета — видимо, чтоб символизировать, что когда-то даже в жизни этих людей была черная полоса.

Из аэропорта "Мерседесы" отвезли гостей в гостиницу "Хилтон Интерконтиненталь", и вскоре после расселения по свитам олигархи потребовали подать им в номер русскую водку с черной икрой. Черной икры не оказалось, поскольку она является продуктом некошерным...

За икрой олигархи с подругами подались в Яффо. Один из них, белокурый в белом пиджаке, вместе со своей рыжей подругой направился в яффский ресторан "Бени а-даяг". Все столики в ресторане были заняты. Белокурому посоветовали подождать на улице, пока место освободится. Давно отвыкший что-либо ждать, белокурый олигарх решил, что ему и подруге ждать на улице не пристало, подошел к бару и попросил налить ему кружку пива.

— Рак рэга! — ответил ему на это бармен и ушел минут на тридцать, пока ему кто-то не подсказал фамилию белокурого. В общем, через минут сорок олигарху с его зазнобой удалось, наконец, присесть и поесть. Съели они немного — всего на три тысячи шекелей, а под конец растроганный олигарх запел, потом в избытке чувств стал целиться из воображаемого пистолета в прохожих.

Он поднялся. Помедлил. Театрально взмахнул рукой:

— Секундант! Что ты медлишь? Ну! Кто за тебя стрелять будет — Пушкин, что ли?

И он весело рассмеялся.

Если пристегнуть к белому пиджаку эполеты — шалопай выглядел истинным Дантесом.

И я вспомнил Пушкина, который отказался стреляться с одним белокурым офицером, поскольку гадалка пообещала ему смерть от белокурого человека или от лошади.

— А он, этот офицер, — сказал Пушкин, — и белокур и лошадь одновременно...

А в Яффо все было на своих местах, как и должно быть. Улица Данте (пересекает улицу Пушкина). Пушкин писал, что ему хотелось бы встретиться в потустороннем мире именно с Данте.

Улица Россини, поклонником которого был Пушкин.

Улица Виктора Гюго...

В Яффо есть бездна с ума сводящих вещей. Мне всегда казалось, что Яффо смеется в человеке разрушительным смехом. Вот и сейчас я стоял у дома и не верил своим глазам. Знакомой мемориальной доски не было.

Я поднялся на второй этаж к хозяину. Человек, сам похожий на старый Яффо, курил трубку. Я показал ему последний прижизненный портрет Пушкина работы художника Линева.

— Прадедушка, переходящий в прабабушку, — простенько констатировал он.

И я понял, чем меньше информации получает твой мозг, тем сильнее работает воображение.

Я вышел на улицу. Казалось, со времени моего последнего визита улица со всеми строениями будто уменьшилась. Все вокруг сжалось и скукожилось. Но несмотря ни на что, улица казалась мне прекрасной — моя Via Nostalgia...

Я хотел бы сказать о Пушкине то, что сказал Лев Николаевич Толстой о Достоевском: "Я его считал и считаю своим другом, и иначе не думал... И вдруг читаю — умер... Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал, и теперь плачу"...

Для меня вся надежда — на Пушкина как на высшую силу. И всякий раз, когда читаю про его смерть, мне кажется, что я выбываю из строя, во мне живого места нет, только боль. И что так жить нельзя. А я и не живу.

Благословен Ты, дающий мне меня!

...А деревянную доску сняли какие-то бешеные молодые люди, желая к 200-летнему юбилею Александра Сергеевича сменить ее на металлическую, но денег не нашли, так что история с доской осталась неоконченной.

Что же касается пустоты на стене дома — скорее всего это загадка происхождения денег, обезоруживающая любого безумца, который осмелился бы к ней подступить!

Сульц — Баден-Баден — Ашкелон

Дантес помедлил. Выдержал паузу. Театрально взмахнул рукой:

— Слыхали анекдот? — и продолжил: — Секундант! Что ты медлишь? Ну! Кто за тебя стрелять будет — Пушкин, что ли?

Так вот, господа, этот анекдот про меня!

И он весело рассмеялся.

Володимир РУТКІВСЬКИЙ

Вознесіння
Фрагмент з повісті "Потерчата"

— І ви скільки терпіли такий біль? — здивувався професор Міщенко. Він обережно, майже не торкаючись мого живота, провів над ним пальцями і зробив висновок: — Бомба сповільненої дії. Коли вибухне, невідомо. Може, завтра, а може, за хвилину...

Отже, бомба. Нарешті вона наздогнала і мене.

Професор обережно закрив простирадлом мій живіт і рішуче прорік:

— Негайно на операцію!

— У нього ж із серцем негаразд, — заперечила дружина.

Так, серце в мене було не дуже. Колись лікар, що обстежував мене, запитав:

— То скільки, кажете, вам років — тридцять п'ять? А серце у вас, мов у п'ятдесятирічного.

З того часу я прожив ще стільки. Але тепер я був згоден на все. Навіть на те, щоб серце не витримало. Бо в моєму єстві, крім глибокого, нестихаючого болю, вже нічого не лишилося.

— А ми його підтримаємо, — запевнив професор.

Після професора переді мною усівся анестезіолог. Стілець під вагою його тіла жалібно заскрипів. У анестезіолога був такий вигляд, ніби він тільки-но добряче пообідав. Причому без друзів і чарки гарного коньяку не обійшовся.

— Я сам через це пройшов, — сказав він м'яким, довірливим баритоном. — Запевняю вас, що ви нічого навіть не відчуєте. А коли прокинетеся, то наче знову на світ народитеся.

— І навіть зможу випити сто грамів? — над силу посміхаючись, поцікавився я.

— Та хоч триста! — палко вигукнув він.

— Так мало?

— А навіщо вам більше? — щиро здивувався він і зітхнув так затишно, як можуть зітхати лише такі ось добросердні товстуни.

Все інше вже не залежало від моєї волі. Санітари переклали мене на каталку і повезли довжелезним коридором. Останнє, що я побачив, перш ніж за мною безгучно зачинилися важкі білі двері, — очі дружини, розширені від жаху і болю за мене.

Операційний стіл виявився твердим і якимось шпичастим. Навколо

мене з заклопотаними обличчями метушилися сестрички в небесних халатиках. Від сусіднього операційного столу долинали заклопотані чоловічі голоси, і найчастіше — професора Міщенка та анестезіолога. Схоже, там закінчувалася операція, після чого настане моя черга. Проте роздивитися, кого саме вони оперують, я не міг, бо стіл закривали їхні спини.

А тоді мені в очі вдарив потужний струмінь яскраво-сріблястого світла. Щоб не осліпнути від нього, я перевів погляд на пляшечку з розчином, що вливався в мою руку...

Перерви не було. Щойно я лежав на твердому операційному столі і не знав, куди подіти очі від світла, а тепер якимось дивом опинився на м'якому ложі, що, мов пушинка, погойдувалося на краю якогось іншого світу. І світ цей був такий піднесено-урочистий, наче спів півня на світанні.

Сонця, до якого я так звик на Землі, тут не було. Замість нього наді мною шаленіло сліпуче безмежжя. І з того безмежжя злі талися до мене тисячі веселкових кружал, спіралей, дзиґликів і тут же заходжувалися кружляти у неймовірно стрімкому та навіть свавільному танку. Вони пустотливо кидалися одне в одного розсипами миготливих іскринок, витанцьовували на моїх віях і тут же щезали, аби за мить вибухнути міріадами золотих пелюсток на краю безвісті. Наче малі безтурботні бешкетники, ганялися вони одне за одним, зливалися в обіймах, чи, тріпочучи, наче колібрі, веселковими крильцями, зависали наді мною. І якби я захотів, то дотягнувся б до них рукою. Проте я боявся навіть поворухнутися, аби не осквернити того шалено-радісного дійства своїм незграбним втручанням. А що в тому дійстві був якийсь сенс, я не мав жодного сумніву.

А ще я чи не вперше зрозумів, що є речі, які описати неможливо. Їх можна тільки відчути. Ну як мені назвати оце все, що зринає звідкілясь знизу, злітає у незбагненну височінь і розсипається там на райдужні скалки в якомусь неймовірної краси салюті? Затим на кілька секунд зависає в неосяжному просторі пронизливо синього неба, щоб знову спасти до моїх очей і тут же повернутися у височінь, забираючи з собою рештки моєї ще земної ваги.

Зненацька я збагнув, що моє єство повністю позбулося земного тяжіння. І варто було лише захотіти, як воно стало б рівноправною частинкою цього неземного карнавалу.

А потім до мене дійшло, що я не один тут. Звідкілясь почало долинати невиразне, проте радісне шемрання, якийсь схвильовано-піднесений гул, схожий на гул святкового натовпу, котрий зібрався в очікуванні якогось ще не баченого торжества. За мить цей гул почав розпадатися на ок-

ремішні звуки та голоси, що з неймовірною швидкістю наближалися до мене. Нараз вони накотилися на мене океанською хвилею, підняли на гребінь, розгойдали, мов щіпку, затим швиргонули кудись — і я збагнув, що опинився на березі якогось неймовірної краси затону. Повітря збуджено миготіло перед очима, і я розрізняв найменші його частинки. Трохи далі повітря переходило в іншу, більш густу і сповільнену субстанцію, в якій, вітально здіймаючи у мій бік щупальці, погойдувалися серед нічого рожеві, фіолетово-сині, малиново-золотаві медузи. Ними був заповнений весь простір, проте і вони не могли застити неосяжної, непідвладної моєму розумові просторіні, в якій панувала одна лише радість, і не було нічого, окрім цієї неземної, невимовно-прекрасної радості. І щоб пізнати її, мабуть, варто було померти.

І тут я збагнув, що таки помер. Мабуть, все ж не витримало серце, і тепер я опинився там, де опиняються всі без винятку. От тільки де саме — в пеклі, в чистилищі, чи в раю?

Пекло я відкинув одразу. Коли за великим рахунком, то я ніби нікого не зрадив і не позбавив життя. Я належав до тих, хто навіть курки не спроможеться зарізати. До того ж, наскільки мені відомо, в пеклі здебільшого корчаться від страждань, а не розкошують у радості.

Може, я потрапив до чистилища, до того місця, де людина чекає вироку Всевишнього, а все оте неземне дійство є лише витвором тутешнього дизайнера?

Ні, на чистилище це не схоже. Моє хворе серце (яке чомусь б'ється розмірено і гулко, як у новонародженого) готове заприсягнутися, що це не чистилище. Бо ті, хто там перебувають, зазвичай місця собі не знаходять від тривоги за те, що їх чекає попереду. А я ж відчуваю одну лише радість, і нічого, крім неї.

Отже, сталося те, у що на Землі я й вірити не смів, — мене якимось дивом занесло до раю. Без будь-яких випробувальних термінів і співбесід. Навпростець. От тільки не відаю, за що мені така честь. Я ж, кажу, нічого чогось визначного в земному своєму житті не зробив. Більше того — я, наскільки пам'ятаю, нехрещений, потерчатко...

Проте мене взяли на небо. Взяли отакого, яким я є. Не інакше, постарався якийсь впливовий у цих місцях мій знайомий по земному життю. Чи янгол-охоронець виявився авторитетною особою... Дякую вам, дорогі мої. От тільки знати б, за що саме я став гідним такої довіри.

І тут до мене почало доходити, що вони навряд чи можуть сказати мені щось певне. Більше того, вони, мабуть, і самі сумніваються у правильності

свого вчинку. Інакше я б знаходився он там, посеред раю, що нагадує неозору, заквітчану неймовірної краси квітами галявину — а не отут, на самому її краю. І звідсіля я дивлюся на все з таким виглядом, ніби визираю з кущів. Ніби ще не маю на те ніякого права.

Атож, з кущів. Стривай, але ж, здається, ніби є такий вираз — райські кущі. Щоправда, їх вимовляють з іншим наголосом, але, по-моєму, суть у них одна. Тож мене і помістили в цих кущах, аби я мав змогу детальніше роздивитися, що ж це воно за штука така — рай. Аби звикав потроху. Акліматизувався. Бо, мабуть, в мене знову не витримало б серце, якби я опинився отам, в самій середині раю...

Проте охопити одним поглядом все, що діється в раю, мені якось не вдавалося. Очі хоч і розрізняли кожну деталь цього святково піднесеного миготіння, все ж розумом я не міг осягнути його цілісну сутність. Та й ніколи було, бо нараз переді мною почали пропливати, наче танцівниці в султанському гаремі, стрункі дівочі постаті. І хоча я бачив їх лише від пояса до грудей, все ж був переконаний, що це небожительки, бо тільки вони можуть рухатися так легко і окрилено.

Небожителі в цьому танку участі не брали. Вони знаходилися десь за межею мого зору і лише зрідка до мене долинали їхні голоси. Мабуть, небожителі лежали, обіпершись на лікоть, у своїх римських тогах на сапфірових лежаках і обговорювали якусь нагальну космічну проблему.

Я напружив слух, і до мене почало доходити, з якої саме причини я потрапив до раю. По знайомству. Бо небожителі розмовляли голосами моїх старих знайомих. Он лунає спокійний і впевнений у собі баритон професора Міщенка. А тепер я чую голос мого анестезіолога... Виявляється, вони й тут щось значать. То ким вони є насправді — ті, що обіцяли моїй дружині врятувати мене від смерті там, на Землі? І чого варта тоді їхня клятва Гіппократа? Ну й хитруни ж вони, ці громовержці, ці Зевси та Юпітери! Обіцяли одне, а зробили інше — без будь-яких пояснень переслали мене прямісінько на небо! То ж маю лише дякувати їм за таке легке і безболісне вознесіння.

От тільки шкода, що бідна моя дружина, мабуть, ще й досі побивається над тим, що колись було мною.

— Дивіться, він вже розплющив очі! — раптом долетів до мене радісно здивований голос однієї з небожительок. І поки я роздумував над тим, хто ж цей "він", — я, чи, може, хтось інший, — до мене долинув ще один голос, на цей раз голос небожителя. Був він наче дві краплі схожий на затишний голос мого анестезіолога:

— Зараз ми все вияснимо... Володимире Григоровичу, ви де живете?

Що це — перевірка? Чи, може, це так жартують небожителі? Витягли мене на небо, а тепер роблять вигляд, ніби вони тут ні при чому. То як тоді їм відповідати, — що я знаходжуся в хірургічному відділенні Одеського медуніверситету, яке сусідить з моргом? Ні, мабуть, так не годиться, бо тоді мене можуть сприйняти за якогось нетяму, котрий не може збагнути простих речей. Сказати, що дякуючи їм я опинився в раю, — теж ризиковано. Можуть запідозрити в підлабузництві. Або ще гірше — подумають, що для мене їхні потаємні наміри є відкритою книгою, і ще, чого доброго, образяться і позбавлять мене своєї підтримки. А вона мені зараз така потрібна! Тож доведеться, мабуть, обійтися ухильними словами. От тільки чомусь мій язик такий неслухняний...

— Та вже й не знаю де, — витискую з себе ледь не по складах, — чи то вже в морзі, чи ще біля нього.

Небожителі регочуть.

— О, якщо він жартує навіть тут, то за нього я ручаюся, — чую голос мого земного анестезіолога, а тепер вже й не знаю кого. І тут мене підхоплюють янголи в білому і шанобливо везуть довжелезним притлумленосвятковим тунелем у якусь безвість, яку я про себе вже назвав світлим майбуттям. Врешті опиняюся я в чомусь, схожому на імператорські палати, і мене залишають наодинці.

Я обережно озираюся. Здається, нічого підозрілого. Хіба що за межами моєї палати чую нестихаючий гомін. Мабуть, то не терпиться моїм рідним та друзям, які раніше потрапили на небо, зустрітися зі мною. А оскільки вони завжди вважалися людьми вихованими, тож, мабуть, і тепер не поспішають вриватися сюди. Чекають, мабуть, доки сам вийду до них.

В тому, що я зроблю це за якусь хвилину, немає ніякого сумніву. Довго розлежуватися в такому місці, схоже, не годиться. Тим більше, що як і раніше, все довкола радіє мені і сміється до мене. Такі ж святкові фейєрверки спалахують наді мною, стіни вкриті божественними картинами, котрі міняються щомиті, а сам я відпочиваю, погойдуючись на лагідних хвилях любові і приязні. Так, мабуть, продовжуватиметься нескінченно, і я, коли по совісті, зовсім не проти цього.

Нараз завважую на стіні, що навпроти, ікону Матері Божої. Втім, це не ікона. Це жива Богоматір, бо нараз вона змигнула своїми довгими золотавими віями. Навіть віри не йму очам — невже я така велика цяця на цьому небі, що сама Богоматір завітала до мене у гості? І, хоча ще не повністю

володію собою, все ж пробую вдячно посміхнутися їй за те, що знайшла час провідати мене. Проте з подивом зазначаю, що погляд її сповнений чомусь не радістю, а тривогою і співчуттям. Вона сходить з ікони і наближається до мене, не порушивши й атоминки повітря. І чим ближче наближається (чи то я пливу їй назустріч?), тим більше стає схожою на мою дружину. І це мене чомусь не дивує. Моя бідна дружина таки й справді заслуговує на роль Богоматері, бо хто б ще міг терпіти мене такого?

Зачекай, зупиняю раптом себе, — то що ж воно виходить? Коли мене везли в операційну, дружина ніби була ще здоровою. А тепер чомусь не я її, а вона зустрічає мене в цьому кращому із світів. Невже вона по дорозі до неба обігнала мене? Нічого не скажеш, оперативно працюють ці небожителі...

— Як ти себе почуваєш? — обличчя моєї Богоматері майже впритул наближається до мене.

Я хочу відповісти, що краще не буває, проте зупиняюся. Бо нараз завважую, що обличчя її зовсім не просвітлено-янгольське, воно по-земному змучене, з темними плямами утоми під очима. Проте це лише на мить привиділося. Ось воно віддалилося і знову стало іконописним, таким, яким я її вперше побачив. Що ж, здійснилася її мрія, ота, яку вона висловила, коли ми рушали до РАГСу, — померти в один день. Ну, в один чи не в один, я ще не знаю, а от що ми тепер разом на цих небесах, — в цьому немає жодного сумніву...

І в моїй душі народжується молитва до Найвищого з Найвищих. Господи, молюся я до нього, дякую Тобі, що Ти мене, нехрещене потерчатко, взяв до Себе, що знову поєднав мене з моєю земною долею! І тепер, святий Боже, я вірю, що долі поєднуються на небесах, що на все воля Твоя!

Нараз обличчя моєї дружини-Богоматері застеляє ще одне обличчя, що як дві краплини води нагадує мені обличчя мого палатного лікаря. Ще тоді, коли я жив на Землі. Та що вони, ці лікарі, — невже всі ходять в небожителях?

Лікар уважно дивиться мені в очі. Нарешті повертається в той бік, куди віддалилося обличчя моєї дружини, і каже:

— Все гаразд, — каже він. — Тепер ми за нього спокійні.

Я намагаюся збагнути, що саме він мав на увазі. Навіть міцно стуляю очі, аби краще зосередитися. А коли розплющую їх, — то завважую, що за цю коротку мить трапилася катастрофа.

Боги покинули мене. Я побачив згорблену втомою постать лікаря, що віддалялася від мене. На моїх очах вгасали радісні фейєрверки, танули

дивовижні видива на стінах, і замість них в моїх очах мжичкою сіялося сіре нужденне світло. Розчарування кольнуло мені в грудях з такою силою, що я аж схлипнув. В ту ж мить на мене налетіли всі мої колишні болі, до яких додалися ще й нові. І тоді я зрозумів, що мені і надалі судилося бути там, де я й був до того, — в цьому сірому, наскрізь просякнутому болем і байдужістю світі, де почуваєшся нікому не потрібним.

Так, боги покинули мене. І єдине, що ще світило мені в цьому світі, було обличчя дружини. Зболене, змучене, проте таке рідне — воно було єдине з усього, заради чого треба було жити далі.

Григорий КАНОВИЧ*

Игра на вылет

Мы познакомились с ним случайно. Каждое утро он выныривал из темного подъезда старого дома с облупившимися стенами в загаженный собаками скверик, выходивший с безалаберной и шумной улицы имени героя варшавского гетто Мордехая Анилевича, где он, старик, жил, на более тихую и просторную улицу другого легендарного еврейского героя — Бар Кохбы, садился на выщербленную деревянную скамейку под благообразным тенистым платаном и принимался тонкой обломанной веточкой отпугивать от заскорузлого, смахивающего на древний пергамент лица настырных мух, которые своими до неприличия дерзкими приставаниями не давали ему покоя. Веточка была сухонькая, старенькая, как и сам жилец дома с облупленными стенами; на ней, как и на нем, едва держалось несколько жухлых и жалких листиков, подуй ветерок покрепче, и они облетят.

Когда докучавшие ему мухи улетали к соседнему мусорному баку, чтобы полакомиться каким-нибудь зловонным деликатесом, старик ненадолго засыпал. Может, это только со стороны казалось, что он дремлет, а может, он просто прикрывал свои утомленные глаза — пускай, мол, хоть в конце его ухабистого земного пути отдохнут немножко, смотри, не смотри, ничего нового в его патриаршем возрасте на белом свете уже не увидишь.

Иногда старик надвигал на маленькие, как морские ракушки, уши соломенную шляпу, запахивал потертую куртку, вставал с деревянного трона и, подстегивая себя неразлучной веточкой, прохаживался в допотопных, советского производства сандалиях, привезенных на Ближний Восток из бывшего Советского Союза, от улицы Мордехая Анилевича до улицы Бар Кохбы и обратно.

По правде говоря, первый раз, когда я его увидел, то собирался по обыкновению пройти мимо съежившегося незнакомца, как проходят мимо одиноких и захиревших деревьев, тоскующих о своей далекой и славной молодости, о тех временах, когда они тянулись к синему небу, чтобы своей буйной праздничной зеленью порадовать Господа Бога, не мороча Ему голову своими жалобами на недуги, на утраты и обиды, но что-то меня вдруг остановило, — взгляд мой зацепился за веточку с жухлыми листиками, которой старик, когда вставал и совершал вокруг платана корот-

* Григорию Кановичу, известному советскому, а ныне израильскому писателю, исполняется в 2009 году 80 лет. Поздравляем! И с радостью публикуем присланный им рассказ.

кие прогулки, погонял, словно хлыстом, свои худые в широких белых панталонах ноги, упорно отказывавшиеся отрываться от земли, словно они были вмурованы в раскаленный асфальт.

— Простите, — вдруг обратился он ко мне, — вы говорите по-русски?

— Да.

— У нас в Одессе, скажу вам по секрету, все говорили по-русски... даже греки, — сказал он с приветливой чуть озорной улыбкой, которая была моложе его на уйму лет, и обмахнулся своей веточкой, как японским веером. — А тут... в ИзраИле не с кем и поговорить. Все суетятся, спешат, бегут...

Слово Израиль он произнес с ударением на третьем слоге и еще раз задорно улыбнулся.

— Извините, я вас, наверно, задерживаю?

— Нет, нет, — солгал я, чтобы не обидеть его.

— Каждый день с девяти утра до двенадцати и с четырех до семи я сижу вон на той скамейке под платаном. Надеюсь, вы отсюда видите ее?

— Вижу.

— Это мое постоянное место в ИзраИле. Так вот, сижу и терпеливо жду, авось кто-нибудь из прохожих присядет рядом. Жена моя Люся говорит, что когда я умру, а умру я, по-видимому, скоро, эту скамейку назовут моим именем — скамейка имени Зюни из Одессы... По паспорту я, как вы понимаете, Зиновий, но меня все всегда почему-то звали ласкательно — Зюней... Так будем же знакомы.

— Очень приятно, — ответил я и тоже назвал свое имя, чувствуя, как в моем сердце затеплилась симпатия к этому сгорбленному антикварному старику. Я вдруг поймал себя на мысли, что теперь наше знакомство с ним вряд ли оборвется и будет наверняка иметь какое-то еще неясное для меня, скорее всего, мимолетное продолжение. — Разве, многоуважаемый Зюня, за целый день никто к вам так-таки и не присаживается? Разве все проходят мимо?

Зюня прищурился, посмотрел на меня насмешливо-игривым взглядом и сквозь частокол вставных зубов с ехидной ленцой процедил:

— Почему вы так думаете? Я же не тифозный. Присаживаются. Но как назло, всякий раз не те....

— Что, прошу прощения, значит *не те*?.. Не вашего возраста?

— Не те, кто говорит по-русски... Больше всего местные люди... Старухи с полными авоськами фруктов и овощей, чтобы перевести дух, молодые женщины с детишками в колясках или с пушистыми, вроде бы китайскими собачками на коленях. Бывает, конечно, что кто-нибудь возьмет да и спро-

сит о чем-то по-ихнему, поздоровается, бросит "бокер тов", а я, скажу вам по секрету, на иврите ни бэ, ни мэ... только улыбаюсь, как последний олух. Ведь улыбку и слезы все и без всякого перевода понимают. Правильно я говорю?

— Правильно. Все понимают, — сказал я, удивляясь его говорливости и желанию как можно дольше поддержать негаданно завязавшуюся беседу.

— Скажу вам по секрету, я тут уже восьмой год живу, а кроме "бокер тов" только "беседер" и "ма нишма" знаю. Маловато для одессита, который любит всласть почесать языком.. Бывает, конечно, что и наши, говорящие по-русски, присядут. Курят одну сигарету за другой, жвачку жуют, лузгают семечки и матерятся наперегонки. Если бы вы только знали, как они матерятся! В пять, а то и в шесть этажей. Похлеще, чем в Одессе, а ведь она на весь мир своими крепкими выражениями славится. Вонь от мата коромыслом стоит. Вы, наверно, не поверите, но я никогда в жизни не матерился, хотя полвека не в санатории для пионеров-отличников работал, а на стройках, где без мата как без кирпичей или цемента — ну никак не обойтись... Никогда я свой рот матерщиной не поганил. Даже когда мне очень хотелось... А вы, я сужу, извините, по вашему внешнему виду, тоже, по-моему, не материтесь....

— Каюсь, порой приходится...

Моя откровенность, видно, пришлась ему по душе, и он, смешно путаясь в своих нелепых панталонах, попытался ускорить шаг, чтобы если уж не поравняться со мной, то хотя бы слишком от меня не отстать.

— Маленькая просьба. Если вы можете, не мчитесь от меня во весь опор далеко вперед, это, не про вас да будет сказано, я уже рвусь к финишу, а вам еще рановато. И говорите, пожалуйста, громче... Со слухом у меня проблемы с самого детства. Боюсь, что когда наш всемилостивейший Господь Бог призовет меня к себе, я не услышу Его голоса. Моя дочь Диана обещала купить мне слуховой аппарат... В Одессе, скажу вам по секрету, кроме моря, можно все купить.

— Ну, раз обещала, то обязательно купит. И вообще, надо верить, что Бог вас к себе позовет нескоро, — искренне утешил я его, попутно узнав, что его дочь Диана проживает в Одессе.

— Нескоро, — хмыкнул он и снова одарил меня игриво-насмешливым взглядом. — Какой хозяин, скажите на милость, любит, когда у него засиживаются в гостях? А я уже, спасибо нашему Главному Хозяину, засиделся под Его крышей... Пора честь знать и откланяться....

Его было интересно слушать, но на такую долгую беседу с незнакомым человеком я, право слово, не рассчитывал, у меня были неотложные дела

в городе, и я уже готовился по-дружески с ним попрощаться до следующего раза. Но Зюня уловил мою нетерпеливость и великодушно произнес:

— Очень рад был с вами познакомиться, — он помолчал, пожевал свои иссохшие губы и добавил: — Но, если позволите, как испокон веков повелось у нашего брата еврея, еще один малюсенький вопросик вдогонку. Можно?

— Да, — удостоил я его своим не очень вдохновляющим согласием.

— Вы в шахматы играете?

— В юности играл... Сейчас некогда. Работа, работа, работа...

— Жаль... У нас в Одессе все евреи в шахматы играли. Даже знаменитый пианист Эмиль Гилельс. Говорят, что Эмиль играл хуже, чем на рояле, но играл и даже выигрывал. Мир не перевернулся бы, если бы мы с вами сели на скамеечку под платаном и одну-другую партишку сыграли бы. Вспомните молодость и, как Ботвинник или Капабланка, двиньте, пожалуйста, пешку с клеточки e2 на клетку e4, а дальше все само собой пойдет. На всякий случай я бронирую за вами белый цвет...

И Зиновий, когда-то игравший, видно, не хуже, чем знаменитый Эмиль Гилельс, улыбнулся своей обезоруживающей, не по летам задиристой улыбкой.

— Спасибо за бронь и до свидания, — сказал я, не прельстившись забронированным первым ходом белыми.

Старик долго провожал меня взглядом, как будто он стоял на перроне, а я догонял уходящий поезд.

— До свидания, — промолвил он и помахал мне своей мухобойкой-веточкой.

Долгое время наши пути с Зюней не пересекались. Когда я проходил мимо скамейки, то она либо пустовала, либо была оккупирована незнакомыми людьми, и я уже почти не сомневался, что с ним случилось что-то неотвратимое. Мне не хотелось думать о самом печальном варианте, но в голову упрямо лезли только мысли о смерти, о том, что старик и без слухового аппарата, обещанного дочерью Дианой, все-таки услышал призыв Господа, нашего Главного Хозяина, и, вдоволь погостивши на этой грешной земле, откланялся. Я корил себя за то, что не осведомился, в какой квартире и с кем кроме жены Люси, намеревавшейся присвоить его имя скамейке в сквере, он живет, есть ли у него в Израиле дети, внуки, родственники. Не может быть, чтобы никого не было. Неужели старики приехали доживать свой век в стране, в которой у них нет ни одной родной души, и им не на кого опереться?

Если Зюня жив, решил я, то обязательно сыграю с ним в шахматы. Белыми ли, черными ли, не имеет значения.

Был бы только жив!

Как же я обрадовался, когда через неделю еще издали увидел его под платаном в прежней позе, в той же экипировке — надвинутая на уши соломенная шляпа, тяжелые сандалии на босу ногу, полотняные панталоны. Единственным сюрпризом была для меня только шахматная доска, которая вместе с ним грелась на солнце. На ее разрисованной поверхности красовались два вздыбившихся друг против друга коня — белый и черный, чуть ниже на кромке была выгравирована дарственная надпись "Зиновию Каплану в день его шестидесятилетия от коллектива третьего Одесского стройуправления" и год — "1984".

— Вы, как я вижу, уже приготовились к бою, — после обмена короткими приветствиями сказал я.

— Я всегда к бою готов... Всегда!.. Был бы только противник, которому можно дать мат. Чего греха таить, иногда прихватываю с собой доску. А вдруг среди прохожих найдется какой-нибудь желающий, партнер! Но до сих пор я так никакого соперника и не дождался. Говорят, морская набережная игроками кишмя кишит. И специальные столики там сколочены. Но к морю я уже не ходок. От ходьбы в горку сразу же задыхаюсь. Вас сам Бог послал. Может, вы согласитесь, и мы с вами скрестим шпаги...

— А доска у вас красивая, — промолвил я уклончиво, продолжая стоять под платаном.

— Приятно слышать. Скажу вам по секрету, все, что я нажил, я оставил дочери — квартиру на Матросском спуске, машину "Жигули", дачу на Большом Фонтане, свои награды — медали "За оборону Одессы" и "За доблестный труд", а эту доску и любовь привез сюда.

— Любовь?

— Меня удивляет ваше удивление. Вы, наверно, ни разу не были в Одессе. Этот город нельзя не любить. Какой-то босяк-остроумец сказал, что даже покойники любят Одессу.

— Ух, ты! Лихо сказано!

— Жалко, что я не сплю по ночам, даже таблетки не помогают, а то ходил бы и ходил бы во сне по Одессе до самого рассвета. По Дерибасовской, по Ришельевской, по Привозу... — Зюня открыл доску и стал торопливо расставлять фигуры: — Ну что? Начнем, пожалуй, как пел покойный Лемешев. Ваш ход!

Он так меня упрашивал, что отказаться я не мог. Ничего со мной не станет, подумал я, если из гуманных соображений я сыграю с ним "партишку". Мы же под этим платаном не за почетное звание чемпиона мира поборемся.

Проще всего было бы сделать несколько ходов, зевнуть фигуру и сдаться. Но такая быстрая и умышленная капитуляция никак не устроила бы Зюню, он, видно, жаждал честной борьбы и достойного сопротивления. Для такой упорной борьбы в моем скудном шахматном распоряжении не было необходимых средств — ни домашних заготовок с неожиданными и смелыми жертвами, ни хитроумных комбинаций, я понятия не имел о дебютах и эндшпилях, о защитах Нимцовича и Каро Канна, о ферзевом гамбите, я вообще давно к шахматам не притрагивался, и мне, вообще-то говоря, было абсолютно все равно, выиграю я у своего противника из Одессы или с треском продую. Единственное, в чем я и впрямь был заинтересован, так это в том, чтобы приободрить, душевно поддержать одинокого человека, волей судьбы заброшенного вместе с Люсей в конце его долгой и нелегкой жизни в заштатный приморский город Израиля, так не похожий на родную Одессу. Я вдруг представил себе, что передо мной на скамейке сидит не Зюня из Одессы в своих допотопных, еще советского производства сандалиях и в широких, как паруса, панталонах, а мой отец, который не только никогда в шахматы, но даже в простонародные шашки не играл, знать не знал знаменитого пианиста Эмиля Гилельса, не строил высотные дома, не отдыхал на своей даче на Фонтане, не получал от швейной артели "Рамуне" — "Ромашка" или городского комбината бытового обслуживания именных подарков к своему шестидесятилетию, а день-деньской корпел за своим преданным трофейным "Зингером", и меня с ног до головы окатило зябкой волной не то стыда, не то жалости, а может, тем и другим чувством вместе. Каково же было бы моему отцу, будь он на месте этого Зюни, у которого дочь Диана и сын оказались бы с ним на совершенно разных континентах — на Украйне и в Америке, а сам он, их любимый родитель, их заступник и защитник, — на Земле обетованной?

— Сыграем, Зюня, — сказал я с какой-то поспешностью, стараясь избавиться от внезапно нахлынувших сравнений. — Но только с одним условием: без реванша. Времени у меня в обрез. Кто проигрывает, тот выбывает. Договорились?

— Ладно, — неохотно согласился Зюня. Он медленно, по-профессорски достал бархатный футляр с очками, протер их чистым носовым платком, напялил на переносицу и бережно, с тоскливой лаской поправил фи-

гуры, словно они были не из покрытого лаком дерева, а живыми, трепетными существами.

Партия развивалась мирно. Я долго задумывался над каждым ходом, чтобы не ударить лицом в грязь, а Зюня блицевал.

— За вами не угонишься, — заметил я с некоторой изумленной завистью.

— Привычка. Когда-то, лет пятьдесят тому назад, скажу вам по секрету, я был перспективным кандидатом в мастера спорта. В сеансе одновременной игры на двадцати досках я единственный из участников, а состав подобрался на славу, сделал с самым неповторимым кудесником Михаилом Талем ничью.

— О-о-о!

— А вы не окайте! Когда-то я был мужчиной что надо... Умел и дело делать, и выпить, и лезгинку сплясать....

— Вы и сейчас мужчина.

— Не льстите, сударь. Мужчина во мне уже давно умер. Шах!

Я прикрыл короля конем.

— А я вас недели две не встречал.

— Жена болела. Очень Люся болела... У нее что-то с легкими. Я уже хотел подкрепление вызывать — звонить в Одессу Диане. И сыну моему Эдику в Чикаго решил сигнал бедствия послать, чтобы немедленно прилетел. Диана, может быть, тут же примчалась бы, а за Эдика я не ручаюсь — у него там, скажу вам по секрету, большущая клиентура — дай Бог такую каждому еврею. За два дня до болезни мамы Эдик позвонил по телефону и сказал, что на прошлой неделе вырвал у вице-мэра Чикаго гнилой зуб мудрости. Господи, Господи, до какого же счастья мы, евреи, дожили, — наш парень у вице-мэра зубы рвет, а тот ему за это еще пачками зеленьких платит! Кто бы раньше мог подумать о таком счастье в Одессе? Это даже самому Леониду Утесову в голову не пришло бы. Правда?

— Чистая правда — не пришло бы.

Зюня неожиданно оборвал рассказ и стал что-то лихорадочно искать под скамейкой.

— Заболтался и нечаянно рукавом смахнул с доски офицера, — сказал он. — А слон, скажу вам по секрету, слишком большая фора.

Ни о чем секретном Зюня не сообщал, но зачастую вставлял в предложение для большей, что ли, доверительности и красочности это неуместное укоренившееся в его лексиконе присловье.

— Не беспокойтесь. Я подниму вашего слона, — успокоил я его, нагнулся и водворил на место оброненную фигуру.

— Спасибо. Трудновато стало мне, старику, землице кланяться — нагнусь, а разогнуться не могу, — он сделал длинную рокировку и продолжал: — Так на чем же мы с вами остановились? Ах, да! На моих потомках... Плохо, конечно, когда потомки не успевают к похоронам родителей. Но что поделаешь? Ведь если хорошенько подумать, таков железный закон природы: детям жить, а нам, старикам, помирать... — он вздохнул, отправил сползшие на конец носа очки в роговой оправе на прежнюю высотку, взял белого пехотинца противника и повертел в своей большой, с набухшими венами руке. — Сейчас я у вас, милейший, пешечку съем. С лишней пешкой шагать к победе веселей, как говаривал директор шахматного клуба, мой первый учитель Евсей Исаакович Зельдин.

— Ешьте, ешьте. Пусть вам будет на здоровье, — сказал я, надеясь, что это начало Сталинграда, и что через пять-десять ходов я буду наголову разбит.

— Если хотите, можете взять свой ход обратно. Вам я в порядке исключения разрешаю.

Зюня оживился, глаза его засияли. Видно было, что он испытывает удовольствие от собственного многословия, от своей доброты и великодушия. Зюня, согбенный, невзрачный Зюня в нелепых штанах и доисторических сандалиях весь светился изнутри, и этот свет озарял и меня, сливался с лучами расточительного израильского солнца, с зеленым прохладным свечением листьев векового платана, колеблемых легким и благодатным ветерком.

До миттельшпиля было еще далеко, но я уже лишился второго пехотинца. Зюня глубоко задумывался над каждым ходом, готовя мне очередную западню. То и дело склоняясь над доской, он пристально разглядывал нестройные порядки моего войска и бормотал себе под нос избитую песенку про Костю-моряка, который привозил в порт шаланды, полные кефали, и при появлении которого в пивной в почтительном порыве вставали все биндюжники Одессы.

Пока Зюня погружался в свои раздумья, я старался отвлечься от игры и задать ему какой-нибудь нешахматный вопрос — чаще всего о его детях.

— Диана и Эдик к вам в Израиль часто приезжают?

— Реже, чем эта... забыл ее фамилию... чернокожая советница Буша, — отвечал он, не отрывая взгляда от доски и борясь со сползающими на кончик носа очками.

— Кондолиза Райс.

— Так точно.

— Им Израиль нравится?

— Нравится... Очень нравится. Но оба они не хотят жить ни с арабами, ни с евреями. Диана — та замужем за украинцем Петром Луценко. Он у нее заведующий кафедрой в одесском сельхозинстуте. А Эдик говорит, что тут слишком много Моисеев.

— Слишком много Моисеев? Каких Моисеев?

— Отвечу вам чуть позже, а пока вы, милостивый государь, вы попали под связку, и потеряете, по-моему, качество. А без качества, как поется в известной песне, жизнь плохая, не годится никуда...

— Пора, видно, белый флаг вывешивать. Не подобает мне с такими мастерами тягаться.

— Нет, нет, — перебил меня Зюня. — Полугаевский у Портиша выигрывал и без качества, — решительно остудил он мою пораженческую решимость и, чтобы еще больше привязать к скамейке, вернулся к ответу на мой вопрос.

— Мой Эдик говорит, что в нашем государстве каждый встречный и поперечный — Моисей, потому что он и только он точно и безошибочно знает, по какому пути ИзраИлю следует идти... А что же в итоге получается?

— Что же? — подыграл я ему

— А получается, говорит мой умненький Эдик, вот что: каждый Моисей изо всех сил тянет в свою сторону, и в результате сторон, куда надо бы ИзраИлю идти, хоть отбавляй, а пути как до сих пор не было, так и нет..

— Что и говорить, к зубному кабинету верный путь куда легче найти, — сказал я не без подковырки и, чтобы как-то сгладить свою дерзость, спросил: — А ваша Диана с братом согласна?

— Она не согласна. Будь она согласна, разве Луценки купили бы в ИзраИле квартиру?

— Квартиру? — выпучил я на него глаза.

— Ту, где мы живем... Эдик похвалил покупку. Вовремя, говорит, надумали, на случай вынужденного отступления с "ридной матери" Украины. Мол, мало чего там может произойти. Квартира хорошая, три комнаты, кухня, балкон, а главное — скамейка рядом, платан, русский магазин "Наташа" с пивом "Балтика" и со свиными сосисками. Пива мне нельзя, а свинину, скажу вам по секрету, я обожаю... Пока мы живы, будем квартиру Дианы сторожить.

Больше его расспрашивать было неудобно, я и так превысил свой лимит любопытства, но Зюня словно почувствовал, что у меня еще один вопрос повис на губах, продолжил:

— В Иерусалиме в университете на медицинском наша внученька Лора, младшая дочка Дианы, учится. Тут ее имя переделали на Лиору. Иногда она к нам на субботу и на праздники приезжает. Тогда мы сторожим квартиру втроем. Эдик прав. Ведь уже сейчас в Киеве, скажу вам по секрету, погромщикам памятники ставят, а в другом украинском городе, я забыл, в каком именно, грозятся всех жидов в Днепре утопить. Если в Одессе с евреями станет худо, Диана и Петро переберутся сюда — она с компьютерами на "ты", он — крупный специалист по растениям и фруктам. Чего-чего, а растений и фруктов в ИзраИле — завались, к тому же оба шпарят по-английски, хоть и родились не в Лондоне, а на Канатной улице... Словом, не пропадут.

Зюня сам не заметил, как мало-помалу втянулся в разговор. Выиграв кроме двух пехотинцев еще и качество — ладью за слона, он вдруг против моего ожидания сник и потерял к партии прежний интерес — то ли устал, разморился на солнце, то ли разочаровался в моих способностях дать ему достойный отпор. Он стал меньше задумываться над ходами, и в конце концов, имея явное позиционное и материальное преимущество, предложил мне ничью, которую я из уважения к его прошлому высокому рейтингу не принял.

— С какой стати вы предлагаете мне ничью, когда у вас выигрышное положение?

— К вашему сведению, у меня, дорогой мой товарищ, уже все положения проигрышные. Жалко, что, как говорил мой учитель Евсей Исаакович Зельдин, с одним игроком нельзя сыграть вничью. С "малхемовесом". Ботвинник ему проиграл, Бронштейн... Таль... Скоро и кандидат в мастера Зюня Каплан ему проиграет...

— С кем, вы сказали, нельзя сделать ничью?

— На идише "малхемовес" означает смерть. Каждый с удовольствием предложил бы ей ничью. Но она ни с кем на ничью не играет. Знаете что — давайте отложим нашу партию на другой день. Вы ведь и завтра пройдете мимо моей скамейки, и послезавтра, и послепослезавтра, а мне делать нечего, за это время я успею еще раз внимательно проанализировать и оценить свою и вашу позиции и спокойно буду вас ждать на свежем воздухе.

— Пройти-то, наверно, пройду. Но я не могу вам обещать, что у меня будет время для доигрывания, — сказал я.

— Если будет, то обязательно доиграем, — настаивал Зюня. — Обязательно. Несмотря на мои очень уж неприличные годы, память у меня, скажу вам по секрету, хорошая. Я все восстановлю без всякого обмана, ниче-

го не прибавлю и не убавлю, расставлю на доске все как было. Можете быть уверены. Или начнем новую партию?

— Уж как вы захотите, — пообещал я ему и поднялся со скамейки.

Зюня сгреб с нее выигранные им фигуры и, нервно мигая, посмотрел на меня пронзительным прощальным взглядом, таким, каким когда-то, бывало, в Литве, в Вильнюсе, смотрел на меня мой престарелый отец, неусыпный сторож моей жизни, когда я брался за ручку обитой дерматином выходной двери его квартиры и когда, как всякий раз ему казалось, я уходил от него навсегда.

Дела вынудили меня надолго из солнцем зажаренного, как шашлык, Израиля уехать в страну исхода и, если честно признаться, в суматохе чужого города я успел, к стыду моему, забыть про Зюню, про скамейку под ветвистым платаном и недоигранную партию, в которой у меня не было никаких шансов на спасение.

Но по приезде домой меня почему-то снова потянуло на ту дорожку, на засиженную выцветшую скамейку, на которой целыми днями сиднем сидел сторож дочкиной квартиры Зюня Каплан, но и на дорожке, и на скамейке я встретил чужих людей, которые курили, караулили свои свертки и целлофановые мешки с продуктами, ласкали своих пушистых баловней пекинесов, а иногда кое-кто оглашал тихие окрестности въевшимся в кровь импортным сквернословием.

Но всякий раз, когда я проходил мимо платана, а проходил я мимо него чуть ли не через день, то заслуженного строителя Украины Зиновия Каплана там не заставал.

Томимый дурными предчувствиями, я старался менять график своего прохода через скверик мимо скамейки, но картина, к великому сожалению, не менялась.

Видно, жена Зюни Люся — вторая сторожиха квартиры дочери Дианы Луценко — снова захворала, а у внучки Лиоры в университете начались зачеты и экзамены, и кроме самого Зюни, за больной некому ухаживать.

Может, и сам старик занемог. Не богатырь же... Как никогда мне вдруг захотелось доиграть с ним отложенную партию или попробовать взять реванш в новой, снова пожертвовать своими пехотинцами и попасть под связку, которая неизбежно ведет к потере качества и позорному проигрышу..

Но моим хотениям, к несчастью, не суждено было сбыться.

На одном из уличных фонарей близ улицы имени Мордехая Анилевича мне бросилось в глаза развевающееся на ветру похоронное извещение с оборванными не ветром, а злоумышленником краями, обычным в таких

случаях благословением памяти и до ужаса знакомой фамилией — "Зиновий Каплан".

Опустив голову, я постоял возле фонаря, а потом направился, словно к надгробью, к скамейке, сел и вдруг среди кучки окурков, стаканчиков из-под мороженого, брошенных целлофановых мешочков с надписью "Зиль везоль" — "Самые дешевые товары" — увидел тонкую, почти растоптанную веточку с жухлыми полуживыми листочками, которой Зюня столько лет обмахивался, отпугивая настырных израИльских мух.

Я бережно поднял ее, как реликвию, с земли, очистил от пыли и в сумраке, опустившемся на разгоряченный город, медленно и суеверно стал ею обмахиваться. Мухи уже давно спали беспробудным сном, и я толком не знал, кого же я в тот вечер отпугивал доставшейся мне в наследство от Зюни веточкой, — может, собственное бессилие что-то изменить и вернуть назад, может, избавляющее от тревог и дурных предчувствий беспамятство, а может, подкрадывающегося тихой сапой "малхемовеса", с которым еще никому не удалось сыграть вничью и разойтись миром...

Израиль

Анатолий ГОРБАТЮК

Кража

После неудачной попытки поступить в Водный институт вечером на семейном совете обсуждалась дальнейшая Вовчика судьба. Всем, даже самому Вовчику, было понятно: он должен идти работать. Всем — кроме бабушки.

— Вы что, в самом деле, с ума посходили — ребенка вкалывать хотите отправить?! — горячится бабушка. — Может, еще на завод его пошлете?

— Ну, на завод — это ты переборщила, но куда-то его пристроить нужно, — рассудительно отвечает мама, — не болтаться же ему на улице в компании бездельников.

— А почему бы и не на завод? — вмешивается отец, не спеша освобождая мундштук от остатков сигареты. — Не на рудники ведь...

— Огромное спасибо, что не на рудники! Мерси боку! — ерничает бабушка. — Ну честное слово, будто чужое дите! Пусть дома посидит, как следует позанимается, а через год опять попробует поступать...

— А не поступит, — с усмешкой подхватывает отец, — опять годик полоботрясничает, снова поступать попробует, и так — до самой пенсии... Нет уж! Пусть погуляет две недели, а в начале сентября я его сам куда-нибудь устрою.

На том и порешили. Когда Вовчик отправлялся спать, отец обнял его за плечи и вывел на балкон.

— Сынок, я тебе, как ты догадываешься, не враг. Поработаешь два года, заработаешь производственный стаж и сможешь поступить в любой институт. Потерпи!

Это была середина 1950-х. Тогда, имея два года стажа, достаточно было сдать вступительные экзамены даже на "тройки" — несмотря на внушительный конкурс, в первую очередь, брали "производственника". Так Вовчик оказался на заводе. Две недели до начала работы, проведенные на Ланжероне (днем) и танцплощадке "Огни маяка" (вечером) пролетели пулей...

Отец постарался — это было совсем небольшое, какое-то уютное, чтобы не сказать — семейное, предприятие с почти нулевой текучестью кадров. Попасть сюда было не так уж и просто, но помогли отцовские связи. И еще одна весьма немаловажная деталь: завод этот, изготавливающий токарно-винторезные станки повышенной точности, находился на углу улиц Свердлова и Кирова* — в каких-то пяти кварталах от дома на Сверд-

* Упоминаемым улицам возвращены их первые названия: ул. Свердлова — это ул. Канатная, а ул. Кирова — ул. Базарная.

лова, где жил Вовчик. Между прочим, когда-то он принадлежал обществу "Труд", помогавшему представителям беднейших слоев еврейского населения Одессы в приобретении профессии.

Вовчик был принят учеником токаря в инструментальный цех. Начальник отдела кадров лично отвел его на будущее место работы и представил начальнику цеха Александру Сергеевичу — плотному мужчине лет пятидесяти. Получив от кадровика соответствующую информацию, Александр Сергеевич подвел Вовчика к одному из токарных станков и, перекрикивая стоящий грохот, изрек, обращаясь к напряженно ссутулившемуся над станком мужику лет сорока:

— Петя, принимай пополнение! Это твой ученик.

И ушел в свою конторку. Петя остановил станок и оценивающе Вовчика осмотрел. Потом протянул замасленную руку:

— Петр! Можешь называть меня Петей, но на "вы". Сколько классов окончил? Десять?! О, да ты же у нас профессор! Куришь? А что куришь? А, сигареты... Я "Беломор" всю жизнь тяну, а тут кончились. Будь другом, на тебе гроши, сбегай на угол, возьми пачку...

Вовчик молча взял деньги и поплелся за папиросами через дорогу "на угол", где стояла будка с вывеской "Пиво-воды". По дороге в цех он мысленно прокручивал сложившуюся ситуацию: "Мало того, что я со средним образованием пошел в ученики, так этот жлоб еще хочет сделать меня мальчиком на побегушках?! Нет уж, я им не Ванька Жуков!..".

Петя кивком поблагодарил за принесенные папиросы и, не останавливая станок, прокричал:

— Сейчас можешь канать домой, а завтра чтоб как штык, в рабочей робе к восьми был на этом месте! И на обед себе что-нибудь прихвати — у нас столовой нет. Пока!..

Утром, наспех проглотив приготовленный мамой завтрак, Вовчик облачился в старый спортивный костюм, схватил авоську с бутылкой кефира и бутербродами и заспешил на завод. "Победа" — часы, подаренные ему родителями в честь окончания школы, — показывали половину восьмого. Пересекая улицу Жуковского, он обменялся рукопожатиями со знакомыми пацанами, работавшими на 8-й модельно-обувной фабрике — вход в нее был как раз с этого угла. Проходя мимо 39-й школы, он несколько снисходительно посмотрел на толпящихся у входа учеников: мол, рабочий человек идет, не вам, малолеткам, чета!..

...Цех был еще пуст, из бытовки раздавались голоса переодевавшихся рабочих. Только уборщик цеха, рыжеватый парень лет двадцати пяти, со-

бирал в совок мусор, выметенный им из-под станков и в проходах. Увидев Вовчика, он как-то противно заулыбался щербатым ртом и прогнусавил:

— Что, салага, решил в работяги податься?

Вовчик был не тот мальчик, чтобы оставить без ответа подобные выпады, но сейчас решил промолчать, тем более что рыжий уже исчез в дверях бытовки, откуда начали выходить переодетые в рабочую одежду будущие Вовчика коллеги.

Подошел Петя, молча кивнул в ответ на Вовчика приветствие, достал из шкафчика несколько резцов, еще какие-то инструменты и взял в руки чертеж с обильными следами масла. Повернулся к ученику и с улыбкой спрашивает:

— Ну, хоть что-нибудь тебе здесь понятно?

И протягивает чертеж Вовчику.

— А чего это "что-нибудь"? Все понятно.

Вовчик положил чертеж на каретку станка и довольно толково изложил его содержание.

— Молодец! И вправду — профессор! — с нескрываемым восхищением Петя хлопнул польщенного Вовчика по плечу и прокричал проходившему мимо начальнику цеха: — А пацан разбирается: мигом чертеж прочитал!

— А что ж тут удивительного? Как-никак, десять классов за спиной — среднее образование, — умерил Петин восторг Александр Сергеевич. — Меня вот больше волнует, чтобы ты быстрее заказ по валам выполнил!

— Выполню, Сергеич, нормально, а меня больше волнует, чтоб грамотно наряды закрыли. Я даром пахать не собираюсь!..

— О-о-о, завел свою шарманку! Слушать уже тошно! — рассердился начальник и пошел прочь.

— Вот, Вова, войдешь в курс дела, так поймешь, что о своей зарплате постоянно заботиться надо. — Петя уже склонился над включенным станком и внимательно следил за поставленным на "самоход" резцом, снимавшим с обрабатываемой детали закручивающуюся стружку. При этом он азартно посасывал зажатую между зубами папиросу. — И Саша (он кивнул в сторону кабинета начальника), и нормировщица меня знают хорошо: я делаю свою работу без брака, а они пусть выкручиваются как угодно, но мои штуку двести вынь, да положь!.. Мне, как говорится, чужого не надо, но за свою копейку — горло кому хочешь перегрызу!

Вовчику стало вдруг очень тоскливо: стой и слушай эти излияния, а отойти нельзя.

— Петя, чем мне заняться? Дайте какую-нибудь работу, а то я засну сейчас...

— А какую я тебе дам работу, если ты еще ничего не умеешь? Вот подучишься немного — станешь за станок, будешь простейшие детали точить, а пока — стой и смотри.

— Можно, я пока в бытовку отнесу свои шмотки? — Вовчик показал на "авоську" с обедом.

В дверях бытовки он столкнулся с уже переодетым в чистую одежду уборщиком — тот убирал цех утром и после обеда.

— А ну, салага, притормози! Куда прешь?! — рыжий явно нарывался на ссору.

Оказавшийся рядом расточник Боря, крепкий парень в замасленной тельняшке, неожиданно принял сторону Вовчика:

— Ты, Сашка, не очень тут прыгай! Может, со мной пободаешься?

Сашка что-то пробурчал и пошел к выходу.

— Ты, пацан, этому рыжему спуска не давай! — говорит Боря. — Если нужно — я всегда помогу.

В бытовке вдоль стен стояли шкафы для одежды, посередине — старый стол. Положив авоську на подоконник, Вовчик вернулся на рабочее место.

— Профессор! Есть для тебя работа! — радостно закричал Петя, не поворачиваясь от станка. — Наведи-ка в моем шкафчике порядок: резцы — на одну полку, сверла — на другую, ключи... В общем, ты понял? Вот и занимайся!..

Ровно в полдень все станки были остановлены, отчего возникла какая-то звенящая тишина, и рабочие потянулись в бытовку обедать. Дружно расселись вокруг стола, каждый ел принесенное с собой. Включили радио — чудом сохранившуюся еще с довоенных времен черную "тарелку" (ее называли "репродуктор") — и бодрый мужской голос с чувством прохрипел: "Передаем концерт оркестра народных инструментов Украинского радио. Художественный руководитель и главный дирижер — заслуженный артист Украинской ССР Андрей Бобырь". Вокруг засмеялись. Оказывается, редкий обед обходился без выступления именно этого оркестра. Не случайно и через полвека Вовчик помнит фамилию его дирижера.

Наскоро перекусив, работяги занялись игрой в домино. Ровно в час все пошли к станкам. Так продолжалось несколько дней. Вовчик уже со всеми перезнакомился: расточник, он же — неутомимый рассказчик анекдотов Володя; степенный красавец слесарь Виктор; токарь Слава — пере-

довик, гордость завода и депутат райсовета; очень пожилой расточник, хромой фронтовик Боксерман (его имени за два года работы Вовчик так ни разу и не услышал, все обращались к нему по фамилии)... Вовчик уже кое-чему научился, и Петя начал доверять ему на станке простейшие операции, более того, Вовчику начала нравиться эта работа! Но скоро начались неприятности.

Кажется, на четвертый день начальник цеха поручил ему после обеда принести для Пети чугунные заготовки из литейного цеха, страшно тяжеленные. Натаскав их в том количестве, сколько требовалось на смену, Вовчик уселся на ступеньках перекурить — злой, как черт. В это время в цех вошел Александр Сергеевич. Увидев Вовчика, рассевшегося на ступеньках с сигаретой, он подошел и, не скрывая раздражения, предложил прекратить этот незапланированный отдых, а взять метлу и подмести проходы в цехе. Вот это уже было чересчур!

— Александр Сергеевич, вы что-то перепутали! — начал Вовчик, задыхаясь от праведного негодования. — Я, кажется, не уборщицей и не грузчиком работаю, а учеником токаря. Вот и дайте мне возможность учиться этой профессии, а не заметать цех, — не для этого у меня аттестат зрелости!..

Говорил он очень громко, и рабочие, слыша этот монолог, выключили станки и с живым интересом смотрели на участников неожиданно вспыхнувшего конфликта, — чем кончится этот бунт.

Александр Сергеевич явно не ожидал ничего подобного и на какое-то время даже дар речи потерял. Уже считая себя победителем в споре, Вовчик с гордо поднятой головой направился к Петиному станку. Но тут начальник оправился от шока.

— Ну-ка, вернись! — властно крикнул он и, в упор глядя на подошедшего и заметно оробевшего Вовчика, четко произнес:

— Я не закончил разговор с тобой! Запомни, "дипломант": здесь (он сделал круговое движение рукой, охватывая как бы все цеховое пространство) ты будешь делать все, что я тебе скажу. А не хочешь подчиняться — скатертью дорожка, проваливай!

Вовчик стоял, как оплеванный. Что делать? Взять метлу в руки после такого унижения? Или молча уйти домой? Вовчик развернулся и пошел прочь из цеха.

На улице он остановился. "Пойду, все отцу расскажу!" — решил Вовчик. Но пойти к отцу на работу в рабочей замасленной одежде он не мог. Идти домой — значит, нарваться на бабушкин "допрос с пристрастием": отчего, мол, так рано? И в парк в таком виде не пойдешь. Вот и топчется битый час

Вовчик у заводских ворот, не зная, как вести себя дальше. А вот уже из проходной повалила толпа работяг — рабочий день подошел к концу.

— Неправ ты, тезка, — услышал он за спиной. Это был весельчак Володя. — Завтра приходи пораньше и извинись перед Сергеичем.

— Тысячу раз неправ! — включился в разговор подошедший передовик Слава. — Ты весь цех удивил, и удивил нехорошо. Делай, как сказал Володя. Конечно, если только хочешь работать.

Оба повернулись и ушли.

Вовчик никак не ожидал такого единодушного осуждения его прямотаки, как он по дурости своей подумал, геройского поведения. В совершенно испорченном настроении он пошел домой. После ужина, когда женщины занялись на кухне мытьем посуды, Вовчик решил все рассказать отцу. Эта была последняя надежда на поддержку.

Отец очень огорчился. Но не поведением начальника цеха, а его, Вовчика, как выразился отец, "ничем не оправданным высокомерием".

— Да как тебе не стыдно было, как только язык повернулся такое сказать: "Не для того аттестат зрелости получал..."?! Если не хочешь испортить со мной отношения, — утречком приходи в цех первым и извинись за свое глупейшее поведение!

— Батя, может, вместе сходим?

— Э, нет! Сам натворил делов — сам их и расхлебывай!..

Утром, когда Вовчик зашел в кабинет начальника цеха и начал мямлить "Александр Сергеевич, извините!..", начальник, не дослушав до конца, коротко сказал:

— Договорились! Надеюсь, это наш первый и последний такой разговор.

Вовчик с облегчением вздохнул: "Ну и слава Богу!". А в обеденный перерыв...

— Ребята, у меня пятнадцать рублей пропало! — закричал Виктор. — Утром в кошельке были, я проверил, когда из трамвая выходил, а сейчас — нету!

— А у меня вчера из кармана куртки два червонца исчезло, — как-то слишком спокойно сказал Борис и повел крутыми плечами. — Думал, выронил где-нибудь, а теперь думаю — нет, не выронил...

В бытовке повисла гнетущая тишина. Потом раздался хриплый голос Боксермана:

— Это что же за хреновина такая получается?! Я сюда пришел почти десять лет назад, сразу после госпиталя, и никогда ничего не пропадало! Вот так дела!..

Вовчик с низко опущенной головой через силу жевал бутерброд. Он чувствовал, что все смотрят в его сторону. Ситуация — глупейшая. Вскочить и закричать: "Честное слово, я никаких денег не брал!" — глупо, ведь вслух никто Вовчика не назвал. Но в то же время открыто говорят, что раньше ничего не пропадало...

Кое-как доработав до конца смены, совершенно расстроенный Вовчик поплелся домой. У ворот стоял сосед Пашка, молодой крепкий мужик, успевший отволочь шестеру за хулиганку*. Вовчик решил с ним как с человеком бывалым посоветоваться. Не перебивая выслушав Вовчика, Пашка закурил папиросу "Север", предварительно сложив ее мундштук гармошкой, смачно сплюнул сквозь зубы, вздохнул и произнес:

— Хреновые, Вовик, твои дела! Видишь — никогда ничего не пропадало, а ты появился — и на тебе... А ты точно — не того?.. Ну все, все, я спросил, ты ответил, не прыгай! В общем, так: пока эту "крысу" не поймают — все так и будет висеть на тебе, и никуда тебе, пацан, от этого не деться. А вот если выследишь, поймаешь эту паскуду, которая у своих же пацанов тырит, — твое счастье!..

— Да как же, Паша, я эту падлу выслежу, если все вместе со мной находятся на рабочих местах, все вместе идут на обед... — Вовчик неожиданно замолчал и безумными глазами уставился на соседа.

— Ты чего? — удивленно заморгал тот белесыми глазами, не переставая перебрасывать слева направо и обратно замусоленную папиросу. — Вспомнил что-то?

— Понимаешь, Паша, есть у нас в цехе одна гнида, уборщик. Так только он заходит в бытовку, где висят шмотки, когда все работают. Он, падла, с первого дня ко мне цепляется, да и работяги его не любят...

— О! — обрадовался Пашка. — Так это ж совсем другой разговор! Вот ты и паси эту тварь, а как за хобот ухватишь — ори на весь завод: "Все сюда! "Крысу" поймал! Понял? Ну, тогда покедова! Я на вторую смену опаздываю...

Проведя почти бессонную ночь, никому и ничего дома не сказав, Вовчик был настроен крайне решительно: он не сомневался, что находится на правильном пути. Утром придя в цех, дождался, когда все его коллеги, переодевшись, вышли из бытовки, с ненавистью, застилавшей глаза, проследил, как уборщик вынес последний совок с мусором, вернулся в цех и, что-то мурлыча себе под нос, вошел в бытовку. Через минуту Вовчик подошел к ее дверям. Ему повезло: они были слегка приоткрыты.

* "Отволочь шестеру за хулиганку" (жарг.) — отсидеть шесть лет за хулиганство.

Осторожно просунув в образовавшуюся щель голову, Вовчик увидел уборщика, который стоял к нему спиной и лихорадочно шарил в карманах старого кителя. Этот китель знали все — он принадлежал старому Боксерману. Вовчик отпрянул от дверей и бросился к верстаку, за которым стоял владелец кителя, ритмично работая напильником.

— Боксерман, ваш китель Сашка-уборщик шмонает! — выпалил Вовчик, и хромой фронтовик с фантастической резвостью бросился в бытовку.

— Остановите станки! — заорал Вовчик. — Помогите Боксерману!

Станки остановились, и в наступившей тишине послышался дикий визг, доносящийся из открытых дверей бытовки. Все бросились туда и остолбенели: на еще не высохшем после утренней приборки полу Боксерман душил визжавшего уборщика. И наверняка задушил бы, не вмешайся Боря, который с огромными усилиями разжал пальцы разъяренного инвалида, сжимавшие горло Сашки.

— Не выпускайте его — это вор! — прохрипел Боксерман, когда шатающийся уборщик попытался выскользнуть из бытовки, и несколько человек преградили тому дорогу.

...Получив несколько раз по обычно наглой, а сейчас отвратительно жалкой роже (естественно, первый удар с наслаждением нанес Вовчик), Сашка сознался во всем. И в том, что с предыдущего места работы вынужден был уйти за мелкое воровство, и в том, что, придя в этот цех, твердо решил "завязать" и долго держался — пока в цеху не появился новенький, то есть Вовчик. Своим мерзким умишком уборщик правильно, в принципе, прикинул, что все подумают именно на новенького. Откуда было ему знать, что у Вовчика окажется такой мудрый консультант — сосед Паша, только-только откинувшийся с кичи?*..

На всю жизнь запомнил Вовчик (сегодня — пенсионер Владимир Сергеевич) этот случай из далекой юности. Когда мучает бессонница, Владимир Сергеевич, лежа в темноте с открытыми глазами, часто вспоминает инструментальный цех того, давно исчезнувшего уютного завода. Иногда он задается вопросом: а вдруг бы не удалось тогда поймать Сашку за руку? И через пятьдесят лет его охватывает ужас...

* "Откинувшийся с кичи" (жарг.) — освободившийся из тюрьмы.

Елена НЕКРАСОВА

Еврейское счастье

По субботам и воскресеньям Иичка торговала хомяками на Птичьем рынке. Она шила им прелестные костюмчики, чтобы привлечь покупателей-детей. Говорила, что это костюмчики для прогулок, но виданное ли дело — гулять с хомяком?

Иичка привозила хомяков из ближнего Подмосковья, где проживала в собственном доме. Дом покосился и врос в землю, самый никудышный в поселке был дом. Он пришел в негодность после смерти дедушки и бабушки. Полы прогнили, двери все время приходилось обтесывать топором, чтобы кое-как закрывались, вместо стекол были вставлены куски фанеры, какие удалось отыскать в дедушкином сарае, так что внутри всегда было темно. Остро пахло хомяками — Иичка разводила зверьков во всех четырех комнатах, а особенно породистых держала в своей спальне — там теплее.

Мама всегда называла Ию Иичкой, так и повелось. Соседские детишки, не разобравшись, говорили — Яичко, но ей даже шло — кругленькая, миловидная, и говорит мелодично, нараспев. Только вот с каждым годом она все сильнее набирала в весе, любила поесть. А при ее бедности что можно поесть? Хлеб и картошку. К тридцати пяти годам Иичка уже с трудом наклонялась и страдала одышкой, поэтому и огород запустила, только одна яблоня еще плодоносила на участке, да заросли облепихи привлекали соседей...

Зато хомячий бизнес поглотил ее всецело. Бизнес был не ахти какой, хомяки то и дело болели или сдыхали, или теряли красоту — то у них появлялись залысины, то шерстка не лоснилась. Хозяйка кормила зверьков сеном, а им ведь тоже необходимы витамины. Кроме того, чтобы возить клетки на рынок и обратно, приходилось заказывать на дом такси. Влезать с ними в автобус, да еще при таком телесном весе было нереально. Так что расходы были немалые, а вот доходы смехотворные и нерегулярные. Зимой, к примеру, хомяков почти не покупали. Даже неясно, как ей удавалось сводить концы с концами, говорили, что помогал какой-то родственник из Тулы.

Но Иичке нравилось разводить хомяков и торговать ими. За десять лет коллектив на рынке почти не изменился, эти дружеские отношения согревали душу. Продавцы морских свинок, котят и щенят, конкуренты хомячники... Они даже больше, чем родственники, она все про них знает, а они про нее. "Как твой дымоход поживает, Иичка? Починил Василий-то?"

"А "Зингер" еще продавать не надумала? А то есть покупатель..." Ну и доверительные разговоры, и сплетни, на рынке она была как рыба в воде. Иногда поступали заманчивые предложения, в основном, поработать продавщицей на лотке или в киоске. И зарплата неплохая, и расходов никаких... зато при хомяках она сама себе хозяйка. Она привыкла быть одна, и не питала иллюзий. Пару лет прожила с парнем из Молдавии, он хотел зацепиться в Москве, малярничал. К Иичке относился неплохо, даже помогал по хозяйству. Но вдруг пропал в неизвестном направлении, прихватив все наличные деньги, немецкий фарфоровый сервиз и старую мамину шубу из нутрии. Иичка сменила замок и решила, что хватит доверять мужчинам.

И мама всегда повторяла — им нельзя доверять. Иичка родилась в Германии, ее отец был военнослужащим, мать учительницей музыки. После падения Берлинской стены отца перевели в Тбилиси. Вот там-то мама и заподозрила, что муж завел любовницу. Он приходил домой поздно, от супружеских отношений уклонялся, как мог. После нескольких тяжелых сцен супруг признался, что утратил мужские способности. Но это не помогло сохранить семью. Родители развелись, и отец никогда больше не появлялся в жизни дочери. Мама отправила Иичку в Подмосковье к своим родителям, а сама еще пару лет прожила в Тбилиси, безуспешно пытаясь продать немецкое добро — мебель, портьеры, ковры, фарфоровые сервизы... Хорошей цены за них не давали, а переправлять в Москву было накладно.

Тем временем Иичка поступила в швейный техникум, хотя призвания к шитью не чувствовала. Зато она часами могла любоваться, как дедушка выклеивает из разных пород дерева картины по сюжетам русских сказок. Дедушка умер внезапно, от инфаркта. Не прошло и месяца, не успела внучка отойти от потрясения, как однажды ночью скончалась и бабушка. Денег в доме не было, Иичка пошла по соседям, но на похороны все равно не хватало. А мама, которую вызвали срочной телеграммой, приехать не смогла, у нее тоже не было денег. Поразмыслив, Иичка не стала покупать гроб, ведь это не решало проблему — гроб надо было доставить домой, затем заказать катафалк, дать "на лапу" гробокопателем... такие расходы были ей не по карману. Иичка купила бутылку водки супругам-пьяницам, и те помогли закопать бабушку в огороде. Первое время она немного опасалась неприятностей, но все обошлось — про бабушку никто не вспоминал...

Правда, одна неприятность все же случилась во время самих похорон. Когда они переносили тело к могиле, простыня неожиданно треснула, и старушка чуть не упала на землю. Иичка инстинктивно схватила ее за плечи, вплотную приблизив свое лицо к лицу бабушки. Но лучше бы она

этого не делала — от встряски изо рта трупа вышел такой зловонный дух, что внучка сразу же потеряла сознание. Она пришла в себя, когда испуганные соседи плеснули ей в лицо холодной водой... Судя по всему, событие это не прошло для Иички бесследно. С тех пор стала она какая-то вялая, сядет у калитки, задумается о чем-то, и даже на приветствия не всегда реагирует...

Техникум бросила, жила продажей вещей, отыскала бабушкино золотишко, дедушкин инструмент, скатерти дореволюционные, часы с боем, в общем, на первое время хватило... Заниматься хомяками Иичка начала из-за удивительного запаха их мочи. Как-то раз она зашла к соседке предложить хрусталь, и соседский сынок похвастался жирным хомяком в стеклянной банке. От банки исходил такой резкий и необычный аромат, что Иичка впервые перестала чувствовать удушливое трупное зловоние, которое теперь преследовало ее повсеместно — и в доме, и на улице, и даже во сне. Видимо, в мозгу произошло некое замыкание нервных окончаний, и она все время ощущала страшный запах, хотя в реальности его, разумеется, не было. Так она объясняла себе этот странный феномен, но легче-то не становилось. И вдруг! Запах хомяков начисто перебивал так измучивший ее бабушкин дух. "Зачем ты суешь эту банку тете под нос? Убери немедленно!" — прикрикнула на сына соседка. Но Иичка думала иначе. Все равно это запах жизни, для других он едкий, неприятный... но меня он спасет... уже спасает.

Через год подъехала мама из Тбилиси, привезла немного деньжат... Подруги юности, посетив ее раз-другой, больше не приходили. Мама во всем винила евреев — они, мол, затеяли Октябрьскую революцию, развалили Советский Союз, заняли важные посты в государстве и морят голодом русского человека. И даже в импотенции мужа виноват мировой сионизм... Как выяснилось спустя столько лет, обе мамины подруги были еврейками, мало того, и ее считали еврейкой, и были неприятно удивлены... Иичка не разделяла мамины взгляды, но спорить было бесполезно.

Однажды, будучи проездом в Москве, их посетил мамин двоюродный брат, тульский бизнесмен. Он ужаснулся — мать и дочь опускаются на дно. Дом разваливается, крыша течет, работы нет, только эти вонючие хомяки повсюду, а на запущенном участке бродят соседские куры. Про бабушкину могилу родственнику не стали рассказывать, соврали, что сожгли бабушку в крематории. Брат предложил Иичкиной маме поехать с ним в Тулу, у его компаньона недавно родился сын, требуется няня с проживанием в доме. Оплата хорошая, за год можно было скопить крупную сумму.

Мама поехала, но через две недели возвратилась. Компаньон оказался евреем, его жена тоже. Она музыкант, а не жидовская прислужница!

В 1998-м, во время дефолта, мать перенервничала, ослепла и вскоре умерла. На этот раз с похоронами помог тульский дядя, племянницу он жалел. Осталась Иичка снова одна с хомяками, а ей и не привыкать. Но в последнее время ее стало одолевать беспокойство, бояться жизни она стала, вот что. Каждый нормально прожитый день становился большой удачей, зато день грядущий таил в себе неведомые опасности, а ночью ей часто снились покойные родичи, с укором смотрели они на нее, мол, сделай же что-нибудь, так жить нельзя... А что нельзя? Что надо сделать?! Все ее родственники были худенькими, сухощавыми, она одна так раздалась. Может быть, это их раздражало? Или намекают, что нужно перезахоронить бабушку? Вряд ли, говорят, нехорошо тревожить прах умерших. Товарки по рынку стали замечать, что их Иичка какая-то издерганная, тревожная. Да и сама она не понимала причин своего волнения...

Она достала старые фотографии, и ей показалось, что она узнает эти лица... лица из ее снов. Что-то они хотят от нее, что-то молча, но настойчиво требуют. А если прошлое ее семьи окутывает страшная тайна? Родовое проклятие? Но у ее двоюродного дяди по бабушкиной линии все в порядке, значит... тайна кроется в дедушке. А он был единственным ребенком в семье, никаких родственников не осталось. Иичка методично перерывала старье, прощупывала подкладки вещей, проверяла слипшиеся страницы дедушкиных книг, прочитала все желтые письма, перетрясла истрепанные фотоальбомы, проверила полки шкафов и ящики комодов, обшарила подвал... Что она искала? Что-нибудь. Вспомнив про церковь, сходила и туда. Священник объяснил, что ей надо креститься, и покрестилась. Но сны не отступали, наоборот, теперь родственники стали гораздо активнее, они ей что-то сердито кричали издалека, но слов было не разобрать. Их ворчливые голоса и днем, казалось, наполняли пространство сумрачного дома, и только на рынке Иичка ощущала себя в относительной безопасности.

Накануне Пасхи ей приснилось, что в дедушкином сарае под токарным станком зарыт скелет. Станка этого давно уже не было на месте, после смерти дедушки и бабушки она его продала. Да и сам сарай обвалился, лежит на земле бесформенной грудой догнивающих досок. Но Иичка почему-то сразу поверила в скелет и принялась разбирать завалы.

Скелет оказался на месте... Но что было делать дальше? Она не знала. Если кому-нибудь рассказать, или заявить в милицию, недолго и за решеткой оказаться. Разве там будут разбираться? Пришьют дело для от-

четности, и ничего не докажешь. А еще, чего доброго, перекопают участок и найдут бабушку... нет уж. В тайне исповеди она тоже сомневалась. Переложив череп и кости в хозяйственную сумку, Иичка пришла в церковь еще затемно, отстояла всю утреннюю службу с сумкой в руках, затем купила самую большую свечу и поставила за упокой неведомой души. Она действовала по наитию, ей казалось, что так правильно... А после незаметно закопала сумку на окраине кладбища. Дедушка явился той же ночью. Добряк при жизни, он был неузнаваем. Он топал на Иичку ногами, брызгал слюной, и смысл был понятен — он этого так не оставит! Бабушка и прочие родственники тоже висели в воздухе позади него. Бабушка плакала беззвучно и горько.

Проснувшись в холодном поту, Иичка не спала уже до утра. Ну что они хотят от нее? Чего привязались?! Она решила продать проклятый дом и переехать в однокомнатную квартиру. Вот только бабушку не хотелось оставлять чужим людям, да и опасно. Пришлось ей выкапывать и бабушку. И вот что поразительно — за десять лет лежания в земле почти все кости сгнили, не говоря уже об одежде. Осталось несколько позвонков, фрагменты берцовой кости и верхняя часть черепа, рядом с которым отдельно лежала седая бабушкина коса. Надо же, скелет в дедушкином сарае был почти целым. Но он хранился в других условиях, под крышей... Иичка знала, что в жарком сухом климате кости могут сохраняться тысячелетиями. А во влажном черноземе вот так, значит... А вдруг это соседские собаки выкопали и растащили бабушку? Да нет, что за чушь...

Иичка аккуратно собрала косточки, обтерла их тряпками. Сумка не пригодилась — все, что осталось от бабушки, прекрасно поместилось в целлофановый пакет из магазина "Икеа", эти крепкие удобные пакеты ей иногда дарила продавщица кактусов. Она не понесла бабушку к заутрене, потому что ее старики были убежденными атеистами. Хотя годы, проведенные на том свете, могли изменить их убеждения... Поэтому, положив череп на мельхиоровое блюдо, Иичка обратилась к нему с вопросом — "Скажи, бабуля, ты хочешь, чтобы я пошла с тобой в церковь? Если хочешь, пусть пасьянс сойдется". Затем, водрузив блюдо в центр стола, разложила пасьянс, которому в свое время ее обучила бабушка. Но он не сошелся, и церковь пришлось отменить.

Бабушкины косточки она захоронила в изголовье дедушкиной могилы, делая вид, что сажает розовый куст. Им будет хорошо вместе, подумала Иичка, подставляя лицо ласковым весенним лучам. Она не спешила уходить с кладбища. Полюбовалась на памятники, угостила синичек хлеб-

ными крошками, проведала маму, рассказала ей о своих планах. Пожилой кладбищенский работник предложил Иичке дружбу, и она немного с ним пококетничала, но для себя решила твердо — надо держаться подальше от мертвечины и всех, кто с ней связан. Приподнятое настроение не покидало ее до позднего вечера, она купила газету "Из рук в руки" и просматривала объявления о продаже домов и квартир, попивая чай с булочками и облепиховым вареньем.

А ночью снова вернулась тревога. Она вертелась с боку на бок, несколько раз включала лампу — пробовала читать, чтение вроде бы усыпляло, и она выключала свет, но в темноте сон куда-то улетучивался... Пыталась заснуть со светом, но лампочка вдруг перегорела, а идти за новой лампой в холодную кухню было неохота... решила считать до тысячи, это должно помочь. Иичка считала, но никак не могла отделаться от мысли, что в правом углу комнаты что-то смутно белеет. В этом углу всегда темно, там уже много лет стоит резной антикварный стул без ноги, и на него ничего класть нельзя — упадет. А тут что-то странное... стала вглядываться, и это ощущение усилилось. Что же она туда положила? Постельное белье? Но стирки давно уже не было... Хм, что-то большое, надо бы встать посмотреть... Но чем больше она всматривалась в предмет, тем спокойнее становилось на душе. Иичка зевнула, у нее начали слипаться глаза. Еще немного, и засну... завтра, все завтра...

И тут она услышала голос. Спокойный басовитый мужской голос, он негромко произнес: "Здравствуй, Иичка. Не бойся, я твой дедушка...". А она почему-то и не боялась. Ну, дедушка так дедушка. Наверное, пришел за бабушку поблагодарить. В комнате стало гораздо светлее, и свет явно исходил от таинственного предмета в углу. Да что в нем таинственного? Теперь Иичка отчетливо видела, что на стуле в углу комнаты сидит большой белый скелет. И хотя скелеты не могут улыбаться, он улыбался ей приветливо и спокойно. "Я пришел рассказать тебе правду. Да, я твой родной дедушка, звали меня Исаак Соломонович Петлах. С твоей бабушкой, Софьей Ароновной, мы жили очень счастливо... — скелет вздохнул. — А во время войны ее отправили в эвакуацию в Татарстан. И там она работала в школе, а я воевал, имею награды... ну вот, а как война закончилась, поехал я в эту Бугульму, Софочку свою забирать, а она мне и говорит — давай останемся, Изя, ну зачем нам та Москва? Тут люди хорошие, нам дадут отдельный дом, ты будешь главным ветеринаром в колхозе... ну и остались. Но прожили мы с твоей бабушкой недолго. Пятого апреля сорок шестого года родилась у нас дочурка, назвали Фаиной. Фаина Исааковна Петлах. Это и есть твоя мама..."

"Как это?! А как же моя мама Зоя? А дедушка с бабушкой?!" — Иичка была удивлена и взволнована, но все равно заметила, что в процессе рассказа скелет все больше и больше походил на человека. Да. На стуле сидела фосфорецирующе-белая фигура, можно было разглядеть даже некоторые детали — крупные мясистые губы, высокий лоб, очки в тонкой оправе...

"В том-то и дело, Иичка, что те дедушка с бабушкой совсем не твои. Но слушай дальше, я расскажу все по порядку. Моя Софа умерла вскоре после родов, все-таки медицина была там ни к черту... варвары. До сих пор не могу простить себе, что не настоял на возвращении в Москву. Похоронил я Софочку, взял малышку Фаину, хоть ей месяца еще не исполнилось, и поехал домой, в Москву. Там ведь мама у меня, и сестренка младшая, да и вообще, не мог я уже в этой Бугульме находиться... Врачиха одна сильно визжала — куда, мол, с грудным ребенком, вы же его погубите... А я ей сказал, что в ихней дыре они сами кого угодно угробят, и еще прибавил кое-что... А все наши с Софочкой вещи сжег, ничего им не оставил. С собой взял только пару бутылок с разбавленным козьим молоком, соски, пеленки, и поехал Москву. Мы на трех поездах добирались, почти пять дней, сначала до Казани надо было... ладно, это неважно. В общем, устали мы, измучились страшно, а тут еще перед самой Москвой поезд вдруг встал. Там завал какой-то был на путях, проводник говорит — до утра будем стоять. А у меня все молоко уже закончилось, Фанечка кричит-надрывается, ну, я и решил — сойду, постучусь к кому-нибудь в дом, не откажут ведь покормить ребенка. И вот постучался... — голос привидения слегка задрожал. — Вышел я из поезда, смотрю — дома вокруг все темные, заколоченные, в одном только окошки светятся. Домик ладный такой, ухоженный. Постучал. Девять вечера было, хозяева еще не легли, сразу открыли. Ну, я им все объяснил, так, мол, и так... добираюсь в Москву издалека, поезд застрял на путях. Они нас с Фанечкой пустили, сразу воду поставили греть, а то она обкакалась вся, а у меня пеленок чистых уже не было... Хозяева эти мне понравились, молодая пара, бездетные. Фаня попила молочка и сразу заснула, а они стол накрыли, стали расспрашивать, кто мы, откуда... Они предложили у них переночевать, в вагоне, мол, холодно и неуютно... я согласился, конечно. Тут, говорят, на автобусе час до Москвы, мы вас завтра проводим. Кто же знал, что у них на уме такое злодейство? Хотя, справедливости ради... женщина не виновата, это все придумал ее муж. Это он мне сказал, что к туалету надо идти прямо по дорожке... а посреди этой дорожки у них была вырыта глубокая яма, для нового туалета. И в этой яме стояло две острых косы. Я оступился и, падая, перере-

зал себе горло. Вот интересно — если бы я остался жив, добил бы он меня или нет? Жене он заявил, что выпил лишнего и забыл про яму. Но она-то все поняла... Эти твои так называемые бабушка и дедушка не могли иметь детей, у мужчины было мертвое семя..."

— Ужас, ужас, какой ужас... — повторяла про себя Иичка. Она собралась с мыслями.

— А почему ты не рассказал об этом моей маме?

— Я пытался. Но она боялась меня, думала, что сходит с ума...

Иичка вспомнила, как срывающимся голосом мама уверяла ее, что евреи хотят свести с ума русских людей, подсылая им голографические фантомы. Что это новейшая разработка секретных американских лабораторий. Да... теперь она поняла... он доконал ее маму.

Белый дедушка нервно расхаживал по спальне, и его передвижениям не мешала ни мебель, ни хомячьи клетки...

— Они уничтожили все мои документы, записали на себя нашу Фанечку! Назвали Зоей!

— Значит... они удочерили ее как подкидыша?

— Какое там! Как собственную родную дочь!!

— Но ведь все вокруг знали, что бабушка не была беременной и не рожала, ну, то есть... бабушка Лида.

— Да кто все? Кто тут жил? Калека слабоумный да пара старух. Дезертиры еще прятались. А этот гад Ковров стрелочником работал на станции... Меня убили, а Фаню присвоили, вот и все дела. Ты должна найти своих родственников, Спивак Рахиль Соломоновна, в девичестве Петлах, так зовут мою младшую сестру... нет! Запиши чем-нибудь, вот ее адрес...

Иичка без труда разыскала престарелую Рахиль Соломоновну, и та сразу же признала в ней родную кровь. Это неудивительно, ведь Иичка, (как, впрочем, и ее покойная мать Фаина Исааковна), была вылитой Петлах — имела характерный овал лица, острый подбородок с маленькой ямочкой, широко расставленные круглые глаза, тонкие брови вразлет, придававшие лицам Петлах восторженно-удивленное выражение, густые черные волосы, изящные ушки, покатые плечи, молочно-белую кожу с многочисленными родинками, маленькие ступни... и многое другое, включая мелодично-распевный голос и тонкий раскатистый смех.

Сумку с костями Исаака Соломоновича тайно выкопали и перезахоронили на Перловском кладбище, рядом с матерью и старшими братьями. Рахиль Соломоновна незамедлительно переписала на Ию половину иму-

щества, доставшегося ей в наследство от родителей, и та смогла купить двухкомнатную квартиру в хорошем районе Москвы. Дом Ковровых продали, а деньги перечислили в Фонд помощи еврейским детям-сиротам. Иичка сменила фамилию и даже имя, которое давно уже ненавидела. Теперь она зовется Фаиной и работает в туристической фирме тети Беллы, дочери Рахили Соломоновны...

Да... в этой истории, пожалуй, нет ничего поучительного, просто такая судьба, вот такое неожиданное везение. А сколько хороших людей до сих пор живет не на своем месте!

Москва

Касатка

амстердам объявлено на посадку
пассажиры следующие летя
прижимая плюшевого кита-касатку
чье-то в очереди наугад дитя
пилигрим с виагрой и другие люди
дама с Йориком бизнес-класс ути-ути
чьи-то челюсти развело в зевке
сладко спать пока нас нет на земле

лишь один не спит все думает думу
потому что как бог полагает дуну
и не станет обыскивали но пронес
с ним багаж муляж не нужна и даром
вся внизу земля с ее амстердамом
он маневру в другие пределы рад
заслужить у тебя блаженство боже
ибо держит курс на небесный град
где халвы невозбранно и пальмы в тепле
точка точка точка тире тире тире
точка точка точка но так не сигналят больше

напоследок взять провести по шторам
обреченной на рыбий корм рукой
попенять неведомому за что нам
эта доля и никакой другой
невиновно небо и туч не мучай
где за нас лишь плюшевый кит летучий
чтобы солнце бусины глаз зажгло
и собачка рядом веером лапок
бедный йорик аж бантик сбился набок
может кто-нибудь спросит ее за что

но под пальмами неисчислимы дни
где гранатовый сок попивают они
и полдюжины дюжин дают без слова
у которых поверишь сколько ни ткни
зарастает снова

Сад

вот гуляю степенно себе в саду
ковыряю у гипсовой нимфы в заду
подпираю где куст в беде
как понять в раю я или в аду
если надписи нет нигде

в том что умер особых сомнений нет
то ли месяц назад то ли пару лет
здесь хронометр умолк в груди
захочу стишки запишу в тетрадь
или даже на арфе дерзну сыграть
вон в гостиной стоит гляди

а у гипсовой нимфы в глазах роса
у нее не то чтобы есть глаза
два бельма как у них у всех
но лицо точнее день ото дня
и когда врасплох глядит на меня
словно мелкий глотает смех

почему я с ней один на один
вертограду праздному господин
а других не сыскать с огнем
то ли добрых дел комплект невелик
то ли мельком грехи как в облаке блик
каждый ноль и память о нем

вот цветы но ни птиц кругом ни стрекоз
только блеск запомнил и в бездну сброс
словно в устье прямой кишки
безысходный в восьмерку свернуть момент
то на арфе быстрый дивертисмент
то в саду то снова стишки

я на нимфу в упор на меня она
проступает кристаллами явь из сна
пробирает рентген цветы

только вспять отсюда струится свет
видно ад не другие которых нет
настоящий ад это ты

это гипсовая нагота до пят
в мшистой чаще маленький водопад
извивается меж камней
поперек ни души ни голоса вдоль
как же исподволь нарастает боль
мне никто не сказал о ней

Лес

на семи холмах до семи небес
ледяные ливни пронзает лес
до неведомой приговорен весны
насылать на город пустые сны

в нижнем городе жителей словно блох
даже множатся к той же что лес весне
людям чудится вот существует бог
а в действительности просто лес везде

снится жителям что живут в домах
провожают мужей выбирают подруг
а в действительности на семи холмах
до семи небес только лес вокруг

я запасся ветошью и песком
я суровой ниткой сошью мешок
потому что лес с каждым новым сном
придвигается к городу на вершок

прозорливы без радости мы с тобой
часто пяльца валятся из руки
слышно заполночь дробно по мостовой
росомахи бродят и барсуки

если треснут над городом семь небес
и с семи холмов облетит туман
потечет в долины наследный лес
прекратится наш городской обман

сколько жизни внизу не знавали бед
так нам жалко мертвым что бога нет

* * *

в пуще практически ни тропинки
в тесном лесу поступаем сами
словно стальные в строю опилки
между магнитными полюсами

в прежней ужом очутиться коже
горстью компоста в смердящей груде
можно лисой или сойкой тоже
но почему-то все время люди

голову ночью снесет над книгой
стиснут внутри на манер гармошки
контур отчизны такой же мнимой
что и снаружи любой обложки

это страну стерегущий ангел
счастье качает предсмертным сердцем
это стучит журавлиный анкер
между константами юг и север

если рождаешься жить положим
можно пока неподвижна стража
так и остаться простым прохожим
до перекрестка любви и страха

сойка направо откуда песня
слева лиса где незримо бездна
смерть неминуема как ни бейся
счастье практически неизбежно

* * *

однажды солнце село навсегда
особенно неистовствовал дворник
он клялся что взойдет-таки во вторник
но не взошло а ведь уже среда

мы поначалу стали делать вид
что в сущности не тяготимся этим
и лицемерно объясняли детям
что солнце есть и что оно горит

но вот работник лома и метлы
отчаявшись терпеть и как бы в шутку
нам объявил сложив приборы в будку
что жизнь прошла что мы теперь мертвы

и стало жалко тратить пот и труд
и стало слышно в тихом плеске Леты
как маленькие детские скелеты
в песочнице совочками скребут

День победы

умчаться в глушь пока желта в покое
по всей равнине рожь
бери себе правительство такое
какое унесешь

жить наугад невинно и нелепо
на нищие рубли
но это будет государство лета
республика любви

в такой разлуке тверже образ дома
то редкое родство
куда не вхожи ратники газпрома
и фрейлины его

вдали от удали поправить нервы
а то и мозг слегка
где родина шиповника и вербы
россия тростника

весь лес без лозунгов и рек пробелы
проштриховать стопой
здесь если и наступит день победы
то разве над собой

что общего меж их железом ржавым
и обмороком ржи
где в вечной дружбе жизнь не по скрижалям
со смертью не по лжи

* * *

у фонарного ночью столба
из кромешного мрака
неожиданно сбилась толпа
дтп или драка

чем им отдых всеобщий не свят
объясни мне бабуля
почему эти люди не спят
скопом кровь карауля

или смена им выпала в ночь
с перспективой отгула
может загодя вышли помочь
но прознали откуда

или всякое горе свое
счет слезам и обидам
тянет к горю как в копны жнивье
как опилки магнитом

я над горем своим не скорблю
над чужим не ликую

я себе среди ваших судьбу
не хочу никакую

США

От редакции. Алексей Цветков – известный поэт русского зарубежья. Родился на Украине, учился в Одесском университете, затем в Московском университете. Живет в США, сейчас работает в Праге на радио "Свобода". В 2008 году вновь был в Одессе. Тогда же передал для нашего альманаха эти стихи.

Нина

Открыта глазам голубая равнина,
Дымится над городом в воздухе пыль.
Как взмахами рук разделяет их Нина,
Плывя на спине! Как назвать это? Штиль?
Блестящая гладь упокоенной силы,
Томящая яркость желтеющих глин,
И вечные поросли зелени стылой —
Отходят толчком в исчезающий клин.
Дыхание — как не принять с ликованьем!
Свободу не спутать! А время — зачем?
Из моря, измучась, исторглись созданья,
Чтоб только обсохнуть! Да, только затем!
Ты слышишь, русалка, как воздух щекочет?
Ты видишь, как темное ищет пятно
Луч солнца? Ты знаешь, как тень твоя хочет
Тебя поглотить... Только ей — не дано!
Проиграна битва титанов и гадов,
Морская, в пупырышках, мокрая соль
На коже сверкает! А радость — от ада
Спасет, перекатная, юная голь!

* * *

Забывай меня скорее,
Город на большой горе,
Забывай, ведь я старею,
Словно точки и тире
В безнадежной телеграмме...
Город, в шаткой суете
Остановленный:
"Нет мамы",
На мгновенье, он — в беде.
Но тебя я не забуду —
Теплый шаркающий звук:
Ты идешь, спешишь — откуда?

По Дворянской, враг и друг.
Это ты меня ругаешь
За оставленную грязь.
Это ты меня пугаешь,
Издевательски смеясь.
Это ты на Ришельевской
Перевешиваешь тень,
Свет и полутени, — вместо
Тряпок — коротаешь день.
В горсаду сияешь медью,
Серебром усталых труб,
Дерибасовской, что бредит
Музыкой бродячих групп.
И мостишь большую площадь
Без скамеек и воды.
Открываешь шоу: лошадь!
Школу верховой езды.
Мы в одной огромной лодке,
Как китайцы на Янцзы,
Но уже есть течь в середке.
Опились гребцы бузы...
Рисовой спиртовой браги.
Чачи, пива, первача.
Выкинули в море стяги.
И рыдают по ночам.

Неужели с той весною,
С майским запахом от лип,
От акаций с резедою
Ветра с моря слышен всхлип?

От сигналящих посудин —
Этот шорох, этот звук?
Этот вздох, что неподсуден.
Все, за что прощаем вдруг?

* * *

Что-то сонное приснилось,
Что-то громко повинилось,
Где-то крошкою зашлось.
Растворилось и слилось.

Покачало головою.
Невеселой синевою
Опрокинулось в траву.
Омрачилось наяву.

Вспомнился тотчас июнь.
День не гас, и высоко
Небо белое, как лунь,
Смаргивало мне глазком.

Звезды бледные взошли,
Двинулись под мост суда.
И поплыли города,
Подаваясь из дали.

Ты был близко. Шел за мной
По граниту вдоль реки.
Ты стоял в саду, но сном
Скован, не подал руки.

Я в счастливом полусне
С той весны иду-иду.
Начался июнь. Я жду.
Снова говоришь ты мне...

* * *

Если бы знал мотылек голубой,
Нежно припавший к цветку надо мной,
Как этот короток день.

Он бы усилием всех своих сил,
Всем напряжением звездных светил,
Переборол свою лень.

Мой город

С улицы тянет густыми, как клей,
Звуками, криком: налей,
Мусорным резким, надрывным звонком,
Ревом младенцев, в квартале — роддом,
Из самосвала — важней королей —
Влажно сошедшим песком.
Нету здесь лишних — упавший на дно
Цокот отбойный, смех из казино
И на рояле разученный Гайдн...
Крики из кухни: "Попробуйте Тайд!" —
Немец бы вздрогнул и вскрикнул: "О, найн!"
Пробую... Мне все равно.
Кто догадается, как мы живем,
Тот окунается в город живьем.
Где на распутье трамвайных путей
Жизнь распевает, не пряча культей,
Слышу, грустнея, о нем.

Что же? Когда он опомнится... Нет.
Гробит незнание грозных примет.
Горе ветвей, дождь разбитый внизу.
Я-то снесу...
Строй гармонический, тема и ритм...
Миг — и он золотом будет облит!
Тусклый его безупречнейший блеск
Плач обрывает и треск.
Только-то! Выйти из пены морской —
Просто! Повторенный гул городской
улицы, порта, вокзала, слобод —
Снова — волнение вод.
Я-то что делаю? Глохну и сплю...
Да! Он — с букетом... Скрежещет "люблю!"
В реве машин его голос растет.
Каждый — по звуку найдет...
"Спишь? Отзывайся. О, выйдь на балкон...".

Надо глухим быть — отчетливей звон.
Колокол бухнул. Вперед!

* * *

Пригорки покрылись веселыми стайками
Новых строений
— церквушки, кумирни,
Новые культы окутаны байками.
Молодость мира множится мирно.
В странах, где выполот каждый четвертый,
Произрастают, их будет — до черта...
Кажется, бабушка все еще крестится.
Что же... Господь доведет еще встретиться.
Знала она без особых стараний,
Надо крестить Женю, Витю и Таню.
Благословить на победу в сражении
Там и полегших Витю и Женю.
Да помянуть еще мужа Захара,
В лагере сгинувшего — нестарым...

* * *

Пробился, проник, замелькал сквозь — насквозь!
Сухая софора пустила листы.
А наша акация первую гроздь —
Просыпала, тают цветы.
И запах плывет на семи парусах,
И тенькают птички, и утро встает.
И смотрит бесстрашная тетка в трусах
С балкона, а кто там идет?

* * *

Всю зиму не выйти, туман или дождь.
Какое-то поле меня затянуло.
Астролог-романтик, меня не тревожь,
Еще хиромантов сюда... Я со стула
Свалилась? Ты тоже — хорош.

Что звезды покажут? Лучи и хвосты.
И, разумеется, в звездном порядке.

Кувшин из Испании в детской закладке
Прольет благовония. Мысли чисты.

Читаю, учусь говорить в пустоте.
Вчера разучила одну сонатину.
Д. Штейбельта. Мысли его — еще те.
А впрочем, судить не берусь. Все — противно.

Еще холоднее бессонной порой,
Средь ночи, когда отрезается доля
За долей. И стрелочник кстати, и рой
Цифирек, разбросанных в мертвенном поле.

Читая Олега

"Поедем в китайскую сторону суши?
Туда, где бродили и бродят ботаники.
Лет двести отбросим, что били баклуши...
И в путь снарядим экспедицию, Танька?
Амурскую воду еще не граничили,
Уссури в июне вскрывается бешено,
Так будем сазанов таскать из коричневых
Крутящихся вод — и лососей изнеженных.

А утренники? Там прохладней, там дышится.
Ханкайская степь — с головой спрячет сусликов,
Это про нас с тобой. Суслик не пыжится.
Ну же! Поехали! Спрячемся... Струсила?"

* * *

Ты знаешь, Нина, я больна.
Размножились грибы, наросты.
Красивым до икоты просто,
Оказывается, умереть. Хана.
Друзья не пьют. Страна в опале.
На гетманах торчат медали.

И веселятся дряхлые одры
Доглатывая кубок цинандали.
Их окружают...
Но желтый чистотел оправдывает жизнь,
И зяблик всю ее на песню положил.
Как жаль мне...

* * *

Что было бы, твердит инстинкт в аду,
Что выпало, ум недоумевает.
Что я запомню? — Я стою в саду...
А есть и тот, кто это понимает
И кроме неба в бесконечном дне
Дарует нам беспамятство, прощенье,
И долго верит в нас. Всегда. И нет
Просторнее пути к игольной щели.

Мы заслужили жизнь — какая есть.
Душистая сирень не ломится в фрамуги.
Да, есть котенок, пес. И тонкая, как жесть,
Стена меж видимым и духом... Есть — потуги...

Противники шагают стороной,
Над нами покрывало и защита.
Кто меньше нас? И кто — на нас войной?
Да, тот, кто меньше. Истина избита.

И жизнь идет, идет. На пустяки
Меняется, равняется, боится ...
Ей полагалось в большее развиться.
Противоречья все же велики.

Семен ВАЙНБЛАТ

Предсказание

Калхант, жрец из Микен, прорицатель, жил в XIII веке до н. э., участвовал в походе греков под Трою. По его совету был выстроен деревянный конь и захвачена Троя. Ему предсказали дату смерти, но не сказали, от чего он умрет.

Калхант мрачнел. День смерти наступил,
И миг свиданья с тьмою приближался.
Был этот мир ему, как прежде, мил,
Но час пробил. Калхант с собой прощался.

И с каждою секундою вся жизнь
Привычную теряла оболочку,
И блекла, не успев родиться, мысль
И постепенно превращалась в точку.

И вскоре эта точка, как слеза,
Что на щеке среди морщин застыла,
Должна растаять. И его глаза
Навек сомкнет неведомая сила.

Калхант в тиши прислушался к себе,
К тому, что происходит в недрах тела,
Где вскоре кровь закончит быстрый бег,
Где жизни гимн душа еще не спела.

Пытаясь уловить, как сердца стук
Отсчитывает время его жизни,
Дивится он тому, что тонок слух,
Что тело до сих пор здоровьем брызжет.

Он заглянуть пытается туда,
Где шаг секунд отсчитывает сердце.
Он хочет знать, какая же беда
Придет к нему, через какую дверцу?

А если правда то, что он умрет,
А если это все-таки случится,

То, значит, прекратится дум полет,
И мысль, едва возникнув, испарится.

В его чертог войдет сегодня смерть.
Быть может, лживо это предсказанье?
И почему он должен умереть?
В чем жизни смысл? В чем тайна мирозданья?

Нет, это ложь! Годами он не стар!
Прекрасна жизнь, и жить, конечно, стоит!
И не погас в груди любви пожар!
И тело, как и в тридцать, молодое!

Неужто жизни свет заменит тьма,
Глаза сомкнутся... уплывет удача?..
Чтоб от безмолвья не сойти с ума,
С самим собой Калхант беседу начал.

"Мне предсказали смерти моей день.
Но точный час ее мне неизвестен.
И ходит эта мысль за мной, как тень,
Из-за нее стал узок мир и тесен.

Да, я здоров, могу сто лет прожить,
Я полон самых радужных стремлений,
Десятки дел способен совершить,
И ни на йоту нет во мне сомнений.

Народ ахейский не забыл, кто я,
Мне почести воздали как герою
За то, что предложил создать коня,
В котором мы смогли проникнуть в Трою.

Нет, мне умом, конечно, не понять,
Как я могу попасть в объятья смерти...
Ну, кто же, кто сумеет помешать
Мне жить и созидать на этом свете?

Но как представить мне тот жуткий час,
Когда умчится жизнь с последним вздохом?
Внутри меня луч жизни не угас,
Живу в довольстве, мне не одиноко.

Я думаю, что предсказанье — ложь!
И все слова, что буду мертв, абсурдны!
Когда чего-то очень сильно ждешь,
То кажутся минутами секунды...

Уверен я, хотя и не атлет,
Что жизнь моя сегодня не в капкане,
Что рано утром встречу я рассвет.
Что буду жив, коль новый день настанет.

Надеюсь, мне удастся ночь прожить, —
И канет в вечность вся нелепость эта.
Не может оборваться жизни нить,
Когда в ней столько силы, мощи, света!

Когда проснусь я завтра на заре,
То позабуду все переживанья.
Застынут, словно мошки в янтаре,
Об этом дне мои воспоминанья.

А если я действительно умру,
То все ли совершил, что сделать должно?
Помог ли другу, дал отпор врагу?
И понял ли, что истинно, что ложно?

Как сложно на вопросы отвечать,
Которые я сам себе поставил.
Под каждым словом — лишь моя печать,
Пророчество — игра, где много правил.

Мне так легко себе задать вопрос,
Но кто оценит правильность ответа?
И если мыслить трезво и всерьез,
То не могу я дать себе совета.

И в этот трудный час, когда один,
Когда нет рядом ни врага, ни друга,
Я сам себе слуга и господин,
Но ни за что не дрогну от испуга.

Как на ладони, пред собой я весь,
И мне не надо врать или таиться.
Я знаю, что такое долг и честь,
Что сделал и к чему могу стремиться.

Что ж, встретиться со смертью я готов,
Но нет желанья с близкими прощаться,
Наверно, не найду я нужных слов...
Хотя судьбе умею покоряться.

И если умереть мне суждено,
То пусть скорее день сей в Лету канет...
Пусть в мир иной откроется окно...
Но лучше без меня наш мир не станет.

Сегодня не хочу я умереть,
Хотя понятно мне, что непременно
В нежданный день с косой приходит смерть
И косит все, что в этом мире тленно.

А мне известен день, и вот я здесь
Понять пытаюсь сущность предсказанья.
Забыл, что надо пить, что надо есть,
Раздумья причиняют мне страданья.

Никто не сможет погубить меня
В обители моей, как крепость, прочной.
Себя вольготно чувствую в ней я,
И не покину этот мир досрочно.

Здесь крепки стены и глубокий ров.
И в неприступность их я твердо верю,
Ведь не под силу в мой священный кров
Проникнуть человеку или зверю.

Обитель устоит перед врагом
Я знаю, так как сам могу пророчить,
И я молюсь единственно о том,
Чтоб все спокойно было этой ночью.

Над многими моя простерлась власть.
И нынче ни пред кем я не робею.
И если кто-нибудь решит напасть,
То выдержать осаду я сумею.

И радость, и печаль — я все познал.
С коварством я знаком, борясь с врагами.
Я всех, кто неугоден мне, изгнал,
Я окружен лишь верными друзьями.

Вокруг все тихо. Страсти не бурлят.
И жизнь сюрпризы мне не преподносит.
Уверен, что никто смертельный яд
Ни в пищу, ни в вино мне не подбросит.

Никто в мою обитель не войдет
И мой покой сегодня не нарушит,
Сквозь землю не проникнет, словно крот,
Не подожжет меня и не задушит.

Я здесь один. Закрыты двери все.
Так значит, не убьют меня нежданно.
И будет завтра жизнь во всей красе
Блистать, как ныне, ярко, многогранно.

Мне предсказали тридцать лет назад,
Что в этот день моя решится доля.
С тех пор во мне слова судьбы звучат.
Я думаю, в словах тех Зевса воля.

Когда я их впервые услыхал,
То вымолвил тотчас, почти ликуя:
"Я рад, что отдаляется финал,
Как хорошо, что раньше не умру я,

Что не погибну в яростном бою,
До срока не скончаюсь от болезни,
Что знаю точно я судьбу свою,
Что мне теперь советы бесполезны".

Но день пришел. И черных мыслей рать
О предсказанье мне напоминает.
И чем усердней их пытаюсь гнать,
Тем яростней они меня терзают.

И вспомнил я одну из древних притч.
Юнцу сказали: "Сгинут все препоны,
Любых высот сумеешь ты достичь,
Но лишь одно условие исполни.

Ты подлинное счастье обретешь,
Ты будешь самым умным, самым смелым,
Ты будешь знать, где истина, где ложь,
И для тебя исчезнут все пределы!

Ты всех богаче будешь на земле,
Ты будешь и красивым, и могучим,
Ты будешь жить в добре, а не во зле,
И прослывешь ты в мире самым лучшим!

И для тебя — все розы, вся сирень!
И все на свете в миг доступным станет!
Но есть одно условие: хоть день
Не думай ты о белой обезьяне!"

Но что же происходит с тем юнцом?
Чем заняты все время его мысли?
Из головы изгнать не может он
Той обезьяны образ ненавистный.

Он мысль свою не может превозмочь.
Она его терзает постоянно.
И чем сильней он гонит образ прочь,
Тем чаще в мысли лезет обезьяна.

Теперь и я похож стал на юнца,
Которого преследуют виденья.
И нет моим мучениям конца,
И нет покоя мне ни на мгновенье.

А сколько дней бессонных, жутких дней
Меня не покидает мысль о смерти?
Ну, что мне делать перед встречей с ней
В сегодняшней ужасной круговерти?

Конечно, Предсказатель пошутил", —
Подвел итог Калхант с улыбкой гордой
И Зевса всей душою восхвалил
Он речью щедрой, громогласной, твердой.

"Наверно, это шутка. Я спасен, —
Калхант сердечно, тихо засмеялся, —
А предсказанье — просто страшный сон".
И смех в груди, как эхо, отдавался.

Смеялось все — и тело, и душа,
И в каждой клетке все от счастья пело.
"О! Жизнь, ты — радость! Как ты хороша!
Смогу я завтра взяться вновь за дело!"

Он чувствовал — продолжен жизни бег!
Нельзя судить о предсказанье строго!
И радостный, веселый звонкий смех
Вдруг перешел в неудержимый хохот.

Калхант был счастлив — смерть он превозмог,
Но в хохоте не мог остановиться.
Подумал: "Предсказатель не жесток!
И жизнь моя на много лет продлится".

Калхант все хохотал и хохотал...
Что предсказанье? Это блажь, потеха!
Смеясь, внезапно на землю упал...
Не знал Калхант, что он умрет от смеха.

Болдинская осень в Одессе

Евгения Красноярова и Сергей Главацкий впервые публикуются на страницах нашего альманаха. Но в среде молодых литераторов они хорошо известны. Сергей возглавляет Одесское отделение Конгресса литераторов Украины, Евгения Красноярова в этом году стала победителем международного конкурса поэтов "Пушкин в Британии (Болдинская осень в Одессе)".

Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Изумруды на серебре

Надо мной — летаргический зонт, на уме желтокожая лесть
Оголтелому прошлому, — Сгиньте, мол, Прошлое, сжальтесь! —
То, что я потерял в этих клейких степях, — никому не обресть.
То, что ты получило, — лежит мертвой птицей на грязном асфальте.

Пересменка широт и прообразы стран, Гринвич палеолита —
Это омуты слез, утопающие в ложке дегтя герои,
Замолкает глашатай наш ливень, наш прянично-будничный идол,
Мы оденем его в сердолики сегодня и ситцем накроем...

Все зонты-погремушки — налево, разводы похмелья — направо,
И в светящихся коконах грез вызревают людей поколенья,
В одночасие — все поколенья, но коконы — суть — автоклавы,
И вплетаются в рубленый ливень чернильные капли затменья.

Ты вколи себе морфий, Земля, это будет достойным спасеньем,
Знатный сон обуяет твои ледоколы и шахтные бронхи,
Пускай роль роковую сыграет твое с небом тренье, —
Так и быть, в этот раз мы — в коронах серебряных — встанем в сторонке.

Нам не дали спасти этот ультрамариновый лес многоногий,
Альпинист, а не лес, очень жаль: эта бездна была не отвесной.
Знай, Земля, лучше встать на пути, околеть и замерзнуть в дороге,
Чем на финише вспыхнуть огнем и сгореть, и навеки исчезнуть.

Надо мной — летаргический зонд, и Луна — не соперник ему,
Власть его принимаю и мудрость его признаю,
Но пока есть дыхание прошлого в памяти вешнем дому,
Ни широт, ни долгот моей юности я никому ни сдаю.

Сказка о Лемурии

1.

Сквозь айсберги чей-то слепой эхолот
То ль гонит нас, то ли зовет нас с собою,
Синхронно с глухой костяною трубою
Нам тысячи лет поет гимны высот.

Нас всех поселили в светящийся лед
В минуте от пешего вала прибоя,
Но та, что зовется Луною, слепою
Не будет, она нас найдет и спасет.

Лемурия гаснет, как вспыхнувший леший,
Коптит и искрится, как юная хвоя,
Жемчужная пасека всех побережий.

Оседлое время, как мартовский кот
В начале июня, порывисто воет,
И мы впряжены в лунный круговорот...

2.

И мы впряжены в лунный круговорот
От первого и до последнего вздоха,
Питаемся музами (с перцем — неплохо)
И полубогинь мы целуем рот в рот.
Пусть будущий мир не оценит урок —
В прожженном сугробе лежит, как пройдоха,
Как предупрежденье грядущим — эпоха,
Вонзившись в безветрие лишним ребром.
Но души у нас, лемурийцев — летучи,
И мы, переждав на Луне — новолунье,
Вернемся на Землю, судьбою игрунью, —

Когда станут расы иные — могучи,
Когда человечество станет старо,
И — вселимся мы в человеческий род.

Евгения КРАСНОЯРОВА

"Безумие плещется в наших стаканах..."

* * *

О-банкротилась, о-бессилилась,
об-мелела моя река.
Это — уже не моя рука.
Это — уже не мой Сириус.
Камнем, который не по зубам времени,
стало дно мое. Дно — ил.
Если бы ты был — моего племени!
Если бы ты — меня — любил...
Пепельно. Холодно. Не — согреваемо
русло. Губы твои — комета
Галлея. Небо — неузнаваемо.
Это небо — уже не — это
небо...

* * *

Безумие плещется в наших стаканах,
Как море. Смешно... Нет, не смех — тишина.
Сегодня так модно не помнить о пьяных...
И мы засыпаем по правилам сна
На пухом лебяжьим набитой перине,
Не зная о том, сколько птиц полегло,
Чтоб нам, замерзающим присно и ныне,
Чтоб нам, обезумевшим, стало тепло.
Мы спим, не задумываясь о расплате
За запах сирени, за выжатый хмель.
Мы замерли стрелками на циферблате
Арены — секунды, минуты, недель...

Когда станут расы иные — могучи,
Когда человечество станет старо,
И — вселимся мы в человеческий род.

Евгения КРАСНОЯРОВА

"Безумие плещется в наших стаканах..."

* * *

О-банкротилась, о-бессилилась,
об-мелела моя река.
Это — уже не моя рука.
Это — уже не мой Сириус.
Камнем, который не по зубам времени,
стало дно мое. Дно — ил.
Если бы ты был — моего племени!
Если бы ты — меня — любил...
Пепельно. Холодно. Не — согреваемо
русло. Губы твои — комета
Галлея. Небо — неузнаваемо.
Это небо — уже не — это
небо...

* * *

Безумие плещется в наших стаканах,
Как море. Смешно... Нет, не смех — тишина.
Сегодня так модно не помнить о пьяных...
И мы засыпаем по правилам сна
На пухом лебяжьим набитой перине,
Не зная о том, сколько птиц полегло,
Чтоб нам, замерзающим присно и ныне,
Чтоб нам, обезумевшим, стало тепло.
Мы спим, не задумываясь о расплате
За запах сирени, за выжатый хмель.
Мы замерли стрелками на циферблате
Арены — секунды, минуты, недель...

* * *

Молчат задумчиво скелеты новостроек
И силятся не слышать ничего...
А ты наивно думаешь, что стоек,
А я предполагаю, кто — кого.
Глядит Луна, как камера слеженья,
На то, как я молчу, а ты дрожишь.
Целую без любви — на пораженье.
Теперь ты — мой, и ты — не убежишь.
И как жестоко, боже, как жестоко
Нам дышит в спину ночь и бьют часы
По воле обезумевшего Рока
В версте от пограничной полосы...

Театр

Огнями истекал волшебный полуконус,
На плинтах — колоннады, на пальцах — пиццикато,
На театральной площади я снегом был когда-то.
Налип на туфельки, налип на сапоги.
Ну, здравствуй, здравствуй, белокурый Момус.

Слезами падших нимф на лестницах блистал,
Чернели фраки. Я — лорнет у дамы.
И мрамор теплый тек в полуголдевший зал,
Я оком подмигну премьеру вечной драмы.

Прессуют мойры — шестирукий пресс,
И каждый в зале бог, и каждый — бес.

Ямщик продрог, а я — фонарный газ,
И вовремя горел, и вовремя погас.

1960

Москва, июнь, с утра дождит,
В высотке лифт, гудит, нудит,
Кот, вот проем, лежит, бежит,
Дверь, лужа, небо в ней дрожит.

Троллейбус мокр,
В нем кресла отдыхают.
Он дверью морщится, мехами — ш-ш, вздыхает,
Кондуктор цифирки замял,
И с хрипотцой сказал — вокзал.

Вот муж,
За ним идет жена,
На нем — рюкзак,
Ведро несет она,

Он — летний плащ и стертые ботинки,
Она — для огородников новинки...

Гудит ведро.
Метро.
А город чей?
Ничей,
Вот, съехал на денек под звон входных ключей.
Затылок почесал прохожий, почтальон,
А город? Подмигнет —
московский сторож он...

В зеленую линеечку расчерчена тетрадь,
Зелеными чернилами стараюсь написать,
А электричка, знай себе, у времени воровка,
А электричка, знай себе, платформа Поворовка.

Здесь, вертикали — соснами,
Горизонтали — срубами,
Улыбки здесь — оконцами,
Тепло — печными трубами,
Здесь травы — частоколами,
Малинники — решетками,
Перебирают веточки рябиновыми четками.
Подмигивает жарко горящий взгляд буржуйки,
И подставляем головы под дождевые струйки.

Да здравствует Батюшка — лес!

Уходим,
уходим,
чем дальше —
глуше, глуше,
В низинах — сыровато,
А на пригорках — суше.
Пичуги — тыщи.
Хор.
Настроенные уши,

В низинах — не слыхать,
А на пригорках — слушай!

Сорвалось и летит,
А угодит ли в лоб ли,
Не знаешь?
Ну, держись,
Попал?
Вертай оглобли...

Ах, тетушка,
ох, тетушка,
ух, тетушка, умелица,
Картошечка с грибочками.
Ешь, милый. Перемелется!

———

И был Июнь, была Москва,
Лифт, кот, билет примятый,
Дверь, ключ, порог, отец, мать, я...
Год тыща девятьсот шестидесятый.

Валентина ГРЕБЕННИКОВА

Принцесса

Переболею простудой и анорексией.
Точно влюбишься.
Перепишу песни и сказки,
Все — сбудутся.
Две удачных аферы,
Оля — и богаче Гетса.
(Ни намека на слабость.)
Ты дома? Пусти погреться!
Еду за паспортом,
Из Рима дорога в Крым.
Еду на троллейбусе
(Ковер-самолет — один).
Бежала от детских страхов
(Мучаюсь крепатурой).
Скажи, что я принцесса,
Не называй дурой.

* * *

Проговорив полночи с иностранцем,
Ложилась с пробуждением метро.
Оставила открытое окно,
В подарок попросила шоколада,
И визу в рай (наверно, там тепло).
Устала от названья "нелегалка".
(А в вашем микромире по-другому...)
Привез бельгиец дивные подарки.
В квартире нет не то что бы трюмо,
Балкон не застеклен!
Звонила мама.
Опять в стране вчерашней беспорядки.
А мне сегодня ровно 20 лет.

Москва

Александр МАРДАНЬ

Кошки-мышки
(Женщины. Вариант.)
Скандал без антракта

Действующие лица:

Татьяна, 50 лет.
Тамара, младшая сестра Татьяны, 48 лет.
Елена, 25 лет.

Действие происходит в Москве в наши дни.
История выдумана. Совпадения случайны.

На сцене — гостиная просторной московской квартиры. На стенах висят большие фотографии красивой женщины в разных костюмах — очевидно, портреты актрисы, живущей в этой квартире.
На высокой тумбе стоит клетка для птиц, накрытая шелковым платком. Раздается скрипучий голос попугая, который произносит:
— Таня любит Тому! Тома любит Таню! (Пауза.) Таня любит Тому! Тома любит Таню!
В комнату входит женщина в халате. Ее волосы повязаны платком, а лицо покрыто косметической маской. В руках у нее — листы бумаги. Женщина подходит к клетке, заглядывает под платок.

— Ты чего не спишь? Спи! Светло? Сейчас, еще прикрою.

Положив бумаги на стол, женщина достает из шкафа еще один платок и набрасывает на клетку поверх первого. Затем, взяв листы, садится в кресло и начинает читать вслух.

— "Давно не писала. Не было места и времени. А сейчас — нашлось. Представляешь, я на курорте. Здесь все пьют воду, потом много гуляют. Снова пьют воду и снова гуляют. Карловы Вары. А когда-то называли — Карлсбад. Почти по-шведски.

Я приехала сюда после того, что случилось. Хотя то, что случилось, трудно назвать — "что-то случилось"... Говорят, неприятности легче переживать на Карибах, но до них я не добралась. Во-первых, далеко. А во-вторых, врачи рекомендовали попить водички, которая якобы вымывает соли и даже камни. Может быть. Подтвердить это пока не могу.

Со мной здесь пытаются знакомиться. Я вежливо улыбаюсь, произно-

шу что-то вроде "Да-да, конечно, но сегодня я, увы, занята". Одного господина из Гамбурга это не смутило, и он продолжает свои попытки уже четвертый день. Ты знаешь, он не так неприятен, как бывают неприятны зануды. Но это ничего не меняет.

...Я уже пять дней не курю. И ты не поверишь — не тянет. Помнишь притчу? Жил человек, курил много. Так и умер с сигаретой в руке, не успев прикурить. Попал в рай. Но сигарету выбрасывать жалко, а в раю не прикуришь. Заскочил на минутку в ад. Спрашивает у чертей: "Ребята, где тут прикурить можно? Что-то я огня не вижу". Те смотрят с удивлением и отвечают: "А ты что — не знал? В аду огня нет". — "Как — нет? Ад — и без огня?" — "А сюда каждый со своим приходит", — отвечают черти. И смеются. Нехорошо смеются...

А ты представь себе, как еще черти могут смеяться... Жизнерадостно?

Так вот, я свой огонь минеральной водичкой тушу. В надежде, что погаснет. Пока не получается...".

Женщина откладывает бумаги, берет пульт и включает телевизор. Слышен мужской голос:

— Мы с Валентин Иванычем еще в Самаре познакомились. То есть тогда это был Куйбышев. Мы с ним в "Женитьбе" играли. Он — Подколесина, а я — Кочкарева. Прекрасно играл! Особенно финальную сцену...

Женщина переключает на другой канал. Звучит голос диктора:

— ...исполняется пятьдесят лет замечательному артисту театра и кино, режиссеру, народному артисту России заслуженному деятелю искусств Валентину Ивановичу Платонову. Чествование юбиляра состоится в театре, где Валентин Иванович работает уже двадцать пять лет. Поздравить именинника придут министры, мэр города, руководители других театров.

Женщина снова переключает канал. Звучит голос:

— ...Валентин Платонов и Людмила Пронина. Этот семейный дуэт блистает на сцене в спектаклях по пьесам Горького, Шекспира, Ростана. Критика высоко оценила Роксану в исполнении Людмилы Прониной. Кстати, недавно ей присвоили звание народной артистки России...

Раздается звонок мобильного. Женщина берет телефон:

— Алло! Сейчас, ничего не слышно. (*Берет пульт, выключает телевизор. Женщина продолжает говорить по телефону.*) Привет! Жду тебя, что еще?.. Да, целый день... Про то, как вся культурная общественность в едином порыве отмечает день рождения Валентина Ивановича. На всех каналах... Как будто говорить больше не о чем... Кстати, опять звонили. Из "Комсомольца". Этих интересует, что чувствует бывшая жена юбиля-

ра в этот радостный день... Да всех посылаю... Ты когда приедешь? Слушай, а где твоя массажистка? Как ее... Надежда Михайловна? (*Смотрит на часы.*) Так уже четыре. (*Пауза.*) Приезжай поскорее. Пробки безумные, а в посольство опаздывать не принято... Ты со Славиком говорила? Отключился? Или говорить не хочет? Ладно, я его сама наберу.

Женщина подходит к клетке, заглядывает под платок.

— Гоша, спокойной ночи!

Раздается звонок в дверь. Женщина смотрит на часы и выходит из комнаты. Возвращается вместе со скромно одетой молодой женщиной. Та останавливается на пороге комнаты и рассматривает один из портретов.

МАССАЖИСТКА: Ой! Это же вы в "Чайке", да? Я два раза была на спектакле — и оба раза стояла. В зале — битком!

ХОЗЯЙКА: Извините, что я так... мне маску только через полчаса смывать. А почему Надежда Михайловна не пришла?

МАССАЖИСТКА: Гриппует, температурит. Она разве не предупредила, что я вместо нее приеду?

ХОЗЯЙКА: Нет. Как вас зовут?

МАССАЖИСТКА: Лена. (*Достает из сумки медицинский халат, надевает его поверх кофточки, одновременно разглядывая фотографии. Восхищенным голосом.*) А это вы — Гертруда? Знаете, я на вашего "Гамлета" так и не попала. Один раз взяла билет — а спектакль отменили. Такой облом... (*Рассматривает висящую среди фотографий картину. На полотне изображена овечка.*) Какая прикольная... Кто это?

ХОЗЯЙКА: Овечка.

МАССАЖИСТКА: Я об авторе.

ХОЗЯЙКА: Не помню.

МАССАЖИСТКА (*подходит к картине ближе, внимательно рассматривает ее*)**:** Интересная работа... Только не могу понять, что мне в ней нравится...

ХОЗЯЙКА: Леночка, если можно, давайте начнем. Мне через час на прием в посольство ехать...

МАССАЖИСТКА: Да, конечно. Тамара Леонидовна, где можно руки вымыть?

ХОЗЯЙКА: По коридору, дверь справа.

МАССАЖИСТКА: Вы пока раздевайтесь. Что у вас? Спина, поясница?

ХОЗЯЙКА: А вам Надежда Михайловна не сказала? Странно. У меня шея. Остеохондроз.

МАССАЖИСТКА: Тогда освобождайте ее и садитесь. Давайте вот сюда.

Массажистка берет один из стульев, стоящих у стола, ставит в центре комнаты и выходит. Хозяйка садится, но в эту секунду раздается телефонный звонок, и она идет к телефону, который стоит на столе. Снимает трубку.

ХОЗЯЙКА: Алло! (*Пауза. Продолжает сухо.*) Нет. Никаких интервью. (*Резко, повысив тон.*) Девушка, я же вам по-русски говорю — нет. Все интервью идите и берите в театре, у Валентина Ивановича и его молодой одаренной супруги.

Она кладет трубку, садится на стул, расстегивает верхние пуговицы халата и спускает его с плеч.

Входит Массажистка. Она достает из сумки тюбик, выдавливает крем на ладони, растирает его. Одновременно прохаживается по комнате, подходит к клетке, накрытой платком.

МАССАЖИСТКА: Ой, у вас птица? (*Присев, пытается заглянуть под платок.*)

ХОЗЯЙКА: Осторожно, не разбудите. Раскричится... Попугай.

МАССАЖИСТКА: Говорящий?

ХОЗЯЙКА: Не умолкающий...

МАССАЖИСТКА: Наверное, когда вы роли учите, за вами повторяет?

ХОЗЯЙКА: Нет. Наверное, не успевает запомнить.

Лена приподнимает уголок платка, из клетки тут же доносится: "Тома любит Таню!".

МАССАЖИСТКА: Ой... Сорри. (*Отходит.*) А что он еще говорит?

ХОЗЯЙКА: Иногда кричит: "Дурацкое кино!" и "Закрой форточку!".

МАССАЖИСТКА: Интересный репертуар...

ХОЗЯЙКА: А еще он по-французски умеет. Шерше ля фам, например... Его из Гвинеи привезли.

МАССАЖИСТКА (*подходит к Хозяйке и мягкими осторожными движениями начинает массировать ей шею и плечи*)**:** Я читала: маленькие попугайчики лет десять-пятнадцать живут, а говорящие — до ста лет.

ХОЗЯЙКА: Если лишнего не сболтнут...

МАССАЖИСТКА: Для них же слова — просто звуки. Смысла они не понимают.

ХОЗЯЙКА: Вы уверены? Иногда они эти звуки очень к месту воспроизводят.

МАССАЖИСТКА: Это только кажется... Вот здесь не больно?

ХОЗЯЙКА: Немножко. Больше справа тянет...

МАССАЖИСТКА: Соли, соли... Вы плечо греете?

ХОЗЯЙКА: Конечно! Пока не намажу — не усну!

МАССАЖИСТКА: Чем?

ХОЗЯЙКА: Вон лежит, на столике...

Массажистка подходит к столику, рассматривает стоящие на нем баночки и тюбики. Возвращается к Хозяйке, продолжает растирать ей шею.

МАССАЖИСТКА: Можно и этим. А мази со змеиным ядом не пробовали?

ХОЗЯЙКА (*смеется*)**:** Звучит устрашающе.

МАССАЖИСТКА (*тоже смеется*)**:** Лекарство от яда лишь дозой разнится... Я вам потом название запишу, и как мазать... Кстати, я в журнале читала, Джулия Робертс так лечилась...

ХОЗЯЙКА: Вы читаете такие журналы?

МАССАЖИСТКА: Иногда. Чаще про всякие диеты... Кто как фигуру держит.

ХОЗЯЙКА: У вас разве проблемы? (*Пытается обернуться, но Лена сильнее разминает ей плечо.*) Не заметила.

МАССАЖИСТКА: Пока нет. Но думать об этом надо до, а не после. Как Алла Борисовна, например...

Звонит мобильный. Хозяйка вертит головой в поисках телефона.

ХОЗЯЙКА: Ой, Леночка, подождите минутку. (*Встает, берет со стола мобильный, отвечает.*) Алло! Да, я звонила. Не мог?.. Ясно. (*Пауза.*) Куда? Значит, все-таки пойдешь? Ну, ты мальчик взрослый, тебе решать. Кстати, приготовься интервью раздавать. Журналисты просто взбесились. У них ко всем вопросы... К жене бывшей, к жене нынешней... Могли бы — у попугая интервью взяли... Так что — будешь рассказывать, что чувствует сын выдающегося папы в этот день... А с кем идешь? (*Пауза.*) Да, меня это волнует. И не груби. (*Пауза.*) Раз спрашиваю, значит, важно. (*Пауза.*) Слава! Можешь ответить нормально? Ты что — намерен идти со своей журнашлюшкой? С ума сошел? (*Пауза.*) Да, не знаю ее, и знать не хочу! Министры будут... Мэр... с бочонком меда... Пресса, телевидение! И ты... непонятно с кем? (*Пауза.*) Вот когда разведешься, тогда и ходи, с кем хочешь. (*Пауза.*) Ты бы у отца своего чему-то хорошему научился, а не скандалам. (*Отключает телефон, садится на место.*) Маленькие дети спать не дают, большие — жить...

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, расслабьтесь! Вас трясет! Я так ничего сделать не смогу...

ХОЗЯЙКА: Ну, юбилей отца — понятно. В конце концов, это их отношения. Хотя, когда муж бросает жену после пятнадцати лет ради какой-то соплюхи, сын мог бы пожалеть мать и не ходить. Так мало того, что идет, — он туда собрался со своей новой подружкой!

МАССАЖИСТКА: У него их много?

ХОЗЯЙКА: Да нет, нашлась одна... Уводит из семьи. А у него ребенок маленький... Хищница!

МАССАЖИСТКА: Красивая?

ХОЗЯЙКА: Понятия не имею... И что значит — красивая? Разве это главное?

МАССАЖИСТКА: А может, они с женой разлюбили друг друга.

ХОЗЯЙКА: Все друг друга любят... пока третий не появляется.

Пауза.

МАССАЖИСТКА: Не волнуйтесь... (*Пауза.*) А еще говорят, что актеры в жизни — совсем без эмоций. Только на сцене страсти. Я читала... извините... что из вас слезинки не выдавишь. Что вас трудно достать.

ХОЗЯЙКА: Нет. Почему же?.. Я живой человек. Но у меня есть способ. Когда в душе накопится — надо чашку разбить. Или бумагу рвать на мелкие кусочки. Возьмешь газету... А еще лучше — журнал, глянцевый... И рвешь его, рвешь — на мелкие клочки, пока пальцы не устанут. И стресс уходит...

МАССАЖИСТКА: Простите, что спрашиваю, но... Вы на последние спектакли Платонова ходили?

ХОЗЯЙКА: Нет. Уже лет десять не хожу.

МАССАЖИСТКА: А я ходила. По-моему, он стал хуже играть. По клавишам не попадает. Мне кажется, что десять лет после того, как вы... Он играет самого себя, а не роли. А спектакли только для нее делает. Как в "Театральном романе". Есть для Милочки роль — ставит, нет — не ставит.

ХОЗЯЙКА: Леночка! В театр ходите, Булгакова читаете... Вы какая-то необычная массажистка. Вот Надежда Михайловна только сериалы смотрит. Каждый раз, пока массаж делает, серий пять рассказать успевает.

МАССАЖИСТКА: Сериалы? Мыло! Я театр люблю. (*Пауза.*) Тамара Леонидовна, сейчас разное печатают... Многие считают, что вы Валентина Ивановича до сих пор... как бы... любите. (*Пауза.*) Или не можете простить?

ХОЗЯЙКА: Измену простить можно. Предательство — никогда.

МАССАЖИСТКА: А в чем разница?

Раздается сигнал мобильника — главная тема мюзикла "Призрак оперы".

ХОЗЯЙКА (*прислушивается*)**:** Лена, кажется, вас призрак ищет.

МАССАЖИСТКА: Я же, вроде, отключала... Сорри.

Она поворачивается к сумке, которая лежит на полу возле кресла, и наклоняется к ней. Из кармана халатика на пол падает диктофон. Хозяйка поворачивается на стук. Смотрит на упавший предмет. Пауза.

Мелодия продолжает звучать. Лена хочет взять диктофон, но Хозяйка успевает первой поднять его.

Музыка прекращается.

ХОЗЯЙКА: Как это понимать? Вы кто? Массажистка? С диктофоном? Он помогает соли разгонять? (*Не отворачиваясь от Лены, пятится к письменному столу, нащупывает один из ящиков, открывает его и вынимает пистолет.*)

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, вы что! Подождите...

ХОЗЯЙКА (*не выпуская пистолет, подходит к телефону, снимает трубку*)**:** Я сейчас милицию вызову. Знаете, что полагается за незаконное проникновение в квартиру?

МАССАЖИСТКА: Не надо, я вам все объясню!

ХОЗЯЙКА: Вы кто? Аферистка? Воровка?

МАССАЖИСТКА: Я работаю в медицинском центре, делаю массаж. Хожу в театр, мечтала с вами пообщаться. А тут Надежда Михайловна заболела и попросила подменить.

ХОЗЯЙКА: А диктофон зачем?

МАССАЖИСТКА: Подруга в газете работает. Сказала: если получится разговорить вас на кассету, — хорошо заплатят.

ХОЗЯЙКА: Как же это можно? Разговаривать по душам, вопросы задавать — а потом торговать этим?! Совести у вас нет! Убирайтесь!

Массажистка снимает халат, сворачивает его, убирает в сумку.

МАССАЖИСТКА: Не напрягайтесь, уйду. Только у меня последний вопрос — без диктофона. А у вас с совестью все нормально? Вы, значит, жертва предательства? Возмущаетесь, что ваш сын собирается развестись и бросает ребенка. А когда двадцать пять лет назад вы увели Платонова от беременной жены? Как тогда у вас было с совестью и порядочностью?

ХОЗЯЙКА: Я?.. Платонова??? Где? У кого? (*Опускает пистолет.*)

МАССАЖИСТКА: У моей матери. В Куйбышеве. Когда приехали в наш город на гастроли.

ХОЗЯЙКА: Деточка, вы что-то путаете! Он не был женат.

МАССАЖИСТКА: Был. Гражданским браком. И вы прекрасно об этом знали.

ХОЗЯЙКА: Чушь!

МАССАЖИСТКА: А письмо, которое вы маме из Москвы прислали, когда Платонов к вам уехал? Тоже чушь? Хотите, прочту? (*Достает из сумки сложенный листок, разворачивает, читает вслух.*) "Маша! Я очень прошу — не звоните в театр. Вы же хотите Валентину счастья? С его

талантом ему нечего делать в провинции. В вашем Куйбышеве он сопьется. А здесь состоится как актер. Мы с Валей любим друг друга, оставьте нас в покое. Тамара". (*Протягивает листок Хозяйке.*) Почерк у вас с возрастом не изменился? Узнаете?

Хозяйка перечитывает записку.

ХОЗЯЙКА: Странно. Очень странно...

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, иногда мы неправильно оцениваем масштаб события.

ХОЗЯЙКА: Ошибаетесь. Мы никогда — слышите? — ни-ког-да не можем правильно оценить масштаб события... И что было дальше? Ваша мама сделала аборт?

МАССАЖИСТКА: Нет. Родила ребенка.

ХОЗЯЙКА (*с иронией*)**:** Мальчика, девочку?

МАССАЖИСТКА: Как видите, девочку.

ХОЗЯЙКА: А Валентин Иванович знает о существовании наследницы?

МАССАЖИСТКА: Пока нет.

ХОЗЯЙКА: Дорогая, а вы не сочиняете? Только что были массажисткой. Потом оказались немножко журналисткой. Теперь — незаконная дочь известного человека. Вы навязчивыми идеями не страдаете? У меня знакомый — зав. отделением в психлечебнице. Может, вам не милицию, а санитаров вызвать? Чего вы хотите? Интервью взять? Или наследство получить? Так это — не ко мне. С этим — в театр. К вашему, как вы утверждаете, отцу. И анализ ДНК не забудьте.

МАССАЖИСТКА (*смотрит на часы*)**:** В театр только к семи. Успею.

ХОЗЯЙКА: А от меня что вам надо?

МАССАЖИСТКА: Что надо?.. Честно? Ну, если честно, Тамара Леонидовна, я журналистка. Работаю... в одном журнале. Который в связи с юбилеем Платонова готовит материал "Неизвестное об известном". А какой материал без разговора с его первой женой?.. Официально вы отказали. Наше издание в таких случаях ищет... так сказать, обходные пути. Выяснили, что к вам регулярно ходит массажистка. Договорились, что я ее подменю. Я на самом деле окончила курсы массажа, когда еще в институте училась. И вообще — интересно было на вас посмотреть. Послушать, что скажете. Я, может, всю жизнь мечтала к вам вот так близко подойти, в глаза посмотреть. Руками к вам прикоснуться. (*Улыбается.*) За горло... простите... за шею подержать.

Хозяйка снова снимает трубку телефона.

МАССАЖИСТКА: Да шучу я, шучу! Тамара Леонидовна, не звони-

те никуда. Подождите, я вам удостоверение покажу! (*Роется в сумочке, достает удостоверение, протягивает Хозяйке. Та издалека пытается рассмотреть. Массажистка кладет "корочку" на стол и отходит в сторону. Хозяйка приближается и рассматривает документ.*)

ХОЗЯЙКА: Да... Самый скандальный журнал из тех, что я знаю. Степанова — это фамилия вашей матери?

МАССАЖИСТКА: Фамилию моей матери вы прекрасно знаете. А Степанов — мой бывший муж.

ХОЗЯЙКА: Ясно. (*Протягивает удостоверение Массажистке.*) А чем ваша мама сегодня занимается?

МАССАЖИСТКА: Тем же, чем и раньше, — в театре играет.

ХОЗЯЙКА: А вы почему в театральное не пошли? Такой талант перевоплощения!..

МАССАЖИСТКА: Не хочется. Насмотрелась... (*Декламирует.*) Театр, сцена, Мельпомена... А на самом деле... вы в курсе.

ХОЗЯЙКА: Про театр — я в курсе. А ваш журнал напоминает веревку, на которой грязное белье развешивают.

МАССАЖИСТКА (*берет сумку*)**:** Ладно, я пойду. Извините, что так вышло.

ХОЗЯЙКА: Я вас не извиняю. Посидите-ка. (*Кладет руку на пистолет.*) Давайте я, пользуясь случаем, у вас интервью возьму... Без диктофона. Что еще неизвестного узнал ваш уважаемый журнал... про известного?

МАССАЖИСТКА: Материал выйдет — я вам обязательно экземпляр передам.

ХОЗЯЙКА: Это я вас сейчас передам — в милицию. Рассказывайте, пока я не позвонила. Поделитесь, что вы там (*с сарказмом*) на родителя накопали? В чем смысл вашего материала? Облить Валентина грязью? Осмыслить его творческий путь? Или сделать больно ему и близким — и этим поднять тираж?

МАССАЖИСТКА: Каждый зарабатывает, как умеет. Народ хочет знать, как знаменитости выбирались из грязи. Мелочи, детали... То, что роднит простых людей с теми, о ком каждый день говорят. Нашей аудитории на Гамлета в исполнении Платонова, по большому счету, плевать. Им интересно, как он повел сына в детский сад в тапочках. Когда на улице было минус двадцать.

ХОЗЯЙКА: Ну-у... Нашли сенсацию! Этот жареный факт вам тираж не поднимет...

МАССАЖИСТКА: Да? А то, что Валентин Иванович одно время пил по-черному? Вы как-то на гастроли уехали... А у Платонова запой. И ему чудится, что вы в соседней комнате. И не одна... Он молоток схватил

и ищет вас по всей квартире. Потом глюки начались, что вы у соседа, — и голос ваш слышно. Он — туда, но соседа, к счастью, дома не оказалось. А Славик не растерялся. Ему лет пятнадцать было, если не ошибаюсь... Пока Платонов к соседу ломился, Славик звякнул в "скорую", все объяснил, ему дали номер, по которому "психушку" вызывают. Отцу сказал, что аппендицит болит... Чтобы тот, увидев белые халаты, не порубил санитаров на капусту. В общем, забрали Валентина Ивановича. Ну, потом... вы в курсе. Он полгода с сыном не разговаривал — обижался, что тот родного отца в дурдом сдал. Правда, с водкой завязал. И если бы не муж вашей сестры, который всю эту историю замял... бескорыстно, конечно... Была бы Валентину Ивановичу... и белка, и свисток. То есть белая горячка была. А вот от "свистка" Сергей Андреевич отмазал.

ХОЗЯЙКА: Странно, очень странно. Откуда вы об этом знаете?

МАССАЖИСТКА: Из первоисточника.

ХОЗЯЙКА: От Вали?

МАССАЖИСТКА: Нет, от Славика.

Пауза. Хозяйка подходит к бару, открывает его, Достает бутылку вина и штопор. Зажав пистолет под мышкой, открывает бутылку. Достает бокал, наливает вино, делает несколько жадных глотков. Поворачивается к Массажистке.

ХОЗЯЙКА: Так вы — та самая журналистка, с которой он...

Массажистка кладет штопор на стол.

МАССАЖИСТКА: Да. Та самая журнашлюшка.

Хозяйка делает еще глоток.

ХОЗЯЙКА: Извините, что не предлагаю. (*Ставит бокал на стол.*) Милая, а вам и в самом деле нужен психиатр. По вашей версии, вы за своего сводного брата замуж собрались.

МАССАЖИСТКА: С чего вы взяли?

ХОЗЯЙКА: Ну, Славик же объявил жене, что разводится! Что у него большая любовь!

МАССАЖИСТКА: С чего вы взяли, что мы с ним — брат и сестра? Вы-то знаете, кто его отец! Ну уж точно — не Валентин Иванович!

ХОЗЯЙКА: Что??? Это вам тоже Славик рассказал?

МАССАЖИСТКА: Да нет. Тут Славик не в теме. Он думает, что его отец — Платонов.

ХОЗЯЙКА: А на какой же помойке вы нашли эту сплетню?

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна! Какая сплетня?! Мы с вами здесь тет на тет, диктофон отключен... Как же Славик может быть сыном

Платонова, если вы с Валентином Ивановичем познакомились на втором месяце беременности?

ХОЗЯЙКА: Милочка, Славик родился семимесячным. Знаете, у актрис это нередко случается. Работа нервная. Сенсации вы тут не откопаете.

МАССАЖИСТКА: А я откопала. Вашу карточку. В женской консультации. А там записано... Хотите посмотреть?

ХОЗЯЙКА: Что посмотреть?

МАССАЖИСТКА: Карточку. Точнее — копию. Оригинал в сейфе. И в ней записано, что врач определил беременность. Шесть недель. И было это за неделю до гастролей вашего театра в Самаре. Где вы и познакомились с артистом Платоновым. Вот, посмотрите. (*Лезет в сумочку и протягивает Хозяйке листок бумаги.*) Случайно в сумочке оказался. А вот еще — копия гастрольной афишки. Как говорится, все ходы записаны. Так что препятствий медицинского характера у нас со Славиком — нет.

ХОЗЯЙКА: Совести у вас нет!.. вместе с препятствиями. Что вы мне какую-то фальшивку подсовываете! Сейчас вам кто угодно на старом бланке корявым почерком пару строк нацарапает — лишь бы вы в журнале эту историю раздули. Вам все равно, что сочинить, лишь бы жареным пахло!

МАССАЖИСТКА: Допустим. Но врач-то жива-здорова. И в отличие от вас, почерк свой отлично узнает. Хотя столько лет прошло.

ХОЗЯЙКА: И сколько стоит такая "медицинская" услуга? Я понимаю — врач районной консультации, на пенсии... Ей сто долларов — за счастье.

МАССАЖИСТКА: Она — доктор наук. Главврач. Даже если вы ей сто тысяч предложите, — она все равно будет говорить то, что было на самом деле.

ХОЗЯЙКА: Странно. Очень странно...

МАССАЖИСТКА: А чего странного? Все должны быть бедными пенсионерами? А кто-то и в академики вышел. Я понимаю, вы к ней больше не ходили, — когда в Москву с Платоновым вернулись, уже к другому врачу пошли. А она вас, кстати, вспомнила. Говорит: "Такая красивая женщина была. Нервничала очень... Артистка. Я ее потом по телевизору видела".

Раздается телефонный звонок. Хозяйка снимает трубку.

ХОЗЯЙКА: Да. Нет. Какое интервью?! У меня тут пресс-конференция! (*Бросает трубку. Подходит к столу, наливает еще бокал вина, выпивает его залпом.*)

ХОЗЯЙКА: Простите, что не предлагаю. Вы же на работе, при исполнении? Вам пить нельзя.

МАССАЖИСТКА: Не отказывайте себе в удовольствии — не предлагайте.

ХОЗЯЙКА (*ставит бокал на стол*)**:** А роман со Славиком ты тоже по заданию редакции закрутила?

МАССАЖИСТКА: Спасибо, что перешли на ты. Это сближает... По-семейному... Жаль, что без брудершафта.

ХОЗЯЙКА: Я тебя про Славика спросила.

МАССАЖИСТКА: Познакомилась — по заданию.

ХОЗЯЙКА: А роман?

МАССАЖИСТКА: По личной инициативе.

ХОЗЯЙКА: Ну, мисс Марпл, и кто же, по-твоему, отец Славика?

МАССАЖИСТКА: Сорри, как вы меня назвали?

ХОЗЯЙКА: Ты что — Агату Кристи не читала?

МАССАЖИСТКА: Читала. Разве я похожа на старушку?

ХОЗЯЙКА: А тебе сколько?

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна! Задачка для первого класса... Столько же, сколько и Славику. Он меня старше всего на неделю... А отец Славика старше Валентина Ивановича лет... на пятнадцать. Или как? На четырнадцать?

ХОЗЯЙКА (*нервно смеется*)**:** У тебя неистощимая фантазия. Наваждение какое-то... Кто же, по-твоему, отец?

МАССАЖИСТКА: А это — кульминация неизвестного об известном! На это у меня ушло два месяца. Но результат — супер! Вы знаете, мне даже интересно, что вы повторяете этот вопрос. Вы-то сами отлично знаете, кто отец. Значит, вас волнует, знаю ли об этом я? И еще кто-то. Или не знает... Тамара Леонидовна, винца не нальете? Что-то в горле пересохло. Говорю много.

ХОЗЯЙКА: Я представляю, как у тебя после вина фантазия взыграет, если ты на трезвую такое несешь.

МАССАЖИСТКА: А если угадаю — нальете?

ХОЗЯЙКА (*берется за пистолет*)**:** Считаю до трех.

МАССАЖИСТКА: Убийство при отягчающих обстоятельствах.

ХОЗЯЙКА: Чем это они отягчающие? В Америке говорят: "Убил — затащи труп в свой дом". Жилище — неприкосновенно. Зашла — увидела воровку — разнервничалась... Тут — смягчающие, а не отягчающие. Так что лучше рассказывай. Пока мне еще интересно слушать. Так кто же отец Славика?

МАССАЖИСТКА (*делает глубокий вдох, и на выдохе произносит*)**:** Сергей Андреевич, муж вашей сестры.

ХОЗЯЙКА (*смеется*)**:** Ну ты с ума сошла!

Неожиданно выходит из комнаты. Массажистка недоуменно смотрит ей вслед. Через несколько секунд Хозяйка возвращается с утюгом в руках.

ХОЗЯЙКА: Не бойся. Я им платье буду гладить. Хотя... следовало бы...

Она ставит утюг на стол. Достает из шкафа платье, раскладывает гладильную доску. Включает утюг.

А это тебе Сергей Андреевич рассказал? Или профессор Федорова при зачатии присутствовала? Со свечкой...

МАССАЖИСТКА: Сергей Андреевич, мне этого, увы, рассказать не мог. Поскольку ушел из жизни. И профессор Федорова здесь ни при чем. Но — свидетели нашлись.

ХОЗЯЙКА: Свидетели чего?

МАССАЖИСТКА: Вашего романа. В Юрмале. За шесть недель до посещения врача.

ХОЗЯЙКА: Я в Юрмале никогда не была! Хотела — но все не складывалось.

Хозяйка начинает гладить платье.

МАССАЖИСТКА: Ну как же, Тамара Леонидовна! Забыли? Восемьдесят третий год. Борьба за трудовую дисциплину, рейды по кинотеатрам и парикмахерским. Я про это только читала, но вы-то должны помнить? Тогда с отпусками и отгулами строго было. Вы в театре взяли отпуск за свой счет, на пять дней. Все нормально. А потом в театр пришла телеграмма из Юрмалы. И в ней вы просите продлить вам отпуск еще на пять дней — в связи с ухудшением состояния здоровья. Вам отпуск дали. Вспомнили? "Почерк" у всех телеграмм одинаковый, но — тем не менее... Вот фотокопия.

ХОЗЯЙКА (*продолжает гладить платье и не глядит на листок, который протягивает массажистка*)**:** Странно, очень странно. Ну и что?

МАССАЖИСТКА: Да ничего странного, в общем-то... Поехала я в Юрмалу. Вдруг узнаю, с кем же это вы в Прибалтике болели, а через месяц с лишком в консультацию пришли?.. Думала, легко все выясню: телеграмму вы отправили из гостиницы "Юрмала", там почтовое отделение было. А латыши — они же педанты, аккуратисты... Короче — европейцы! У нас бы уже всё давным-давно выбросили! А они — хранят. И книгу записи постояльцев — тоже. Дали ее посмотреть. И я нашла!

ХОЗЯЙКА: Кого? Меня?

МАССАЖИСТКА: Почти. Трегубову. Но не Тамару Леонидовну, а Татьяну. Сестру вашу. И жила она там не одна, а с мужем, Сергеем Андреевичем.

ХОЗЯЙКА (*прекращает гладить, смотрит на Лену*)**:** Не понимаю...

МАССАЖИСТКА: Я расстроилась ужасно. Ну, жили они в отеле. А вы в это время отдыхали в Юрмале. Наверное, к сестре в гостиницу зашли, оттуда и телеграмму дали... Совпало. Но я из Юрмалы сразу не уеха-

ла, а позвонила в редакцию и попросила в Москве о сестре вашей справки навести. И оказалось, что она... Ой, Тамара Леонидовна, платье сожжете!

ХОЗЯЙКА (*замечает, что держит горячий утюг на ткани*)**:** Да, спасибо. (*Переставляет утюг на подставку.*) И что сестра?

МАССАЖИСТКА: Она тогда работала в "Иностранной литературе". Переводчиком. Контора солидная, старые бумажки берегут. Нашли ее личное дело. А в нем — характеристика-рекомендация на командировку в Швецию. И срок указан — апрель восемьдесят третьего. Интересно получается: и в Швеции в командировке, и в Юрмале с мужем...

ХОЗЯЙКА: Подождите, я не понимаю, к чему вы клоните?

МАССАЖИСТКА: Да к тому, что Татьяна Трегубова в апреле восемьдесят третьего года на самом деле гуляла по Стокгольму. А в Юрмале в одном номере с Сергеем Андреевичем жили вы.

ХОЗЯЙКА: Это невозможно. Тогда не расписанных вместе не селили!

МАССАЖИСТКА: Да. Но у вас с сестрой фамилии одинаковые... Ни вы, ни она фамилии мужей не взяли.

ХОЗЯЙКА: Но имена-то разные?

МАССАЖИСТКА: Разные. Но вы же — актриса. Думаю, что-то сочинили. Например, разрыдались и сказали, что паспорт у вас украли. А удостоверение осталось. У Сергея Андреевича в паспорте — штампик, что зарегистрирован брак с гражданкой Трегубовой. А у вас паспорта нет. И штампика нет. Зато есть удостоверение с фамилией. А инициалы совпадают...

ХОЗЯЙКА: Этого не может быть. Потому что не может быть никогда. (*Снова начинает гладить платье, повторяя с сарказмом.*) "Наверное, сказала, что потеряла паспорт"... "Может быть, расплакалась"... Чушь!

МАССАЖИСТКА: Практически, вы правы.

ХОЗЯЙКА: Я просто права. Без "практически".

МАССАЖИСТКА: Не совсем. Конечно, читатель — не дурак, одних рассуждений о том, как вы вживались в образ сестры, ему мало. Надо бы проверить, поехала ли Татьяна в Швецию. Как? Искать старые гостиничные книги во всех гостиницах Стокгольма? Сложно и дорого. Но — мне повезло. Доказательства нашлись в Юрмале. (*Замечает, что Хозяйка опять замерла с утюгом в руках.*) Тамара Леонидовна, да выключите вы этот утюг!

Хозяйка ставит утюг на подставку, выдергивает шнур из розетки.

ХОЗЯЙКА: Какие доказательства?

МАССАЖИСТКА: Фотографии.

ХОЗЯЙКА: Какие?

МАССАЖИСТКА: Где вы с Сергеем Андреевичем за руки держитесь, на фоне Рижского взморья...

ХОЗЯЙКА: Деточка, ты сама поняла, что сказала? Если такая конспирация, да не с кем-нибудь, а с мужем родной сестры!.. Кто же фотографируется в такой ситуации?

МАССАЖИСТКА: На трезвую голову — никто. А вот если немного выпить... Да в прекрасном настроении... На свежем морском воздухе...

ХОЗЯЙКА: И что? Сергей Андреевич, который всю жизнь на дипломатической службе, эту карточку вместе с партбилетом в сейфе хранил?

МАССАЖИСТКА: Нет, я думаю, он ее никогда не видел. Как и вы. Кстати, хотите посмотреть?

ХОЗЯЙКА: На фотомонтаж?

МАССАЖИСТКА: Обижаете. (*Достает из сумки фотографию, протягивает Хозяйке.*) Мы — издание серьезное. У нас и негатив есть. Вы фотографа, конечно, не запомнили. Пожилой мужчина... Тогда был. А сейчас уже, можно сказать, старик. Видите — у вас за спиной ресторанчик? Этот фотограф и сейчас там работает. Классный дед. Местная знаменитость. Если у него фото сразу не забирали, он снимки и негативы не выбрасывал. Вдруг в следующий сезон приедут и захотят взять? У него трехкомнатная квартира, и одна комната — кладовая, где все это хранится. Вот так нам повезло... Да и ему тоже.

Хозяйка внимательно рассматривает фотографию.

МАССАЖИСТКА: Оставьте себе! Мы в редакции еще напечатаем. Если понадобится... Вы были красивой парой. Жаль, что у вас не сложилось.

ХОЗЯЙКА: Считаешь, что я хотела увести мужа у родной сестры?

МАССАЖИСТКА: Зачем уводить? Вы сами могли за него замуж выйти. Он же сначала с вами познакомился. На елке в МИДе — вы тогда в новогодней программе участвовали.

ХОЗЯЙКА: Откуда ты знаешь?

МАССАЖИСТКА: Славик рассказал, как вы с дядей Сережей познакомились, и он за вами ухаживал. Но сцену бросать вы не собирались, а какая семья у дипломата и молодой актрисы? Кто-то должен пожертвовать карьерой. Вы не хотели. И познакомили Сергея с вашей сестрой. Жена-переводчик для мужа-дипломата... Самое то! Они поженились. Мендельсон, хэппи-энд, все счастливы. Кто же знал, что через три года вы случайно встретитесь с Сергеем в Юрмале! Тамара Леонидовна, вы не похожи на коварную соблазнительницу, которая решила разрушить счастье сестры. Наверное, вам было одиноко, хотелось внимания, тепла... Так и случилось... (*Пауза.*) Вам не надоел рассказ о неизвестном про известного? Может, все-таки вином угостите?

Хозяйка подходит к шкафу, прячет фотографию в ящик, достает второй бокал и ставит на стол. Потом смотрит на часы.

ХОЗЯЙКА: Пойду маску сниму. (*Берет пистолет, выходит в прихожую, потом возвращается и прячет ключ в карман.*) Ты извини, я дверь заперла. На всякий случай. Так что, придется тебе меня дождаться.

МАССАЖИСТКА: Вы в посольство не опоздаете?

ХОЗЯЙКА: Успеем. Я в посольство... ты — в театр... Кому где интереснее.

Хозяйка выходит в другую комнату. Массажистка берет мобилку, набирает номер.

МАССАЖИСТКА: Ну что? Ты не передумал? Решение окончательное и обжалованию не подлежит?.. Жаль. (*Пауза.*) Я? На интервью. (*Пауза.*) Когда напечатают — узнаешь. (*Пауза.*) Пока.

Лена прячет мобильный телефон, прохаживается по комнате. Опять рассматривает картину с овечкой.

Входит Хозяйка — по-прежнему в маске. У нее в руках поднос, на котором стоит вазочка с печеньем и тарелка с сыром.

ХОЗЯЙКА: Я-то на прием, там фуршет, а вот тебе в театре еще три часа сидеть.

МАССАЖИСТКА: Вы же хотели маску снять.

ХОЗЯЙКА: Не время еще.

МАССАЖИСТКА: А вы знаете — я, наконец, поняла, что такого необычного в этой овечке. (*Показывает на картину.*) У нее глаза волчьи.

ХОЗЯЙКА (*наливает вино в два бокала*)**:** Разве?

МАССАЖИСТКА: Вглядитесь!

Хозяйка подходит к картине, смотрит на нее.

ХОЗЯЙКА: Действительно. Странные глаза. Хищные. Знаешь, все мы палачи или жертвы... В одном лице. Причем каждый из нас в каждой конкретной ситуации сам выбирает, кем ему быть, — волком или овечкой. А может, я ошибаюсь... (*Протягивает бокал Лене.*) Ну что? За знакомство? Не могу сказать, что приятное, но не скучное...

Не чокаются. Каждая отпивает из бокала. Закусывают печеньем.

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, простите за бабский вопрос... А Сергей Андреевич знал о том, что Славик — его сын?

ХОЗЯЙКА: Остальные вопросы, по-твоему, были мужскими?

МАССАЖИСТКА: И все-таки?

ХОЗЯЙКА: Знаешь, я начинаю верить в то, что ты — дочь Валентина... Сочетание комсомольского нахальства и ослиного упрямства!

МАССАЖИСТКА: Правда? Вы реально считаете, что я на него похожа?

ХОЗЯЙКА: Практически. А вообще — Санта-Барбара какая-то...

МАССАЖИСТКА: Вот это хотелось бы на диктофон. Предъявить в редакции и потребовать надбавки. За талант перевоплощения.

ХОЗЯЙКА: Не поняла...

МАССАЖИСТКА: А что непонятного? Я Валентину Ивановичу не дочь. Моя мама не знакома с Платоновым.

ХОЗЯЙКА: Как же они работали в одном театре и не были знакомы?

МАССАЖИСТКА: Да не работали они вместе.

ХОЗЯЙКА: Я ничего не понимаю. Ты действительно сумасшедшая? Ненормальным алкоголь можно? (*Морщится и потирает шею.*)

МАССАЖИСТКА: В малых дозах — в любом количестве. С Платоновым в одном театре играла Мария Кудина. Которой вы письмо писали... А моя мама — инженер-строитель. И в Самаре-Куйбышеве никогда не была. Мы из Челябинска.

Долгая пауза.

ХОЗЯЙКА: Значит ты ВСЁ придумала?.. И про Славика?..

МАССАЖИСТКА: Не-е-ет. Придумала я только про себя. А вот про Славика — правда.

ХОЗЯЙКА: А про мужа?

МАССАЖИСТКА: Какого мужа?

ХОЗЯЙКА: Ну... это... (*Снова морщится, крутит шеей.*)

МАССАЖИСТКА: Болит? Тамара Леонидовна, давайте я закончу.

ХОЗЯЙКА: Рассказ?

МАССАЖИСТКА: Массаж.

ХОЗЯЙКА: Опять хочешь меня за горло взять?

МАССАЖИСТКА: Исключительно за шею, и очень нежно. Только пистолет уберите, ладно? Он же у вас не настоящий. В лучшем случае газовый. Потом целый день квартиру проветривать...

Хозяйка убирает пистолет в ящик шкафа. Затем садится на стул в центре комнаты, спускает халат с плеч.

МАССАЖИСТКА: Спасибо за доверие.

Лена начинает массаж.

ХОЗЯЙКА: Может, сейчас полегче станет... А то голова закружилась. Все перепуталось. Ты — не дочка своего отца, Славик — тоже не сын... своего папы. Картина, в которой Гамлет узнает, что он сын Клавдия... И все-таки — это правда?

МАССАЖИСТКА: Что конкретно?

ХОЗЯЙКА: Что Славик к тебе уходит.

МАССАЖИСТКА: Правда. А что такого? Нормальное дело. Люди женятся, много лет живут, потом разводятся... У вас было то же самое. Прожили вместе с Платоновым пятнадцать лет. Журналы ваши фото печатали, со Славиком — он на коленях у отца сидел. Папа-мама-я, образцовая семья! А потом поехал отец семейства с театром на гастроли — и встретил там молодую и красивую артистку. И привез в столицу, в свой театр. А она его через год увела. Вот так вышло: ваша история с Платоновым повторилась. Вы в провинции себе нашли мужа, он себе — жену. Круг замкнулся. Бывает... Да, жену жалко. Но если подумать, в вашем случае все законно. Жизнь отомстила. Сначала вы мужчину у другой женщины увели, потом его увели у вас...

ХОЗЯЙКА: Ну, хорошо. Я — такая. Сама его увела... А жена Славика здесь при чем? Она его ни у кого не отнимала.

Пауза.

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, вот вы — актриса...

ХОЗЯЙКА (*усмехается*)**:** Допустим.

МАССАЖИСТКА: Что значит — допустим?

ХОЗЯЙКА: Хорошо. Я — актриса. И что?

МАССАЖИСТКА: Вы всю жизнь играете разных женщин. И практически все истории — про любовь. А вы сами в нее верите?

ХОЗЯЙКА: Леночка, если бы я не верила, если бы сама не любила, — неужели я могла бы играть?

МАССАЖИСТКА: Тогда почему вы говорите: "хищница", "увела"?.. Я не хищница. Я влюбленная женщина. Да, влюблена, как кошка. Кошка, а не тигрица... Забавно, да? С точки зрения зоологии — одно семейство. Кошки. А разница огромная...

ХОЗЯЙКА: Ты считаешь? По-моему, разница только в размере. Кошка — тоже хищник. И для мышки она — все равно что для человека тигр...

МАССАЖИСТКА (*задумчиво*)**:** Кошки... мышки... забавно.

Пауза. Обе молчат.

МАССАЖИСТКА: Я люблю Славика. Когда шла брать у него интервью, думала — дитя, избалованное знаменитыми родителями. А оказалось — издерганный парень. У которого начинало стучать сердце, когда он слышал шаги пьяного отца в парадном. Потом его пополам порвали разводом. Вы достали своей ревностью — не дай бог он повидается с отцом, пойдет на юбилей! А то, что он свой бизнес завел, с его нервами... А в бизнесе без нервов нельзя — вы это знаете. Для вас важно только одно: в каких он отношениях с Платоновым. Да и раньше, когда он был маленький...

ХОЗЯЙКА: Что — раньше?

МАССАЖИСТКА: Платонов — на гастроли, вы — на съемки. А воспитывала Славика ваша сестра. У которой своих детей не было. Один ребенок на две семьи... Может, ваша сестра догадывалась, что он ей — не племянник, а сын ее мужа?..

ХОЗЯЙКА: Не думаю.

МАССАЖИСТКА: Вы уверены?

ХОЗЯЙКА: Практически да.

МАССАЖИСТКА: Ну, вам виднее... (*Пауза.*) А я люблю Славика. И хочу быть с ним.

ХОЗЯЙКА: Быть? Один философ вопрос "Быть или не быть?" заменил на "Быть или иметь?".

МАССАЖИСТКА: В случае со Славиком для меня это одно и то же.

ХОЗЯЙКА: Лена, а если бы диктофон не выпал? Если бы вы сделали мне массаж — и благополучно ушли? А через месяц Славик решил бы меня познакомить со своей будущей женой... И оказалось бы, что ты недавно была у меня — почему-то как массажистка. Ты об этом подумала?

МАССАЖИСТКА: Подумала. Я бы пришла к вам... Не с пустыми руками (*делает жест в сторону своей сумки*), и мы бы обо всем договорились... Как сегодня.

ХОЗЯЙКА: Прости, сейчас мне начинает казаться, что не ты, а я схожу с ума. Славик уходит к тебе, а потом на страницах журнальчика появляется вся эта грязь? Выдуманная, невыдуманная, но — грязь! Подписанная твоей фамилией? Или ты спрячешься за псевдонимом? Может быть, редакция поставила еще одну задачу? Написать материал, что чувствует человек, когда узнает, что его отец — не его отец. Что его мать — хищница, которая увела чужого мужа. Или это доставит тебе удовольствие?

МАССАЖИСТКА: Да нет. Я не садистка. И не мазохистка. Если у нас со Славиком все сложится — никакой статьи не будет. Из редакции уволюсь.

ХОЗЯЙКА: А если не сложится?

МАССАЖИСТКА: Тогда статья выйдет... Свои чувства надо защищать, как свой дом и кошелек в кармане. Иначе они ничего не стоят. (*Раздается звонок мобильного. Хозяйка достает из кармана халата телефон.*)

ХОЗЯЙКА: Да. Ты уже подъезжаешь? Что? (*Долгая пауза.*) Нет, почему? Я рада... Конечно. Одумался?... Лучше поздно, чем никогда. Наверное, так будет лучше. Почему "наверное"? Не знаю. Вырвалось. Жду.

Она отключает телефон и прячет его в карман. Поворачивается к Массажистке.

Лена, присядь, пожалуйста. У меня для тебя тоже есть новость!

МАССАЖИСТКА: Которую нельзя выслушать стоя?

ХОЗЯЙКА: Сидя тебе будет удобнее. (*Продолжает не торопясь, выделяя каждое слово.*) Славик. Едет. К отцу. К Платонову... На юбилей... Со своей. Женой. Так что тебе торопиться некуда.

МАССАЖИСТКА: Эту новость я бы пережила на ногах. Ей три дня.

ХОЗЯЙКА: Тогда я начинаю понимать, почему ты здесь. Решила закончить скандальный материал?

МАССАЖИСТКА: Логично. Все начатое нужно завершать.

ХОЗЯЙКА: Сегодня юбилей. Пройдет неделя, ну две, — и статья будет неактуальна.

МАССАЖИСТКА: До тех пор, пока вы с Платоновым в конфликте, — актуальность останется.

ХОЗЯЙКА: Лена, а может, такой скандал никому не нужен? Если садистских наклонностей у тебя нет... может, есть смысл обсудить бюджет твоего предложения? Материальную составляющую скандала.

МАССАЖИСТКА: Порядочный журналист продается один раз. Так что — вы опоздали... А поход с женой на юбилей — одно из ее условий развода. Впрочем, и мне нужен не скандал, а Славик. Не переживайте за публикацию. Нас с вами в школе обманывали: не все тайное становится явным.

ХОЗЯЙКА: И как ты себе представляешь?.. Встречаясь на семейных обедах, мы будем делать вид, что ничего не было?

МАССАЖИСТКА: Да. У нас с вами станет больше общего. Кроме любви к Славику будет общая тайна. Вы же любите хранить тайны. Может, и мне понравится. А пока — я иду в театр. Одна. Купила билет. (*Достает из сумочки билет, показывает Хозяйке.*) Хочу досмотреть историю до конца.

ХОЗЯЙКА: Это тоже по заданию редакции?

МАССАЖИСТКА: По личной инициативе.

Раздается звонок в дверь.

ХОЗЯЙКА: Посидите, я сейчас открою. Это, наверное, сестра.

Хозяйка выходит в коридор. Лена подходит к окну, выглядывает на улицу. Хозяйка возвращается в комнату с красивой женщиной, фотографии которой развешаны по комнате.

ХОЗЯЙКА: Тома, познакомься. Это Лена. Она пришла вместо Надежды. Замечательная массажистка. Шея уже не болит. Правда, сердце колоть начало. Но это от другого... Лена — поклонница твоего таланта. Правда? Познакомься с Тамарой Леонидовной.

Ошарашенная Лена молча кивает.

ТАМАРА (*мимоходом*)**:** Здравствуйте... Таня, ты еще не собралась?

И в маске!.. Мы же не на карнавал. Давай, скорее. Что за день? В пробку попала, потом лифт на шестом этаже остановился. Минуту простоял. Ну, думаю, всё... Привет послу... Я пока переоденусь. (*Уходит в другую комнату.*)

ТАТЬЯНА: Леночка, сколько я вам должна?

МАССАЖИСТКА (*смотрит на Хозяйку, опускается в кресло, молчит, затем цитирует*)**:** "Итак, она звалась Татьяной... Ни красотой сестры своей, ни свежестью ее румяной не привлекла б она очей"... Предупреждать надо... Татьяна Леонидовна. У вас минеральной водички не найдется?

ТАТЬЯНА: Ну... дотошная журналистка... Что же ты не выяснила, что у меня в квартире ремонт, и я уже две недели у сестры живу? А потом, не только тебе нравится играть в кошки-мышки... Так сколько я тебе должна?

МАССАЖИСТКА: За что?

ТАТЬЯНА: Тебе виднее.

МАССАЖИСТКА: Первый сеанс в рекламных целях делаю бесплатно.

ТАТЬЯНА: Договорились. Рассчитаемся после второго. А сейчас извини, мы действительно торопимся. Диктофон не забудь. Помогает... от отложения. Давай вместо минералки вино допьем. Нехорошо, когда в бокалах остается.

Берут бокалы.

ТАТЬЯНА: Чокнемся на прощание.

МАССАЖИСТКА: Чокнуться? С вами? Запросто.

Чокаются. Массажистка допивает вино и уходит. Хлопает входная дверь.

Из соседней комнаты появляется Тамара в вечернем платье.

ТАМАРА: А почему Надежда Михайловна не пришла?

ТАТЬЯНА: Грипп, кажется. (*Берет с гладильной доски платье.*) Пойду переодеваться. (*Выходит.*)

Тамара берет лежащие на столе бумаги и читает вслух. Отдельные фразы повторяет несколько раз с выражением.

ТАМАРА: "Я уже пять дней не курю. И ты не поверишь — не тянет. Помнишь притчу? Жил человек, курил много. Так и умер с сигаретой в руке, не успев прикурить. Попал в рай. Но сигарету выбрасывать жалко, а в раю не прикуришь. Заскочил на минутку в ад. Спрашивает у чертей: "Ребята, где тут прикурить можно? Что-то я огня не вижу". Те смотрят с удивлением и отвечают: "А ты что — не знал? В аду огня нет". — "Как — нет? Ад — и без огня?" — "А сюда каждый со своим приходит", — отвечают черти. И смеются. Нехорошо смеются...

А ты представь себе, как еще черти могут смеяться... Жизнерадостно?

Так вот, я свой огонь минеральной водичкой тушу. В надежде, что погаснет. Пока не получается... Я и письмо пишу, чтобы стало легче. Психоаналитики советуют писать, — если обсуждать проблему не с кем.

...Кто-то из нас должен был умереть. Почему я решилась на это? Наверное, надоело быть жертвой. Я ведь не знала, что палачи мучатся еще сильнее. Наверное, поэтому жертв больше. А если честно, то до последнего момента я не верила, что сделаю это. А когда решилась, какое-то время — почти целый день — ощущала пустоту. Внутри и вокруг. Наверно, так превращаются в палача. А потом — хуже и хуже. И самое страшное — не могу вернуться назад, как бы я этого ни желала. Необратимый процесс... Кажется, что устраняешь то, что ломает твою жизнь. А в результате делаешь ее невыносимой. Необратимой... Необратимая жизнь. Чушь. Наступает смерть — и все поворачивается вспять... Мысли о ней не оставляют меня. Лишь эти мысли и отвлекают меня от душевной боли. Самой страшной из всех, которые мне довелось когда-то испытать... А черти смеются и говорят, что нет огня...

Прыгнуть со скалы? Ужасно представить, как я буду выглядеть после этого. Выстрелить из пистолета? В сердце — можно промахнуться. В голову — вид будет не лучше, чем после падения в пропасть. Бритва? С детства боюсь крови. Таблетки? Промоют, и опять все по новой... Газовая плита? Но здесь все на электричестве"...

Татьяна заходит в комнату — в вечернем платье. Садится перед зеркалом и начинает краситься. Тамара за ее спиной тоже рассматривает себя в зеркало, потом поворачивается к Татьяне спиной и поправляет прическу.

ТАМАРА: Тань, посмотри, как сзади? Ровно?

ТАТЬЯНА (*смотрит*)**:** Все нормально. А что?

ТАМАРА: Да они сегодня умом тронулись. Включили в парикмахерской телевизор, там интервью с Платоновым. Все уставились. Ольга стрижет — а сама на экран смотрит. И все ждут, как я буду реагировать. А я — молчу. Глаза закрыла — и молчу. Слушаю. Про мэра, который с бочонком меда приедет. Он бы лучше пробки на дорогах разводил, а не пчел... Назад ехала — полчаса стояли!

ТАТЬЯНА: Застегни, пожалуйста. (*Поворачивается спиной к Тамаре, та застегивает змейку.*)

ТАМАРА: Ну что, готова?

ТАТЬЯНА: Сейчас. (*Складывает в сумочку помаду, расческу.*)

ТАМАРА: Давай скорее. Шведы — товарищи пунктуальные, ты же знаешь. Кстати, сказали, что будет замминистра.

ТАТЬЯНА: Щербаков?

ТАМАРА: Нет, Ильин.

ТАТЬЯНА: А-а, Василий... Когда Сергей был первым секретарем в Брюсселе, Ильин был атташе по культуре.

Тамара видит на столе бокалы, бутылку и вазу с печеньем.

ТАМАРА: Что у тебя тут?.. Есть хочу ужасно! Поехали! За что люблю шведов — у них самая вкусная селедка. (*Берет печенье.*) Нет, не буду аппетит перебивать. (*Кладет печенье в вазочку.*) А с чего это — два бокала? Вы с массажисткой выпивали?

ТАТЬЯНА: По глотку — за знакомство. (*Показывает на бумаги.*) Как тебе последний кусок? С утра переводила. По-моему, хорошо. Зря ты сомневалась. Эта пьеса как для тебя написана. Я перевожу — и слышу твой голос.

ТАМАРА: Когда ты мне сюжет обрисовала, мне показалось очень мрачно... А теперь вижу, что история внятная. Черно-белая... Как старые фотографии.

ТАТЬЯНА: Знаешь, я недавно наши фото перебирала... Мы с тобой в школе. На елке... В одинаковых платьях и масках — помнишь?

ТАМАРА: Конечно!

ТАТЬЯНА: Мне нравилось, что костюмы одинаковые, и все нас путают...

ТАМАРА: Нас не путали. Даже на маскараде. Потому что у тебя тогда пластинка на зубах была.

ТАТЬЯНА: Да, точно... Поэтому я старалась не улыбаться. (*Пауза.*) А еще нашла фотку смешную — мы вдвоем с Платоновым. Я почему-то в его шляпе, а у него на шее мой шарфик... Шелковый, в цветочек.

ТАМАРА: Не помню.

ТАТЬЯНА: Было-было... Кажется, на мой день рождения дурачились.

ТАМАРА: Да, ты с Платоновым любила фотографироваться.

ТАТЬЯНА: А ты с Сережей — нет?

ТАМАРА: Только на твоей свадьбе.

ТАТЬЯНА: Неправда. Я другое фото нашла. Хочешь, покажу?

ТАМАРА: Конечно.

Татьяна выходит из комнаты. Тамара подходит к зеркалу, открывает шкатулку, достает цепочку с кулоном, прикладывает к груди. Кладет цепочку обратно, перебирает содержимое шкатулки, выдвигает ящики шкафа — один, второй. Из третьего достает пистолет.

В комнату входит Татьяна с фотографией в руке. К ней поворачивается Тамара с пистолетом.

ТАМАРА: Таня, что он здесь делает? Я же его в письменном столе держу.

ТАТЬЯНА: Не знаю... А! Я в столе блокнот искала, нашла пистолет, хотела рассмотреть, а потом кто-то позвонил, я отвлеклась... И положила не туда.

ТАМАРА: Ты поаккуратнее. Оружие все-таки.

ТАТЬЯНА: Да, знаю. Газовый, после него целый день квартиру проветривать.

ТАМАРА: Он не газовый, а боевой.

ТАТЬЯНА: Да?!..

ТАМАРА: Платонову один генерал подарил, по пьянке. Я сразу отняла и спрятала.

ТАТЬЯНА: Он заряжен?

ТАМАРА: Конечно. Я же одна живу. У нас в прошлом году к соседям воры пытались влезть — ночью, когда хозяева дома спали, представляешь?! Я тогда зарядила и на предохранитель поставила. Вот, видишь? (*Тамара несколько раз щелкает предохранителем. Потом убирает пистолет в ящик стола.*)

ТАТЬЯНА: Интересно, очень интересно.

ТАМАРА: Так что за фото? Покажи.

Татьяна протягивает Тамаре снимок. Та рассматривает фотографию.

ТАМАРА: Где это мы?

ТАТЬЯНА: Не помню. В Сочи или...

ТАМАРА: В Ялте. На набережной. Славику здесь пять... Или шесть?

ТАТЬЯНА: Знаешь, я недавно вдруг заметила, что у него некоторые привычки — точно как у Сережи. Например, когда нервничает — начинает браслет на часах расстегивать и застегивать. Говорит — и при этом щелкает... А еще когда из дома выходит, перед зеркалом причешется, пиджак поправит и почему-то обязательно покашляет, будто речь говорить собирается... И только потом от зеркала отходит. Ты не обращала внимания?

ТАМАРА: Нет, не замечала.

Тамара достает из шкафа шаль, становится перед зеркалом и набрасывает ее то на одно, то на другое плечо. Бросает шаль на кресло, достает шелковый шарф, набрасывает его на плечи.

ТАТЬЯНА: Удивительно... Я думала, какие-то жесты от родителей детям передаются, так сказать, по наследству. Но Сергей Славику — не кровная родня...

ТАМАРА: Это, наверное, потому что Славик у вас в доме практически вырос. Когда каждый день человека видишь, начинаешь его копировать, и даже сам этого не замечаешь... Таня, что лучше — шаль или шарф?

ТАТЬЯНА: Не знаю... Надень шаль. (*Пауза.*) Вообще, Славик больше на тебя похож, чем на Платонова.

ТАМАРА: Глаза — его. Нос — мой.

ТАТЬЯНА: Да, глаза голубые... У обоих.

ТАМАРА: Я была бы рада, будь он меньше похож на своего папу. С его милой откровенностью... Платонов за эту неделю сто интервью раздал!.. (*Резким движением отбрасывает шарф.*) Нет, и шаль — плохо, и шарф... (*В голосе — слезы.*)

ТАТЬЯНА: Тома, ты что?..

ТАМАРА: Достали все эти передачи, статьи... (*Она нервно выдвигает и задвигает ящики письменного стола, шкафа.*)

ТАТЬЯНА: Что ты ищешь?

ТАМАРА: Сигареты.

ТАТЬЯНА: Ты же бросила.

ТАМАРА: Я помню. Но сейчас хочу курить. У тебя есть?

ТАТЬЯНА: Я в последний раз курила... лет семь назад.

ТАМАРА: Значит, нет?

ТАТЬЯНА: Шутишь?

ТАМАРА: А у меня точно где-то есть. Славик недавно на кухне кофе искал и нашел пустую банку, а в ней — полпачки. На черный день.

ТАТЬЯНА: На место положил?

ТАМАРА: О! Сейчас проверю.

Тамара выходит из комнаты. Татьяна подходит к шкафу, достает из ящичка фотографию, оставленную Леной.

ТАМАРА (*кричит из кухни*)**:** Нашла! А спички?

ТАТЬЯНА (*громко*)**:** У меня нет! (*Прячет фотографию между книг.*)

В комнату возвращается Тамара. В руке у нее дымящаяся сигарета.

ТАМАРА (*кладет на стол начатую пачку сигарет, присаживается к столу, придвигает к себе пепельницу*)**:** Идиотизм. В доме нет спичек!

ТАТЬЯНА: И как же ты?

ТАМАРА: От электроплиты.

Пауза.

ТАТЬЯНА (*тоже присаживается к столу, рассматривает семейное фото*)**:** Тома, сейчас такие мастерские есть — там старые снимки реставрируют... Давай эту карточку увеличим и на стену повесим? Я с Сережей и ты с Платоновым...

ТАМАРА: Таня, ты что? Мы с ним — на стену?.. Ты скажи спасибо, что я не все его снимки выбросила! Что-то оставила... Для внучки. Лежат в шкафу. Но любоваться ими — извини!..

Пауза.

ТАТЬЯНА: Тома, я хотела сказать...

ТАМАРА: Что случилось?

Пауза.

ТАТЬЯНА: Давай пойдем в театр.

ТАМАРА: В какой? На что?

ТАТЬЯНА: На юбилей. К Платонову.

ТАМАРА: Таня, ты что? С чего это я туда поеду?

ТАТЬЯНА: А почему нет? Очень удачно. Новую жизнь обычно с понедельника начинают. А ты — с круглой даты! Юбилей — хороший повод помириться.

ТАМАРА: Таня, что с тобой? Что произошло, пока я была в парикмахерской? Ты же еще вчера... еще сегодня утром телевизор переключала, когда про него говорили!

ТАТЬЯНА: Ну, переключала... А потом села и подумала...

ТАМАРА: Куда это ты села?

ТАТЬЯНА: А может, мне такой массаж сделали — кровообращение улучшилось, мысли новые появились... Тома, ты сама подумай, столько лет прошло...

ТАМАРА (*перебивает*)**:** Сколько лет? Все как вчера. Ты забыла?

ТАТЬЯНА: Нет, ничего не забыла.

ТАМАРА: Ну, тогда помнишь, как таблетки от меня прятала, как меня "скорая" с порезанными венами увозила... Таня, ты меня всегда поддерживала. Объясни, что за эти два часа произошло? Может, Платонов тебе позвонил? По телевизору обратился? Или Славик что-то сказал? Он идет к своему папе — и пусть идет!.. (*Пауза.*) Таня, ты сама всегда говорила: измену простить можно, а предательство — никогда.

ТАТЬЯНА: Да. Если бы еще научиться отличать одно от другого...

ТАМАРА: А что это, по-твоему? Не предательство? Я его из провинции в Москву вытащила, а потом Сережа твой, светлая ему память, его проталкивал, прописку сделал... И из этой истории с "белочкой" Платонова вытащил. Да он без нас был — ничто! Его без нашей семьи просто не было! Спился бы в своем Куйбышеве... Мне после развода пришлось из театра уйти, где я двадцать лет проработала! А он свою провинциалку в театр привез и стал из нее звезду делать. Сколько лет от акцента избавлялась! Народная артистка... Все вокруг народное, все вокруг мое...

ТАТЬЯНА: Томочка, все так... Но давай честно: Платонов — прекрасный артист. Да, мы ему помогали. Но остальное-то — талант, талант... Тома, все, что было, — это кусок нашей жизни... Он прошел... Может, поста-

вить точку? В конце концов, у вас внучка общая. Как ей объяснить, почему с дедушкой про бабушку говорить можно, а с бабушкой про дедушку — нельзя? Почему она не может с вами обоими погулять, мороженое поесть? Можно только по очереди... А Славик? Сколько он еще будет мучиться?

ТАМАРА: Да брось! Славик — не ребенок, ему не грозят детские комплексы "кто правее — мама или папа"...

ТАТЬЯНА: Откуда ты знаешь? Может, его это до сих пор мучит? Помнишь, как он в детстве на вопрос "Кого ты больше любишь?" всегда отвечал: "Маму-папу. Папу-маму". Он в последнее время звонить перестал, заезжает реже, потому что тебя одно волнует: пойдет он на юбилей или нет. И ты каждый раз об этом разговор заводишь...

ТАМАРА: Уже не завожу. Юбилей, считай, прошел.

ТАТЬЯНА: Пройдет. А жизнь на этом не закончится. Тома, сколько лет ты еще будешь играть жертву?

ТАМАРА: Играть???

ТАТЬЯНА: Ну, извини, извини, я не так сказала... Конечно, ты не играешь... И все-таки — пора простить.

ТАМАРА: Странно. Очень странно. Ты сама мне десять лет говорила: такое простить нельзя.

ТАТЬЯНА: А теперь понимаю, что простить можно все.

ТАМАРА: Что ты можешь в этом понимать? Вы с Сережей жили душа в душу. Идеальная пара. Тебе прощать было нечего.

ТАТЬЯНА: Откуда ты знаешь? Хотя... что-то ты знаешь. Но, поверь мне, не все.

ТАМАРА: Я знаю, что простить можно все — кроме убийства и предательства. А Платонов меня предал!

ТАТЬЯНА: А ты его? Никогда не обманывала?..

ТАМАРА: Я? Обманывала. Еще как!.. Когда он выпить хотел, а я водку прятала и говорила, что в доме денег нет. И все деньги к тебе отвозила. Помнишь?

ТАТЬЯНА: Я не об этом.

ТАМАРА: А о чем???

ТАТЬЯНА: Ладно, извини... (*Пауза.*) Тома... а может... ты его до сих пор любишь?

Долгая пауза.

ТАМАРА: Конечно, люблю. И всегда любила. Помню, как подходил ко мне и клал голову на плечо. А потом тихонечко целовал. Не в губы, а в щеку, как ребенок. И был самым родным.

ТАТЬЯНА: В щечку целовал... А потом пил и... И вообще.

ТАМАРА: Не деликатничай... Гулял... Устраивал ночные репетиции и читки. Думаешь — не знала? Знала. Но я в свое время поняла, что чувства — это одно, а поведение — другое. Мы все-таки любили. По-настоящему. Хотя орали, посуду били... Чувства — пять, поведение — два... Пока не появилась эта провинциальная актриса. Я сразу поняла... Вести себя можно прилично, а чувства не обманешь. Даже если ты народный артист.

ТАТЬЯНА: Он тебе сам признался?

ТАМАРА: Покаялся. Думал, что из палача превратится в жертву. Практически получилось.

ТАТЬЯНА: Почему практически?

ТАМАРА: Потому что я пустила ему пулю в лоб.

ТАТЬЯНА: Какую пулю?

ТАМАРА: Из пистолета. (*Кивает на письменный стол, куда убрала пистолет.*) Но, к счастью, промахнулась. По неопытности...

ТАТЬЯНА: Ты в него стреляла? Где?

ТАМАРА: Как положено в романах — в спальне...

ТАТЬЯНА: И что он?

ТАМАРА: Не поверишь — рассмеялся.

ТАТЬЯНА: А ты?

ТАМАРА: Я ушла в ванную, заперлась и проплакала там до утра.

ТАТЬЯНА: А пуля?

ТАМАРА: Достали. Стенку зашпаклевали.

ТАТЬЯНА: А пистолет?

ТАМАРА: После этого его уже Платонов спрятал. Два года назад случайно нашла. В старой коробке от обуви.

ТАТЬЯНА: Ты мне никогда об этом не рассказывала.

ТАМАРА: О таких вещах не рассказывают, пока все не перегорит. А у меня до сих пор тлеет...

Тамара достает из пачки еще одну сигарету и прикуривает от первой.

ТАТЬЯНА: Тома, зачем ты...

ТАМАРА: От плиты прикуривать трудно.

Пауза.

Таня, ты поставь себя на мое место. Представь, как это — все забыть, взять букет и пойти его поздравлять. После такого...

ТАТЬЯНА: А я ставлю себя на твое место. И сейчас, и раньше... И тогда, когда ты стояла на сцене и принимала букеты. Красивая и счастливая, в славе и аплодисментах. Я тогда тебе, наверное, по-доброму завидовала.

А потом представляла себя на твоем месте, когда Валентин пил... Я-то видела, какая она у вас, счастливая семейная жизнь. Знала о том, что другие не видели. И жалела тебя. А сегодня так получилось... Пришла эта девочка, массажистка, а я была в маске. Она мне: "Тамара Леонидовна, Тамара Леонидовна"... Стала рассказывать, как на мои... твои, конечно... спектакли ходила, как ей понравилась "Чайка"... Ты извини, но я не стала ей возражать. Не сказала, кто я. Так что, прости, но я почти час была на твоем месте.

ТАМАРА: Интересно. И что же ты ей рассказывала?

ТАТЬЯНА: Примерно то же, что и ты в своих интервью.

ТАМАРА: А она тебе?

ТАТЬЯНА: Сначала восторгалась твоей-моей игрой, а потом... (*Пауза.*) Сериал пересказывала. Знаешь, в пересказе они интереснее, чем на экране. (*Пауза. Татьяна тоже достает из пачки сигарету.*)

ТАМАРА: Таня!..

ТАТЬЯНА: Да ладно...

Тамара протягивает Тане свою сигарету, та прикуривает от нее.

ТАМАРА: Все равно — не представляю, как... Все знают, как мы расставались. Эти газетенки наш развод до-о-олго смаковали. А теперь — как? Сегодня в театре все телевидение...

ТАТЬЯНА: Вот и отлично! Шума наделаешь! О чем им писать? Все уже сказано и сто раз пережевано. А тут — ты! Красавица! Сядем в зале...

ТАМАРА: Куда сядем-то? Пригласительных нет.

ТАТЬЯНА: Славик свои отдаст. Ради такого случая постоит. А потом ты на сцену выйдешь, с цветами.

ТАМАРА: Не пустят. Я не в сценарии.

ТАТЬЯНА: Тебя? Пустят! Без сценария. Уж поверь, внимания будет больше, чем остальным гостям.

Тамара молчит. Тушит окурок в пепельнице. Продолжает после долгой паузы.

ТАМАРА: Я есть хочу... В посольстве фуршет прямо сейчас, а в театре банкет часа через четыре, не раньше...

ТАТЬЯНА: Тома, давай я бутерброды сделаю.

ТАМАРА: Да ладно! Потерплю. Хотя... Тань, может, по пятьдесят, для храбрости?

ТАТЬЯНА: Конечно! (*Достает еще один бокал, хочет налить вина.*)

ТАМАРА: Нет, давай коньяк.

ТАТЬЯНА: Хорошо. (*Достает коньяк, наливает.*)

ТАМАРА: А в посольстве — селедка...

ТАТЬЯНА: Томочка, ну не будешь же ты после коньяка — селедку... Я своего писателя попрошу — он для тебя из Стокгольма банку пришлет!

ТАМАРА (*поднимает бокал*)**:** Ну... Зачем пьем — понятно. А за что?

ТАТЬЯНА: За победу!

ТАМАРА: Чью?

ТАТЬЯНА: Разума над чувствами.

ТАМАРА: Красиво!

Чокаются и выпивают.

ТАМАРА: Нет, Таня. Я не поеду. Такие решения на бегу не принимаются.

ТАТЬЯНА: Тогда давай монетку бросим. Пусть это решение примут за нас. Помнишь, как бросали, когда Сергей за нами ухаживал?

ТАМАРА: Не помню.

ТАТЬЯНА: Ну как же! Он позвонил, сказал, что взял билеты на "Юнону и Авось". В этот вечер родители из отпуска возвращались. Они ключи с собой не брали, надо было кому-то дома остаться, встретить. Мы с тобой монетку бросили. Выпало мне в театр иди.

ТАМАРА: Давай. Орел — в посольство. Решка — в театр.

Татьяна достает из сумочки кошелек, вынимает монетку, бросает ее.

ТАМАРА: Решка. Опять по-твоему. Везучая.

ТАТЬЯНА: Не то слово...

Тамара подходит к зеркалу, поправляет прическу, красит губы. Рассматривает себя.

ТАМАРА: Кажется, я поскромничала... Может, мне что-нибудь поярче надеть?

ТАТЬЯНА: По-моему, все отлично. Жемчужно-серый — элегантно, стильно...

ТАМАРА: Нет! Ты права — мы сегодня будем... этим... гвоздем вечера? Хитом? (*Нервно смеется.*) Бомбой! Так что — выглядеть надо соответственно!

Тамара выходит из комнаты. Татьяна сидит за столом. Делает очередную затяжку и замечает, что сигарета почти докурена. Она достает из пачки новую и прикуривает от первой.

Возвращается Тамара — в другом платье, темно-красном, с блестящей отделкой.

ТАТЬЯНА: Бомба!

ТАМАРА: Правда? (*Вертится перед зеркалом. Потом как-то сникает.*) Таня, я все-таки не знаю...

ТАТЬЯНА: Тома!..

ТАМАРА: Ну, хорошо. Давай так: доедем до площади и посмотрим, на каком перекрестке будет зеленый свет. Если в сторону посольства — едем туда. Если к театру — пойдем на юбилей. Всё! Не возражай. Пошли.

ТАТЬЯНА (*роется в сумочке, достает косметичку, открывает ее*)**:** Тома, ты спускайся в машину, я сейчас... Помаду забыла. (*Ищет возле зеркала, снова в косметичке.*) Иди, я догоню.

Тамара идет к выходу. Останавливается в дверях.

ТАМАРА: Выпусти Гошу полетать. Только форточки проверь.

ТАТЬЯНА: Ладно.

Тамара выходит.

Татьяна садится на стул, на котором сидела во время массажа, морщится, крутит шеей, растирает ее. Потом закрывает глаза и сидит некоторое время неподвижно. Затем встает, подходит к столу, достает пистолет, несколько раз щелкает предохранителем. Кладет пистолет на стол, подходит к шкафу и достает из-за книг фотографию Платонова и Тамары, которую оставила Лена. Она рвет ее на кусочки, все мельче и мельче.

В этот момент из клетки раздается голос попугая:

— Таня любит Тому! Тома любит Таню!

Татьяна открывает форточку, выкидывает в нее обрывки фотографии. Потом возвращается к столу и, подержав некоторое время пистолет, убирает его в ящик.

Попугай снова кричит:

— Тома любит Таню!

Татьяна открывает окно, берет клетку и выбрасывает ее. Закрывает окно, форточку. Затем, взяв сумочку, выходит из комнаты.

Одесса, декабрь, 2008

Юрий ДИКИЙ

"Давид Ойстрах — народный артист?"

Так назвал телефильм известный французский режиссер Бруно Монсенжон, чьи работы посвящены мировым музыкальным знаменитостям XX века, в частности, Святославу Рихтеру*.

30 сентября французский канал MEZZO в день 100-летнего юбилея Д.Ф. Ойстраха показал именно эту ленту, возможно потому, что в ней раскрыты не только профессиональные характеристики великого музыканта, а и противоречия условий, в которых он жил и творил.

Святослав Рихтер в одном из интервью отметил, что дал согласие на съемки Б. Монсенжону только после просмотра его ойстрахианы. Не смутил Рихтера вопросительный знак, посягнувший на статус почетного звания "народный артист", как и откровенно антисоветское содержание высказываний западных музыкантов и отечественных мастеров, в частности, опального М. Ростроповича, живших в тот брежневский период на Западе. Слова Г. Рождественского в фильме — что "*Ойстрах стал Ойстрахом, потому что молчал*", бросают принципиальный вызов авторам советских биографий музыкантов, стреноженных отфильтрованными фактами их жизнеописаний и обязательным прилагательным "советский" к званию "артист".

Знак вопроса к званию "народный артист" применим и к наградам "Герой Социалистического труда", учитывая "социалистический характер" многочасовых занятий артиста на музыкальном инструменте. Особый статус премии "ленинского лауреата" для музыканта в контексте музыкальных привязанностей Ленина, сегодня ставших известными, выглядит совсем в другом свете. Памятные доски, установленные Д. Ойстраху (в 2003 году к его 95-летию) и С. Рихтеру (в 2002 году) отличны от мемориального знака Эмиля Гилельса в одесском переулке П.И. Чайковского своим общечеловеческим и культурологическим смыслом, а не сомнительными регалиями личности.

Сталинские идеологи, идентифицировав репрессированных писателей

* Многие из работ Б. Монсенжона, в том числе телеантологии "Искусство скрипки" и "Искусство фортепиано", были удостоены международных наград, признания выдающихся музыкантов и получили широкое распространение.

Юбилейная серебряная монета, выпущенная Банком РФ к 100-летию со дня рождения Д.Ф. Ойстраха

и поэтов, артистов и режиссеров как "цвет советской литературы и искусства", вызывают у определенной части старшего поколения негодующую гордость за минувшее властное "меценатство" и "приватизацию" культуры. Что им до того, что значила для независимого художника партийность и советизация, как и прописка в паспорте, растворявшие его в трудящихся массах? Властное подчинение и любая манипуляция начинались с набора отличительных привилегий, за которые приходилось платить не только молчанием.

Но все ли так просто, *что было, и что есть*?

"Гением больше, гением меньше"

Вклад гениальных одесситов в копилку мировой духовной элиты вызывал и вызывает у одних естественную гордость, у других — снисходительную улыбку (в основном, за пределами Одессы). В правоту первых и в огород вторых юбилейное столетие великого маэстро вносит убедительный корректив — в мировой музыкальной культуре этот процент взноса значительно выше. Имена А. Неждановой, Д. Ойстраха, Э. Гилельса, С. Рихтера*, М. Гринберг, Ш. Черкасского, Я. Зака, Н. Мильштейна, Б. Гольдштейна, М. Фихтенгольца, Э. Грача, В. Климова, С. Снитковского, Р. Файн... всех и не перечислишь (пусть простят другие знаменитые и известные одесситы), густо концентрировали культуру СССР. Исторические параллели через биографии персоналий наиболее полно и конкретно отражают сложности и противоречия тенденций, спектр которых определяет "взлеты и падения" отечественной культуры.

Постепенно исчезающие из медийного пространства драматические, а порой и трагические обстоятельства жизни великих личностей XX века с особенностями их влияния на развитие мировой цивилизации, разительный контраст тому, что сегодня подается в Украине как "национальный культурный продукт", и его качество. Повсеместная информационная зависимость и перерождение социума развлекательным ширпотре-

*Все-таки Рихтер гораздо больше одессит, несмотря на житомирское рождение. До переезда в Одессу его родителей С. Рихтеру не исполнился год.

бом, помноженным на пиар-сенсации "текущих знаменитостей" в сосуществовании с "передовым новаторством" существенно дезориентирует и разъединяет уже не одно поколение. Эволюционная природа художественного творчества девальвируется различного рода революционными болезнями эпох — социальных, сексуальных, научно-технических, информационных и прочих потрясений. Игнорирование "золотого сечения" традиций и новаторства (в чем смысл творчества великих художников), отход от общечеловеческих идеалов и их традиций в духовном наследии обычно низводит до уровня ремесленничества художественную практику высокого искусства. Объективную оценку этим процессам становления и дают будущие эпохи, в которых юбилейные даты несут возможность анализа "сослагательных наклонений", а не школьно-хрестоматийной истории.

Юбилейная дата 100-летия Д. Ойстраха, отформатированная формально-ностальгической мозаикой фактов и воспоминаний как вынужденная дань узкому кругу профессиональной общественности явилась отколовшимся айсбергом от материка "плюралистического хаоса" сиюминутных интересов новой элиты. Нынешней культурной стагнации шлет свой "привет" культурная революция СССР 20-30-х годов прошлого века, командируя тревожные сигналы, увидеть (или услышать) которые помогают юбилейные даты. Парадигма имевших место процессов — модель для альтернатив современности, не находящая свое место в "юбилейных мероприятиях" государственного и коммерческого сектора культуры, которым выгодно хрестоматийное пережевывание общеизвестных фактов в юбилейных программах, стандартизация юбилейных процедур, мероприятия которых усиливают социальное безразличие к "урокам истории".

Нынешняя температура юбилеев — государственных, региональных, муниципальных, учрежденческих и пр. (в том числе персонально-заказных) максимально перегрета. Накопление процедурных штампов этого модного явления стремительно нарастает обратно пропорционально его подлинному смыслу. Властные подарки здравствующим юбилярам (чаще всего за верноподданнические услуги) — от автомобиля до стиральной машины, стимулирует попрошайничество значительной части юбилейных соискателей за счет девальвации значения этого явления. Юбилейные мероприятия ушедших персоналий программируют формальные стереотипы периодических ностальгий-воспоминаний у оставшихся современников юбиляра, а юбилеи организаций примитивно выжимают для себя (а чаще для руководителей и их приближенных) очередные дивиденды за успехи своих далеких предшественников. Таким юбилейным способом

Мемориальная доска Давиду Ойстраху установлена Миссией Д. Ойстраха и С. Рихтера в период проведения "Ойстрах-Ассамблей", сентябрь-декабрь 2003 года, посвященных 95-летию Мастера

"добываемая взаимность" у высоких чиновников — "образец" духовности власти и ее администрации, к навигации государства в будущее отношения не имеющий.

От Секретариата Президента до канцелярий губернаторов и мэров их сотрудники, как и их руководители, далеко не всегда в состоянии отличить вклад в культуру местного Кошкина и Васькина от гигантских фигур духовного наследия, имена которых постепенно отодвигаются в запасники. Путая Великих со Знаменитыми, Знаменитых с Известными, Известных со Скандальными и т. п. постепенно оттесняются на задворки духовной памяти и лексики социума определяющие глубинные, тектонические процессы культурного становления, оставляя место для формально-поверхностной, бесстрастной юбилейной хрестоматии, смертельной для воспитания и образования.

"Украина — зона культурного бедствия" — диагноз болезни, при которой вытравливаются из общественного сознания коренные принципы человеческих ценностей. Постепенное истаивание когда-то знаменитых национальных музыкально-исполнительских школ, мутация профессионального музыкального образования, прогрессирующая импотенция музыкознания в сфере музыкальной публицистики контрастируют административным реляциям "успехов". Разительная антитеза этому очередные оптимистические декларации властных деятелей (новейшие прогнозы продекларированы командой министра культуры В. Вовкуна) о возможностях "уникального эксперимента" — "с постколониального общества, минуя переходные стадии, оказаться (?! — **Ю. Д.**) в обществе постинформационном". Уж слишком напоминают они симптоматику "китайской культурной революции" прошлых 60-х, когда мнение европейских экспертов о культурной политике Украины акцентируют претензии именно к "проблемам переходного периода".

10-летие памяти Святослава Рихтера (2007 г.) и 100-летие Давида Ойстраха повод для размышлений о минувших событиях, оставивших свои "отпечатки" в разных странах, разных группах населения и разных поколениях. Не ставя задачу сопоставления программ юбилейных праздников в странах Европы — к примеру, как *там* отметили 30-летие памяти певицы Марии Каллас в августе 2007 года, когда в Украине 10-летие памяти Святослава Рихтера даже не упомянули. Юбилейные дни 100-летия "Царя Давида", как именовали Д. Ойстраха его именитые коллеги, — кульминация государственного безразличия к своему духовному наследию.

Ограничившись официально-формальным причислением юбилея украинским парламентом к государственным праздникам (благодаря довлеющей роли магии числа 100, не без нажима со стороны Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера на чиновников и депутатов), подводя итоги, можно сделать определенный вывод — кто есть для нынешней культуры Украины Д. Ойстрах или С. Рихтер в сравнении с "поп-звездами"?

Раздвоение сознания у человека — медицинский диагноз. Раздвоение коллективного сознания — социальный диагноз с медицинским оттенком, симптоматика которого прогрессирует и в такой самобытной сфере жизни общества, как юбилеи. Принцип "в упор не вижу", когда сильные мира сего (будь это политики или олигархи) не видят народ, искусство, уроки истории, когда пиар-менеджеры подстраиваются под уровень интересов "зрелищ и хлеба", устраивая показательные дарения, откаты финансирования, приоритетность юбилеев.

55-летний юбилей "знаменитого" М. Поплавского, как и номенклатурные акции Я. Табачника, весь спектр концертно-медийного поля Украины — показатель "элитности" нашей элиты, которой не Рихтера и Ойстраха — подумаешь, "гением меньше, гением больше" — среди национального шоу "Великие украинцы".

А потому и туристическому министерству культуры Украины не до Ойстраха и Рихтера, ибо даже здесь эти имена ни разу не упоминались ни на сайте министерства, ни в государственных "юбилейных мероприятиях". Имя Ойстраха практически не упоминалось в украинских столичных СМИ, за исключением журнала "Український тиждень" (№ 42 от 17 октября), где автор Е. Чекан в извинительных интонациях пишет о его "незаметном юбилее", "подкравшемся как-то неожиданно" (?!).

Неожиданно ли?

Капля истории

Юбилейный закон Моисея – "предустановленный 50-й год", возвращавший прежним владельцам или их наследникам проданные или заложенные земли. Как и "Книга юбилеев" (Малое Бытие) – апокрифический опус, появившийся до Рождества Христова и пересказывавший события книг Бытия и Исхода. Впоследствии юбилеи были трансформированы католической церковью. Римский папа Бонифаций с 1300 г. ввел отпущение грехов паломникам каждые 100 лет, не без коммерческих намерений. А его последователи – папа Климент VI каждые 50, Урбан VI с 1389 года каждые 33, Павел II с 1470 – каждые 25 лет, учащая юбилейные церковные мероприятия.

Государственный патронат в истории культуры играл и играет свою приоритетную роль — будь это наука, искусство, и конечно же, образование, воплощая неизменный принцип, — *не работая для будущего, не удивляйся настоящему*. Окрепший за XIX век генофонд одесситов расцвел в XX веке, восхищая урожайностью талантов, рассыпавшихся по всему миру. Музыкальная Одесса, почувствовавшая вкус мирового признания своих вундеркиндов, мудро позиционировала свое отношение к их Учителям и Родителям, талант которых эквивалентен друг другу.

Давид Ойстрах имел возможность взять в пятилетнем возрасте в руки скрипку-"восьмушку" благодаря гармонии интересов родителей и будущего учителя — П.С. Столярского. В его воспоминаниях мы читаем: "*Петра Соломоновича Столярского я узнал раньше, чем взял руки скрипку, — у меня такое ощущение, что он с нетерпением ждал, когда же мне исполнится пять лет, чтобы делать из меня скрипача*".

Нельзя не отметить, что это свершилось в сентябре 1913 года, когда сбылись чаяния всей культурной Одессы — была открыта Одесская консерватория, третья по счету в Российской империи. Много материалов свидетельствует о культурном напряжении эпохи и ее представителей в становлении идеалов высокого искусства и литературы, подхваченных молодыми поколениями. Несмотря на громадные социальные потрясения в жизни страны, соборной осью ее существования продолжала оставаться культурная традиция, неприступной крепостью стоявшая под ударами новоиспеченных "культуртрегеров". Попытки штурма накопленных традиций осуществляла разноликая масса революционеров от искусства, в первую очередь, в столицах, что и отразила биография Ойстраха, появившегося в Москве 1928 года, наполненной новоиспеченными революционными поэтами и композиторами пролетарского наклонения. Под их "новаторскими" ударами зашатались Большой театр, Московская

консерватория, многие другие заведения культуры, реформации которых требовали швондеры от культуры. Страна оказалась на распутье культурной политики, разрываясь в хаосе безоглядной "пролетарской новизны", примитивного усреднения, упрощения культуры и образования во всех сферах, — с одной стороны, с другой — замшелых репродуктивных традиций, никак не согласующихся с лозунгами времени.

Ленинская ненависть к интеллигенции, реализованная "философской эмиграцией" мыслящей России пароходами из Одессы в 1922 году, его неприятие театра ("помещичья" культура) и попытки закрыть Большой и Мариинский театры в 1921-22 гг., убогая и сомнительная в своей реальности формулировка "нечеловеческой музыки" Бетховенской Аппассионаты, имела своих многочисленных сторонников. Они аплодировали его телефонограмме: "Все театры советую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте".

Окажись Сталин верным последователем "художественных интересов" Ленина, трудно предположить будущее не только Московской консервато-

С. Рихтер, Д. Шостакович, Д. Ойстрах в Большом зале Московской консерватории им. П.И. Чайковского

Д.Ф. Ойстрах в год 50-летия Одесской консерватории им. А.В. Неждановой расписывается в Книге почетных гостей в кабинете ректора В.П. Повзуна

рии или Большого театра, а и культуры всего государства в целом, где, по мнению З. Фрейда, был затеян "невероятный социальный эксперимент".

Адаптироваться в этой столичной среде молодому провинциальному музыканту, только-только вкусившему первые плоды признания, было невероятно сложно, да и бесперспективно, хотя бы потому, что Олимп музыкальной культуры — Московская консерватория — оказалась "зараженной" вибрионом "культурной революции". В год приезда Д. Ойстраха в Москву был назначен новый ректор — Б.С. Пшебышевский. Представитель свежеиспеченной номенклатуры отказывается от главной направленности музыкального вуза — воспитания высококвалифицированных профессиональных музыкантов — завещанного основателями первых российских консерваторий братьями Рубинштейнами. Их доктрина в становлении музыкального отечественного образования отличалась от западных моделей личностным характером воспитания и обучения музыканта, нацеленностью на логос таланта Учителя и Ученика. Результаты их образовательной доктрины, воплощение которой поручалось, как правило, наиболее знаменитым мастерам, не замедлили сказаться. За довольно короткий срок (не более полувека) произошло становление профессиональной музыкальной культуры громадной страны. Вновь открывавшиеся высшие учебные музыкальные заведения — консерватории — в Киеве, Саратове, Одессе стремились максимально развить духовное наследие своих столичных учителей.

"Реформаторство" Б. Пшебышевского своей целью намечало массовую подготовку руководителей и организаторов музыкальной самодеятельности. Установки Н. Бухарина об "усреднении культуры" начали воплощаться сокращением объема специальных дисциплин и индивидуаль-

ных занятий, авторитарным стилем руководства, позволявшем ректору лично вмешиваться в деятельность педагогов, в том числе авторитетнейших профессоров. Московскую консерваторию в знак протеста покидают Н.Я. Мясковский, Р.М. Глиэр, Н.С. Жиляев, а ее переименовывают в "Высшую музыкальную школу им. Ф. Кона". Введенный ректором и его единомышленниками "бригадно-лабораторный метод" устранял требования репертуарного уровня, но зато позволял ректору — неподготовленному композитору — не только заведовать кафедрой, но давать "творческие указания" известным музыкантам.

Предпочтения молодого Ойстраха ничего общего с левацкими веяниями не имели, что, возможно, и определило независимую по отношению к столичному вузу позицию музыканта, безошибочно избиравшего заочных наставников вне академических учебных часов. Его самостоятельные творческие предпочтения, как отмечал его сын И. Ойстрах, "...отец умел слушать неподражаемо чутко и с какой-то редкой аналитической способностью делать для себя выводы". Определяющими творческие контакты и кумирами молодого музыканта были выбираемые им личности мирового уровня, а не политической текучки. Оставаясь верным своему одесскому учителю П.С. Столярскому, Д. Ойстрах в наставниках видит не только выдающихся скрипачей-педагогов — М. Полякина, Мострaса, Ямпольского, а и пианистов, вокалистов, дирижеров. Они, в свою очередь, с первых же шагов оценили гений молодого одессита. К. Игумнов и Д. Шостакович, Г. Нейгауз и А. Нежданова задолго до мирового признания слышали и знали потенциал молодого музыканта.

Начавшиеся сталинские репрессии и преследования 30-х годов, к счастью для музыкантов, оборачивались лишь предупредительными мерами и "постановлениями". "Хозяин", никому не прощавший "ереси", уверенно надевал на самых авторитетных деятелей культуры и науки уже не ошейники, а намордники. Однако контрастируя односторонности ленинского литературоцентризма, он проявлял благосклонность и к солистам Большого театра, и к актерам МХАТа, драматургам и писателям, "выпестовывая" свою художественную элиту. Более всего его предпочтения были устремлены к молодой поросли музыкальных талантов, чья "свежая кровь" наиболее просто решала необходимые задачи идеологизации художественного творчества.

В отличие от А. Луначарского, проповедавшего разумную эволюционность и постепенность "кристаллизации марксистского раствора" в культурной политике, Сталина устраивала быстрая беспроигрышная атака

отрядом молодых виртуозов мировых сцен, вторжение на которые позволяло быстро перешагнуть закрытые границы большинства капстран. Блицкриг "советской музыкальной культуры" ответственно подготавливался государством для творческих "завоеваний" мирового музыкального Олимпа, расчищая поле для ответственных политических соглашений и решений.

Победы молодого Ойстраха в 1935 году, первоначально на Всесоюзном конкурсе в Ленинграде, а затем в Варшаве на конкурсе Венявского, поначалу были лишь фрагментом во все возраставшем влиянии музыкально-исполнительского искусства в дипломатических амбициях Советов. Блистательные триумфы на Западе таких музыкантов, как Владимир Горовиц, Натан Мильштейн (еще недавно концертировавших в СССР), предопределили государственную заинтересованность в музыкально-исполнительских кадрах, поддержке перспективных национальных исполнительских школ, проявивших себя не только в столицах, но и в Киеве, Одессе, Харькове.

Л. Оборин перед конкурсом Ф. Шопена в Варшаве в 1927 г. вместе с Д. Шостаковичем и Ю. Брюшковым были приглашены для исполнения своих программ к начштабу Красной Армии Михаилу Тухачевскому, который был не только скрипачом-любителем, а даже и сам мастерил скрипки.

Говорят, что Сталину стало известно и о высказываниях Кароля Шимановского о победе Л. Оборина на этом конкурсе: "Это нельзя назвать успехом, даже не фурором. То было сплошное победное шествие. Триумф!".

Взлет Э. Гилельса на Всесоюзном конкурсе в 1933 г., затем в Брюсселе в 1938 г. обусловил появление уникального учебного заведения — школы-десятилетки П.С. Столярского в Одессе, в 1933 году. Не имевшая аналогов в мире по централизованной подготовке музыкальных талантов, специальная музыкальная школа в Одессе — высшая дань государственного признания Учителя с большой буквы П.С. Столярского, у которого учился Давид Федорович. Неудивительно, что подготовка отряда советских скрипачей к конкурсу им. Э. Изаи в Брюсселе в 1937 году (четверо были ученики П. Столярского) была организована ответственейшим образом. Превосходные итальянские инструменты государственной коллекции, предоставленные участникам, месяцы спокойной подготовительной работы над конкурсным репертуаром с прекрасным концертмейстером, консультации виднейшей профессуры, выгодно отличались от обычных условий подготовки западных конкурсантов. Европа ахнула от неожиданной сенсации — из шести премий конкурса пять были завоеваны советскими музыкантами.

Первая премия была присуждена Давиду Ойстраху с достаточно ощутимым отрывом от его главного соперника из Австрии Рикардо Однопосова. Западные скрипичные школы — немецкая, французская, бельгийская — не смогли довести до финала своих представителей, тем самым возбуждая эстетический азарт западных слушателей к феномену советских исполнителей.

Между тем для отечественных музыкальных кругов победа Ойстраха не стала неожиданностью. И Д. Шостакович, и Г. Нейгауз, и К. Игумнов, как говорилось выше, отмечали задолго до 1937 года исключительное дарование скрипача и его "феерические" выступления. Уже тогда Игумнов определял ему место среди лучших скрипачей мира, а они, в свою очередь, нарекли его "Царь Давид". Да и сам Ойстрах неожиданно для себя позиционировал свое место: "Есть возможность занять одно из самых первых мест среди мировых скрипачей", — пишет он матери. Это место сохранялось за мастером всю его жизнь отнюдь не по инерции. Титанический труд концертирующего музыканта подвержен массе случайностей, предвидеть которые невозможно, как "приливы и отливы" приверженцев и поклонни-

Д.Ф. Ойстрах и его учитель П.С. Столярский среди учеников школы

ков, удерживать внимание которых в жестких условиях конкуренции с новыми именами все труднее и труднее.

Объездив в довоенный период практически всю Европу, в 50-е годы Д. Ойстрах заново воспринимался новыми поколениями слушателей. Его первые в этот период концерты в Британии снова обрели конкурсный оттенок, несмотря на уже зрелый возраст. Однако это уже не конкурс молодых исполнителей, а заочное соревнование музыкальных олимпийцев. Д. Ойстраху за сорок, Я. Хейфецу за пятьдесят, а склонные к сенсациям журналисты объявляют своего рода "скрипичный чемпионат" в Лондоне. Оба музыканта в разных залах играют Концерт Брамса.

Московская журналистка Наталья Зимянина приводит воспоминания переводчицы Д. Ф. в его первый послевоенный лондонский приезд 1953 г.:

"*Ниночка! Сегодня концерт Яши Хейфеца, и мы на него пойдем!"* (Обратился Ойстрах к своей переводчице. — **Ю. Д.**) *Это был его единственный свободный вечер. Я звоню секретарю, прошу четыре билета — на Ойстраха с Ямпольским и на себя с моим Рональдом. Секретарь Общества кричит: "Я не разрешаю Ойстраху никуда ходить! Мы же объявили, что он болен!" А Ойстрах на это: "Да меня никто не узнает...". И вот входим мы в зал, места у нас в первом ряду бельэтажа. Оркестр, с которым он утром делал запись, увидел его, все музыканты встали и поклонились ему... Многие его узнали, стали подходить к нам. "Да-а, — смеюсь, — вижу я, как тебя не узнают!" (Мы с ним были на "ты".) Но самое интересное было потом. Он мне говорит: "Хейфец меня не любит, да и я его тоже. (Хейфец же был очень антисоветский.) Но я должен пойти за кулисы его поздравить". И я иду с ним. Как только мы вошли в артистическую, многие переметнулись к Ойстраху. Это была такая драма! Стоит круг с Хейфецем, круг с Ойстрахом! И видно, что Хейфец ждет, чтобы Ойстрах к нему подошел, а Ойстрах ждет, когда к нему подойдет Хейфец. Это была борьба нервов! Я стою и в душе смеюсь просто до слез. В конце концов, победил Ойстрах. Яша Хейфец подошел первый: "О-о! Давид Федорыч? А я вас сразу не заметил... Когда вы вошли?". Обнялись, поцеловались... Ойстрах остался очень доволен. <...> В общем, Ойстрах оказался не только самым великим скрипачом XX века, но и очень благородным, милым и ласковым человеком. Его все любили, у него не было врагов*".

Действительно, даже М. Ростропович в своих воспоминаниях в упоминавшемся фильме Б. Монсенжона "*Давид Ойстрах — народный артист?*" о его подписи в газете "Правда" среди коллективно сфабрикованного осуждения четы Ростропович-Вишневская (приютивших у себя на

даче "крамольного" А. Солженицына) с пониманием принимает вынужденный "проступок" Д. Ф.

Но это уже был Давид Ойстрах другой эпохи — постсталинской, эпохи, которая уже не убивала личностей, она их изводила тем, что стала убивать культуру, выдавливая из страны талантливых художников, ученых, журналистов. Переподчиняя творчество выдающихся музыкантов растущим отрядам чиновников, "сидящих на культуре", административно "реформируя" и перепрофилируя откристаллизовавшуюся авторитетнейшую систему музыкального образования в "бригадно-научную" коммерческую фабрику остепененных посредственностей, воцарившаяся эпоха "плюралистического хаоса" в музыкально-информационном поле культуры Украины утратила главный принцип художника, цель жизни "Царя Давида":

"*Я пытаюсь выполнить мое... предназначение художника и надеюсь еще многим людям открыть богатый мир музыки, который скрашивает будничную жизнь. Для этого и живу*".

Неизвестная, но интересная статистика: сколько концертов сыграли Ойстрах и Рихтер в своей стране и сколько за рубежом, где же они более народные?

Не являлся ли тур Рихтера по стране извинительным и компенсирующим для *своих сограждан*?

Современная "полунаука исполнительства" вытесняет духовную практику художника на специальных исполнительских кафедрах, комплектуемых в стандартах чиновников, а не высших художественных ценностей. Диссертационный бум среди молодого поколения академических посредственностей с их карьерными интересами, в большинстве своем не ведающих, что такое сцена для музыканта-исполнителя, финансово подпитывает коррумпированные слои специализированных советов по защите диссертаций и тех администраторов, которые с благословения министерств образования и культуры дают "показатели научности", а не образцы творчества. Отряды "быстрого реагирования научных законодателей" подобно судилищам египетских жрецов кочуют из одного спецсовета в другой, то ли в качестве членов, то ли оппонентов, бережно обороняя цитадели музыкальной науки от профессионального общественного мнения в целесообразности, продуктивности и необходимости их деятельности. Наука и публицистика оказались в "разводе", вымирая по одиночке.

Сегодняшнюю сферу художественного образования потрясают мута-

ции событий раннесоветского прошлого, нашедшие воплощение в неизвестных фактах биографий великих музыкантов, в том числе Д. Ойстраха и С. Рихтера.

Парадигма юбилея Давида Ойстраха определяет не "датский повод" хрестоматийных воспоминаний, не вымученный "план мероприятий" на любом уровне, не коммерческую, а соответственно, пиар-программу, — а связь времен в сопоставлении их позитива и негатива для навигации в будущее.

Великие "онемевшие" музыканты, в первую очередь, С. Рихтер, заговорили на Западе после падения "железного занавеса", но не своим биографам. Они поведали правду о Д. Ойстрахе после его кончины в 1974 году.

Понятно, что с наиболее "необходимыми" для власти представителями науки и искусства поначалу "распоряжались" в льготном режиме в качестве "спецов" (не исключая зарубежных специалистов). К "спецам" принадлежал и П.С. Столярский, ставший впоследствии верным партийцем в искусстве. Могло ли быть по-иному для тех, кто ощущал на себе пристальный взгляд вождя?

Михаил ПОЙЗНЕР

Их не знали только в лицо...

Довольно часто бывает так, что со многими вещами настолько свыкаешься, что порой даже не задумываешься, как они пришли в твою жизнь, как стали твоей тенью... Тем более, если речь идет о настоящей музыке, о настоящих стихах.

Я хочу рассказать о нескольких одесских песнях-шедеврах, составивших славу нашему городу на веки вечные. Славу чуть ли не мировую... Именно по ним, этим песням, у многих "взят ориентир" на Одессу, складывалось и продолжает складываться соответствующее устойчивое мировоззрение (даже у тех, кто эту Одессу и в глаза никогда не видел), формируются одесские впечатления, бегущие впереди собственных умозаключений. Песни эти заставляют жить как бы предвкушая, трепетно ожидая встречи с этим городом-призраком.

Еще бы! В песнях есть все — и разноцветная жизнь, и параллельные миры, и неожиданные повороты, и нестандартные ситуации, и звонкие названия наших улиц, и завидные судьбы...

Песен об Одессе бесконечное множество. Их количество увеличивается, наверное, с каждым часом. В этом потоке много песенного мусора, но есть и настоящие одесские искорки — искорки преданности, памяти и любви.

Если песни поются всем народом, на всех параллелях и меридианах — это уже говорит о многом. Вместе с тем у песен есть конкретные авторы. Люди, пропустившие через себя одесские ценности, одесские нормы морали, одесские характеры — яркие, жгучие, нетерпеливые.

Кто эти люди? Как дошли до жизни такой?

Кто знает их фамилии, имена? Как вообще они выглядят?!
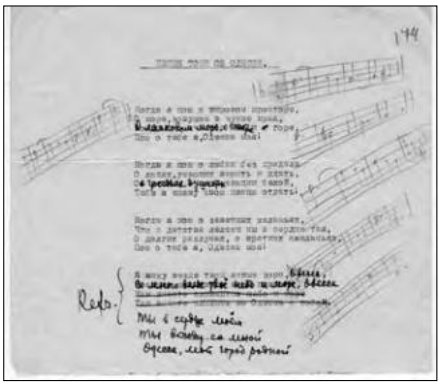
Давайте присмотримся пристальней...

"Ты в сердце моем, ты всюду со мной, Одесса, мой город родной"

Общеизвестно, что эта песня композитора И.О. Дунаевского из оперетты "Белая акация" о советских китобоях. А кто же автор слов, ставших своеобразным гимном Одессы?

"Песня об Одессе" в либретто Владимира Масса и Михаила Червинского оперетты "Белая акация" именовалась "Песней Тони об Одессе". Безусловно,

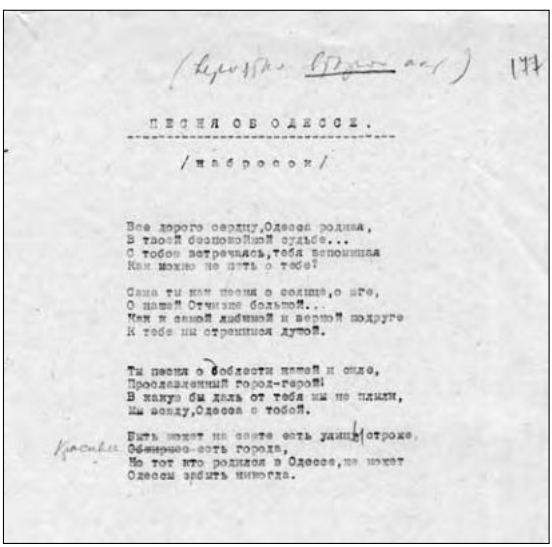
тон был задан самим Дунаевским. Он хорошо приложил свою руку даже к тексту, правя его рукой мастера... Это зафиксировано документально*.

"Песня Тони об Одессе" (черновик) из оперетты "Белая акация" Текст с пометками И.О.Дунаевского. 1954 г.

К сожалению, личность Дунаевского закрыла собой авторов текста "Песни об Одессе". Закрыла на долгие-долгие годы.

Кстати сказать, известными советскими драматургами Владимиром Массом и Михаилом Червинским для "Белой акации" была написана еще одна, практически неизвестная до настоящего времени, песня об Одессе, по каким-то причинам не вошедшая в спектакль в его окончательном варианте. Вот она (с незначительными правками И.О. Дунаевского)**.

177

ПЕСНЯ ОБ ОДЕССЕ.

/наброски/

Все дорого сердцу,Одесса родная,
В твоей безоблачной судьбе...
С тобою встречалась,тебя вспоминая
Как можно не петь о тебе?

Сама ты как песня о солнце,о лете,
О нашей Отчизне большой...
Как я самой любимой и верной подруге
К тебе на стремимся душой.

Ты песня о бодрости нашей и силе,
Прославленный город-герой!
В какую бы даль от тебя мы не плыли,
Мы вспомним,Одесса о тебе.

Быть может на свете есть улицы строже,
Обширнее есть города,
Но тот кто родился в Одессе,не может
Одессы забыть никогда.

"Песня об Одессе" (набросок) из оперетты "Белая акация" Текст с пометками И.О.Дунаевского. 1954 г.

* Материалы РГАЛИ, ф. 2062, оп. 1, ед. хр. 206, л. 1

** Материалы РГАЛИ, ф. 2062, оп. 1, ед. хр. 597, л. 177

Владимир Масс и Михаил Червинский заслуживают того, чтобы рассказать о них, хотя, как говорится, информации до обидного мало.

Сухим языком краткой биографической справки:

Владимир Масс. 1960-е гг.

Масс Владимир Захарович *родился в 1896 г. в Москве. В 1915-17 гг. учился на филологическом факультете Московского университета. В 1918-20 гг. сотрудник Театрального отделения Наркомпроса РСФСР. Автор пьесы "Народ Парижской коммуны" (1919 г.). В 1920 г. поступил в студию Московского театра сатиры, после ее закрытия в 1921-23 гг. написал ряд известных пьес, буффонад, стихов, и др., песен, в т. ч. известные "Джон Грей" и "Калькутта". С 1925 г. писал для "Синей блузы" политические памфлеты, скетчи, сценки. Является автором песенок к спектаклю МХАТа "Женитьба Фигаро", различных постановок для Камерного театра (совместно с Н.Р. Эрдманом), музыкальных пьес-обозрений для Теа-джаза Л.О. Утесова "Музыкальный магазин", успех которых подал идею создания кинофильма "Веселые ребята" (сценарий Масса и Эрдмана) и др.*

В 1933 г. арестован, сослан в Тобольск, затем в Тюмень, где руководил драматическим театром. В 1936 г. поселился в Горьком, организовал колхозный театр; позже Масс возглавлял Областной театр драмы. В 1942-43 гг. руководил фронтовым театром Московского военного округа, заведовал литературной частью Московского театра миниатюр. Автор (совместно с М.А. Червинским) многоактных пьес, либретто оперетт "Трембита", "Белая акация", "Москва — Черемушки" и др., фельетонов, обозрений для театров миниатюр, сценок для М.В. Мироновой и А.С. Менакера, Л.Б. Мирова и М.В. Новицкого и др. Писал статьи по вопросам эстрадной драматургии, подготовил к изданию сборник "Комедии", куда вошли произведения, написанные совместно с Червинским (1968 г.), и др.

Умер в Москве в 1979 г.

Червинский Михаил Абрамович *родился в 1911 г. в Одессе, драматург. По образованию инженер. В 1930-х гг. — автор фельетонов и монологов для А.И. Райкина, В.Я. Хенкина и др. В 1941-44 гг. — на фронте. После тяжелого ранения — в Москве, где в 1944 г. познакомился с В.З. Массом, ставшим его соавтором. Первая совместная работа — комедия-обозрение*

Михаил Червинский. 1958 г.

для Московского театра миниатюр "Где-то в Москве" (1944 г.). Для Ленинградского театра миниатюр, в частности, для А.И. Райкина, написаны программы "Своими словами", "Приходите, побеседуем!", "Любовь и три апельсина"; ряд интермедий для Л.Б. Мирова, А.С. Менакера, либретто оперетты "Белая акация" и др.

Умер в Москве в 1965 г.

Конечно, одессит Михаил Червинский и Владимир Масс, много лет тесно общавшийся с Леонидом Утесовым, не случайно взялись за разработку одесской темы. Так или иначе, они (не без помощи, конечно, Дунаевского) сумели выразить не только "...все, что с детства лелеем мы, в сердце тая", но и привить любовь к Одессе миллионам людей. Сумели "заразить" Одессой и морем, сумели расширить существовавшие в сознании многих одесские горизонты и перспективы. И сделано это к месту, неназойливо, талантливо и профессионально.

Время промчалось стремительно, и сегодня "Белая акация", по правде говоря, практически забыта. Ничего это название не говорит молодому поколению. Забыты и не прошли проверку временем отношения и коллизии "Белой акации". Давно нет китобоев... Нет той особой атмосферы, когда Одесса встречала и провожала героев Антарктики. Нет той ауры... Не по своей воле Одесса потеряла эту, еще одну, сторону своей привлекательности. Но жизнь, как известно, не стоит на месте...

За "закрытыми дверями" оперетты поначалу "Песня Тони..." была лишь песней, объясняющей те или иные поступки героев постановки. В рамках оперетты такой песне было тесно...

Ее запели в ресторанах, концертных площадках и стадионах. Ее напевали на улицах, в трамваях, на дружеских застольях. Ее мелодию начали отбивать "Одесские куранты" на Приморском бульваре...

Песня об Одессе вырвалась на свободу, иначе и быть не могло.

Так слова Владимира Масса и Михаила Червинского, изначально написанные по законам легкого жанра, стали символом города, одновременно сохранив некую преемственность оперетты, подчеркивая неунывающий одесский характер.

Да, "Белой акации" нет... Но навсегда остается Одесса, остаются гениальная музыка и бессмертные слова об Одессе, запавшие в душу не только одесситов...

В современном мире, когда одесситы укоренились во всех уголках планеты, вместе с одесской традицией за границами Одессы оказалась и "Песня Тони..." — почерк талантливых драматургов Владимира Масса и Михаила Червинского, выдавших бессрочную визитную карточку нашему городу.

А остальное, как говорится, уже история...

"Ты одессит, Мишка, а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда..."

Я могу слушать эту песню бесконечно. Много лет я вообще не задумывался, что у этих строк может быть автор. Напевая, часто ловил себя на мысли, что как бы говорю все это от своего имени, настолько рельефно здесь повторяются какие-то этапы и моей жизни (либо то, что я непременно бы сделал, находясь на Мишкином месте).

Много раз я покидал Одессу, покидал надолго.

Много раз, как тот "*мальчишка голоштанный*" не мог сдержать слезы, ощупывая глазами, все ли на месте после моего длительного отсутствия...

Много раз я слушал "Мишку" в разных городах, странах и даже континентах.

Много раз бежал к радиоточке, чтобы сделать громче "Одессита Мишку", — ведь было время, когда в эфире песня звучала не так часто, даже в Одессе. Изредка ее можно было услышать только в ресторанах.

Не забыть, как в Южно-Сахалинске, в ресторане "Турист", когда кто-то заказал "Одессита Мишку", и одна пара внезапно выдвинулась к центру зала на танец, путь преградил молодой капитан-лейтенант: "Под это не танцуют, это память...". И в замерзшем Магадане, в ресторане "Северный", под "Мишку" тоже не танцевали...

Подпевал я ее в Анадырьском порту с нашими моряками, возвращавшимися домой, в Одессу, после "полярки". Повторял "Мишку" "про себя", вторя оркестру ресторана "Золотой Рог" во Владивостоке. Подсказывал слова музыкантам, хорошо усвоившим мелодию "Мишки", в ресторане Дома офицеров в Риге.

Аналогичная ситуация повторялась и в далеком Чарджоу, и в Мурманске, и в забытом Богом Иркутске, не говоря уже о Ленинграде и Москве.

Не забыть, как в Нью-Йорке, на Брайтоне, в ресторане "Приморский", под эту песню в исполнении Михаила Гулько люди плакали, не стесняясь слез... И как в мае 2008 г. буквально "вся Дерибасовская", скопившаяся

у памятника Утесову, под аккомпанемент одесского оркестра "Мамины дети" пела "Мишку".

Что же это за феномен такой?

Ведь не только Владимир Дыховичный (а именно он автор стихов "Одессита Мишки") пытался рассказать о своих чувствах к Одессе. Известна, например, песня "Мы из Одессы — моряки", пронзительно исполнявшаяся Клавдией Шульженко (музыка Ю. Милютина, слова В. Гусева):

Улица одесская, старые каштаны...
Осень черноморская, пули да туманы...
Под огнями грозными, в горький час ночной
Покидали город мы, город наш родной...
Деревья нас печально провожали.
"Откуда вы?" — они во тьме шептали.
И мы с тоскою в сердце отвечали:
"Мы из Одессы — моряки".

Увы! Песня эта, как и многие другие, получила известность только на короткое время, практически "не дожив" до наших дней. Все-таки не было в ней того настроя, той чувствительности, которые так подкупают в нашем "Мишке".

Музыка к "Одесситу Мишке" написана композитором Михаилом Валовацем (в ряде источников — Воловац), который еще в довоенные годы был не только пианистом в оркестре Утесова, но и активным участником его театрализованных представлений (по некоторым данным, одно время он был даже дирижером Ленинградского театра оперетты).

Так или иначе, известно, что раньше М. Валоваца музыку к "Мишке" написал М. Табачников. Однако песню в таком варианте "не пропустил" сам Утесов... Смею сделать предположение, что Леонид Осипович, оценив, что это за вещь(!), не захотел делить славу еще с одним одесситом — Модестом Табачниковым. Хотя даже сегодня во многих изданиях, в т. ч. авторитетных, ошибочно указано, что "Мишку" написал Табачников.

Тем не менее, факт остается фактом — в "Одессите Мишке" Михаил Валовац показал себя блестящим музыкантом и аранжировщиком.

А много ли мы сегодня знаем о самом Владимире Дыховичном?

Сведения более чем скудны.* Увы! В сегодняшней Одессе, думаю, вообще никто не видел лица этого человека. А ведь Владимир Дыховичный написал довольно много известных произведений (часто вместе с Мори-

* Созданию "Одессита Мишки" посвящены некоторые работы одесских авторов Л. Мельниченко, Р. Бродавко, Е. Женина.

сом Слободским).* Причем на музыку совершенно разных композиторов (А. Цфасман, С. Кац, М. Блантер, М. Табачников, Н. Богословский, Э. Колмановский, М. Фрадкин и др.). Достаточно только вспомнить известные "Два Максима", "Солдатский вальс" ("Когда мы вернемся домой..."), "Добрый день", "Морская песенка", "Перед дальней дорогой" и др. Его песни исполняли "самые-самые" — Л. Утесов, М. Бернес, Г. Виноградов, И. Кобзон, Е. Беляев, В. Нечаев, Г. Абрамов.

Уже после войны в сотрудничестве с тем же М. Слободским было написано множество популярных песен, интермедий, водевилей, эстрадных программ для М. Мироновой и А. Менакера, А. Шурова и Н. Рыкунина, Л. Мирова и Л. Новицкого. Это уже о чем-то говорит...

И еще. Вопреки известному заблуждению, что Владимир Дыховичный в 1950 г. был арестован и сослан на три года в лагеря, он никогда не подвергался репрессиям.

А как только не называли Владимира Дыховичного — писателем, сатириком, драматургом, поэтом-песенником, сценаристом!

Владимир Дыховичный 1930-е гг.

Что же еще мы знаем о его жизни?

Владимир Абрамович Дыховичный родился в Москве 25 (12) марта 1911 года в семье профессора, преподававшего еще до революции в Московском университете на геологическом факультете. В семье было трое детей — старший Владимир, дочь Нина, младший сын Юрий. Нина и Юрий впоследствии стали известными в стране архитекторами (Юрий участвовал в проектировании и строительстве высотного дома в Москве на Котельнической набережной).

Владимир Дыховичный окончил Московский геолого-разведочный институт, работал инженером-геологом в Донбассе, на Кавказе, в Средней Азии (даже успел по-настоящему подружиться с грозными басмачами). Еще в годы учебы увлекся танцами, даже преподавал танцы в институте, что, конечно, мало радовало отца, степенного профессора. В Москве некоторое время учился в театральной студии А.Д. Дикого, затем работал на эстраде чтецом-декламатором.

Потом была война. Много войны...

Участвовал в финском "конфликте", выступал во фронтовом эстрад-

* Материалы РГАЛИ, ф. 2282, 127д.

Владимир Дыховичный
Война. Северный флот

ном ансамбле. В 41-м — на Северном флоте, входил в различные фронтовые бригады и театры. Работал с Московским театром миниатюр, фронтовым филиалом театра им. Евг. Вахтангова, Ленинградским театром комедии.

Награжден орденом Красной Звезды.

Как и многие другие, в период борьбы с космополитами подвергся гонениям. Был очень дружен с К. Симоновым, Б. Ласкиным, В. Катаевым, Б. Пастернаком. Особенно дружил с К. Симоновым. Часто на концертах читал его стихи. В июне 41-го К. Симонов даже жил в квартире Дыховичного. Кстати сказать, о начале войны К. Симонов узнал 22 июня только к... 18.00, так как все время работал дома и на улицу не выходил. После звонка Дыховичного к себе домой, Симонову стало известно, что началась война...

Многое повидал Дыховичный в годы войны. Три месяца прослужил в блокадном Ленинграде... Только одного этого достаточно, чтобы осознать ужасы войны и подлинное мужество.

...В конце 1941 — в начале 1942 гг. появился "Одессит Мишка", написанный специально для Леонида Утесова. Устами этого Мишки было сказано то, о чем думали все, покидая родные места. Дыховичный сумел в коротком повествовании проследить весь путь становления мужчины — от "мальчишки голоштанного" до защитника отечества. Становления без высокопарной фразы, без ненужных пояснений. Оказалось, что "родные камни мостовой" первичны по отношению к принятым догмам и официальной идеологии.

Открытка из действующей армии
в освобожденную Одессу

ТЫ—ОДЕССИТ, А ЭТО ЗНАЧИТ...

Товарищи одесситы!

Вот песня, которую сложили об Одессе в конце 1941 г. советские люди, — песня о «Мишке-одессите»:

— 1. —

Широкие лиманы, зеленые каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом.
В красавице Одессе мальчишка голоштанный
С ребячьих лет считался заправским моряком.

И если горькая обида
Мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет, скажет ему мать:

«Ты — одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ведь ты — моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

— 2. —

Изрытые лиманы, измятые каштаны,
Красавица Одесса под вражеским огнем.
С горячим пулеметом на вахте неустанной
Молоденький мальчишка в бушлатике морском...

И эта ночь, как день вчерашний,
Проходит в вихре и борьбе.
Парнишке не бывает страшно,
А станет страшно — скажет сам себе:

«Ты — одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ведь ты — моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

— 3. —

Изрытые лиманы, опавшие каштаны,
И тихий скорбный шепот приспущенных знамен.
В глубокой тишине, без труб, без барабанов
Одессу оставляет последний батальон...

Хотелось лечь, прикрыть бы телом
Родные камни мостовой.
Впервые плакать захотелось
Но комиссар обнял его рукой:

«Ты — одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ведь ты — моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

— 4. —

Широкие лиманы, зеленые каштаны
Еще услышат шелест развернутых знамен,
Когда войдет обратно походкою чеканной
В красавицу Одессу усталый батальон...

И, уронив на землю розы,
Знак возвращенья своего,
Мальчишка не удержит слезы,
Но тут никто не скажет ничего:

«Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Хоть и моряк Мишка, моряк не плачет,
Но в этот раз поплакать, право, не беда».

Эту песнь о Мишке-одессите поет и любит вся наша Родина, весь наш народ. Одесса — наша, родная, живой кусок нашей священной советской Родины!

Красная Армия, громя немецко-румынских захватчиков, вышла на ближние подступы к Одессе. Кошмар немецко-румынского хозяйничанья в Одессе кончается.

Настает радостный и счастливый, долгожданный день — освобождения красавицы-Одессы.

Привет вам, товарищи одесситы, от Красной Армии!

Помогайте Красной Армии освобождать родную землю!

Бейте и уничтожайте немецко-румынских захватчиков!

Листовка с текстом песни "Одессит Мишка". Март-апрель 1944 г.

...В 42-м, да и в 43-м, и даже 44-м годах никто не знал, что будет дальше, и чем вообще все это может закончиться. А вот Дыховичный смог убедить всех в том, что все-таки "войдет в Одессу усталый батальон". Все-таки войдет!!! И это-то в растерзанном 42-м году!

...Я держал в руках фронтовые письма, где солдаты своими словами пересказывали "Мишку", только что услышанного по радио или с пластинки*. Пересказывали со множеством ошибок и отступлений, но все же с тем же ударением и тем же акцентом. Одесским акцентом. Как это могло подействовать на передовой, в окопе, у корабельной пушки, у перископа? Ответ один. Нельзя спрятаться за чужие широкие спины. Не получится!.. На всех одного Мишки не хватит...

В марте-апреле 44-го листовки с текстом "Одессита Мишки" разбрасывали с самолетов над оккупированной Одессой с призывом: "Помогайте Красной Армии освобождать родную землю". Думаю, что история не знает такого второго примера. Без сомнения, ни про один оккупированный вра-

* Пластинка с "Одесситом Мишкой" в исполнении Л. Утесова выпущена в 1943 г.

Портрет В.Дыховичного (с дарственной надписью автора И. Резницкого). 1956 г.

гом город нельзя ничего подобного рассказать. Простые слова Владимира Дыховичного оказались во стократ сильнее любых агитационных призывов и политических противопоставлений.

Думается, что нет ничего странного и в том, что, наряду с другими песнями "Мишку" сильно поносили, даже на уровне Президиума Оргкомитета советских композиторов (заседание 27-29 апреля 1942 г.). Пришивали все, что было "модно" в то время — "идейно-эмоциональную ограниченность", "мещанские представления о жизни", "сентиментальность салонного вальса" и т. д. Ничего не помогло. Народ все же рассмотрел другое — отсутствие фальши в чувствах и действиях, человеческую близость и душевную теплоту. Попытки же Дыховичного "исправиться", то есть, как говорится, "пойти со всеми в ногу", так ни к чему и не привели. Продолжения "Мишки" не получилось. Новый текст "Мишка вернулся в Одессу"* забылся напрочь. Наверное, еще и потому, что был написан не от чего-то, а для чего-то...

Однако этот новый "Мишка..." сейчас вспомнился мне совершенно в другом контексте.

Давайте послушаем легендарного одессита, директора городской детско-юношеской спортивной школы № 2 Бориса Давидовича Литвака:

"...Было это где-то в мае 44-го. Я с мамой возвращался домой, в Одессу, из Средней Азии.Сюда мы успели эвакуироваться из Одессы 28 сентября 41-го на сухогрузе "Днепр".

"Товарняк" шел через всю страну. Одним словом, едем домой. Жара... Очень захотелось пить. А жара, известно, хуже голода. Остановились на каком-то полустанке. Мама осталась ждать, я побежал набрать воды в котелок.

Заскочил в какой-то барак, что-то типа станции. На стенке репродуктор с черным диффузором, заклеенным газетой. Из репродуктора прозвучало: "Сейчас будет говорить Леонид Осипович Утесов".

Я насторожился. Утесов произнес: "В связи с освобождением Одессы я изменил концовку песни "Одессит Мишка". Он запел:

* Опубликован 26 апреля 1944 г.

Одесские лиманы! Цветущие каштаны!
Победоносный грохот развернутых знамен
Врывается в Одессу, в свой город долгожданный,
Последний из Одессы ушедший батальон...

Надо ли говорить, что значила Одесса для меня, 14-летнего пацана, прошедшего через оборону Одессы, через голод и лишения эвакуации?! В этот момент я перестал что-либо понимать. Глаза, полные слез... Только услышал лязг буферов. Тронулся поезд... Я не мог сдвинуться с места.

Бросил котелок с водой, успел добежать до последнего вагона, вскочил на ступеньку, схватился за поперечину лестницы, завис... В этот момент раздвинулись тяжелые двери вагона, появился человек с ружьем и примкнутым штыком. Я попытался объясниться, попытался рассказать о причине, заставившей меня догонять поезд... Поначалу, наверное, ему показалось странным, что песня может вызвать такие эмоции. Тем не менее, он подал мне приклад ружья, я взялся за него и... залез в вагон.

Было приказано лечь на сено. Я еще раз пересказал все сначала, снова повторил, что мама во втором вагоне, что мы едем в Одессу... В ответ услышал: "Хороший город, я был там когда-то в доме отдыха...". Меня отпустили, дав на дорогу горбушку хлеба и флягу с водой, которую часовой снял с пояса...

Тут только дошло, что "Одессит Мишка" мог стоить мне жизни... Еще шла война, в вагоне перевозили снаряды... Меня могли застрелить на месте.

...В 46-м Утесов выступал в нашем Зеленом театре в парке Шевченко. Третьей по счету была песня "Одессит Мишка":

Ты одессит, Мишка! Земля родная,
Одесса ждет тебя, с победой тебя ждет:
Ведь ты моряк, Мишка, мы путь твой знаем,
Великий путь, победный русский путь вперед!

Мы тренировались рядом, перемахнули через забор...

Перед концертом в Зеленый театр въехали инвалиды на досточках с подшипниками и колотушками в руках. Они выстроились на площадке между сценой и первым рядом. Многие были и на костылях.

Тогда Утесов не вышел на бис.

На сцену полетели костыли и колотушки...

Эти люди лишились средств передвижения.

Утесов на сцену так и не вышел...

Кажется, после этого случая он приехал в Одессу только через 18 лет, в году 64-м.

А "Одессит Мишка" никогда "не уезжал", он со мной всю жизнь..."

Вернемся все же к Владимиру Дыховичному.

"Одессит Мишка" достучался до каждого одессита. Дыховичный заставил других завидовать Одессе. Ведь был, непременно был (!) и киевлянин Мишка, и новороссиец Мишка, и Мишка-ростовчанин. А вот "прошел" только одессит.

...По большому счету, Одесса без Дыховичного и его "Мишки" прожила бы, не стала бы менее уважаемой и признанной. Одесса без Дыховичного и его "Мишки" — беднее, значительно беднее! Дыховичный своим "Мишкой" как бы вооружил Одессу на все времена. Теперь, что бы ни происходило с Одессой, уже есть лейтмотив, своеобразный пример для подражания.

...И как это ни печально, слова Дыховичного, может быть, как никакие другие, точно подходят для описания "новых" отношений в нынешней Одессе, когда "изрытые лиманы, поникшие каштаны"... — сплошь да рядом. Когда, не обращая внимания ни на что, сильные мира сего строят в нашем городе свой город... Так что "красавица Одесса под вражеским огнем..." — отчасти это реалии и сегодняшнего дня...

Слово сыну Владимира Дыховичного — Ивану Владимировичу — известному российскому кинорежиссеру*:

"3 июля 63 года мой отец умер в Ростове-на-Дону. Было мне 15 лет. Помню, как на нашей даче в Пахре в это утро за мной прибежала какая-то тетка с белым лицом и сказала, чтобы я бежал домой. Не помню, как я добежал до своего забора, открыл калитку, и навстречу мне шел Симонов Константин Михайлович. Я уткнулся в него, он крепко сжал мою голову и тихо сказал: "Ванька, отец умер. Он был очень хорошим человеком".

С тех пор я живу с этой фразой.

Он был не похож на многих своих братьев. Мало шутил. Не рассказывал анекдоты. Не пошлил. Не кричал. Не подавал руки подлецу. Не дружил с нужными людьми. Не предавал. Не бросал курить. Не слушался, а слушал. Не унывал. Не показывал, что ему худо. Не болел. Не учил жить.

Оставил меня в 15 лет одного. Больше всего на свете я люблю его со всеми его мужскими недостатками. Он не был добропорядочным мужем. Его очень увлекали женщины. Любил блондинок. Жил с брюнеткой. И очень правильно любил мою мать. Умел делать подарки. Не боялся смерти. Никого не грузил. Очень любил друзей.

Любил Одессу и Питер. Я нашел после его смерти записную книжку с блатными одесскими песнями, каллиграфически записанными его рукой,

* Из письма И.В. Дыховичного от 21.07.08 г. к М.Б. Пойзнеру.

и карточки с 5-10-минутными сюжетами, сформулированными очень коротко и очень точно.

Он был спортивного вида элегантный человек. С отличным вкусом к жизни. Пил водку. Любил настойку на мороженой рябине. Закусывал груздями и обожал драники.

Никогда не сдавался. В день смерти Сталина пошел кататься на лыжах на глазах у всего дома. Мама бежала за ним по лестнице с криком: "Что ты делаешь? Ты нас погубишь!". Он повернулся к ней в ярком свитере и с лыжами на плечах: "Я его ненавижу, ненавидел и буду ненавидеть". Я слышал, как захлопнулась дверь нашего подъезда. Он вышел во двор. А мама осталась на лестнице со мной на ступеньках и громко зарыдала.

Его осуждали, что он одевался как денди. Называли космополитом. Обвинили во всех грехах. В отличие от многих, он не вступал в партию. Не выступал с осуждением своих коллег. Его не печатали. Клали фильмы, сделанные по его сценариям, на полку. Закрывали спектакли. Мы сдавали вещи в ломбард. А у него был вид денди.

Я встретил его гроб во Внуково на складе. Был грузовик. И представитель литфонда Арид Давыдыч. Нам долго не выдавали гроб какие-то дядьки со склада. Потом выехал грузовик с гробом, в кузове сидел начальник, прямо на цинковой крышке гроба. Арид Давыдыч сел в кабину, а я в кузов. С отцом. И мы поехали в морг. Дорога была длинной. Я положил руку на цинковый лист и не отнимал ее до Склифосовского морга. Думаю, за эти два часа езды что-то в меня переселилось от отца.

На следующий день были похороны в Доме литераторов. Зал ресторана декорировался в похоронный зал, поставили гроб, менялись караульные. Был и Моисей, парикмахер, который стриг всех писателей в подвале под рестораном, обожавший моего отца. В день, когда я родился, он стриг моего отца и произнес:

— Володя, у вас родился сын, и как вы его назвали?

Наступила пауза.

— Иваном.

Моисей перестал щелкать ножницами и сказал:

— Редкое еврейское имя.

В первый раз Моисей стриг меня в месяц от роду, дома. И сказал, что никогда не стриг человека, которому месяц. И навсегда оставил маленькую машинку, которой меня стриг.

Теперь он стоял маленький, с головой блестящей, как шар, в черном костюме и белоснежной рубашке. Он стоял и плакал. Я вышел на улицу. Была масса

Новодевичье кладбище. Могила В. Дыховичного

людей. У какой-то женщины я увидел огромный букет ромашек. Была страшная жара. И вдруг я услышал сзади тихий голос, почти шепот, я решил, что это от жары мне что-то чудится. Но обернувшись, увидел за собой Утесова, который стоял и пел:

— Одесские лиманы, цветущие каштаны...

Он обнял меня и тихо на ухо пропел дальше:

— Ты одессит, Мишка, а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда...

Так я живу с тех пор с тихим голосом Утесова, напевавшим мне на ухо:

— Моряк не плачет и не теряет бодрость духа никогда.

Мой отец был настоящим человеком".

К этим словам мало что можно добавить...

Закончу признанием.

Это он, Дыховичный, в те грозные годы напомнил всем, что Одесса была, есть и будет.

Это он, Дыховичный, напомнил одесситам, что они ОДЕССИТЫ.

Это он, Дыховичный, напомнил морякам о морской чести и морских традициях.

Это он, Дыховичный, напомнил Утесову, что тот все-таки одессит, тем самым выдав ему, может быть, самый главный одесский карт-бланш на всю жизнь.

Напомнил ненавязчиво, без какого-либо менторства, глубоко и символично.

Дыховичный многих повернул лицом к Одессе. Это уже после "Мишки-одессита" Утесов пел и "У Черного моря", и "Одесский порт", и "Ах, Одесса моя ненаглядная"... Все это было уже потом...

Умер Владимир Абрамович Дыховичный внезапно, 24 июня 1963 г., в Ростове-на-Дону (здесь он вместе с М. Слободским работал над мюзиклом "Москва-Венера, далее везде..."). Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище. Как сориентировал нас Иван Владимирович Дыховичный: "Это сразу же после площадки — первая аллея налево". Мы, со своей стороны, несколько уточним: "Новодевичье кладбище, участок 8, ряд 30, линия 7".

У кого есть такая возможность, будучи в Москве, поклонитесь праху этого человека.

Задумайтесь, что и как он сделал для Одессы.

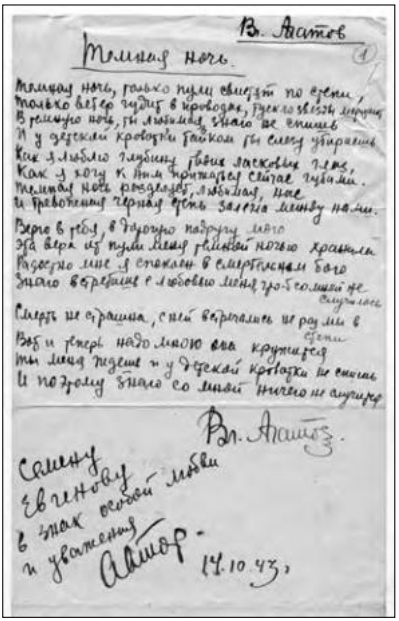
"Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика..."

Песня "Шаланды, полные кефали" из кинофильма "Два бойца"*, блистательно исполненная Марком Бернесом, — общеизвестна, любима и, думаю, не требует каких-либо особых комментариев.

Мастерское подражание одесскому песенному фольклору (на музыку Никиты Богословского) выполнено Владимиром Агатовым. Он же является автором легендарной "Темной ночи".

Приведу известное высказывание композитора Н. Богословского:

"*Я петербуржец по рождению, никаких этих одесских песен не слышал. В помощь мне дали объявление в газете, что всех лиц, которые знают одесские песни, просят в такой-то день явиться на студию. И собралась гигантская толпа патриотов своего города, причем совершенно разнообразных, начиная от седобородых солидных профессоров и кончая такими подозрительными личностями, что я никак не мог понять, почему они до сих пор не в тюрьме. И все наперебой стали петь свои любимые мелодии. Я слушал, ухватывая типичные интонации, а затем использовал их — в синтезе, как особый характер, — для новой, совершенно оригинальной песни*".

В. Агатов

Темная ночь

Темную ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают
В темную ночь, ты любимая, знаю не спишь
И у изголовья тайком ты слезу утираешь

Вновь я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я могу к тебе приказом сейчас говорить.
Темная ночь разлучила, любимая, нас
И тревожит черная степь заклятью меня нам.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою
За верх из пули меня родимой рукой хранишь
Разлюбить мне тебя спокойно в смертельных боях
Знаю в верности я любовью моей дорогой не случилось

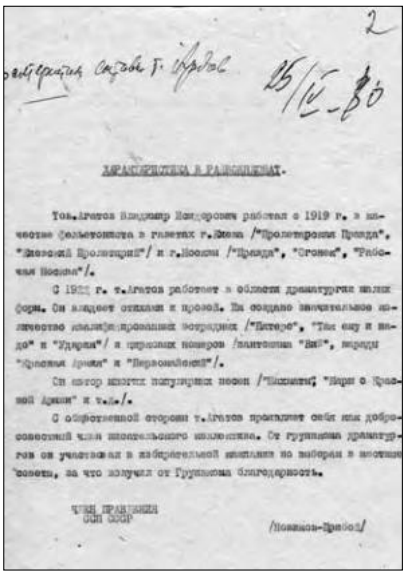
Смерть не страшна, с ней встречались не раз мы в бою
Вот и теперь надо мною она кружится
Ты меня ждешь и у изголовья тайком не спишь
И поэтому знаю со мной ничего не случится

Вл. Агатов.

Самому Евгенову
в знак особой любви
и уважения
Автор
14.10.43 г.

Владимир Агатов. "Темная ночь"
Стихотворение. Автограф. 1943 г.

* Фильм снят на Ташкентской киностудии в 1943 г. Режиссер Л. Луков, сценарий Е. Габриловича (по повести Л. Славина "Мои земляки").

ХАРАКТЕРИСТИКА И РЕКОМЕНДАЦИЯ.

Тов.Агатов Владимир Исидорович работал с 1919 г. в качестве фельетониста в газетах г.Киев /"Пролетарская Правда", "Киевский Пролетарий"/ и г.Москва /"Правда", "Огонек", "Рабочая Москва"/.

С 1921 г. т.Агатов работает в области драматургии малых форм. Он владеет стихами и прозой. Им создано значительное количество злободневных сатирических /"Петров", "Так ему и надо" и "Удача"/ и лирических номеров /политобоз "Ах!", журнал "Красная Армия" и "Первомайский"/.

Он автор многих популярных песен /"Шахматы" "Марш о Красной Армии" и т.д./.

С общественной стороны т.Агатов проявляет себя как добросовестный член профессионального коллектива. От групкома драматургов он участвовал в избирательной комиссии по выборам в местные советы, за что получил от групкома благодарность.

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВ[illegible]

/Новиков-Прибой/

Характеристика Союза Советских писателей на В.И. Агатова. 1940 г.

А что Агатов?

Сведений о его жизни исключительно мало. Достоверно известно следующее.

***Владимир Исидорович Агатов* (*Гуревич*)** родился в 1901 г. в Киеве. Его характеристика, подготовленная в 1940 г. драматургом А. Ардовым, подписана самим А. Новиковым-Прибоем*.

Так что к началу войны Агатов уже вполне сформировавшийся творческий работник, поэт-песенник, "неостанавливающийся общественник".

Известны также его песенки "Кокаинетка" (из репертуара А. Вертинского), "Чайный домик", знаменитая одесская блатная "Ох, уж повезло косому Ваньке" с залихватским припевом: "Алеха жарил на баяне, шумел, гремел посудою шалман...".

Однако вернемся к "Шаландам".

Известно, что "Шаланды" не предполагались первоначальным вариантом сценария кинофильма "Два бойца". Луков настаивал только на "Темной ночи". Но так получилось, что "Темную ночь" Утесов, нарушив все правила приличия, запел еще... до выхода на экраны "Двух бойцов" (кто-то "конкретный" проболтался о "Темной ночи"...). Таким образом, для зрителей был утрачен сам момент внезапности.

"Шаланды" писались по требованию Лукова уже "вслед уходящему поезду", чтобы как-то дополнительно охарактеризовать главного героя — одессита Дзюбина. Эти обстоятельства возлагали на Агатова особую ответственность. Уровень того нового, что предстояло написать, должен был быть никак не ниже "Темной ночи". С этой задачей Агатов справился гениально.

Не надо забывать, что "Шаланды" появились в военное неоднозначное время. Когда совсем не до старомодной галантности и участия в выясне-

* Материалы РГАЛИ, ф. 631. оп. 2, ед. хр. 453, л. 2.

нии отношений какого-то Кости с какой-то Соней на фоне одесского образа жизни. Однако здесь, думаю, Агатовым был заложен определенный подтекст — вера в то, что война закончится, а все "мирное", определяющее смысл жизни, вернется. Вернется непременно!

Что же должно было двигать автором "Шаланд", когда буквально за один присест, отрешившись от военных тревог, он, киевлянин, окунулся в незнакомый довольно противоречивый одесский мир — мир с кефалью, биндюжниками, рыбачкой Соней, моряком Костей, портовыми грузчиками, Французским бульваром и Фонтаном?..

В результате получилась хорошо сколоченная "штучная" вещь, образная и органичная, имеющая право на самостоятельную жизнь.

"Ошибся" Агатов в "Шаландах" только в одном-двух моментах — наш Фонтан мог покрыться не черемухой, а скорее всего, акацией. И одессит Костя, скорее всего, курил не "Казбек", а все-таки наше "Сальве". Но это все одесские мелочи...

...Сталинские лагеря не миновали и Агатова. Он был арестован чуть ли после съемок "Двух бойцов", просидев вплоть до 1956 г.* Одно время Агатов отбывал срок вместе с известной актрисой театра и кино Татьяной Окуневской. К моменту ее прибытия в лагерь Агатов уже был там своим человеком ("всемогущий Володя... может достать все из-под земли")**. В записке, арестованной вновь прибывшей в лагерь Окуневской, он писал:

"*Здравствуйте! С печальным прибытием в наше лесное царство! Подтвердите, вы ли это действительно, потому что уйма сплетен, и я усомнился. Если это вы, не падайте духом, на общих работах мы вас не оставим.*

Ваши коллеги и я индивидуально

Владимир Агатов".

Т. Окуневская вспоминала:

"*...Боже ты мой, а я и не знала, что его арестовали, сама я с ним по работе не сталкивалась, но он из луковской команды, это он написал для Лукова "Темную ночь", "Шаланды, полные кефали" и считается хорошим поэтом-песенником, его шлягеры гуляют по городам и весям...*

...Перед вахтой вся бригада, Володя впереди, совсем не изменился, кинулись друг к другу, в голове туман, какая-то жуткая иллюзия той настоящей, человеческой жизни".

* Даты требуют уточнения.

** Т. Окуневская. Татьянин день. М., Варгиус, 1998.

Новодевичье кладбище. Могила В. Агатова

В лагере Агатов взял над Окуневской шефство, оберегая от уголовников. Ведь все это происходило в мужском бандитском лагере! Здесь Агатов — директор лагерного театра, одновременно администратор и завлит. Он в дружеских отношениях с начальником политотдела лагеря, оказавшимся интеллигентным человеком и настоящим офицером. Агатов добился, чтобы Окуневскую назначили художественным руководителем культбригады. Не все так просто, если учесть, что известная актриса была у всех на виду. Это даже опасно — все репетиции проходили в мужском лагпункте...

Агатов организует при культбригаде женский хор, для чего отыскивает в соседних лагерях и переводит к себе в лагпункт (другими словами, спасает от голода и издевательств) талантливых исполнителей. Здесь и чудо-балетмейстер из Днепропетровска, и "первая скрипка" из Театра Советской Армии, и известный всей стране "пианист с хорошим аккордеоном", и даже знаток украинских танцев...

...По свидетельству современников, Владимир Агатов вернулся из лагеря в Москву сломленным и больным человеком.

В завершении приведу слова Е. Евтушенко об Агатове*:

"*Автор двух знаменитых во время войны песен из кинофильма "Два бойца", где играли такие блистательные актеры, как М. Бернес и Б. Андреев. Бернес, исполнявший роль одессита Аркадия Дзюбина, виртуозно спел стилизацию Агатова "Шаланды, полные кефали". Фильм "Два бойца" я смотрел в своем детстве на станции Зима, наверное, раз двадцать. Эта лукавая озорная песня была неожиданным подарком судьбы среди крови, голода, разрухи.*

В конце жизни Агатов опубликовал грубый пасквиль на А.Д. Синявского. Жаль..."

* Е. Евтушенко. Строфы века. Антология русской поэзии. Полифакт. Москва-Минск, 1997.

Умер Владимир Агатов в 1966 г. в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище (секция 128, ниша 78). На памятной плите начертано: "*Темная ночь, только пули свистят по степи...*".

Такая вот "со страшным скрипом" судьба весельчака, словоохотливого человека, любителя розыгрышей и смачных анекдотов... Человека, который смог одинаково успешно подняться до "Темной ночи" и "опуститься" до "Шаланд".

...В Одессе по-прежнему "*синеет море за бульваром...*" и *"бульвар Французский весь в цвету...*".

Жизнь продолжается...

Александр ГАЛЯС

"Не напрасно ты поешь..."
Очерк истории одесской эстрады до 1941 года

Одна из уникальных особенностей Одессы — ее прочная привязка к "легкому жанру". Несмотря на обилие вышедших отсюда выдающихся мастеров "серьезных жанров" — писателей, поэтов, режиссеров, артистов, композиторов, "академических" музыкантов и проч., — самое распространенное определение нашего города — "Столица юмора" — отсылает, в первую очередь, к эстраде. В этом есть резон, ибо, пожалуй, ни один город мира не сформировал такое количество блестящих мастеров эстрады, ни в одном другом месте земного шара не возникло столько эстрадных жанров, начиная от изысканного искусства художественного чтения и заканчивая малопочтенными "блатными песнями", ныне для придания некой "благообразности" переименованными в "русский шансон".

Причины "легкожанровой" направленности многих ярчайших одесских талантов следует искать в самом характере нашего города, каким он формируется в первой трети XIX века.

Благодаря режиму порто-франко Одесса обладала намного большей, чем прочие экономические центры Российской империи, свободой деятельности. Благом для города была его относительная отдаленность от мертвящего столичного официоза и причерноморское расположение. "Жажда наживы и свободной разгульной жизни привлекала сюда тысячи авантюристов", — пишет один из первых историков Одессы Д. Атлас. Но "авантюристы", если вспомнить этимологию этого понятия, — это искатели приключений, люди активные, подвижные, готовые к риску. "Авантюрист" — по природе своей оптимист, не склонен излишне расстраиваться, азартен и шутлив.

Важным фактором следует считать и изначальную многонациональность города: как заметил герцог Ришелье, "ни в одной стране мира не скоплялось на столь малом пространстве такое количество народностей, притом столь различных в нравах, языке, в одежде, религии и обычаях". Значительную часть первых жителей города составляли уроженцы Юга — греки, итальянцы, болгары, армяне, турки и др., отличающиеся бурным темпераментом и экспансивностью, любовью к веселью, песням и танцам.

Добавим сюда, что экономика Одессы, основанная, прежде всего, на морской торговле, в первой трети XIX века стремительно развивается, здесь быстро выделяется слой обеспеченных граждан, которые имеют вре-

мя и деньги для развлечений. "Размножение удовольствий привлекает людей", — пишет анонимный автор еще 200 лет назад. "Удовольствия" в ту пору были преимущественно импортированными. Лидировала в этом отношении итальянская опера. Гости города отмечали доходившую до фанатизма страсть одесситов к музыке и оперному пению. "Здесь нередко из уст простолюдина вы слышите напев итальянской арии, из каких-нибудь Россини и Доницетти", — поражался современник.

Не стоит, впрочем, преувеличивать образованность одесских "простолюдинов"; итальянская опера во времена Пушкина воспринималась скорее легким развлечением, чем искусством, за отсутствием собственно эстрады она выполняла некоторые ее функции, в частности, "поставщика шлягеров".

Однако первые из многочисленных песен об Одессе сложили все-таки украинские крестьяне-чумаки. Лейтмотив этих песен: "Ой, в Одесі добре жити, на панщину не ходити" — иллюстрирует то представление о "вольном городе", которое начало складываться еще два столетия назад и легло в основу одесской "легенды".

Во времена правления М. Воронцова в Одессе начала формироваться еврейская община, что оказало огромное влияние не только на экономику города, но и на его культуру. Именно евреи придали неповторимый акцент той речи, которая стала в конце XIX — начале XX вв. "опознавательным знаком" одесситов и фактически "языком" одесской эстрады.

Зачатки эстрадного искусства можно найти в площадных гуляниях, где под открытым небом при большом скоплении народа выступали артисты самых разных жанров — исполнители народных песен и частушек, жонглеры, акробаты, фокусники, цыгане с медведями и т. п. Самые большие по размаху гуляния обычно проходили на Куликовом поле. Вот как описывает современник одно из таких гуляний в конце XIX века: "Все гудит, движется, поет и торопится. Гулящие не пропускают всего, что манит, обещает и интригует. Цирки и балаганы переполнены. Артисты валятся с ног, выступая в такие дни по 12-14 раз...".

"Развитие капитализма в России", набравшее стремительные темпы во второй половине XIX века, после отмены крепостного права, среди прочих последствий имело и становление эстрады в более-менее привычной для нас форме. Этому способствует, в первую очередь, увеличение численности городского населения. Развитие промышленности требует новых рабочих рук, и тысячи людей из сел перебираются в Одессу. У горожан, по сравнению с жителями села, больше свободного времени, толику

которого можно уделить развлечениям. При этом вкусы у подавляющего числа жителей (за исключением узкой прослойки аристократии и зарождающейся интеллигенции — преподавателей, врачей, служащих) практически совпадают: разница только в материальных возможностях. Представители "легкого жанра" востребованы не только на народных гуляниях, но и на подмостках ресторанов и кафе-шантанов, которые в массовом порядке возникают в нашем городе после отмены в 1882 г. монополии казенных (то есть государственных) театров на организацию спектаклей и концертов. Это привело к взрывному росту частных антрепренеров, появлению большого количества концертных площадок. Возник спрос именно на исполнителей "легкого жанра", самые популярные из этих артистов находят постоянные ангажементы в шантанах и варьете. "Хранители истинных народных мотивов и мелодий состоят на службе в кафешантане Александрова-Ломача", — сокрушался в "Одесских новостях" 1896 года молодой Максим Горький.

Эстрада конца XIX — начала XX вв. развивается в трех направлениях:

— *концертная*, или *филармоническая*;

— *дивертисментная* (куплетисты, рассказчики, гимнасты, русские и цыганские хоры и т. п.);

— *шантанная* (рестораны, варьете и проч.).

Рассмотрим развитие этих трех направлений эстрады в дореволюционной Одессе на примере ее лучших представителей.

***Концертная* (*филармоническая*)** эстрада — это, в первую очередь, сборные концерты, нередко благотворительного характера, для участия в которых привлекались артисты оперы и драмы. Для некоторых из этих артистов именно эстрада становится основным приложением сил, они составляют своего рода эстрадную "элиту". Среди одесситов такими, в первую очередь, следует назвать мастера художественного слова Александра Закушняка, певцов Изу Кремер и Юрия Морфесси.

Александр Закушняк справедливо считается создателем жанра художественного чтения. Уже в юные годы он проявил заметные способности к актерству, играл в любительских спектаклях. Подлинный вкус к сцене ощутил в Аккермане, куда был сослан в 1900 г. за участие в студенческих беспорядках. Окончив в 1903 г. Новороссийский университет, Закушняк посвятил себя сцене. Он участвовал в спектаклях различных любительских и профессиональных трупп, выступал в качестве звукоподражателя, танцевал и пел куплеты в оперетте, читал рассказы А. Чехова. Был замечен В. Мейерхольдом, который пригласил его в свою труппу. В 1907-1910

играл в труппе Веры Комиссаржевской, но после смерти актрисы решил выступать самостоятельно с чтением прозы. Первые "Вечера интимного чтения" состоялись весной 1911 г. в родной Одессе, в помещении Гагаринского дворца (ныне Литературный музей). Небольшой зал был превращен артистом в уютную гостиную. Сам он сидел за столиком, на котором стояла электрическая лампа, и безо всяких, на первый взгляд, актерских ухищрений просто рассказывал слушателям произведения Чехова, Мопассана и других популярных писателей. Успех у одесской публики был ошеломляющий, после чего А. Закушняк окончательно убеждается в верности выбранного жанра. Он становится первым и одним из самых знаменитых эстрадных чтецов, а Одесса, таким образом, местом, где возник жанр художественного чтения.

Также из "серьезного" искусства — оперы — пришла на эстраду другая популярнейшая артистка — Иза Кремер. Пению она училась в Италии, затем поступила в труппу Одесской оперы, где сразу выдвинулась в "премьерши". Творческие аппетиты артистки были почти безграничными: она поет в опере и оперетте, сочиняет стихи и театральные миниатюры, занимается переводом, в т. ч. пьес. Но славу И. Кремер принесли т. н. "интимные песенки", или "песенки Монмартра". В этом жанре певица откровенно ориентировалась на французский шансон; ее личным "изобретением" стала экзотическая "приправа". Действие песенок И. Кремер обычно развивается в экзотических странах или в не менее экзотической обстановке: на острове, в ресторане, ателье мод и т. п. Героини этих песенок носят диковинные для русского слуха имена (Манон, Мими, Кити, Лулу), а герои — миллионеры, поэты, "шоколадно-фиолетовые" негритята и т. п.

Стоит обратить внимание на своеобразную перекличку И. Кремер и А. Закушняка — "вечера интимного чтения" и "интимные песенки": такова была мода начала XX в., которую артисты точно уловили и идеально воплотили в своем творчестве. Успех И. Кремер был колоссальным: выражаясь современным языком, она вошла в "эстрадную элиту" того времени, наряду с А. Вяльцевой, В. Паниной, Н. Плевицкой. При этом Иза Кремер была первой эстрадной "звездой", которая в сознании слушателей ассоциировалась с Одессой: в рецензиях довольно часто к ее имени добавляется "одесситка".

Не менее своеобразным оказался путь на эстраду еще одного знаменитого одессита — Юрия Морфесси. Грек по национальности, он, следуя родительской воле, готовился стать архитектором, но намного больше увлекался театром, принимал участие в домашних музыкальных салонах. Су-

ществует легенда, будто на одном из таких вечеров юного одессита услышал знаменитый итальянский певец М. Баттистини и порекомендовал ему посвятить себя опере. Последовав этому совету, Ю. Морфесси поступает учеником в одесский оперный театр, где дебютирует в партии Валентина ("Фауст" Гуно). Затем следует приглашение в киевскую оперную труппу М. Бородая, после чего певец "изменяет" опере и несколько лет отдает оперетте, где благодаря замечательному голосу и эффектной внешности быстро становится "премьером". Вместе с тем он увлекается русскими, и особенно цыганскими песнями и романсами, причем цыганское пение изучает весьма серьезно. Это увлечение и побуждает певца, в конце концов, сделать выбор в пользу концертной эстрады, где он становится одним из кумиров. О степени популярности одесского певца говорит то, что его неоднократно приглашали петь для императорской семьи. На афишах Ю. Морфесси рекламируется как "Баян русской песни": согласно легенде, этим прозвищем его наградил не кто иной, как Федор Шаляпин. Репертуар артиста поражает разнообразием. С одной стороны, он исполняет романсы на стихи русских классиков, народные песни (кстати, именно Ю. Морфесси сделал популярной драматическую балладу "Раскинулось море широко", которую впервые услышал в Одессе), цыганские мелодии. Вместе с тем он не гнушается и т. н. "городским фольклором" типа "Маруся отравилась", "Мурочка", "Сухая корочка", "На последнюю пятерку" и т. п.

Едва ли не первым среди "звезд" эстрады Ю. Морфесси снимается в кино: к/ф "Петля смерти", "Княгиня-цыганка", "Веселый мертвец" и др.

Александр Закушняк, Иза Кремер и Юрий Морфесси — первые одесситы, которые вышли на "большую эстраду"; они выступали на лучших концертных площадках России, получали солидные гонорары, вели светский образ жизни, их концерты освещались в прессе. Однако наряду с эстрадной "аристократией" Российской империи (в ту пору представленной буквально несколькими звучными именами), существовало куда более многочисленное эстрадное "дно", для благозвучности названное "***шантанной эстрадой***". История почти не сохранила имен "чернорабочих" эстрады нашего города: в большинстве своем они выступали под псевдонимами. Но о характере подобных зрелищ дает представление программа типичного концерта варьете:

Гези — венгерская субретка на электрической качели
Русская красавица Люси Аркас
Нелли-де-Корви — американский дуэт со своим негром

Лапотная капелла "Мужички в натуре"
Дама-атлетка Лурс — поднимает силою ног 7 человек
Анна Арабельская — танец соблазна
Веселый босячок Иван Белявский
Русские шансонетки Шмидт и Пальмира и т. д.

Нравы шантанной эстрады исчерпывающе характеризует фрагмент из статьи, опубликованной в журнале "Дивертисмент" в 1908 г.: "Варьете — ресторан, где всем руководит "директор", режиссер-взяточник и агент, — там все рассчитано на женщин и на буфет... Нужно только видеть номера гостиницы, в которых обязаны жить артистки и платить за одни только стены по 100 р. в месяц, чтобы судить о том, может ли честная артистка существовать?".

Вот и приходилось исполнять такие "шедевры":

Когда на сцену выхожу
Я шансонетки петь,
То взор кругом свой обвожу:
Кого в виду иметь?
Хотя готова я обнять
Вас всех, расцеловать, —
Мне сил так много не дано...
Придется выбирать.

Не случайно в газетах того времени можно встретить сообщения вроде этого: "В Одессе в больнице Красного Креста скончалась шансонетная певица Антонина Щетинская (по сцене — Нинишь), 24 лет. Причина — самоубийство".

Филармонические и шантанные представления — это как бы противоположные полюса, "витрина" и "дно" эстрадного искусства начала XX в. Своеобразным "буфером", или "переходной зоной", между ними можно считать ***эстраду дивертисментную***. Ее представители выступают преимущественно перед "простой" публикой, выстраивая репертуар сообразно ее вкусам, однако именно эту эстраду можно считать в наибольшей степени народной. Артистов эстрады в начале века не готовит ни одно учебное заведение, сюда приходят в прямом смысле слова с улицы, но частые выступления довольно быстро выявляют способности человека. Именно на дивертисментной эстраде начинают свой творческий путь многие будущие корифеи советского театра и эстрады: Л. Утесов, А. Алексеев, Д. Кара-Дмитриев, П. Муравский и др. На общем фоне дореволю-

ционной эстрады Одесса выделяется, в первую очередь, своими театрами миниатюр и куплетистами.

Одним из первых театров миниатюр в Одессе был "Бибабо", организованный группой местных артистов и журналистов. Этот театрик подражал петербургскому сатирическому театру "Кривое зеркало" и московской "Летучей мыши". Основным автором "Бибабо" был студент Новороссийского университета Алексей Лифшиц (по сцене — Алексеев), который первым в Одессе и одним из первых в России начал выступать в жанре конферанса. Заранее заготовленного текста у актера обычно не было, во время представления он импровизировал, отвечая на реплики зрителей. В следующем сезоне А. Алексеев с группой артистов создают другой театр миниатюр — "Зеленый попугай". Здесь репертуар уже разнообразнее и оригинальнее. Этот театр привлекает внимание интеллигенции, деятелей искусства. Писатель А. Куприн читает здесь свои рассказы, драматург С. Юшкевич — новую пьесу. Сенсацией городской жизни стал благотворительный спектакль по оперетте "Прекрасная Елена", в которой главную роль исполняла знаменитая актриса Елена Грановская, а ее партнерами выступали Ю. Морфесси. А. Алексеев, а также чемпион мира по борьбе И. Заикин и писатель А. Куприн. Однако самым, пожалуй, ярким из одесских театров миниатюр был существовавший в сезоне 1914-1915 гг. "Малый театр", в котором играли будущие "звезды" советского театра, кино и эстрады В. Хенкин, Ф. Курихин, П. Поль, Е. Милютина, Е. Баскакова.

Но если в жанре театров миниатюр у одесситов были и предшественники, и конкуренты, то с нашими куплетистами никто сравниться не мог. В исследовании "Куплет на эстраде" Г. Териков пишет, что "артисты эстрады называли Одессу "фабрикой куплетистов", так как она была главным поставщиком гастролеров для Петербурга, Москвы, Киева".

Характерно, что каждый из куплетистов старался найти свою "маску".

Александр Франк, Григорий Красавин, Цезарь Коррадо считались "салонными" куплетистами и выступали обычно во фраке. А. Франк исполнял куплеты нарочито серьезно, "со значением". Г. Красавин вел себя на сцене более раскованно, аккомпанируя себе на скрипке. Ц. Коррадо предпочитал импровизировать, поражая слушателей экспромтами. В цилиндре выходил на сцену и П. Самарин, рекомендовавшийся: "комик-аристократ".

С "салонных" куплетов начинал и будущий корифей советской эстрады Петр Муравский. На эстраду он вышел в 15 лет, поразив зрителей умением импровизировать шутливые подтекстовки к моментальным зарисовками художника-карикатуриста Б. Антоновского. Затем П. Мурав-

ский преобразился в такого себе "бульварного фланера", одетого в клетчатый пиджак и котелок. В этом образе он исполнял куплеты и игривые песенки типа "Мой папаша и я".

Большим успехом пользовались исполнители т. н. "национальных" куплетов. М. Хуторской рекламировал себя: "бесконкурентный пародист тифлисских кинто и восточных типов". "Турецкие" куплеты исполнял Федор Бояров. Он выходил в феске и, нарочито коверкая речь, невозмутимо представлялся:

"Я — Ахмет.
И мне дела нет.
Пью вино я кахетинский,
Чебурек давай...".

Особенно же славилась Одесса "еврейскими" куплетами. На этом поприще подвизаются даже целые династии, как семейство Броунталь. Глава семьи, "старик" Броунталь выступает сперва в дуэте с женой, затем со старшим сыном. Тот, женившись, создает дуэт Таген (Таня и Гена). Тогда отец привлекает двух других сыновей, и возникает юмористическое трио "Папаша и сыночки Броунталь".

Особая же слава выпала на долю Льва Зингерталя. Маленького роста, тщедушный, рано полысевший, он, тем не менее, создал образ этакого бонвивана, любимца женщин. "Ах, дами! Ах, дами, — именно так, с акцентом, пел куплетист, — для нас нужней всего. Без дами мы сами не стоим ничего". "Опознавательным знаком" артиста была песенка "Зингерталь, мой цыпочка, сыграй ты мне на скрипочка" (обычно он аккомпанировал себе на скрипке). Немного позже Л. Зингерталь создал дуэт с другим одесским куплетистом, Марком Добрыниным, высоким толстяком весом 150 кг. Они представляли борцов, выходили на сцену в трико и пели куплеты с рефреном: "Зачем я толстый? Зачем я тонкий?". Но прославила артиста политическая сатира. В 1907 г., когда тогдашний премьер П. Столыпин подавлял революционное движение жестокими мерами, вплоть до виселиц, прозванных в народе "столыпинскими галстуками", Л. Зингерталь на одном из представлений рискнул спеть:

У нашего премьера —
Ужасная манера:
На шею людям галстуки цеплять.
И должен вам признаться,
Я стал теперь бояться
Куплеты вам про галстук распевать.

В результате артисту было предписано в 24 часа покинуть город, но зато он навсегда вошел в историю эстрады и даже попал в одну из повестей своего земляка В. Катаева.

Злободневность ("утром — в газете, вечером — в куплете") — это было то, что особенно привлекало в куплетистах, делало их популярными. Эстрада чутко улавливала общественные настроения и по-своему отражала их. Так, успех рассказов М. Горького, и особенно его пьесы "На дне", вызвал к жизни т. н. "рваный", или "босяцкий" жанр. Артисты выходили на сцену в лохмотьях, соответствующем гриме и выступали как бы от имени обитателей ночлежек. Оперативность реакции поражает даже сегодня. Премьера пьесы "На дне" состоялась в декабре 1902 г., первое печатное издание вышло в январе 1903 г., а уже в середине 1903 г. в Одессе книгоиздательство С. Полярус выпускает сборник "На дне" с подзаголовком: "Рассказы, сценки, стихотворения и пр. из жизни "бывших людей", босяков и простонародья". Этот жанр держался на эстраде довольно долго — вплоть до первой мировой войны.

Начало войны эстрадники встретили, как и подавляющее большинство жителей Российской империи, с уверенностью в скорой победе. Эстраду буквально захлестнула волна "патриотических" виршей и куплетов. Некоторые артисты добровольно отправились на фронт. А. Закушняк получил 7 боевых наград и дослужился до подпоручика. Д. Кара-Дмитриев дважды был контужен — в голову и ноги, но упрямо возвращался на боевые позиции... Отрезвление пришло нескоро, тем более что в годы войны парадоксальным образом возросла востребованность эстрадников. Это было связано с широчайшим распространением кинематографа и возникновением огромного количества кинозалов (иллюзионов), где перед началом сеанса зрители могли увидеть незамысловатый дивертисмент. Но такие представления были прекрасной школой для начинающих артистов. Хозяева иллюзионов нередко предоставляли новичкам возможность выступить у них (разумеется, бесплатно), и если молодой человек имел успех у публики, то мог рассчитывать на более продолжительное сотрудничество и материальное вознаграждение.

Однако по ходу затянувшейся войны все чаще молодых артистов начали призывать в армию. В некоторые семьи приходили похоронки. Так, погиб молодой куплетист Юлий Ленский (Кемпер). По злой иронии судьбы, именно в это время на эстраде дебютировали его юные братья Владимир и Эмиль, звучно рекламировавшиеся как "братья Коралли". Их дебют состоялся в детском театре "Водевиль", созданном предприимчивым антрепренером Яковом

Шошниковым. Коммерсант точно рассчитал, что пресыщенная публика клюнет на новинку. Артисты, которым было по 7-9 лет, умиляли зрителей исполнением песенок, сценок. Особым успехом пользовался "малолетний куплетист" Володя Коралли, тексты для которого писал чуть более старший гимназист Макс Поляновский, будущий лауреат Сталинской премии за повесть "Улица младшего сына" (в соавторстве со Львом Кассилем).

Но чем дольше длилась война, чем больше теряла популярность царская власть, тем более острыми становилась выступления эстрадников, и в первую очередь, куплетистов. Февральскую революцию артисты эстрады, как и общество, приняли с восторгом. В Одессе в честь освобожденного с каторги Г. Котовского был устроен грандиозный вечер, в котором участвовали многие популярные артисты. Овации достались Л. Утесову, выступавшему в образе мальчишки-газетчика, за его реплику: "Котовский явился — буржуй всполошился!". Вечер закончился аукционом, причем предметом торга были... кандалы, которые Котовский привез с каторги.

В эту пору принимаются попытки облагородить эстраду. На одном из собраний артистов варьете было принято требование к хозяевам этих заведений: "Артистки должны исполнять только свои номера на сцене. Садиться к столикам и хождение по кабинетам отменяется навсегда... Продажа спиртных напитков в шантанах недопустима...". Эстрадники борются за право признания своей деятельности "полноценным" искусством. В августе 1917 г. состоялась Всероссийская конференция сценических деятелей, на которой эстраду представляли трое артистов, в т. ч. одессит М. Добрынин. Впрочем, на этой почве нередко возникали конфликты. Один их них случился в Одесском Союзе театральных тружеников. Когда обсуждался вопрос о вхождении в Союз шансонеток, запротестовали артисты драмы и оперы, угрожая даже выходом из организации.

Октябрьский переворот в Петрограде поначалу был воспринят как еще одно из событий в изменчивом и неустойчивом мире 1917 г. Разве что конферансье и куплетистам прибавилось поводов для шуток. Эти артисты в революционную пору вообще оказались в самом сложном положении. Власти в Одессе менялись часто, и почему-то все обращали внимание именно на куплетистов.

Павел Троицкий был привлечен к ответственности за исполнение куплетов "Когда дела плохие, то вывеску меняют", направленных против Центральной Рады.

Немцы арестовали артистку Дарьяловскую, сочтя обидными для себя ее песенки. Удалось ее освободить лишь после долгих хлопот.

Те же немецкие власти закрыли театр миниатюр "Зеленый попугай" за исполнение В. Коралли куплетов "Хай беруть, хай везуть!".

Несколько дней на грани смерти находился Цезарь Коррадо: его куплетами возмутились уже белогвардейцы, приговорив артиста к смертной казни. Освободили его по ходатайству Союза театральных тружеников.

Тем не менее, как это ни покажется парадоксальным, но именно период 1918-1919 гг. — золотая пора для "легкого жанра" в Одессе. Никогда — ни до, ни после — в нашем городе не собиралось такое количество эстрадных знаменитостей — настоящих и будущих. В Доме артиста, открывшемся в Колодезном переулке (где потом много лет работал кинотеатр им. Котовского), регулярно выступали "суперзвезды" — А. Вертинский, Ю. Морфесси, Н. Плевицкая, П. Троицкий, И. Кремер... На других площадках подвизались будущие народные и заслуженные артисты — Л. Утесов, Д. Кара-Дмитриев, В. Хенкин, К. Новикова, А. Громов и В. Милич, В. Коралли и др. Молодые одесские таланты получили уникальную возможность не только наблюдать вблизи, но порою и выступать на одних подмостках с лучшими мастерами эстрады, регулярно общаться с ними. Лучшей школы невозможно было придумать, так что не случайно молодые одесситы в скором времени вполне успешно заменили тех "звезд", кто предпочел эмиграцию.

Еще один парадокс того времени: одни и те же эстрадные артисты выступали в шантанах перед "буржуйской" публикой и на большевистских "митингах-концертах". Последними не брезговали даже самые знаменитые, вроде Н. Плевицкой.

Большими "ценителями" искусства были местные бандиты, включая легендарного Мишку Япончика, который иногда заказывал в Союзе театральных тружеников дивертисмент из своих любимых номеров. Неизменно в программу включался модный в ту пору "танец налетчиков" "Стой, ни с места! Кто идет?". В финале актриса вынимала пистолет и артистично опустошала карманы своего партнера. Но особенно любили бандиты куплетистов. Высшим знаком признания у них было швыряние на сцену булок, консервов, папиросных коробок и т. п. Что ж, в то голодное время это был лучший вид гонорара.

Калейдоскоп событий требовал от куплетистов едва ли не ежедневного обновления репертуара. Большинство артистов довольствовалось непритязательными текстами собственного сочинения, но ведущие мастера предпочитали прибегать к услугам профессионалов, из которых выделяются Яков Ядов и Мирон Ямпольский.

Я. Ядов стал заметен еще до революции, опубликовав ряд фельетонов в газетах Одессы, Киева, Николаева. Но слава пришла к нему во время гражданской войны, когда он стал едва ли не главным поставщиком текстов куплетов для многих исполнителей. Писал Я. Ядов с невероятной скоростью и на самые разные темы. "На следующий день, — писал К. Паустовский, — его песенки уже знала вся Одесса, а через месяц-два они иной раз доходили и до Москвы".

Примечательной фигурой был и Мирон Ямпольский. Сочинением куплетов и песенок он увлекся, еще будучи студентом юридического факультета Новороссийского университета. Человек высокой культуры, М. Ямпольский, тем не менее, превосходно знал специфический одесский фольклор, что помогло ему сочинить несколько в своем роде шедевров. Некоторые из текстов М. Ямпольского, например, "Ужасно шумно в доме Шнеерсона...", стали попросту народными песнями.

Но куда больше родилось в ту пору безымянных сочинений вроде "С одесского кичмана", "Цыпленок жареный" и т. п., имевший отчетливо уголовный привкус. Впоследствии песни такого рода стали именоваться "блатными". Молва почти всем этим сочинениям приписывала одесское происхождение, и само понятие "одесские песни" в советские времена служило клеймом, из-за чего они были категорически запрещены.

Весной 1920 г., после окончательного прихода советских войск, эстрадников активно мобилизуют для выступлений перед частями Красной Армии. Одной из первых была концертная бригада, в которую входили Л. Утесов и его жена Е. Ленская, К. Новикова, И. Нежный (будущий директор МХАТа), Л. Самборская, танцевально-акробатический дуэт Лидия Ивер и Алексей Бекефи (будущий знаменитый сценарист Алексей Каплер) и др. Особенно часто, по воспоминаниям И. Нежного, артисты выступали в Сабанских казармах. Нередко организовывались выездные бригады: они чаще всего выступали на агитпунктах в Раздельной, Бирзуле, Жмеринке, Знаменке, то есть в тех железнодорожных центрах, где больше всего скапливалось войск. Порою в день выступали по 5-6 раз, да еще под открытым небом (о микрофонах, как нетрудно догадаться, в ту пору только лишь мечтали). Но несмотря на трудные условия, артисты охотно соглашались на такие поездки. Ведь за концерт давали, как правило, два фунта хлеба, две воблы, четыре кусочка сахара, кроме того, поили чаем с сахаром и хлебом. А поскольку для таких выездов бригадам предоставляли теплушки, то артисты брали с собою мешки с солью, которую по пути следования обменивали на продукты.

Окончание гражданской войны и переход к нэпу для многих артистов эстрады означали всего лишь возврат к прежним временам. "Эстрада, — вспоминает А. Громов, — снова возвращается в кабаре и пивные. Эстрадные программы служат как бы "приправой" к гастрономии... Капеллистки и хористки вновь присаживались к столикам..."

Возвращается такая форма привлечения публики, как конкурсы юмористов. Обычно в них принимают участие Г. Амурский, Л. Зингерталь, З. Задорин, Н. Креминский, В. Коралли, Я. Воинов, Д. Восторгов, П. Фредин, Н. Рязанский, Ф. Бояров, Л. Леонов, Г. Красавин, Ц. Коррадо и др. Никаких призов победители не получали, но за счет полных сборов участники имели неплохие гонорары.

С другой стороны, артисты не могли не учитывать и политическую конъюнктуру. В монологах, репризах, куплетах нэмпаны фигурируют исключительно как отрицательные персонажи, кому история готовит естественный финал. Лучше других это удается сатирическому дуэту А. Громова и В. Милича. Эта пара появилась в сезоне 1916-1917 гг. в одесском театре миниатюр "Улыбка". Первыми они начали исполнять куплеты на мотив "Яблочка". На советской эстраде А. Громов и В. Милич работали в манере плаката, с явно выраженным агитационным уклоном. А. Громов выступал в качестве положительного персонажа, он и одет был в рабочую блузу. Его партнер с цилиндром на голове олицетворял отсталого от жизни обывателя, который все оценивал с мещанских позиций. Часто артисты использовали приемы анкетирования, при этом на серьезные вопросы А. Громова В. Милич отвечал комически, невпопад. Аналогично строились "Куплеты с газетой": А. Громов в первых строках заявлял о событии, а В. Милич, продолжал, используя рекламное объявление, что придавало куплету сатирическую окраску. Так, к примеру, на приход к власти в Италии фашистской партии сатирики откликнулись такими куплетами:

А. Громов: "Муссолини заявил открыто, что теперь главней он, чем король...".

В. Милич: "Если завелись вдруг паразиты, покупайте мазь "Паразитоль"!".

Широкое развитие эстрады в Одессе 1920-х гг. давало возможность проявить себя многим молодым артистам.

Стремясь подработать, ставил и исполнял свои первые номера юный солист театра оперы и балета Павел Вирский. Особой известностью пользовался его "Танец французского матроса", в котором артист блистал непривычно высокой для эстрады техникой и балетмейстерской фантазией. В 1925 г.

П. Вирский создал эстрадный коллектив, где исполнял функции художественного и финансового руководителя, а также ведущего солиста. Гастролируя с этим коллективом по Югу Украины, он попутно знакомился с местным танцевальным фольклором, что впоследствии помогло ему при создании знаменитого украинского ансамбля танца, который сейчас носит его имя.

На крохотной сцене подвальчика на углу Екатерининской и Театрального переулка родился театр миниатюр "Крот" ("Конгрегация Рыцарей Острого Театра"). Его создал выпускник физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета Виктор Типот. Он был мастером на все руки — руководителем, автором миниатюр и куплетов, постановщиком, актером и конферансье. Этот маленький театрик "дал прописку" в искусстве многим талантам: знаменитому филологу Лидии Гинзбург, поэтессе Вере Инбер, прославленной актрисе Рине Зеленой, лауреату Первого конкурса артистов эстрады певцу Аркадию Погодину, а сам В. Типот вошел в историю как создатель Московского театра сатиры и соавтор либретто оперетт "Свадьба в Малиновке", "На берегу Амура", "Вольный ветер", "Девичий переполох" и др.

Характерной чертой одесской эстрады 1920-х гг. является постоянный "экспорт талантов". В Москву, Ленинград, Харьков, Киев постепенно перебирается большинство самых одаренных артистов, как тех, кто начинал еще в дореволюционные годы (Л. Утесов, П. Муравский, А. Громов и В. Милич и др.), так и тех, чья звезда взошла уже в советские времена (П. Вирский, В. Типот, А. Погодин и др.).

Однако несмотря на это, в Одессе сосредоточено около 100 эстрадных номеров: 25 куплетистов, танцоры, чтецы, певцы и др. Но работы для них становится все меньше: кинотеатры отказываются от дивертисментов, рабочие клубы строже относятся к репертуару и качеству исполнения, в связи с чем у эстрадников обостряется конкуренция и падают гонорары. Если в 1925 г. программу из 5-6 номеров можно было "продать" за 60-70 руб., то буквально через год за 8-10 номеров дают уже не более 40-45 руб. Это побуждает Рабис (профсоюз работников искусств) провести переквалификацию артистов эстрады. В результате чего, как шутил впоследствии В. Коралли, в Одессе появилось много неплохих портных и парикмахеров.

Впрочем, в еще большей степени переквалификация была вызвана стремлением власти направить эстраду в идеологически "правильное" русло. Ликвидация нэпа фактически унифицирует направленность репертуара. И вряд ли случаен тот факт, что в 1930-х гг. одесская эстрада почти не рождает ярких исполнителей. За очень немногими исключениями...

Лидию Георгиевну Атманаки выдающийся кинорежиссер Леонид Трауберг назвал актрисой "нечеловеческого таланта". В 19 лет она попала в труппу одесского театра Красной Армии, а после его расформирования в 1935 г. перешла на работу в областную филармонию, где нашла себя, исполняя монологи, куплеты, миниатюры. Талант актрисы оказался столь ярким и притягательным, что вскоре вокруг нее формируется группа актеров, с которыми Л. Атманаки проработала почти полтора десятилетия. Среди них, в первую очередь, следует назвать А. Астахова, Б. Львовича, пианиста С. Кагана. С партнерами Л. Атманаки играла сценки, интермедии, исполняла пародии, куплеты, пела сатирические и шуточные песенки, читала рассказы. Но славу актрисе принесло исполнение музыкальных фельетонов. Самый известный из них — "Четыре встречи" (автор — В. Типот). В нем актриса выступала в образе беспризорной девочки, которая на улицах Одессы продает фиалки, и которой добрые советские люди помогают стать "настоящим человеком". Этот банальный сюжет Л. Атманаки согревала неподдельным чувством, заставляя зрителей искренне сопереживать своей немудрящей героине. Монолог имел такой успех у зрителей, что Л. Атманаки исполняла его до конца своей, увы, недолгой творческой жизни (она умерла в 1963 г., 50 лет от роду).

Еще один будущий мастер эстрадного жанра начинал в середине 1930-х свой путь к всесоюзной популярности — композитор Модест Табачников. Молодой музыкант прославился в ту пору тем, что сочинил песенку "Ах, Одесса, жемчужина у моря", ставшую одним из главных одесских шлягеров. Случилось это в 1936-м году в ресторане гостиницы "Лондонская", куда М. Табачников пришел проведать своих друзей-музыкантов. По легенде, пережившей уже не одно поколение, он записал пришедшую ему на ум мелодию прямо на салфетке, далее совместными усилиями соорудили нехитрый текст, и уже на следующий день "Ах, Одесса..." начала свое триумфальное шествие через года и страны, пополняясь по дороге новыми вариантами и куплетами. Однако песню с таким текстом бдительная цензура не захотела пропускать на концертную эстраду, и композитору пришлось пригласить поэта, чтобы на эту мелодию сочинили другой текст. Песенка "Дядя Ваня, хороший и пригожий..." с жизнерадостного голоса Клавдии Шульженко пошла гулять по советской стране. Сказался ли пиетет перед Чеховым, или по какой другой причине, но "Дядя Ваня", в отличие от "Одессы", возражений у цензуры не вызвал...

В ресторанах же предпочтение отдавали оригиналу. Тем более, что "Ах, Одесса!" очень полюбилась представителям уголовного мира, и они щед-

ро оплачивали ее исполнение. Эта любовь однажды спасла композитора от материальных потерь. Рассказывают, что однажды поздно ночью М. Табачников возвращался к себе домой на Пушкинскую, 56. По дороге его встретили "деклассированные элементы" и предложили расстаться с пальто, которое композитор только недавно успел приобрести. Против лома нет приема, и Табачников нехотя стал стягивать пальто с себя. Из кармана выпали ноты — как раз с песней "Ах, Одесса!". Один из грабителей поинтересовался, чего это вдруг прохожий носит с собою эти ноты. "Так я эту песню написал!" — скромно признался автор. И через минуту он снова был облачен в любимое пальто — с глубокими извинениями и уверениями в том, что теперь он может ходить по городу где хочет, когда хочет и с кем хочет, и ни одна собака его не тронет...

Шутки шутками, но когда началась война, одесские эстрадники и выходцы из Одессы были в числе первых, кто вошел в состав так называмых фронтовых бригад. Но этот период требует уже другого рассказа.

Сергей КНЯЗЕВ

"Одессит, художник, еврей..."

...Так часто подписывает обратную сторону своих работ замечательный одесский живописец Давид Тихолуз, иногда подпись сопровождает рассказ о событиях его жизни и эмоциональных переживаниях художника. Холсту доверяет автор этот своеобразный дневник, холсту он верит, потому что живопись — его жизнь. С ней можно вести диалог без оглядок на этикет, она не прощает фальши, но и не предает...

Художественный вкус, приемы, авторское в\идение сформировались еще до "Грековки", он пришел туда уже сложившимся художником, а учился, в основном, отстаивать и сохранять свое перед напором всепоглощающей серости и унылого повседневного абсурда.

В годы учебы сразу бросались в глаза его отличия от других — особая напряженность, необычные манеры, нескладные движения. Что-то очень наивное и детское во всем облике. И свои картины он называет по-детски: "Три лимончика". Зато художественный инстинкт был настолько сильным, что рисование уводило Давида далеко от реальности, в волшебные миры фантазии, вымысла, горячего воображения. Когда он рисовал, рассудок как будто совсем покидал его, — ничего не видел, ничего не слышал, ничего не понимал... В картинах отражались лицо и душа художника. Они были колоритны, многозначны, предельно выразительны.

Вот раннее полотно с то ли круглым плодом, то ли сферой, парящей в дословно кромешной тьме: я "*...видел слияние в любви и изменения, причиняемые смертью, видел Алеф, видел со всех точек в Алефе земной шар, и в земном шаре опять Алеф, и в Алефе земной шар, видел свое лицо и свои внутренности, видел твое лицо; потом у меня закружилась голова, и я заплакал, потому что глаза мои увидели это таинственное, предполагаемое нечто, чьим именем завладели люди, хотя ни один человек его не видел: непостижимую вселенную. Я почувствовал бесконечное*

преклонение, бесконечную жалость" (Х. Борхес).

Мистика и метафизика в работах Тихолуза никогда не надуманны и не притянуты из ниоткуда: он проникает в суть вещей с помощью все той же живописи и фиксирует происходящее. Совсем не простое занятие для тех, кто понимает.

Конечно, такие проникновения оборачиваются абсолютной бытовой неустроенностью, даже неким нигилизмом по отношению к поверхности мира материального.

Давид учился в училище много лет, с многократными академотпусками и восстановлениями. Зато он был знаком и дружил с талантливыми однокурсниками разных поколений: с Дорфманом, Хароном, Цурканом, Лисовским, Зомбом.

Отдельный круг его "общения" составляли художники прошлого, особенно парижской школы: Утрилло, Модильяни, Сутин. При упоминании имени Хаима Сутина или Пикассо он начинал довольно улыбаться и мог говорить о них часами, с такими интонациями, будто речь о его знакомых, — а может быть, так и было, кто знает? С некоторых ранних автопортретов на зрителя смотрит типичный обитатель "Улья" и завсегдатай кафе "Ротонда".

Потом наступили трудные годы, действительность мстила за нежелание в нее встраиваться, но он брался за кисть, и живопись помогала ему вновь и вновь.

Нет искусства без характера личности творца. В этом смысле Тихолуз крайне субъективный художник. Он представляет собой большой театр, в котором играет один актер. Был театр переживания Станиславского. Был театр отчуждения Брехта, был театр биомеханики Мейерхольда, театр абсурда Ионеско. Тихолуз объединил в себе всё — и всему дал чуткую, зоркую, проницательную трактовку. Его ни с кем не спутаешь. Единственный экспрессионист среди одесских художников, он воплощает правду личных чувств с такой силой, что она потрясает людей неподдельным драматизмом.

Простой одесский двор. Зима. Но откуда-то из глубины пейзажа течет на зрителя трудноопределимое, щемящее и очень близкое настроение.

Как подкормка для рыб, замышляется снег,
но отсутствие жаберных рядом щелей
низведет нашинкованный струями свет
в седину, что порхает помимо людей...

(И. Бродский)

Художник в запечатленных мгновениях может рассказать о судьбе своих персонажей, предугадывая в какой-то степени и свою. Он предупреждает о жестоком трагизме века и жалеет всех — людей, природу, дома, деревья... Он сохранил для нас Одессу, которую мы теряем с каждым днем, уходящую Атлантиду нашего детства. В его творчестве — тончайшая еврейская ментальность, образное отражение духовных переживаний народа.

На работы Давида обратили внимание одесские коллекционеры. Нам еще предстоит открыть его, и тогда он по праву займет место в наших душах рядом с другими дорогими и так необходимыми именами.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

(А. Тарковский)

Морское побережье. Черное небо. Бушуют волны. Бушует берег. Трепещут на ветру хилые оливковые деревья. Только одна фигурка с этюдником бредет наперекор шторму.

Давид Тихолуз: одессит, художник, еврей...

Настоящим открытием для любителей живописи стали персональные выставки работ Давида Тихолуза во Всемирном клубе одесситов и в Музее западного и восточного искусства.

Валентин МАКСИМЕНКО

Последний триумф великого артиста

В моей коллекции есть три уникальных фотографии, на которых запечатлен Аркадий Исаакович Райкин в последние месяцы своей многотрудной и достойной жизни.

Сентябрь 1987 года. Сан-Франциско. Последние гастроли прославленного Мастера.

Он узнал славу рано. В тогда большой стране и далеко за ее пределами, как — по современной терминологии — в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Его сравнивали с самим Чаплином. Это, без сомнения, принесло радость. Правда, в основном, ему разрешали выступать в Восточной Европе, в так называемых странах народной демократии. А он мечтал о Франции и Японии, Индии и США...

Не однажды получал приглашения от знаменитого американского импресарио, в далеком прошлом нашего соотечественника Сола Юрока, — участвовать в бродвейских программах. Но его не выпускали. Нередко Райкин даже не знал о поступавших в его адрес приглашениях. За него чиновники отвечали: "болен", "занят" и т. д. Вместо него посылали других, более "надежных". Однажды вместо Аркадия Райкина в Штаты направили... Людмилу Зыкину, подругу министра культуры, заплатив большую неустойку, ибо гастроли Аркадия Исааковича уже были официально согласованы. Подобное проделывали не только с ним. Мария Биешу рассказывала, как после ее успешного гастрольного спектакля в Метрополитен-опера дирекция всемирно знаменитого театра предложила ей серию новых спектаклей в разных операх. Но поехала в Нью-Йорк... Галина Вишневская. Впрочем, недоброе отношение узнает и Галина Павловна со своим великим супругом... Таким было время. Такими были нравы.

Предложения Райкину продолжали поступать. Наконец, в 1987 году начальство сказало "можно", но медики сказали "не нужно, вредно для здоровья" (может быть, Артист получил иезуитское "можно" от чиновников, знавших о его физическом состоянии). Медики считали, что длительный перелет через океан опасен для немолодого и нездорового человека. В это время ему уже трудно было ходить, бриться, даже одеваться...

Вспоминает Константин Райкин: "*Отец понимал, что он человек уходящий. И мы понимали. Знали, что самое страшное может произойти в любую минуту. Под этим страхом мы с сестрой жили несколько лет*".

Но Аркадий Исаакович сказал: "Да". Конечно, близких сразу же стали

обвинять в "желании славы" любой ценой, даже ценой жизни отца, не зная, что Екатерина и Константин были ВЫНУЖДЕНЫ подчиниться воле отца, они понимали, что ему эти гастроли были необходимы.

Всего запланировали десять концертов в Нью-Йорке, Вашингтоне, Филадельфии, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анжелесе. Еще в Москве разработали трехчасовую программу в двух отделениях. Екатерина и Константин выступали и соло, и в миниатюрах с отцом. Аркадий Исаакович исполнял монологи из последнего спектакля своего Театра миниатюр "Мир дому твоему". В каждом концерте был на сцене час и сорок минут.

Константин Аркадьевич: "*Когда он* (отец. — **В. М.**) *выходил на сцену, овация длилась минут десять... В конце спектакля зрители приветствовали его стоя, многие плакали... Отец был счастлив, помолодел лет на пятнадцать, работал блестяще, его мудрый организм чудодейственно реагировал на положительные эмоции*".

А было ему очень непросто.

Екатерина Аркадьевна: "*Со второй половины гастролей начался нарыв в ухе. Боль не давала ему спать... Выходя на сцену, он все забывал, боль отступала. На сцене царил Артист, это был триумф*".

Он выступал не на Бродвее, а перед русскоязычной аудиторией в не очень престижных залах. Но его ЖДАЛИ. Он был кумиром и в годы "культа", и во времена "застоя", ибо всегда оставался совестью страны, помогал людям быть чище, лучше... Его благодарили за то, что он БЫЛ, и за то, что он ЕСТЬ.

Он не был настолько богат, чтобы поселяться в дорогостоящих отелях. Райкин часто останавливался у бывших соотечественников, которые были счастливы принять его у себя, располагая для этого соответствующей возможностью. Так, в Сан-Франциско Райкин со спутниками оказался в доме Галины Докторович, бывшей одесситки, педагога, талантливого человека: она хорошо пела, отлично шила, была добра, приветлива и гостеприимна.

На одном из снимков, сделанных в ее доме, Аркадий Исаакович запечатлен с хозяевами — Галиной и ее мужем Игорем. Этот снимок публи-

куется впервые... Сейчас Галины Докторович нет на свете: более десятилетия тому ее унесла страшная "болезнь века". Хочется с благодарностью вспомнить этого доброго человека, оказавшего теплый прием Аркадию Исааковичу и его коллегам...

Екатерина Аркадьевна: "*Он вернулся домой счастливым*".

Константин Аркадьевич: "*Когда мы вернулись домой, он хорошо себя чувствовал и сыграл еще двенадцать спектаклей...*".

На одном из них мне посчастливилось побывать.

Сначала замечу, что всегда, в каждый приезд в наш город Аркадия Исааковича с его коллективом я изыскивал нелегкую возможность попадать на его спектакли. Не однажды, будучи в командировках, оказывался в городе, где гастролировал театр Райкина. Здесь было еще труднее попасть на его представления. Чего греха таить, приходилось переплачивать спекулянтам. Как-то я был настолько удивлен резким увеличением переплаты, что даже сказал об этом перекупщику. Тот не смутился и объяснил, что увеличение мзды связано с тем, что Артист перенес очередной инфаркт. Пришлось согласиться на неправедные условия осведомленного мздоимца.

Москва. Год 1987. Увидев афиши, оповещавшие о выступлениях А.И. Райкина уже не помню в каком клубе, устремился туда за много часов до начала представления в поисках так называемого "лишнего билетика". Параллельно держал очередь в кассу (авось не все забронированные билеты выкупят) и ходил вокруг здания — в надежде, что у кого-то, может, окажется заветный лишний билет. (Впрочем, как это неточно — ну разве бывают ЛИШНИЕ билеты, когда речь идет о Райкине или Мироновой, Лемешеве или Улановой, Доминго или Кабалье в годы ее расцвета!)

Неожиданно увидел, что у артистического входа остановился автомобиль, из которого не без труда вышел Аркадий Исаакович. По-видимому, сопровождавшие его люди замешкались, и он оказался у входа один. Я бросился открыть дверь (пружина оказалась очень упругой). Он поблагодарил легким наклоном головы. Инстинктивно вошел в здание вслед за ним. Страж порядка радостно приветствовал Аркадия Исааковича и спросил меня: "Вы с Райкиным?". Я промолчал. Райкин наклонил голову в знак согласия и полуулыбнулся. Он-то хорошо понимал, что это значит для "страждущего" попасть в зал (а прочитать такое желание по моему лицу было совсем несложно).

Не скрою, что на спектакле мне было и радостно, и грустно. Радостно потому, что попал, вижу кумира. Грустно потому, что было ясно видно, как

он отягощен болезнями... А ведь, казалось, совсем еще недавно Райкин был в хорошей форме.

Его, конечно, встретили овацией. В этот вечер дух Артиста побеждал недуги. Помогли мизансцены — герой Райкина много сидел за столом. Помогал сын-партнер, тактично подсказывавший реплики: "Ты, наверное, хотел...".

В конце Аркадий Исаакович встал, вышел со всеми на авансцену, кланялся, улыбался. Зал долго благодарил его овацией стоя. Мы понимали, что прощаемся с ним, но не могли не надеяться на чудо. И старались отдать дань глубочайшего уважения, благодарности за честную жизнь, за талант, за добро, которое он нес людям долгие десятилетия, расплачиваясь за это сторицею... Только один пример: из кабинета партайгеноссе Шауро его однажды вынесли с инфарктом. Член ЦК не дрогнул...

Мы не хотели покидать зал, хотя понимали, что ему уже трудно просто выходить к нам на поклоны.

...Трехсотый спектакль программы "Мир дому твоему" А.И. Райкин сыграл в том же зале 24 октября, в день своего 76-летия. Этот спектакль оказался последним. В ноябре Аркадия Исааковича доставили в Кунцевскую больницу. 17 декабря Аркадия Райкина не стало.

Он исполнил свою миссию на земле. Как точно заметил Михаил Мишин, "Аркадий Исаакович ушел, когда ношу, которую он нес на своих плечах, смогли спокойно нести другие".

Менялось время. О многом из того, о чем мы могли только догадываться на его спектаклях, стало можно говорить вслух. За верность правде в "глухие времена" он заплатил дорогой ценой.

Он знал себе цену, хотя и не говорил об этом. Он не был ангелом, но гордился признанием современников. Был счастлив, что рядом с ним находились любимые дети, которые смогли разделить с ним его последний триумф.

Прошли два десятилетия. Благодаря телеканалам "Ретро-Телевидение", "Ностальгия" мы получили возможность снова увидеть лучшие программы прошлых лет. С опасением думал, не устарели ли спектакли с участием великого Райкина... К счастью, оказалось, что не устарели! Высокое искусство, истинная гражданственность не могут устареть.

Райкин и сегодня с нами. Его искусство — "золотой фонд". Райкин — это, наверное, навсегда.

Макс ФАРБЕРОВИЧ

Поэт и время
О книге Феликса Рахлина

Недавно журналистская судьба свела меня (пока только на просторах Интернета) с интереснейшим человеком – педагогом, журналистом, поэтом, публицистом, писателем Феликсом Рахлиным. Когда-то харьковчанин, он с 1990 живет в Израиле. Автор двух книг стихов ("Остаюсь человеком", 2000, и "Свобода Слова", 2002) и двух мемуарных книг. Сын преданных коммунистической идее родителей , получивших в благодарность звание "врагов народа", тюрьмы и ссылки, Феликс на материалах дневников и набросков отца написал книгу "Рукопись". У этой книги два автора, Давид и Феликс Рахлины, и сын пытается "ответить за отца" на жгучие вопросы жизни. Вторая мемуарная книга, "О Борисе Чичибабине и его времени", – это не просто воспоминания, это часть прожитой в очень тесном общении жизни, потому свидетельство такого человека (причем удивительно объективного и глубокого) особенно ценно.

Узнав, что я собираюсь в командировку в Одессу, Феликс написал мне: "Одесса в жизни Чичибабина также заняла важное и достойное ее место. Стихотворение "Ода" (у названия был в быту существенный "хвостик": "...женским коленям") имело прелестный адресат, который жив и давно в Америке), а о своей встрече с автором написал мой здешний рецензент, очень интересный человек, бывший одессит Макс Фарберович – эта рецензия, появившаяся сначала в Интернете, а уж после – в журнале "22", нас заочно познакомила – и она же стала последней работой Макса: едва ее напечатали – и он умер... Поскольку Вы отправляетесь в Одессу, я Вам ее прицепляю к этому письму. Там чуть ли не половина текста – вовсе не о моей книге, а о Чичибабине в Одессе, что мне очень понравилось. О самом Максе есть очень интересные (опубликованные, кажется, в "Знамени") записки известного московского режиссера Михаила Левитина, написанные еще при жизни этого талантливого поэта (они в Одессе, кажется, учились вместе и были друзьями)".

Думаю, эта статья Макса Фарберовича будет небезынтересна одесскому читателю.

Татьяна АБРАМОВА

Феликс Рахлин, автор книги "О Борисе Чичибабине и его времени (строчки из жизни)" — известный литератор и журналист, харьковчанин, живущий ныне в Афуле. Его книга — заметки "о времени и о себе", или "сценки из литературной и окололитературной жизни Харькова" с послевоенных лет до перестройки. И на этом широком фоне — портрет поэта и человека Бориса Чичибабина.

Основная линия повествования — любовь сестры рассказчика Марлены Рахлиной и Чичибабина. Это своеобразная советская "лав стори" — любовь-дружба двух поэтических дарований, пронесенная через все "прелести" советского быта до самой смерти. Их любовь показана и на бытовом, и на духовном уровне как столкновение двух личностей, высекающее искры поэзии. Много стихотворных посвящений друг другу, историй создания стихотворений, интересных житейских подробностей их романа и многолетней дружбы.

Биография самого Чичибабина дана достаточно бегло — здесь автор обращает внимание на те моменты, которые освещены в литературе неполно: детские годы, история "посадки" поэта и выхода в свет его первых четырех поэтических книг, личная жизнь и бытовая неустроенность. Очень хорош анализ наиболее знаменитых "тюремных" стихов поэта, много вариантов других известных стихов, истории их создания и редактирования.

Дана в книге и широкая панорама литературной жизни послевоенного Харькова, и персоналии — друзья поэта и Марлены Рахлиной, друзья семьи и яркие лица тех лет: актер и певец Леонид Пугачев, физик Марк Азбель, враль и прохиндей Александр Басюк. Поэты, журналисты, ученые, учителя и просто собутыльники. Компании, сборы, посиделки, споры-разговоры тех лет — очень живые, насыщенные фактографией и чертами быта реалии. Саркастические портреты номенклатурных чиновников, сыгравших роковую роль в судьбе поэта и семьи Рахлиных. Автор тонко подмечает различия между тремя поколениями советских интеллигентов — 50-х, 60-х и 70-х годов. Читая книгу, я был поражен сходством с литературной жизнью Одессы тех же лет, которую мне пришлось наблюдать в молодости.

Хрущевская "оттепель" породила совершенно уникальное в истории культуры явление — советский "поэтический бум" 60-х годов. "Золотое десятилетие" этого феномена можно отнести к 1958-1968 годам. Критики тех лет называли это "эстрадной поэзией", а в числе лидеров обычно фигурировали Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина. Но первоначальная тройка лидеров выглядела иначе: Р. Рождественский, В. Соколов, Е. Евтушенко. Начало широкого интереса к поэзии положила всесоюзная дискуссия по поэме Р. Рождественского "Моя любовь". После чего можно было смело констатировать, что "поэт в России больше, чем поэт" (Е. Евтушенко). Когда в 1958 году в Ярославле вышла первая тоненькая книжка стихов А. Вознесенского, советская молодежь на целое десятилетие прямо-таки заболела поэзией.

На волне "поэтического бума" в СССР начали появляться магазины "Поэзия", которые быстро стали большим, чем просто книжные магазины. Здесь пальму первенства, несомненно, делят Харьков и Одесса. Вот что пишет В. Орлов в журнале "Вестник": "На волне всеобщего увлечения поэзией в Харькове по инициативе поэта В. Котлярова открылся в середине 60-х годов первый в СССР книжный магазин "Поэзия". Здесь читал свои стихи Евтушенко. Этот магазин прославил и Э. Лимонов, который в романе "Маленький негодяй" описал историю своей любви к продавщице магазина Анне Вайнштейн".

А вот что пишет Матвей Гейзер в журнале "Лехаим" ("Размышления о жизни и творчестве С. Липкина"): "Это было в Одессе в 1967 году в магазине "Поэзия". Одесситы уверяли, что то был единственный поэтический магазин в тогдашнем СССР. В этом маленьком магазине на Греческой площади любители поэзии читали стихи — свои и чужие". Конечно, одесский магазин не был единственным. Но первым, наверное, действительно был. Уже в 1960 году, будучи студентом первого курса Одесского мукомольного института, я был завсегдатаем этого магазина.

Магазинчик "Поэзия" был мал по площади, внутренний вид его в точности соответствовал харьковскому, изображенному в книге Ф. Рахлина. Но роль его в интеллектуальной жизни Одессы была огромна. Здесь была точка притяжения тогдашней продвинутой молодежи, своеобразный клуб "шестидесятников" — фанатов поэзии. Здесь знакомились, влюблялись, читали стихи и обсуждали литературные новости. И причина такой популярности была не только в самом воздухе времени, но и в личности завмагазином. Это был Владимир Васильевич Курбатов, примечательная личность тех лет. Сам поэт ("незнаменитый", как он честно отметил в своем стихотворении), член СП и автор нескольких сборников стихов, в годы войны он был корреспондентом газеты "Красная звезда", хорошо знал многих фигурантов советской литературной элиты. Человек простой и доброжелательный, он прекрасно разбирался в поэзии и в людях и относился к нам, пацанам, почти отечески. Всех своих постоянных посетителей знал отлично, помнил их вкусы и пристрастия, оставлял нам всякие новинки. Торговцем, с советской точки зрения, он был никаким — дефицит не прятал и никакого навара не имел. Меня называл "профессором" — за интерес к античности и русской поэзии XVIII века. Однажды он заметил, что я подряд купил три тоненькие книжицы никому тогда не известных авторов — Н. Коржавина, В. Шаламова и Б. Чичибабина. Это был первый сборник Чичибабина "Молодость", об истории выхода в свет которого подробно рассказано в книге

Ф. Рахлина. "А ты знаешь, чьи книги ты купил?" — спросил меня Курбатов. И он рассказал мне, кто такой Эмка Мандель, почему ничего не известно о Шаламове. "Ну, а с Чичибабиным я тебя вскоре познакомлю".

Одесса в те годы была этаким Лазурным берегом советского народа. "Наш маленький Париж". Летом сюда стекался весь цвет литературного и художественного мира СССР. Много солнца, много дешевого вина, много красивых женщин. У Курбатова на Греческой выступали и тогдашние кумиры, и никому неизвестные авторы. На двери магазина вывешивался простой листок с написанным от руки объявлением о встрече. Особо отличаемых фанатов Курбатов приглашал персонально. И вот в один из летних вечеров в магазине собралось человек 10-12 любителей послушать харьковского поэта Чичибабина.

Чичибабин оказался скромно одетым сутуловатым человеком, внешне похожим на обычного советского служащего, каким он и был по жизни. Стихи читал глуховатым голосом, но внятно и хорошо. Ясный богатый русский стих, отличные свежие рифмы. Однако большого успеха у слушателей он не имел — такая поэзия тогда была явно "не в формате". То было время задиристых звонких стихов, эпатажа и легкой фронды.

После встречи Курбатов пригласил меня в подсобку и представил поэту. "Вот, Борис, и у тебя есть поклонник в Одессе. Парень прочитал твои стихи, и ему понравилось". Чичибабин спросил, какие именно стихи мне нравятся, и я сразу прочел "Гомера":

Родина вся, как нищая,
Мучилась и говела,
Только и было нынче ей
Дела, что до Гомера.

Упомянул и другие вещи, например, "Толстой": "Дон Кихот в мужицкой робе...". Чичибабин был растроган и на захваченном мной из дому сборнике "Молодость" написал: "Максу — с благодарностью за любовь". Видно было, что он не избалован признанием.

Засиделись за полночь втроем за бутылкой крепляка "Билэ мицнэ" (в народе — "биомицин"). Тогда я услышал из уст Чичибабина совсем другие стихи — "Красные помидоры", "Махорку". Возвращался домой поздно через родную Соборку (Соборную площадь) и повторял:

Лестницы. Коридоры.
Хитрые письмена.
Красные помидоры
Кушайте без меня.

Сборник Чичибабина с автографом я хранил почти 40 лет. Покидая Одессу в 1997 году, я оставил этот дорогой для меня экземпляр своему старому другу, одессоведу Александру Розенбойму, с просьбой передать его в Одесский литературный музей.

И наконец, отдельные разделы посвящены весьма специфическим темам. Во-первых, это заметки об отношении поэта к крепким напиткам. Подана эта тема весьма деликатно, на чисто бытовом уровне. А между тем это — одна из самых запретных тем советского бытия. Запретнее был только секс. Совместное распитие спиртного в советском социуме носило настолько ритуальный характер, что поэма о поездке алкаша в электричке стала национальным эпосом.

Во-вторых, это тема отношения поэта к евреям и еврейству. Истинно русский человек, Чичибабин в своих стихах следовал общей традиции русской интеллигенции, среди которой юдофобом быть было просто неприлично. А вот юдофильство — исконно русская традиция, достаточно вспомнить таких выдающихся людей, как Вл. Соловьев, В. Короленко, М. Горький. Чичибабин в своих стихах решает эту задачу глубоко и не конъюнктурно. Да и по жизни он всегда был связан с еврейской средой. А интеллигентская среда Харькова, как видно из книги, почти сплошь была еврейской. Здесь, правда, есть нюанс. В силу ряда обстоятельств советская интеллигенция научно-технического профиля к 70-м годам стала почти сплошь еврейской ("физики"), а в советском сознании прочно укрепилась мифологема: "быть интеллигентом" и значило, в конечном счете, "быть евреем".

В последних главах книги описывается эпоха перестройки и постперестроечное время вплоть до смерти поэта в 1994 г. Этот материал подан несколько скомканно и бегло. И это понятно — воспоминания еще свежи, надо дать отстой "пене". Точно отмечено, что трещины пролегли между лучшими друзьями, что Чичибабин неоднозначно воспринял многие вещи этого периода и не запятнал себя суетливой политизированностью, как некоторые другие известные поэты. Он ушел, как и жил, — "чужим".

Книга Феликса Рахлина о Борисе Чичибабине, большом друге Израиля и еврейства, избежит, можно надеяться, печальной участи, постигающей большинство книг, издаваемых русскоязычными израильтянами, — она выпущена большим по нынешним временам тиражом (1000 экз.) и — в Харькове, где об увековечении имени Чичибабина пока еще заботятся.

Владимир Скалкин: "Я не гулял в пампасах и не носил лампасы"

Владимир Скалкин — лингвист и сатирик

В этом году исполняется 15 лет как ушел из жизни талантливый одесский лингвист и преподаватель Владимир Львович Скалкин. Многие одесситы старшего поколения, особенно те, кто покидал родной город в 70-80-е годы прошлого века, хорошо знают его учебные пособия по разговорному английскому, — полученные с их помощью языковые навыки облегчали вхождение в зарубежную жизнь. Впрочем, эти пособия популярны до сих пор.

Лингвистическая стезя у Володи Скалкина определилась еще в отроческие годы: как сирота он был определен в Одесскую спецшколу-интернат с преподаванием ряда предметов на английском языке (любили у нас тогда длинные названия, сейчас это просто Интернат № 2), а после ее окончания поступил в Военный институт иностранных языков в Москве. Там он получил не только прекрасные языковые знания, но и инвалидность: застудил почки после очередного марш-броска, в результате мучился всю жизнь из-за высокого давления и других сопутствующих болячек.

Комиссованный из вооруженных сил, он окончил переводческий факультет Московского института иностранных языков, много работал и многого добился — написал полтора десятка учебников и методических пособий по обучению английскому языку, стал профессором, заведующим кафедрой в Одесском университете. Его приглашали выступать на многочисленные научные конференции от Берлина и Будапешта до Свердловска и Баку. После развала Союза в одесских изданиях он опубликовал немало статей, в которых выступал против начавшейся уже тогда насильственной замены русского языка украинским в традиционно русскоязычных областях Украины.

И вся эта деятельность шла через преодоление нарастающих недугов. Порой это прорывалось в письмах друзьям: "До сих пор болею. Только вчера полегчало, смог вот сесть за письменный стол. Обострение деформирующего обменно-дистрофического полиартрита обеих конечностей — голеностопы, коленные суставы. Дичайшая, жесточайшая боль. Нельзя стать ни на одну ногу. Миллионы людей должны ценить свою способность самостоятельно пройти в туалет. Это подлинное счастье, мало ценимое".

Но как истинный одессит, от боли он спасался юмором:

"Я решил, собрав всю волю, подняться, встать, наконец выздороветь, чтобы подготовиться к смерти. Дело в том, что у меня множество незавершенных дел. Надо привести в порядок документацию, финансовые дела, завершить отзывы на диссертации, решить что-то с недвижимостью: в сарае много ненужных вещей, включая совершенно новый унитаз, не бывший в употреблении".

Если педагогическая и научная деятельность Владимира Скалкина была известна многим, то его искрометный талант сатирика и юмориста раскрывался лишь при его общении с друзьями и близкими коллегами. Мы впервые публикуем некоторые описания Скалкиным окружающей его жизни, самоироничные интервью и гротескные тосты, которыми он одаривал однокашников и сослуживцев.

* * *

После окончания института, в августе 1957 года, Скалкин по распределению жены Тамары едет в г. Куйбышев (ныне Самара), и в письмах друзьям оттуда живописует перипетии своей жизни.

Евгений ПОЗДНЯКОВ

Самарские впечатления, или Записки безработного

Ой, Самара-городок,
Беспокойная я,
Беспокойная я,
Успокой ты меня.

Из отпетой песни

В дореволюционной Самаре не было ни одного детсада или яслей. Теперь только в одном Самарском районе их насчитывается 167 штук!

Из призыва на ул. Арцибушевской

О! Как я ненавижу жалкие слова! Когда я их слышу, я чувствую, как сокращается моя жизнь и увеличивается печень. Одну из причин, побудивших маня покинуть Москву, вы найдете в возмутительно жалком и непонятном для меня слове МИУССЫ, которое мне приходилось слышать в столице на каждом шагу. О, это отвратительное слово, и вряд ли душа истинного лингвиста способна его вынести.

Но по пути меня подстерегали еще более тяжкие испытания. Мало того, что я проехал мимо станций ВЫГЛЯДОВКА и РАМЗАЙ! Впереди меня ждала станция ПЯША, название для меня совершенно неясное, а посему крайне раздражительное. В СЫЗРАНИ я уже было совсем сошел с поезда, чтобы повернуть путь назад. И я бы это непременно сделал, если бы тяжесть моего багажа не превысила тяжесть дорожных впечатлений...

Но за все это я был вознагражден в Самаре (ныне Куйбышев). Едва я вступил на ее гостеприимную землю, я понял, что здесь любят и ценят хорошие слова. Например, деревянный, с дырявыми крышей и стенами сарай именуется не иначе как МЯСНОЙ ПАССАЖ. А каморку, где спят бородатые сторожа, гордые самарцы называют красивым, хотя и несколько двусмысленным словом ШВЕЙЦАРСКАЯ. Под тоже приятным словом КАФЕ здесь подразумевается небольшая засиженная мухами комната с железной сеткой вместо двери, где нет не только бутербродов, пончиков, пирожков, сосисок, булочек, салатов и какао, но и даже кофе или чая. Иногда, впрочем, к слову КАФЕ милые самарцы присовокупляют через тире еще МОРОЖЕНОЕ, но ассортимент товаров остается тем же "статус кво".

Мне кажется, что так называемая цивилизация не очень трепала этот город. О Самаре можно сказать, что она хорошо сохранилась. Похоже на то, что через Самарскую улицу проходил великий путь не из варяг в греки, а из Петербурга в Москву. И это дает себя знать. Самарец, к примеру, еще не додумался построить себе общественную уборную и поэтому вынужден унижать себя всякий раз, когда за известной нуждою сигает в чужую подворотню. Находясь вдали от бойких мест, где царят закоренелый цинизм и жестокий чистоган, самарец сохранил девственную чистоту своего воображения и полностью способен воспринимать стихи. Но этого мало: он их настолько любит, что охотно украшает ими свои проспекты. Вот лишь некоторые образцы его творчества:

Без упорного труда
Нет плода!

Свет зеленый говорит:
Проходите — путь открыт!

В сберкассе деньги накопили —
Велосипеды мы купили!

Хочешь строить дом —
Каждый рубль экономь!

Хорошо трудиться,
Значит хлеб родится!

или: Кто трудиться рад,
Тот хлебом богат.

Трудно рифмуемые возгласы и призывы по традиции также пишутся в стихотворный столбик, например:

Выше знамя пролета-
рского интернационализма!

Разве можно сдержать слезы умиления при виде этих поистине трогательных, задушевных, полных неподдельной поэзии и заботы о человеке стихов! Признаться, это тронуло меня, и тронуло больше, чем если бы вместо этого самарец занялся чисткой улиц от окурков и скорлупы подсолнуха. Что чистота?! Ее и дурак добиться может! Нет, ты поди составь стихи да развесь их хорошенько по кв`арталам (только кв`артал и ни в коем случае не кварт`ал).

Вообще, житель бывшей Самары — большой любитель писать. Его вековая страсть грамотея к перу проявляется во всем, где только может выказаться творческая индивидуальность, будь то лозунг или призыв, надпись или реклама. Даже сухие рамки доски объявлений не являются помехой для творчества. Конечно, случаются иногда и неточности в стиле, типа:

КИОСКА ОТКРЫТА С 9.00 или ЗАПИСЬ ПРИЗВОДИТСЯ

Но это лишь печальные исключения. Главное не в этом. Главное вот:

Меняю квартиру в пос. Кряж.
Имеется оборудованный погреб.
Удобства частично во дворе
(нужник и вода).
Подвалов не предлагать!
Прохильдянов

Это объявление вы не можете не прочитать еще раз, но ваше внимание уже увлечено еще более ярким и лаконичным призывом:

ТРЕБ-СЯ КОНЮХ, он же ШОРНИК. ЗАГОТСКОТ

Я лично без ума от следующей вывески, ее я читаю почти каждый день, и всегда с удовольствием:

ДАМСКИЙ МАСТЕР
И
КОЖАНОЕ ПАЛЬТО СУРКОВ

Часто в надписях самарцы используют законы наглядности, например:

ФОТО НАХОДИТСЯ ТАМ ⟶

Или опять же иностранные слова. Так, все аптеки кроме надписи на русском имеют также надписи на немецком, французском и латинском языках.

Вообще же город производит весьма милое впечатление. Он прост, хотя и достаточно идеен. Правда, здесь несколько запаздывает борьба со стилем, но это не вина Самары. Не вина, а заслуга ее в том, что стиль и стиляги еще как следует не появились под сенью ее неоновой рекламы. Поэтому Самара вся еще ходит в широких штанах.

Но город, повторяем, все равно хорош. Конечно, это не Рио-де-Жанейро, где все поголовно ходят в белых и узких брюках. Это и не Одесса, где днем любят вареную кукурузу ПШЕНКУ, а ночью страстных женщин. Но это и не Москва, где никогда ничему не удивляются и умирают в очередях за "Вечеркой".

Самара — это ни то, ни другое и не третье! Этот город многого лишен. Он лишен белых штанов, фонтанов и краковской колбасы, постоянного цирка, магазина "Охотник" и чувства юмора, архитектурных ансамблей, породистых собак и кошек, папирос "Прибой", чистоты и эскимо, статуй древних греков и общественных уборных.

* * *

Главное: нужно что-то делать.
Спиноза

— Спиноза прав: нужно что-то делать! — сказал я своей жене, проспав три недели в коридоре рабочего общежития, среди тысяч мух, на новом диване, из которого почему-то вытащили пружины. "Нужно принимать меры", — добавил я, вспоминая борьбу богов-олимпийцев с титанами.

В результате принятых мер на свет родилась телеграмма такого сюжета:

"Москва. Министру связи. Предприятие не выполняет условия распределения, семья живет в коридоре. С приветом. Юрченко".

Комната была предоставлена.

Конечно, архитектор не думал, сидя или, может быть, стоя над своим чертежом типового дома с квартирами, предназначавшимися на одну семью, что его идея будет нагло попрана начальником ЖКО тов. Гончаренко, который небрежным распоряжением поселил под сенью одной крыши, одной кухни и одной уборной две семьи, две культуры и две идеологии. Речь идет о семье и чадах нашего соседа С. Иванихина.

"В процессе производства люди вступают в определенные отношения", — так сказано в учебнике политэкономии. "В процессе пользования общими местами и лампочками жильцы коммунальной квартиры вступают в определенные отношения, которые являются объективными", — так, видимо, сказано в книге бытия или другой книге, которую оставил неблагодарному потомству творец Вселенной.

Великая мудрость этого пророчества не замедлила сказаться, как только очередной месяц подошел к концу, и общий электрический спидометр-счетчик накрутил 48 руб. 22 коп. Кто сколько должен платить? К этому прибавьте вопросы мойки полов, разделения сфер на плите.

Едва удается потушить один скандал в его зачатии, как назревает другой, возникают новые спорные проблемы. Что это за проблемы? Например, уважаемый сосед занял сарай и погреб, которые частично должны принадлежать нам. Никакие дискуссии и даже угрозы не дали желаемых результатов.

Семья соседей состоит из: папы, мамы, одной дочки школьного возраста и второй дочки замужнего возраста. Между членами семейки существуют странные отношения. Прежде всего, отец не любит своих детей и часто не пускает их домой в комнату. Мать, напротив, очень привязана к детям и всегда беспокоится из-за их долгого отсутствия.

— Ты где, зараза, была? — нередко слышишь обеспокоенный вопрос, обращенный к только что пришедшей дочери. Двенадцатилетняя дочь, дабы замять свою вину (она возвратилась домой утром), приступает к маме с загадкой: "Мам, отгадай, что это? Между ног болтается, на Х называется, как увидит П, подымается?" (имеется в виду хобот). Наступает минута, когда родителям и соседям становится почему-то неловко.

Наши соседи пришли в этот цивилизованный дом после бараков, где они привыкли к удобствам во дворе, и поначалу никак не могли освоить

уборную с унитазной системой. Наша культура, завезенная по распределению из Москвы, показала им, что их быт — это быт пещерного человека-синантропа. Поэтому они решили все перенимать у нас. Достаточно нам было прикрепить полочку над краном, как под утро появилась их идентичного покроя. Наше туалетное мыло заставляло их делать дополнительные расходы. Они втихаря выбросили лозунг "догнать!" и сопя стали нагонять нас. Случайно оставленные в банке ложки вызвали аналогичные действия. Дело дошло до того, что они однажды повесили в уборной на двери грелки, в этом случае, как выяснилось, подражая жившему здесь до них военному врачу, который действительно держал там ненужную рваную грелку.

Отец — мужчина средних лет с лицом амнистированного, усыпанным воронками оспы, как поле сражения воронками после боя. Он очень вежлив и учтив. "Тамара! — говорит, бывало, он, просовывая голову в щель кухонной двери. — Набери мне водички, а то я в трусах!" Тамара набирает и дает ему воду. Взяв кружку, он принимается пить, настежь распахивая дверь...

В ноябре 1987 года, когда Скалкину исполнилось 55 лет, он использует эту дату, чтобы с присущей ему самоиронией набросать отчет о своей жизни, рассказать о времени, в котором жил.

"Юбиляр о себе в эпоху гласности":

По свидетельству очевидцев, я родился в Одессе, в 1-м Куликовском переулке, в маленьком домике, построенном еще во времена правления графа М.С. Воронцова. Но я моложе, хотя дом этот еще стоит. На одном из строений этого переулка в скором времени появится мемориальная доска в честь Валентина Катаева...

Как измерить возраст человека? Дерево — годовыми кольцами. Да, но для этого его надо перепилить поперек. Человеку вроде бы проще: у него есть документы, которые, правда, очень не котируются у туземок острова Тикитак. Они прячут свои паспорта, не меняют на них фотографии и вообще всячески бойкотируют письменность...

Из девяти периодов нашей страны я в сознательном состоянии жил или действовал в течение пяти: война, послевоенная разруха и культ, XX съезд, застой, перестройка. Я видел живого Сталина, Молотова, Ворошилова, Буденного, Хрущева. С далекой трибуны на меня сквозь пенсне взирал Лаврентий Берия.

Я первым экраном смотрел "Серенаду Солнечной долины", покупал хлеб по карточкам, танцевал па-де-катр и гавот, в то время как по одесским улицам бегали трамваи, завезенные сюда еще дореволюционной бельгийской компанией. Я застал в свободной продаже камбалу, маслины и охотничьи сосиски.*

В войну я жил в деревне, где заготавливал сусличьи шкурки, выращивал огурцы, пас коров и гнал самогон, что теперь дает мне право квалифицированно торговаться на Привозе, критикуя низкое качество сельхозпродукции и нарушение технологии.

После войны жил в Ялте, где работал на киностудии художником и характерным актером из толпы. Мои успешные занятия киноискусством прервал пиротехник, который ловким ударом по шашке вызвал взрыв, в результате чего шесть актеров из массовки, в том числе и я, были отправлены в больницу с повреждениями. С тех пор я два года заикался.

В Одессе я жил и учился в интернате, где познал ценность мужской дружбы, мудрость наук и выучил 90 английских неправильных глаголов.

Военный институт иностранных языков, куда я попал позже, был уникален не только тем, что под одной крышей изучалось 32 языка мира (включая малайский и суахили), но и потому, что тонкости теории Марра и де Соссюра сочетались со строевыми упражнениями на плацу, с тактическими занятиями в поле и стрельбой из пистолета. Преподавательский корпус составляли только звезды — профессора Цветкова, Колшанский, Бархударов, Швейцер и др. Руководил нами большой генерал Хозин, который остался жив, несмотря на неудачи на Калининском фронте и возражения лично Сталину. Из его рук я получал призы за учебу и активное участие в художественной самодеятельности.

Затем работа директором в клубе, учителем в школе, завучем на курсах. Необходимость совершенствования всего вокруг привела меня к написанию учебников. Три четверти миллиона экземпляров моей продукции заполнили книжный рынок. Одно из пособий стало настолько популярным, особенно среди лиц особых устремлений, что за один экземпляр книги платили 80 рублей с рук. Диссертации, которые писал автор, отвлекали его от процесса.

Я побывал в Болгарии, Югославии, Румынии, Польше, Турции, Италии, Дании, Франции и Англии. В Париже был дважды, который вслед за Тургеневым и Маяковским полюбил.

* Нынешнему читателю этот пассаж не понять — в те советские годы упоминающиеся Скалкиным продукты на прилавках магазинов отсутствовали, их можно было купить либо "по блату", либо на черном рынке.

Я никогда никому и ничему не завидовал. Среди моих товарищей-сверстников есть дипломаты, генералы, журналисты-международники, режиссеры и даже начальники ЖЭКа. Никем не хотел бы быть, кроме как тем, что я есть. Не хотел бы все начинать сначала — никаких повторных просмотров!

Я всегда говорил то, что думаю, и делал, что хотел. Болевые удары, тумаки, апперкоты и другие формы проявления ко мне внимания получал в изобилии справа и слева, в хвост и в гриву, и даже в пах, от чего у меня подрагивает правое веко и плохо растет щетина на левой щеке.

Мне никогда не везло. Я никогда ничего не выигрывал, передо мной в очереди кончались пельмени, а отдел в универмаге обычно закрывался для сдачи кассы — но, конечно, не мне. Если на остановке подходит трамвай, то — не мой, а водитель, в полупустой нужный мне троллейбус которого я вскочил, радостно сообщает, что едет в парк.

Так вот я дошел до своих лет, до нынешнего состояния.

Я много не успел, много не сделал. Я не прыгал с парашютом в затяжном прыжке, не гулял в пампасах и не носил лампасы, не был лично знаком с Брижит Бардо и Ноной Мордюковой, не ел супа из плавников акулы, не видел в глаза и тем более не держал в руках чеки Внешторгбанка.

Несгибаемость коленных суставов и склеротизированность сосудов вычеркивают из списка возможных дел ряд полезных поступков или амплуа. Например, я уже никогда не стану эксцентриком-вольтижером в цирке, не буду дирижировать камерным оркестром, не буду членом экономической делегации на важных переговорах в республике Буркина Фасо или нападающим в футбольной команде "Черноморец", особенно теперь, когда моряки перешли в высшую лигу.

Когда-то я запоем читал классику и беллетристику, с интересом перелистывал "Плейбой", теперь регулярно выписываю журнал "Здоровье". От самодеятельного конферансье и профессионального тамады я дошел до членства в обществе трезвости.

Друзей растерял. Иных уж нет, а те занялись огородничеством. Один культивирует капусту под Саратовом, другой строит дачу с теплым туалетом, третий держит позу лотоса в свободное от работы время, четвертый выращивает внуков.

Жизнь научила меня быть непритязательным стоиком. Туфлям, которые я ношу, семнадцать лет — они были куплены еще во время холеры.*

* Имеется в виду вспышка холеры в Одессе летом 1971 года, когда город был закрыт на карантин

У меня никогда не было личного парикмахера или массажиста. Известный главный мозолист Приморского района Гарольд Инчеян обслуживал многие конечности, но не мои. Обычно я стригусь в цирюльнях при вокзалах, где нет очередей или, по крайней мере, снобов, — в них люди, которые хотят постричься, а не хорошо выглядеть.

Короче, на днях ко мне обратилась начинающая журналистка — корреспондент молодежной мелитопольской газеты "Ранний призыв", с просьбой дать интервью. Вот ее вопросы и мои ответы:

— Как вы относитесь к славе?

— Очень хорошо. Причем и к Станиславу Говорухину, и к Вячеславу Штирлицу.

— Что вы коллекционируете?

— Остроты коллег и жены, и их критические замечания в мой адрес.

— Что вы думаете о себе?

— Ничего хорошего. Интересно, что так думают многие.

— Ваше жизненное кредо?

— Вечное движение.

— Ваше увлечение?

— История ливневой канализации.

— Предмет вашей гордости?

— Дети, ученики, кот Рамзес, тезисы докладов.

— От чего страдаете?

— От информатики. От обилия телефонных номеров, адресов, явок и паролей.

— Ваш любимый напиток?

— Молоко. Которое на губах не обсохло.

— Ваш идеал мужской красоты?

— Жан Марэ, Армен Джигарханян.

— Ваш идеал женской красоты?

— Надежда Чепрага, Майя Чебурданидзе.

— Ваши творческие планы?

— Выжить при данном наборе моих диагнозов.

Одесса, 15 ноября 1987 г.

"Возвращайтесь!"

На протяжении 1919 года в Одессе трижды менялась власть. После французских войск и большевиков в августе город заняла Добровольческая армия Деникина (до начала февраля 1920 г.).

В этот короткий период на страницы периодики выплеснулись чувства многих людей, не сумевших принять власть красных и уже немало переживших к середине 19-го года...

В октябре известный издатель, редактор, опытный журналист Борис Флит (Незнакомец) выпускает любопытный журнал "Огонек", который, к сожалению, после первого номера не имел продолжения. Он был задуман как "литературно-художественное и театральное издание" в силу разнообразных интересов своего редактора.

Лейтмотивом журнала стал призыв, можно сказать, вопль "возвращайтесь!", обращенный к тем, кого большевики кровно ненавидели и жестоко истребляли. Центральным материалом номера становится статья "Жертвы одесской чрезвычайки", которая будоражит сознание и сегодня, спустя почти 90 лет.

Отрывки из гоголевской "Женитьбы" позволили популярному сатирику Аркадию Аверченко зло высмеять окружающую действительность. Даже эта небольшая публикация показывает, что писатель не смог бы жить в новой России, и его эмиграция была неизбежной.

Время, давящее на плечи людей, ощущается и в рассказе Г. Гребенщикова "Уголок", и в странных стихах в прозе Ш. Бодлера. Незнакомцу удалось привлечь к сотрудничеству талантливого художника Израиля Мексина, рисунки которого очень украсили журнал, а также авторами "Огонька" стали известные журналисты Лоренцо и Тайфун (братья Б.Я. и Е.Я. Генис), профессор Б. Варнеке - именно благодаря им мы узнаем о театральной ситуации в городе в те неспокойные дни.

Жизнь брала свое, поэтому на страницах журнала находится место для лирики, публикации первых глав романа "Против морали" испанского писателя Филиппе Триго, рекламируются парижские моды и завлекают читателя шарады.

Всего шестнадцать страниц, но опытная рука 36-летнего Незнакомца сделала это скромное издание важным документом в изучении истории Одессы.

Татьяна ЩУРОВА

№ I. Годъ изданія 1-й. Цѣна 10 р.

ОГОНЕКЪ

Литературно-Художественное и Театральное изданіе.

СОДЕРЖАНІЕ:

Георгій Гребенщиковъ.—Уголокъ. Разсказъ съ 3-мя иллюстр. худ. И. Мексина. **Вал. Горянскій.**—Возвращайтесь! Ш. Бодлэръ.—Стихотворенія въ прозѣ. Посмертный перев. С. Астрова. **Лоренцо.**—Гашишъ. (Театральный фельетонъ). **Ар. Муровъ.**—Великій мастеръ сцены. (Съ 3-мя портретами В. Н. Давыдова). **Что сулитъ намъ грядущій сезонъ?** Анкета съ отзывами: г-жи Полевицкой, г.г. Собольщикова-Самарина, Шмидта, Хейфеца, проф. Варнеке, Лоренцо Пазовскаго и др. **Филиппе Триго—Противъ морали.** Романъ. Переводъ съ испанскаго Л. Вальтера. **Арк. Аверченко.** Отрывки изъ Гоголевской «Женитьбы». **Э. Сомининскій.** Жертвы Одесской «Чрезвычайки» (По даннымъ университетскаго морга). **Незнакомецъ.** — Одесская нумизматика. Фельетонъ. **Моды. Задачи и шарады. Свыше 25 злободневныхъ иллюстрацій и портретовъ.**

Историческіе документы.

У С С Р.

ОДЕССКАЯ

Чрезвычайная Комиссія

ПО БОРЬБѢ

с контр-революціей, спекуляціей и преступленіями по должности.

11 Июня 19

№ 1087.

ПРЕЗИДИУМ

В ОДЕССКІЙ МОРГ

Одесская Губернская Чрезвычайная Комиссія предлагаетъ срочно принять мѣры к погребенію труповъ, доставленныхъ Вам от Начальниковъ Районовъ Охраны Порта, по указанію представителя О.Г.Ч.К

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

СЕКРЕТАРЬ

Къ статьѣ „Жертвы Одесской Чрезвычайки" (см. стр. 14).

Возвращайтесь!

Генералъ Мамонтовъ.

Генералъ-Лейтенатъ
Баронъ П. Н. Врангель.

Возвращайтесь,
Господа капитаны,
На суда купеческія,
Кажется, чаша испита!
Возвращайтесь!
Кочегары топите печи,
Не жалѣйте голубого плаща –
Небо весело копотью перепачкайте –
Уже и лебедки не молчатъ угрюмо,
А товаровъ тяжкія пачки
Старательно опускаютъ въ трюмъ...
Всѣ возвращайтесь!

Возвращайтесь, матросы,
Развѣ вы не обижены?
Вашъ корабль грязью поросъ,
Стоитъ заржавленный, рыжій...

Возьмитесь юнги рукой умѣлой
За песокъ и мѣлъ,
Каждую доску нужно выскрести,
Каждую скобку мѣдную трите,
Чтобы все, подобно солнечной искрѣ
И снаружи сверкало-бы
И внутри –
Всѣ возвращайтесь!

Скромный возвращайся бухгалтеръ.
Метры, пуды и литры,
"Въ Марсели продано".
"Куплено въ Ялтѣ", –
Все на твой попадетъ пюпитръ,
На конторскіе большіе счеты, –
Считай! Высчитывай!
Поди, не забылъ еще?

Считай, высчитывай!
Если грошъ пропалъ – упрямо ищи, –
Нуженъ каждый грошъ при постройкѣ –
Бухгалтеръ, гляди остро!..
Всѣ возвращайтесь!
Завтра въ плаваніе!

Завтра въ плаваніе!
Помолимся на пристани въ шумной гавани,
Николаю Чудотворцу – Слава,
Онъ пошлетъ кораблямъ счастье,
Священникъ, окропи снасть!..

Валентинъ Горянскій.

Одесскій Градоначальникъ, Генер.-Маіоръ
Баронъ М. И. Штемпель.

Генералъ Лейтенантъ
А. Г. Шкуро.

Парижскія моды.

„Excelsior" № 3217 отъ 11 сент. 1919 г.

1. Платье изъ голубой матеріи (каша) отдѣланное свѣтло-синей и темно-синей тесьмой. Модель Премэ.

2. Платье изъ бѣлаго крена (гова), отдѣланное вышит. тесьмой. Поясъ ярко-голубой. Модель Ланвэнъ.

3. Платье изъ бѣлой саржи съ голубыми полосками, отдѣланное широкой синей тесьмой. Модель Пакэна.

4. Бѣлое атлас. платье; воланы и рукава окаймлены тесьмой. Модель Марсіаль и Армандъ.

Отрывки изъ гоголевской „Женитьбы".

(Оторваны для подходящаго случая).

О большевистскомъ оффиціальномъ органѣ "Извѣстія": – "Такой ужъ у него нравъ то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный. Онъ то, можетъ и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть – такая ужъ на то воля Божія.

* * *

Союзникъ (заключая союзъ съ Россіей): – Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?

* * *

Арина Пантелеймоновна: – Да что съ нихъ, съ коммунистовъ-то твоихъ! Хоть ихъ и много, а одинъ русскій мужичекъ всѣхъ стоитъ!

Ѳекла: – Ахъ, нѣтъ, – коммунистъ то поважнѣе будетъ.

– Да что въ важности! А мужикъ коли захочетъ, то всѣ эти коммунистическія ячейки по шеямъ!

– А коммунистъ на него съ пулеметомъ: "А ну, скажетъ, мелкій хозяйчикъ, покажи-ка какой у тебя хлѣбъ самый лучшій!"

– А мужичекъ коли захочетъ, не дастъ хлѣба: вотъ и будетъ коммунистъ голодненькій, вотъ и нечего будетъ ѣстъ коммунисту!..

– А коммунистъ зарубитъ мужичка!

– А мужичекъ пожалуется въ комбѣдъ.

– А коммунистъ пойдетъ на мужичка въ совнархозъ!

– А мужичекъ на коммуниста въ совнаркомъ!

– А коммунистъ на мужичка въ чрезвычайку!

– А мужичекъ...

– Врешь, врешь – чрезвычайка выше совнаркома!

* * *

Петлюра (поглядывая на Махно). Физіономія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда на Украину пришелъ, зачѣмъ и я.

* * *

– Ахъ, вы знаете, какая съ нимъ исторія...

– Какъ же: милліонъ укралъ!

– Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то въ комиссары поступилъ!

– Да – то-то я помню что-то похожее: или милліонъ укралъ, или въ комиссары поступилъ!

* * *

Преподаватель русскаго языка въ пролеткультской школѣ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ не думалъ меня выучить русскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ! А теперь – только по новому правописанію и маракую.

* * *

Россія: – Не знаю кто изъ нихъ и лучше... Эхъ, если бы носъ мистера Вильсона да приставить къ губамъ Клемансо, да взять немного дѣловитости мистера Лойдъ Джоржа...

* * *

Инымъ плевали по нѣскольку разъ... – Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румяненъ во всю щеку – актеромъ Глаголинымъ

звать; до тѣхъ поръ перебѣгалъ изъ Добровольческаго лагеря въ большевистскій и обратно – что, наконѣцъ, не выдержалъ одинъ добровольцъ – въ лицо плюнулъ, ей Богу! "Вотъ тебѣ, говоритъ, твоя оріентація!" А въ судѣ, все таки Глаголина оправдали. Что-жъ изъ того, что плюнулъ. Если бы другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ – взялъ да и вытеръ.

* * *

Союзникъ (изучая природныя богатства Россіи): – о, она не то, какъ бываютъ скудныя худощавыя нѣмки – кое что есть!

* * *

– А гдѣ Владиміръ Ильичъ Ленинъ, вы не видѣли?

– Да они-съ выпрыгнули въ окошко.

– Какъ въ окошко?!

– Да съ. А потомъ, какъ выскочили, взяли извозчика и поѣхали обратно въ Швейцарію.

– Ахъ, каналья! Вѣдь вотъ, что досадно: выпрыгнулъ себѣ, уѣхалъ – ему и горя мало, съ него все это, какъ съ гуся вода – вотъ что нестерпимо.

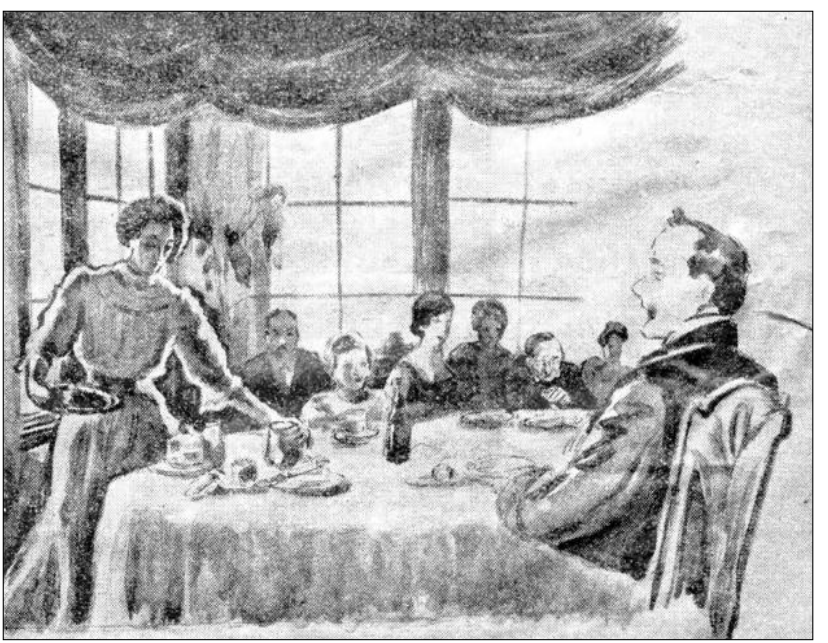
Поѣдетъ къ себѣ въ Швейцарію, да будетъ сидѣть по прежнему въ кафе, покуривая трубку, будто ничего не случилось...

* * *

Русскій рабочій (постигнувъ соціалистическій рай): – пошли вонъ, дураки!

Выцарапалъ изъ "Женитьбы"
Аркадій Аверченко.

("Югъ")

Жертвы краснаго террора.

Ген. М. И. Эбѣловъ.

Я. М. Зусовичъ.

С. А. Кальфа.

Жертвы Одесской Ч.-К.

(По даннымъ университетскаго морга).

I. Моргъ.

Уже свыше мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ ворота дома Жданова на Екатерининской площади раскрылись не для обреченныхъ на смерть, а для всѣхъ желающихъ просто взглянуть на дворъ "Чрезвычайки" и прочесть эти странныя, но до ужаса понятныя письмена, начерченныя пулями на внутреннихъ стѣнахъ дома.

"Мертвые молчатъ!"

Такъ думали палачи. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ.

Мертвецы попадали въ моргъ, превратившійся во время большевитскаго засилья въ какое-то необходимое дополненіе "Чрезвычайки", — и здѣсь, вдали отъ своихъ мучителей, они говорили.

Говорили всѣмъ своимъ видомъ: обнаженными, ограбленными до рубашки тѣлами, кровавыми ранами, — и показанія ихъ записывались въ журналъ дѣтскимъ, изломаннымъ почеркомъ служителя.

Каждый трупъ за соотвѣтствующимъ номеромъ имѣетъ точно указанную дату поступленія въ моргъ и представляетъ изъ себя "неизвѣстнаго званія мужчину" или "неизвѣстнаго званія женщину".

И такихъ много, очень много.

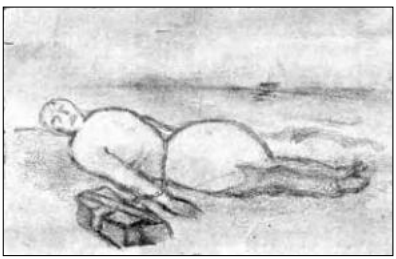
Въ ночь на 1-ое іюля доставлено 9 труповъ, 4-го іюля — 5, 8-го іюля — 9, 12-го іюля, — результатъ объявленнаго "краснаго террора" — 28 труповъ (№№ 1045-1073), 16-го числа еще 15 и т. д.

Всего съ апрѣля до средины августа прошло чрезъ моргъ около 800 труповъ, причемъ на долю обычныхъ несчастныхъ случаевъ изъ этого числа нужно считать не болѣе 200. Остальные "несчастные случаи" носятъ болѣе или менѣе замѣтную политическую окраску, причемъ около ста было привезено на автомобилѣ изъ Ч. К.

Всѣ тѣ фактическія и статистическія данныя, которыми мы располагаемъ, любезно предоставлены намъ приватъ-доцентомъ мѣстнаго университета д-ромъ Ф. Жмайловичемъ, ассистентомъ по кафедрѣ судебной медицины, исполнявшимъ въ "тѣ" времена тяжелую и подчасъ не безопасную для жизни обязанность завѣдующаго моргомъ..

II. Утопленники.

Уже самое начало большевистскаго правленія въ Одессѣ ознаменовалось большимъ количествомъ жертвъ.

Трупъ утопленника.

Это было время между 4-мъ и 15-мъ апрѣля с. г.

Однако, по этому поводу были только догадки, слухи, – фактическихъ-же данныхъ – труповъ не было.

Но вотъ, въ началѣ іюня въ порту начинаютъ всплывать трупы. Они имѣли ужасный видъ, Напоминая громадный рыбій пузырь, состоящій изъ двухъ частей съ перетяжкой по-срединѣ. Перетяжка эта была образована желѣзной проволокой съ привязаннымъ грузомъ (колосниками), вѣсомъ около полутора пуда. Несмотря на такую тяжесть, образовавшіеся въ тѣлѣ отъ гніенія газы вынесли трупы на поверхность. При ближайшемъ осмотрѣ всѣ они оказались съ огнестрѣльными ранами головы.

Въ газетахъ по этому поводу проскользнули коротенькія замѣтки съ намекомъ на то, что убійства эти совершены были въ періодъ, когда Одесса еще управлялась союзнымъ командованіемъ, и убитые, повидимому, подозрѣвавшіеся въ большевизмѣ.

Въ городѣ, однако, опредѣленно называли убійцами "товарищей" изъ Ч. К., которые, впрочемъ, не замедлили выдать себя съ головой.

Когда они, наконецъ, поняли, что трупы, несмотря на обезображенный видъ, всетаки могутъ быть опознанными, они отправили завѣдующему моргомъ выше воспроизведенную оффиціальную бумагу съ требованіемъ немедленнаго погребенія этихъ труповъ, причемъ явившіеся комендантъ Ч. К. – тов. Вихманъ и двое матросовъ приказали подъ страхомъ смертной казни никакихъ родственниковъ къ трупамъ не допускать.

Вотъ предъ нами этотъ документъ (см. обложку) съ подписями знаменитыхъ предсѣдателя Калениченко и секретаря Михаила. Эти подписи красовались на смертныхъ приговорахъ.

Сразу бросается въ глаза различіе почерковъ. Первый, какъ видно, подписывалъ быстро, небрежно, сейчасъ-же отбрасывая отъ себя бумагу, второй, наоборотъ, медленно вырисовываетъ буквы. Подписывая смертный приговоръ, онъ любуется своимъ росчеркомъ.

О, такіе люди умѣютъ наслаждаться видомъ замученной жертвы!..

Пусть не покажется читателю страннымъ, что оффиціальное учрежденіе посылаетъ бумагу, очевидно компрометтирующую его.

Слишкомъ увѣрены были въ своей силѣ, заправилы Ч. К., и чѣмъ прочнѣе они себя чувствовали, тѣмъ наглѣе, тѣмъ циничнѣе становился ихъ "судъ".

Съ другой стороны ошеломленные свалившимся на ихъ головы несчастьемъ, граждане "самой свободной въ мірѣ страны" не смѣли даже шептаться на улицѣ о своихъ думахъ, догадкахъ.

Одно только ясное и лазурное море не желало хранить преступныхъ тайнъ Одесской Ч. К.

Оно неизмѣнно возвращало эти страшные, разбухшіе трупы, поступавшіе въ моргъ изъ районовъ порта и съ Фонтанскихъ береговъ.

III. Трупы на грузовикахъ.

Начиная съ послѣднихъ чиселъ іюня, застѣнки "Чрезвычайки" начали работать интенсивнѣе.

Трупы доставляются въ моргъ уже такъ сказать оффиціально, автомобилями.

Въ газетахъ время отъ времени появлялись списки разстрѣлянныхъ, причемъ большинство жертвъ подводилось подъ рубрику контръ-революціонеровъ, о другихъ было сказано: купецъ такой-то, уплатилъ столько-то тысячъ контрибуціи...

Процессъ доставки труповъ былъ несложенъ.

Часовъ въ 10 вечера въ моргъ являлся комендантъ Ч. К. Вихманъ или помощникъ его, часто сопровождаемый нѣсколькими матросами и заказывалъ къ 2-мъ часамъ ночи приготовить столько-то гробовъ. Въ 2 часа пріѣзжалъ автомобиль съ трупами.

Всѣ они были почти нагишомъ. Нѣкоторые въ рубашкахъ. Иные въ кальсонахъ. Изрѣдка въ рваной верхней одеждѣ. Вообще съ тѣлъ стаскивалось все, что было лучше, цѣннѣе.

Раны почти у всѣхъ были однѣ и тѣ-же: на затылкѣ маленькое входное отверстіе пули Ногановскаго револьвера и большое выходное отверстіе на лбу, вслѣдствіе чего лица были всегда залиты кровью, залѣплены кусками мозговъ. Разглядѣть ихъ, узнать не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что трупы сейчасъ-же заколачивались въ гробы и отправлялись на кладбище.

Однажды матросы, привезшіе трупы, разсказали служителямъ морга, какъ происходитъ казнь.

Въ домѣ Жданова есть длинный погребъ, куда вводили приговореннаго къ смерти.

Двое палачей вели его объ руки, а третій шелъ сзади и стрѣлялъ ему въ затылокъ въ тотъ моментъ, когда они достигали извѣстнаго мѣста, впереди котораго находилась яма.

Въ эту яму и сбрасывался трупъ, послѣ чего шли за второй жертвой и т. д.

При этомъ нужно замѣтить, что стоявшіе на очереди видѣли смерть своихъ товарищей.

По окончаніи казни всѣ тѣла извлекались изъ ямы и доставлялись въ моргъ.

Отношеніе къ трупамъ, вопреки установившемуся повсюду обычаю, было крайне жестокимъ: трупы сбрасывались какъ бревна на полъ морга и во многихъ случаяхъ при этомъ произносилась по ихъ адресу отборнѣйшая ругань.

Это былъ періодъ, когда ноги служителей буквально тонули въ лужахъ крови, разлитой по каменному полу морга.

Интересно отмѣтить, что низшій персоналъ Ч. К., привозившій трупы, бывалъ неизмѣнно пьянъ тогда какъ комендантъ и его помощники были всегда трезвы.

Получалось такое впечатлѣніе, что простые люди могли только съ затуманеннымъ мозгомъ идти на то дѣло, которымъ руководили эти "интеллигенты" находившіеся въ здравомъ умѣ и твердой памяти...

IV. Трупы въ каменоломняхъ.

Послѣдняя партія труповъ, привезенныхъ въ моргъ изъ Ч. К. были матросы — "стародубцы", разстрѣлянные въ ночь съ 24 на 25-ое іюля с. г. въ количествѣ 8-ми душъ.

Повидимому, казнь эта была совершена по внезапно встрѣтившейся надобности и сами сотрудники Ч. К. заблаговременно о ней ничего не знали. По крайней мѣрѣ никто не сообщилъ предварительно в моргъ о необходимости приготовить гробы и поэтому приказаніе немедленно отвезти трупы на кладбище не могло быть исполнено.

При этомъ привезшему трупы было указано, что гробы можно достать на заводѣ нѣкоего Шапиро, куда ему и предложено было отправиться.

Поиски гробовъ увѣнчались успѣхомъ: вскорѣ они были доставлены въ моргъ, а отсюда увезены на кладбище.

Чрезъ два дня послѣ этого явился въ моргъ служащій упомянутаго лѣсопильнаго завода и потребовалъ уплаты 6-ти тысячъ рублей по счету за гробы (всего ихъ было 22).

Здѣсь ему было отказано въ уплатѣ на томъ основаніи, что заказъ былъ данъ не моргомъ, а "Чрезвычайкой". Туда и отправился служащій за полученіемъ денегъ.

Тамъ, послѣ небольшихъ препирательствъ, деньги были цѣликомъ уплачены, но съ этого дня трупы изъ Ч. К. больше въ моргъ не доставлялись.

Зато вскорѣ открылся новый складъ труповъ въ каменоломняхъ на Кривой Балкѣ.

По этому поводу опять пытались въ большевистскихъ газетахъ пройтись насчетъ "капиталисти ческой Антанты", но въ моргѣ, – тамъ безошибочно узнавали эти трупы съ простр ѣленными головами, гдѣ входное отверстіе пули было на затылкѣ, а выходное въ области лица.

Да, наконецъ, всего лишь нѣсколько дней тому назадъ (25-IX) одно изъ такихъ кладбищъ было открыто на Пересыпи въ каменоломняхъ № 14 и опознанные трупы оказались именно тѣми, о разстрѣлѣ которыхъ въ свое время публиковалось въ газетахъ.

Конечно такой способъ сокрытія труповъ, практиковавшійся только въ самыя мрачныя эпохи царскаго абсолютизма, дискредитировалъ совѣтскую власть, вызывая недовольство даже въ демократическихъ массахъ, но... заправилы изъ Ч. К. еще разъ показали, что не считаются съ общественнымъ мнѣніемъ, ибо чувствуютъ себя слишкомъ прочно на своихъ мѣстахъ.

А вѣдь это было всего за какихъ-нибудь двѣ-три недѣли до бѣгства большевиковъ изъ Одессы!..

Э. Соминскій.

(Въ слѣдующемъ №-рѣ "Огонька" будутъ помѣщены главы: V. Ожившіе мертвецы и VI. "Революціонныя" похороны).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮЖНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
Подъ редакціей СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу новые выпуски:

№ 27-28 У. Локкъ.-Надъ голубымъ озеромъ (романъ).

№ 41-43 Анатоль Франсъ.-Возстаніе ангеловъ (романъ-новинка)

ИМѢЕТСЯ НА СКЛАДѢ:

Буниѣ—Смерть Моисея, Юшкевичъ—Улица, Гр. А. Толстой—Приключеніе Растегина, Кипенъ—Почетный гость, Тагоръ—Гитанджали и Король темнаго покоя, Киплингъ—Дверь ста печалей и Прискорбная коляска, Мопасанъ—Пышка, M-lle Фифи и Иветта, Уэльсъ—Разсказы и Машина времени, Гамсунъ—Викторія, Нилусъ-Дуня, Папини—Сперанца, Локкъ—Приключенія Пюжоля, Ибаньесъ—Луна Бенаморъ, Дроздовъ—Пощечина, Фарреръ—Человѣкъ, который убилъ, Лазаревскій—Душа женщины.

Каждую недѣлю новые выпуски.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ.

Коктебель.

На берегу, гдѣ море лижетъ мель,
Гдѣ даль ясна и горы вѣчно сини,
Среди прямыхъ и искривленныхъ линій
Разбросилъ сѣть поселокъ Коктебель.

Вокругъ него – безлюдіе пустыни
И воздухъ чистъ и звученъ какъ свирѣль,
И профиль горъ, цвѣтныхъ какъ акварель,
Угрюмъ и строгъ, какъ кельи старыхъ скиній.

Морская даль рябится какъ шагрень
И берегъ весь усыпанъ сердоликомъ.
Спитъ Кара-Дагъ въ своемъ величьи дикомъ,

Бросая внизъ уродливую тѣнь.
И Коктебель своимъ спокойнымъ ликомъ
Зоветъ къ себѣ въ задумчивую сѣнь.

Гр. Томилинъ.

Что сулитъ намъ грядущій сезонъ?

(АНКЕТА)

Профессоръ Б. В. Варнеке.

– Врядъ-ли есть основаніе думать, что предстоящій зимній сезонъ сможетъ дать что-либо интересное и значительное въ художественномъ отношеніи. Откуда такимъ надеждамъ родиться? Гдѣ этотъ театръ, гдѣ эти актеры? Да есть-ли, наконецъ, возможность создать въ настоящее время театръ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Можно-ли культивировать искусство теперь, когда нервы актеровъ такъ истреплены и измочалены всѣмъ пережитымъ въ послѣднее время? А публика? Такова-ли она, чтобы со спокойной радостью принимать дары искусства? Думаю, что нѣтъ! Публика въ театрѣ ищетъ теперь лишь развлеченія и отдыха отъ кошмаровъ дѣйствительности. Она хочетъ позабавиться не больше. Ей не нужно сейчасъ ничего серьезнаго и глубокаго. Подай ей легкую комедію, веселый фарсъ. И только это сможетъ имѣть успѣхъ.

А. М. Пазовскій.

– Моя мысль не можетъ, конечно, мириться съ лишеніемъ Одессы оперы въ предстоящемъ сезонѣ. А ато фактически такъ, разъ опера изгнана изъ Городского театра. Ясно, конечно, что безъ поддержки города опера существовать не можетъ. Это сейчасъ слишкомъ дорого стоющее искусство. Но эту матеріальную жертву городъ долженъ принять на себя, иначе въ музыкальной жизни Одессы окажется огромный пробѣлъ, который ничѣмъ нельзя будетъ заполнить.

И. М. Хейфецъ („Стар. театралъ").

– Полагаю, что сезонъ врядъ-ли будетъ значительнымъ и интереснымъ въ художественномъ отношеніи. Драмѣ въ Одессѣ количественно повезло: ей отводится два театра, – Городской и Русскій. Въ первомъ, конечно, есть возможность поставить дѣло широко и серьезно, но, при той спѣшности, съ которой это сейчасъ приходится дѣлать, врядъ-ли удастся составить дѣйствительно интересную и сильную труппу. Предвижу серьезныя затрудненія въ репертуарѣ: новыхъ пьесъ нѣтъ и поневолѣ придется пробавляться старьемъ. Хорошо, если это старое будутъ искать въ надлежащемъ мѣстѣ. Думаю, что одинъ Шекспиръ могъ бы дать не мало матеріала для постановокъ. Будутъ, вѣроятно ставить Батайля, Бернштейна, Рышкова,

благо надъ ними работать особенно не нужно. Въ Стамеровскомъ театрѣ навѣрно водворится опереттa. Для этого вида искусства мнѣ кажется, сейчасъ весьма благопріятныя условія. Есть свободныя оперныя силы, привлеченіе которыхъ къ опереттѣ могло-бы придать дѣлу блескъ и красоту настоящей музыкальности. Къ тому же имѣется цѣлый рядъ новинокъ, опереттъ Легара, Фалля и другихъ композиторовъ, еще не шедшихъ въ Одессѣ. Вы спрашиваете еще, можно-ли сулить театру въ предстоящемъ сезонѣ матеріальнаго успѣха? Все, конечно, зависитъ отъ того, какъ будетъ протекать наша политическая жизнь. Если только будетъ налаживаться порядокъ, будетъ свѣтъ и безопасность при хожденіи по улицамъ ночью, въ хорошихъ сборахъ недостатка не будетъ.

Н. И. Собольщиковъ-Самаринъ
(Шаржъ).

Лоренцо.

– Что я думаю о зимнемъ сезонѣ? Полагаю, что онъ будетъ не хуже прошлогодняго. Я лично не окрыленъ на этотъ счетъ особенно радужными надеждами, но пессимистически на будущее отнюдь также не смотрю. Вѣдь въ сущности, что бы тамъ ни говорили, условія для правильнаго функціонированія театральнаго предпріятія ничуть не нарушены. При томъ общемъ чудовищномъ вздорожаніи жизни, которое мы видимъ кругомъ, театръ вѣдь всего менѣе вздорожалъ. Возьмите, напримѣръ, оклады актеровъ. Въ сущности, они возросли въ среднемъ всего лишь въ 8-10 разъ, по сравненію съ дореволюціоннымъ временемъ. А цѣны на мѣста повышены въ 20-25 разъ. Драма, дѣлавшая въ 13-14 годахъ при полномъ сборѣ 1300 руб. (безъ налоговъ), сейчасъ даетъ 28000 р. Есть-ли при такихъ условіяхъ, основаніе думать, что драма не можетъ себя окупать? Антрепренеры, правда, указываютъ на то, что безумно возросли цѣны на матеріалы, необходимые для новыхъ постановокъ: холстъ, краски, лѣсъ и проч. Но они прекрасно выходятъ изъ этого затрудненія тѣмъ, что ничего, въ сущности, не дѣлаютъ для новыхъ постановокъ. А на интересъ къ театру со стороны публики антрепренеры жаловаться не могутъ.

БЫСТО ПРОДАЕТСЯ.

Комиссіонный
магазинъ
„Взаимотрудъ“
Дерибасовская, № 20.
имѣетъ для продажи: Большой выборъ бриллiантовъ, золото, серебро, мѣха, карак. саки, ковры, готов. платье, сундуки дор., автомобили, экипажи, а также огромный выборъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ.
Пріемъ вещей на комиссію
ежедневно отъ 10—4 час. дня.
ВЫПЛАТА ВЕСЬ ДЕНЬ.

БѢГА и СКАЧКИ — будутъ по — Воскресеньямъ и Четвергамъ
22, 26, 29 сентября; 3, 6, 10, 13, 17, 20, 24, 27, 31 октября; 3, 7, 10, 14 и 17 ноября.
Начало въ 1 часъ дня.
Сообщеніе трамваемъ. Оркестръ духовой музыки. 4-я ст. Ср.-Фонтанской дор.

Первоклассный Кафе-Ресторанъ
бывш.
„КАФЕ-СКВЕДЕРЪ“
Г. П. КАКАВУЛИ
Гаванная 12, уг. Дерибасовской, вновь отремонтированъ и при немъ открыто
ДАМСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
роскошно обставленное, ежедневно играетъ квартетъ музыки. Первоклассная кухня подъ наблюденіемъ опытнаго шефа.

Сатирич. журналъ
БОМБА
выйдетъ на дняхъ.
3 краски,
Карикатуры шаржи.
Редакторъ Незнакомецъ

Домъ кружка Артистовъ
Келодезный пер. 9, тел. 16-36.
Сегодня премьера. III цикл
ГАСТРОЛИ
М. П. ЮРЬЕВОЙ
Баръ МОРФЕССИ.
Съѣздъ съ 10 час. вечера.

Ресторанъ Кабаре **Трокадеро**
Кондратенко, 37.
Сегодня и ежедневно Увеселительные вечера
КОНЦЕРТЫ-КАБАРЭ
при участ. луч. артистич. силъ.
Во время обѣда отъ 1 до 5 час. играетъ струнный концертный оркестръ.
Мясной обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ съ хлѣбомъ и услугами 45 р.
Завѣд. сценой А. ЧУДИНЪ.
Отвѣтст. расп. ФОТИ ГОЛЯШ.

ПОСИДѢВШІЕ ВЪ
— Ч. К. —
ПОПРАВЛЯЙТЕ ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ
Питательной КРУПОЙ
„ГЕРКУЛЕСЪ“
— ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. —
КОНТОРЫ:
ОДЕССА. Ришельевская 7. Телеф. 40-63.
НИКОЛАЕВЪ. Пушкинская 1. Телеф. 4-24.

Ежевечерно КОНЦЕРТЫ-КАБАРЭ
„О Р Т“
Ланжероновская, 24. Телеф. 7-55.
при участіи лучшихъ артист. силъ
Миніат.. Инсценировки. Дубки и пр.
Вниманіе публики
КАЖД. НЕДѢЛЮ НОВ. ПРОГРАММА
Режис. КАСАТОВЪ. Начало въ 7 ч. Дирекція

Фребелевскіе Курсы
и
ДѢТСКІЙ САДЪ
При гимназіи С. А. Верцинской
Начало занятій въ младшихъ классахъ октября

БОЛЬНЫЯ **ГАЛОШИ** ЛѢЧИТЬ
резиновая „ПОДОШВА“ въ Пассажѣ.

Элана*

Софизмы против сафизма

Однажды Пегасу попала шлея под хвост. Шлея — это часть конской упряжи, которая удерживает на месте хомут. Встав на дыбы, Пегас обрушился на первого попавшего на пути старика, серьезно забив ему причинное место.

На беду, старик оказался основоположником психоанализа. Путь — тропой вдохновения, а Пегас — пристяжным конем в колеснице муз, тех самых, которые долго объезжали стороной старика, игнорируя его просьбу покататься на Пегасе.

В отместку музам он и заявил, что женщины — это кастрированные мужчины, а побудительные причины каждого их действия, бездействия и, конечно, стремления к замужеству, объясняются так называемой "*penis envy*" — завистью к неотрезанным мужским гениталиям.

Это сногсшибательное заявление, несмотря на то, что его автору так и не удалось оседлать Пегаса, уже второй век репрезентует нашу фаллоцентрическую цивилизацию.

Но фрейдовская логическая цепочка: "Женщина хочет замуж; муж имеет фаллос; таким образом, посредством замужества женщина хочет добыть себе фаллос", — на самом деле представляет собой софизм.

Софизмы — это короткие псевдологичные цепочки, которые убедительно выдают за истину какой-нибудь абсурд или нелепость. Еще приемный отец софистики Протагор признавал, что главное для софиста — не истина, а практическая выгода, и потому он должен при помощи хитроумных уловок в рассуждении представить сильным любой слабый, но выгодный ему аргумент.

Например так: "Полупустое — это то же, что и полуполное. Если равны половины, значит, равны и целые. Следовательно, пустое — это то же, что и полное". Соответственно, если полупенис есть то же, что и полуфаллос, то пенис — это и есть фаллос. Так слово "фаллос" стало эвфемизмом для обозначения пениса.

По латыни *penis* — это хвост. Хвост — это хоть и рудимент цивилизации, но реальность. Фаллос же — это идея. Несбыточная для человечества идея перпетуальной эрекции, обладающей особой магией и силой.

* Элана — литературный псевдоним Эланы Соколовой, прозаика и психолога. Одесситка, она сейчас живет и работает в Вашингтоне. В Одессе вышла ее книга "Женщина: мессия или миссия". Сейчас Элана работает над второй книгой, которая также будет опубликована в Одессе.

Вначале фаллосом называлось изображение — нарисованное, высеченное в камне, вырезанное из дерева, — постоянной эрекции, то есть принятие желаемого за действительное. Так как наша цивилизация является фаллоцентрической, то есть сконцентрированной на желаемом, а не на действительном, то софистика, доказывающая тождественность пениса фаллосу, не могла не польстить мужчинам.

Мужчины и софизмы нашли общий язык еще и потому, что подобное тянется к подобному: если одни из них поверхностны — то и другие тоже страшатся глубины. Одни из них кратки — и другие боятся длительности. Одни из них сухи — и другие сторонятся эмоций. Одни из них обманчивы — и другие опасаются правды.

Но главное — одни блестят так, что помогают другим отзеркалить от себя свою собственную зависть.

Чему же завидуют мужчины?

Новые психоаналитики открыли, что фрейдистские софизмы отражают мужскую зависть не к способности женщин рожать, как считалось ранее (процесс родов как раз не отличается в условиях фаллоцентризма завидной привлекательностью), а к способности творить людей задолго до их зачатия.

По мнению биохимиков, на клеточном уровне будущий человек испытывает все химические реакции своей будущей матери на окружающий ее мир. К моменту зачатия глубинное подсознание ребенка уже во многом сформировано жизненным опытом матери, ее мыслями и чувствами, людьми, с которыми она общалась, ее ритмами. У единоутробных сестер и братьев схожая ткань подсознания, к которой отцовские хромосомы не имеют никакого отношения.

Но они имеют отношение к другому. На ранней стадии эмбриогенеза все зародыши обладают женским генитальным аппаратом: миниатюрными яичниками, маткой и половыми губами с желобком по краям. Если они продолжают развиваться вместе с зародышем, то зародыш становится девочкой. Если же они останавливаются в развитии и срастаются — то получается мальчик. Следы сращения остаются у него в виде шва, который тянется через середину мошонки и промежности. Остановившаяся в развитии матка становится простатой.

Таким образом, не женщина является кастрированным мужчиной, а мужчина — стерилизованной женщиной. И стерилизация эта происходит на генном уровне благодаря отцовской хромосоме Y. В начале развития зародыша именно она останавливает в развитии потенциальную дочь, превращая ее в сына.

Таким образом, мужчина является остановившейся в развитии женщиной.

В пчелином царстве остановившаяся в развитии личинка царицы становится рабочей пчелой. Она строит соты, приносит с цветов нектар и пыльцу, выкармливает детей, поддерживает чистоту в улье. Рабочая пчела живет для царицы, а не стремится поменяться с ней местами, так как в природе нет псевдологики. И потому у рабочей пчелы не вырастают крылья.

Но псевдологика дает крылья мужчине. Обиженный музами Фрейд заявил: "Женщина жаждет получить фаллос, но в результате замужества получает ребенка. Ребенок удовлетворяет жажду женщины, следовательно, ребенок заменяет ей фаллос". Этот софизм кажется смешным, но он не просто ставит фаллос на уровень человека, но и одушевляет его.

Без комментариев ясно, что никогда и нигде никакая мать не отождествляла своего ребенка с фаллосом. Зато именно мужчина относится к пенису как к дитяти, по причине неспособности создать настоящее дитя, чья кровеносная система была бы связана с его собственной и чье тело произрастало бы из его тела.

Эта неспособность дает ему ощущение пустоты и ущербности. Его страшит, что, приблизившись, женщина увидит эту пустоту. И уйдет. А страх быть покинутым женщиной восходит к первичным страхам бытия, когда ее присутствие означало тепло, пищу и жизнь, а отсутствие — холод и смерть.

Мужчина не чувствует в себе перерождения, потому его страшит окончательность смерти. Чтобы не дать женщине увидеть его страх, он старается не дать ей приблизиться, держит ее на расстоянии, не пускает за возведенные им стены.

Или покидает ее первым.

Этим он сам лишает себя любви и становится "вещью в себе", изолированной и одинокой. Эту вещь он с гордостью называет "настоящим мужчиной", а свое глубинное одиночество — "мужественностью".

Мужественность — это искусственная псевдологичная конструкция фаллицизма. В военное время она означает готовность убить человека. В мирное — готовность убить его в себе. Эта конструкция заставляет мужчин глубоко хоронить свои человеческие качества и эмоции, потому что он ассоциирует их с другой искусственной псевдологичной конструкцией — женственностью.

Женственность, согласно фаллицизму, это слабость. Слабость — это недостаток. Так как все недостатки — это продолжения наших достоинств,

то на помощь опять приходит псевдологика, представляющая слабое сильным, а сильное слабым.

Выражение "слабый пол" появилось в конце XVII в. — в эпоху корсетов, кринолинов и искусственных обмороков. С тех пор женственность обязывает женщину быть не только глуповатой и беспомощной, но и неестественно одетой. Высокий каблук — это символ ее патриархального отрыва от земли, то есть от природы.

Отрыв от природы называется цивилизацией. Цивилизация ставит женщин и мужчин на не предназначенное им природой место. Она одаривает Адама характеристиками Евы — смелостью, любознательностью, активностью, независимостью, логикой, решительностью, объективностью. Неудавшихся женщин цивилизация меняет местами с фрейдовскими *hommes manques.*

Однако, производя эту замену, она взваливает на мужчин груз, который они нести не в состоянии. Мужской организм не приспособлен к перегрузкам цивилизации, его нервная система и психика страдают от постоянных попыток быть тем, чем он быть не может.

От этого стресса он надеется спастись внутри женщины, в то же время не пуская ее внутрь себя, чтобы не дать ей увидеть там его страх. И потому, ускользая от глубокого сближения с одной, он поверхностно сближается со многими.

Мужскую гиперсексуальность объясняют тем, что его инстинкты со времен приматов осталась чисто-репродуктивными. Это объяснение — очередной софизм. "Власть отцов" всегда стремилась свести все побудительные причины человечества к репродукции, опуская человека до уровня одушевленного фаллоса.

Мужская гиперсексуальность — это отчаянная попытка доказать самому себе главный постулат фаллицизма: ценность фаллоса. Но доказательство не приводит его к цели, потому что он пытается доказать ложный постулат. Так как он доказывает ложный постулат, он "должен" доказывать его снова и снова.

Выбиваясь из сил, он развивает все больше неврозов и фобий; его пугает мир, потому что он "должен" его покорять. Его пугают женщины, потому что он "должен" их превосходить. Его пугают мужчины, потому что он "должен" воевать с ними за место в иерархии. Его пугает эмоциональность, потому что она ведет к правде, и больше всего его пугает правда, потому что она не на его стороне.

Правда же состоит в том, что фаллоса нет, а есть пенис, который на са-

мом деле контролируется женщиной. И его обладатель, как и он сам, всю жизнь чувствует необходимость состоять под ее контролем.

Каждый "настоящий мужчина" в глубине души отчаянно жаждет, чтобы мудрая Мама заботилась о нем, позволив ему забыться в ее объятиях, и только играть, спать, кушать и пить — то есть "делать что хотеть" и не быть никому ничего должным. Мужчину тянет к женщинам потому, что в его глубинном подсознании остался импринт огромного защитного потенциала той, внутри которой он созрел. С ее помощью он надеется спастись от невыносимого для него груза "мужественности" и стать самим собой.

В каждой новой женщине он ищет потенциальное спасение. И каждая действительно по мере сил спасает его. Одна — несколько минут, другая — несколько месяцев, но ни одна не может сделать этого навсегда. Потому что спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

С этим связаны все выдуманные мужчинами культы "спасителя": вот придет, мол, некто — и спасет. А некто не приходит, потому что его нужно спасать самого. Но на пути спасения мужчин от давящей их искусственной мужественности встает искусственная женственность. И если жизнь начинается задолго до зачатия, то девочки впитывают свой гендерный стереотип не с молоком матери, а намного раньше — с ее биохимическими внутриутробными коктейлями. И потом в процессе социализации они все больше убеждаются в своей слабости и второстепенности.

Потому спасение не наступает... Если "человечность" — это признак слабости и второстепенности, то мужчина прячет свою душу за щитом эгоизма и агрессии. И иногда прячет так, что уже не может найти никогда.

Современная психология говорит, что страх — это основа агрессии. И не обязательно физической. Живя в постоянном страхе быть разоблаченным женщиной, мужчина часто наносит ей так называемый "превентивный удар": удар эмоциональный. Моральный. Или физический. Этим он и разоблачает себя, доказывая ей свою пустоту.

И тогда она отвлекается наконец от навязанной ей фаллоцивилизацией изнурительной погони за несбыточным и начинает открывать в себе свою естественную природу.

Женщины до сих пор умеют, любят и главное — не боятся общаться. Они делятся чувствами, мыслями и стихами. Они поддерживают друг друга в беде, вместе плачут и смеются. Дарят друг другу подарки. Дают житейские советы. Они до самых Марианских впадин открывают друг другу сердца и души.

И, случается, женщины находят в женском обществе столько душевного понимания и поддержки, что становятся очень близки друг другу. Так близки, как никогда не были близки ни с мужьями, ни с детьми, ни с родителями, потому что женщин не пугает ни глубина, ни правда, которая всегда на их стороне.

В распиаренном мужчинами бытовом понимании под любовью женщин друг к другу имеется в виду замещающий вид эротизма, вызванный отсутствием "нормальной" сексуальности. Конечно же, "нормальной" в мире фаллоцентризма считается лишь сексуальность, сконцентрированная на фаллосе. Он утверждает, что между женщинами не может быть ни любви, ни даже дружбы, а настоящей целью их взаимонаправленности является разжигание интереса мужчины.

Но когда новые психоаналитики, наконец, поставили в центр внимания не мужскую, а женскую природу, они были поражены, насколько она интенсивна, избыточна и не скована никакими границами. И если для мужчины природа предназначила служить женщине — то естественная природа самой женщины не ограничена ничем.

Если, к примеру, представить мужчину Солнечной системой, тогда женщиной становится вся Вселенная, с созвездием Андромеды, с Большой Медведицей, с бессчетным количеством галактик, солнц и лун внутри нее. Она сама не знает своего потенциала. А Солнечная система — это хоть и неотделимая, но ограниченная часть Вселенной. И лишь потому, что Вселенная непостижима для человеческого понимания, Солнечная система не становится ее центром.

По мнению радикальных феминисток, когда-то амазонки захватили несколько греческих островов и основали на них колонии, посвященные поклонению женским принципам, как позже христианские монастыри посвящались поклонению мужчине. Это была территория свободных от мужчин женщин Средиземноморья.

Но историко-археологические данные доказывают, что амазонкам не было необходимости захватывать эти острова, потому что культура Крита, Сицилии, Родоса, Лесбоса и др. и так была эгалитарной. Социальный статус женщин был высоким, свобода неограниченной, а имущество наследовалось по женской линии.

Испокон веков на этих островах, как и в некоторых других областях Греции, процветал культ бережных чутких отношений, а также интуитивных — так называемых "непроникающих" — видов эротизма.

Душа — это чувства и больше ничто, таким был девиз свободных женщин Средиземноморья. В их мире также бурно развивалось искусство общения и утонченной эротики; существовало искусство довести собеседницу до оргастического экстаза мелодией, песней, оригинальной мыслью, тонким разговором. "Женщины любят ушами" — дошло к нам именно из того времени, в котором процветало устное творчество.

На весь античный мир гремели имена очаровавших его поэтесс и мыслительниц: Эринна с острова Родос, Телесилла из Аргоса, Коринна из Беотии, Праксилла с Коринфского залива, Анитэ из Аркадии, Носсис из города Локри — это лишь несколько из чудом дошедших до нас имен.

Сегодня эти женские имена известны лишь специалистам и любителям античной литературы.

Но есть имя, которое знают почти все. В основном, потому, что фаллицизм связал с ним то, что сам зачислил в реестр патологий и девиаций, требующих психиатрической помощи: симптомы интереса женщин друг к другу (интереса, сконцентрированного не на привлечении мужчин) фаллическая медицина назвала сафическими, а сам такой интерес получил название сафизма.

Знаменитая Сафо, или Сапфо, была поэтессой песенной лирики — "мелики" (от "мелос" — "песня"). Хотя, в основном, песни Сафо дошли до нас в виде цитат в трудах авторов-мужчин, но любовь женщин друг к другу была названа ее именем, потому что именно она осталась в истории первой из последних представительниц женской свободной мысли. Той безгранично-чувственной мысли, которую апологеты фаллицизма вскоре ограничат лишь сексом, потом извратят, а еще позже растопчут, раздавят и уничтожат.

Сафо родилась около 620 г. до н. э. в Митиленах — крупнейшем из городов Лесбоса, от которого и пошло второе название. До нас не дошло никаких фактов о ее происхождении. При углублении в сохранившиеся отрывки можно предположить, что родилась она в высокопоставленной семье, потому что получила блестящее образование. Но опять же, в нефаллических обществах высокий уровень образования был доступен всем, так как эти общества не делились по вертикали от безграмотных рабских низов до элитной верхушки. Эолийцы, к которым принадлежала Сафо, были одним из самых образованных и музыкальных народов Средиземноморья.

Сафо познала громкую славу еще при жизни. Вся Греция стонала от восторга перед ее гением, ей ставили статуи, ее лицо чеканили на монетах.

"Сафической строкой" был назван тип чередования ударных и безударных слогов ее песен. Ее уважали Алкей, Плутарх и другие великие люди древности. Мудрый законодатель Солон, услышав на пиру одну из песен Сафо, воскликнул: "Я хочу выучить это и умереть!".

Поэтической форме Сафо подражал Гораций, высоко ценивший эолийскую лирику, и "певец страстей" Катулл. Платон произвел ее в "Десятые Музы". Овидий в "Науке любви" советовал молодежи изучать песни Сафо. Сократ считал ее своей "наставницей в любви".

А любовь была для Сафо "сладостно-горьким чудовищем, от которого нет спасенья", бездной, стихией. Действие ее поэм происходит у журчащих прохладных ручьев, среди деревьев священной рощи Богини. Природа сливается в них с чувствами, а чувства — с мелодиями. Ее слова поражают обнаженной искренностью:

"...Огонь под кожей, звон в ушах,
Нежный огонь разливается в моей груди,
Когда я вижу тебя
И с душой, полной сомнения,
Я безмолвствую..."

По поводу отношений Сафо к женщинам с древности существовали разные суждения. Во-первых, современницы и современники Сафо считали "непроникающую" чувственность естественной частью жизни. Лукиан писал в "Диалогах", что женщины Лесбоса действительно предпочитали утонченный эротизм примитивной физиологии, и Сафо нашла "непроникающую проникновенность" в обычаях своей страны, а не изобрела сама.

Во-вторых, современные исследователи считают, что хотя Сафо была лесбийкой всегда, но лесбиянкой ее сделали лишь после смерти. Начало этому положили афиняне. Они относились к свободе эолийских женщин с точки зрения своей фаллической реальности. Не понимая смысла поэзии Сафо, но завидуя ее славе, афинские комики добивались популярности высмеиванием стихов "фиалкокудрой" поэтессы, ее жизни и даже внешности.

Позже женское свободомыслие стало виновно во всех проблемах фаллоцивилизации: "Лесбиянизм способен подорвать стабильность нашего государства", — говорили афиняне. Эстафету подхватили римляне. "Падение империи начинается с падения женщины". Конечно, с ее падения в лесбиянизм.

Но на самом деле любовь к природе или музыке не отличается от любви к человеку. По крайней мере, не отличалась в нефаллических обществах, в которых акцент ставился не на физиологии, а на отношениях — то

есть на бережности и чуткости по отношению и к людям, и к животным, и к деревьям.

Пол имеет значение лишь для репродукции, не больше. Но если репродукция окрашена Отношением, то рождаются хоть люди, хоть быстроногие скакуны с самым высоким потенциалом.

Сафо воспевала многогранное чудо женской природы, а вовсе не однополую физиологичность и плотское гомосексуальное влечение. Позже поэтессу превратили в лесбиянку людские примитивность и невежество, несмотря на то, что многие из ее сохранившихся строк рисуют ее матерью и женой, а некоторые, например, "Гимн Афродите", ясно говорят о любви к юношам.

"...Афродита!
Ты помнишь, сколько раз
Ты с трона своего шла на мой зов?
Однажды моим взорам предстала
Твоя колесница, которую влекли быстрые птицы,
И ты опустилась с небесного свода,
Ты хотела тогда, любимая богиня,
Узнать мое горе, исполнить мои желания.
"Сафо", — говорила ты мне, смеясь:
"Моя Сафо, какая обида вызвала твое горе?
Страстью какого неблагодарного юноши хочешь ты завладеть?
Иди! Тот, кто бежал тебя, будет следовать за тобой,
Кто отвергал твои дары, будет их добиваться,
И ища в твоих глазах или своей погибели, или твоей милости,
Твой гордый враг будет дрожать перед тобой!.."

К сожалению, мы не можем в полной мере оценить гений Сафо, потому что античная музыка не дошла до нас, а именно эффект сочетания ритма слов с мелодией и доводил до экстаза ее слушателей.

Она выражала себя не только в песнях. Сафо возглавляла в Митиленах школу риторики, которая была так знаменита, что люди приезжали из дальних земель лишь для того, чтобы услышать ее. В этой школе учили размышлять и излагать свои мысли, избегая догм. Позже мужчины назвали эту школу "школой гетер".

"Человек есть мера всех вещей" — это было сказано женщинами-философами за сотни лет до Протагора, который остался в истории лишь потому, что под "человеком" стал подразумевать "мужчину". Позже мужчины растащили по своим трудам мысли и открытия женщин-философов, и начинили их софистикой.

В нефаллических обществах не было истины, единой для всех. Мыслительницы учили, что истина у каждого своя, потому что все люди мыслят по-разному, исходя из своего разного жизненного опыта, и это ведет к принятию того, что все относительно. Из этой всеобщей относительности складывается общая картина мира. Потому глупо сражаться друг с другом за одну универсальную истину — ведь ее попросту не существует.

Относительность была основой их мировоззрения. Позже софисты Протагора за деньги выворачивали ее наизнанку и становились субъективистами, индивидуалистами и скептиками на платной службе фаллицизму.

С их помощью он приспособил древнюю философию для пропаганды своих ценностей.

При всей ее страстности, в стихах Сафо нет ни вожделения, ни похоти. Нигде нет даже намека на физиологичность. Фаллицизм же с помощью софистики ставит во главу угла не просто неодушевленного мужичка, но неодушевленного мужичка с одушевленным фаллосом. Он воспринимает женское равнодушие к фаллосу, даже периодическое, как смертельную угрозу своему существованию. И потому наносит "превентивный удар" по природе жизни — софизмами по сафизму.

Под его ударами изысканное искусство вербального и интеллектуального эротизма уступило место грубой пошлости. Поцелуй — важный источник интуитивной информации, передаваемой дыханием, вкусом и запахом (чувствительность губ в 200 раз выше чувствительности пальцев), — стал карикатурой на себя, вульгарным прикосновением широко открытого рта.

Замученные фаллицизмом люди стали неспособны к интуитивному эротизму. Фаллическая наука веками постулировала, что настоящий мужчина (тот неодушевленный мужичок) "должен" осчастливить женщину "мужественностью" фрикций, не прибегая ни к каким другим эротическим воздействиям. И женственная женщина обязана осчастливиться...

Это противоречит законам природы. Когда в XIX веке было определено, что почти 90 процентов женщин знают лишь клиторальный оргазм, для которого мужественность фрикций — что мертвому припарки, тогда фаллицизм сел в лужу. Ненадолго. Подоспел ушибленный Пегасом Фрейд и с помощью софистики объявил клиторальность инфантильностью. Подмоченный фаллицизм поднялся и радостно зааплодировал.

Но женская природа живет по своим особым законам, вне зависимости от того, признаются эти законы или отрицаются. Известно, что незна-

ние законов не освобождает от ответственности, в данном случае, от ответственности перед природой.

От природы и было неотделимо творчество средиземноморских женщин. С началом классического периода оно сошло на нет. Свободные поэтессы и мыслительницы цвели в расцентрализованных культурах и увядали под давлением вертикальной централизующей силы.

В начале III в. до н. э. в Мусейоне — знаменитой Александрийской библиотеке — аккумулировались папирусы с копиями самых известных работ. Именно в это время Сафо была признана величайшей лирической поэтессой всех времен и народов, а ее поэмы канонизированы.

В Мусейоне хранились все Девять Книг Сафо. По сохранившимся свидетельствам, одна из этих Девяти Книг содержала 1320 рукописных строк. Все они погибли в огне пожара, уничтожившего другие бесценные книги Мусейона. Тем не менее, в других библиотеках копии книг Сафо хранились еще долго.

С наступлением на Европу средневекового мракобесия — примерно с IX в. — все эти копии исчезли. По легенде, они были сожжены раннехристианскими фанатиками. Из тех, которые погубили Ипатию. Но никакой точной информации о том, кто именно сжег ее книги, до нас не дошло. Ко времени Ренессанса имя Сафо дожило лишь благодаря мимолетным упоминаниям в работах авторов-мужчин.

Но можно ли верить мужчинам, которые так никогда и не объяснили нам причин уничтожения книг Сафо и сохранения, например, книг Гомера?

Гомер жил за несколько веков до Сафо. Протагор жил через полтора века после нее. Многостраничные труды обоих этих мужчин сохранились, несмотря даже на то, что книги Протагора сжигались из-за их близости к сафизму. А от поэм Сафо дашло до наших дней 213 фрагментов, и большинство лишь длиной в две-три строки.

Куда же делись ее Книги — все Девять? Был ли эпос Гомера талантливее, чем лирика Сафо, или война важнее любви? В школах изучение русской литературы начинается со "Слова о полку Игореве", а мировой — с "Илиады". Высшие идеалы человечества воплощает военная литература. Сафо и ее плеяда исключены из школьного курса, потому что читать о журчащих ручьях и любви неприлично. Прилично читать об оружии и насильственной смерти.

Это и есть главный убийственный софизм нашей милитаризированной цивилизации.

XX век не только полностью вернул Сафо ее место в истории, но и открыл нам путь к осознанию. Идти по нему в XXI веке или нет — это наш выбор. Конечно, нам далеко до безграничного свободомыслия людей древности — мы по рукам и ногам повязаны фаллической софистикой. Но настоящая любовь софистике не подчиняется, будь то любовь к миру, растению, музыке или человеку: в ней главное — отношение.

Это тот главный закон природы, про который забыли, и Сафо — это доказательство, потерянное во времени. Но истинное никогда не теряется навсегда, оно возвращается, как трава весной, как почки на деревьях, как сама жизнь.

И потому все дороги ведут обратно к ней.

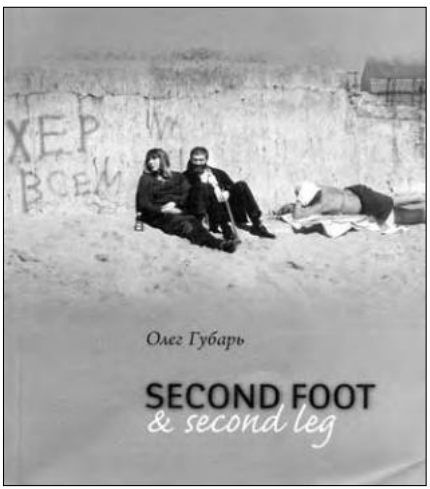
"...Музы дали мне
Много-много счастья в моей жизни
И потому, когда я умру,
Я не буду забыта никогда..."

Вашингтон

Феликс КОХРИХТ

О! Укрой свои белые ноги!

Призыв Валерия Брюсова, обращенный ко всем поэтам мира, мог бы стать эпиграфом к новой книге Олега Губаря "Second Foot"*, хотя, на мой взгляд, куда органичнее был бы зачин бессмертной народной пестни о том, как "мыла Марусичка белые ноги".

Это вовсе не значит, что труд нашего ученого и искушенного друга — учебник по сравнительной практической анатомии, дневник, не к ночи будет сказано, фетишиста или пособие для работников легкой промышленности, специализирующихся на производстве чулочно-носочных изделий, хотя именно этому аспекту темы автор уделяет значительное внимание, включив в свой текст обширный отрывок из производственной инструкции.

Те, кто внимательно следит за творчеством Губаря, наверняка заметили, что рецензируемая книга продолжает тему Вторичности: после "Second Hand" родился ответствующий "Foot", и следуя принципу подобия, нам остается ожидать дальнейших исследований в области как человеческого организма (сосуда, в котором плещутся при взбалтывании разные субстанции), так и нашей же психики, которая недалеко ушла от бренного тела.

Следуя теории Олега Иосифовича Губаря, следовало бы все это сдать в ломбард или в популярные нынче магазины "Humana", а на вырученные деньги посидеть с ним в кабачке "На семи ветрах". Но так уже бывало...

Соглашаясь или не соглашаясь с автором по поводу его философических построений, я с чувством удовлетворения и узнавания встречаюсь на страницах новинки со многими нашими друзьями и приятелями, в том числе и с самим собой как персонажем байки. А что есть байка, как не предтеча эпоса, — особенно в Одессе?

* Олег Губарь. Second Foot & Second Leg. Одесса. 2008. Фотографии Анны Голубовский и Ивана Череватенко

Безусловным и неотразимым аргументом автора в предъявлении Городу и Миру приговора: "В ногах правды нет, но нет ее и выше", — является его искренность и готовность обосновать этот печальный для нашего поколения вывод примерами из собственной жизни. Я того же мнения, хотя исходные позиции моего умозаключения несколько отличаются в пользу теоретических исследований, в то время как коллега Губарь отдает предпочтения полевым. На то он и географ-геолог по базовому образованию.

С трудом удерживаюсь от искушения продемонстрировать знание первоисточников и процитировать читателям альманаха отрывки из классиков, так или иначе касавшихся предмета нашего разговора — нижних дамских конечностей.

Вспомню лишь Пушкина, сетовавшего на то, что с трудом нашел в царской России одну-две (ну — три) пары стройных женских ног. Порадуюсь за Губаря — ему повезло больше. Но вспомню и генералиссимуса Суворова... В ответ завистникам, талдычивших о том, что всем своим победам он обязан везению, пылкий полководец воскликнул: "Раз — везение, два — везение, но дайте же хоть капельку ума!".

Губарю не занимать ни ума, ни везения. Вы убедитесь в этом, прочитав публикуемые нами фрагменты новой книги, но лучше — проглотите ее целиком.

Олег Губарь: "В ногах правды нет, но нет ее и выше"

> Ноги (и произрастающее между ними время) — великая (движущая) сила.

Ноги, которые мне импонируют, тоже ходят. Зачем они это делают? Для эстетики: мышцы накачивают.

> Музыкальные ножки ("как ножки у рояля") на самом деле напоминают балясины. Впрочем, балясины бывают не только фигурными, но и цилиндрическими, в форме дорожных столбиков на "стометровке".

Таня Коциевская права: если написать просто "Second Foot", будет не вполне адекватно. Возражаю, что если "Second Leg", то получится не вполне понятно соотечественникам. Поэтому продублировал. Роза Рабзи уточняет, впрочем, что снежного человека называют Bigfoot, то есть

большая ступня. Потому что замечательного этого человека никто никогда не видел, а только большие отпечатки его ступни. Как все, однако, гениально эфемерно.

Вторые ступни (foot) и все остальное — от бедра (leg). Оказывается, существует прямая этимологическая связь меж ними и рюмками, чарками, бокалами, стаканчиками, стопочками. Потому что стопка — это стопа, плоскодонное копытце. В.И. Даль: "Стопка, стопочка — то же, что стакан, кружка, чарка, бокал; большею частью без ручки, без пережабины, прямая либо с развальцем"; "у оленя копыто стопкою". А рюмка — это "стопа на ножке", то есть стопа на голени. О ногах бутылочной формы я уже упоминал в "Second Hand". Все здоровые грехи взаимосвязаны.

Книга о ногах. Почему бы нет. Своей дорогой они всегда плетутся в одиночку.

Ноги надо оформлять. Вещами. Полезными. В данном контексте. Носками, чулками, колготками, гетрами, гольфами, кюлотами, бриджами, шортами, штанами, шароварами (с декорированием шароварами у нас, бляха, все в порядке), обувью на платформе, откуда, согласно расписанию, уходят из пункта А в пункт Б. Счастливого пути! И спать у этих ног, "как мирный городок у горного провала".

Какие, однако, ноги идут ко мне в руки!

не отходят воды Леты омывая ноги Лене я бы выпил тазик этот чтобы море по колено мне бы Лену взять на жалость да вприхлебку с мыльной пеной чтобы ноги обнажались не степенно постепенно развивая эту тему спеть ногам про Рио-Риту их умащивая кремом фирмы бойко-знаменитой чтоб с тоскою всероссийской распрощались чтоб высоткой иль столпом александрийским устремлялись в небо кротко

Правда в комплект ног не входит.

Павел СИДОРОВ

Серебряная свадьба

В первый раз мы встретились на танцплощадке. Она пригласила меня на медленный танец. После нескольких туров положила мне голову на плечо. Я подождал еще два тура и поцеловал ее в ухо. Тася дала мне пощечину и убежала.

Позвонила через два дня и сказала, что у нас будет ребенок. Объяснила, что безопасные поцелуи — это только в руку, и не выше локтя, а выше шеи могут привести к внематочной беременности.

Мы расписались. Родился мальчик, очень похожий на Александра Сергеевича Пушкина. Тася объяснила это тем, что в десятом классе читала "Евгения Онегина", что Пушкин живет в сердце каждого из нас и его гены могут проявиться в любой момент.

Через два месяца она сказала, что полюбила другого человека, и уехала с ним в Ростов. В 1978-м вернулась с тещей, — он оказался подлецом. Попросила называть тещу мамой.

Через полгода уехала снова, оставив у нас с Сашей маму, — и вернулась только в 1983-м, — он оказался подлецом и многоженцем. Через три месяца вернулась к первому подлецу.

Осенью 1987-го года вернулась к нам окончательно, подала на развод и отсудила у нас одну комнату. Сдала ее цыганам.

В 1993-м прислала поздравительную открытку маме и Саше к 7-му Ноября. Маму к тому времени три года как похоронили. Я ей об этом написал, и Тася немедленно примчалась, уже в 1996-м. Подала в суд на меня, на врачей в поликлинике и на цыган. Сходила на Сашин выпускной вечер. Уехала в Египет по брачному объявлению.

Следующее письмо пришло из тюрьмы в газету, а потом уже переслали нам. На деньги, что собрали мы с первым подлецом, вернулась на родину ко второму подлецу. Подала на Сашу на алименты по содержанию родителей, но оформить их не успела, так как попала в больницу в травматическое отделение, потому как в то же время к многоженцу неожиданно вернулись три из пяти жен. Сейчас говорить Тася практически не может, а есть может только каши, что мы с Сашей носим, но мы не теряем надежды на ее выздоровление.

Так позвольте мне через ваш печатный орган поздравить мою жену с серебряной свадьбой и пожелать нам еще долгих лет любви и счастья!

Израиль

Нина ДАНИЛОВА

Дружба, любовь и математика

Уверена, что мои первые попытки подружиться с кем-либо были предприняты еще в родильном доме. Если бы человеческая память позволяла подобные экскурсы, я непременно вспомнила бы острое желание быть посвященной в сокровенные причины безмятежных улыбок или громкого плача моих соседей по колыбелькам. Неудивительно, что с такой любовью к сопереживанию я регулярно наращиваю количество подруг и друзей. И это замечательно, потому что мы всегда интересны друг другу, существуем в едином энергетическом пространстве, независимо от расстояния и частоты общения. Но есть особая категория — друзья детства, с которыми связаны несколько десятков лет жизни и множество забавных историй.

Самая древняя из подруг детства Лина была моей соученицей с четвертого класса. Жили мы в городе Одессе на Пересыпи, но затем родителям дали квартиру на Большом Фонтане, и мы с Линой вынуждены были расстаться. Однако наша дружба продолжалась в регулярных письмах, пока родители не стали разрешать нам ездить друг к дружке в гости в другой конец города. Обе мы были очень общительными и деятельными, хорошо учились, много читали, занимались в танцевальных ансамблях, не чурались и общественно-комсомольской деятельности. Лина много рассказывала мне о своих соучениках и учителях, особенно об учительнице математики, которая недавно начала преподавать в их школе после окончания университета. Анна Семеновна так страстно любила свой предмет, так необыкновенно ярко и талантливо умела увлечь своих учеников, что весь класс в короткий срок превратился в фанатов математики. А тех нескольких тупиц, с которыми этого не произошло, она буквально публично уничтожала каждый день своим яростным гневом, переходящим в презрение.

После окончания девятого класса в нашей жизни произошло необычайное событие, определившее судьбу многих из нас в совсем недалеком будущем. Одесский обком комсомола организовал в селе Дофиновка комсомольско-коммунарский лагерь "Звездная республика". Лине, у которой уже был некоторый опыт коммунарского общения, удалось уговорить моих родителей отпустить меня в лагерь. Мы жили в палатках на берегу лимана, работали на лесопилке несколько часов в день — лагерь был на самоокупаемости. Лесопилка переводила заработанные нами деньги в местную "Чайную", а там уж нас досыта кормили, в основном, хлебом и рисом. Все остальное время было предоставлено различным коммунарским за-

хватывающим мероприятиям: песням у костра, танцам до упаду, идеологическим дискуссиям, диспутам и т. д. Весь цвет одесского комсомола 60-х годов был представлен в "Звездной республике". Отличительным внешним признаком принадлежности к коммунарскому движению являлся пионерский галстук, который каждый из нас носил и днем и ночью. Видимо, обкомовские идеологи таким образом внедряли в нас установку на предохранение от совершения любых поступков не пионерского характера. Когда мой отец посетил наш лагерь, на него многое произвело сильное впечатление: и названия отрядов — "Первенец" и "Голубая планета", и особая наша гордость — новая деревянная уборная с романтическим названием "Бригантина", и единственный взрослый человек — директор лагеря студент-филолог Леня Сущенко. Времена были совсем другие, и можно свидетельствовать популярной фразой из фильма Рязанова: "Но секса не было!". Излишне упоминать о том, что все пространство от лимана и до морского побережья буквально искрило от романтических восторгов молодых коммунарских сердец. Сколько радости и счастья, многократно усиливающихся от сопричастности к самому главному — взаимопониманию единомышленников, — испытывали мы тогда! Песни Окуджавы, Визбора, Городницкого, Галича без устали перетекали одна в другую. У нас были и свои поэты, и художники, замечательный ансамбль гитаристов, убаюкивающий нас после отбоя мелодиями "Битлз". День всегда завершался в два часа ночи совместным произнесением основного постулата коммунарского движения: "Наша цель — счастье людей. Мы победим, иначе быть не может!". Здесь завязывались дружбы на всю жизнь, и зарождалась любовь, и это было естественно и неизбежно.

У меня начались романтические отношения с одноклассником Лины — Валерой, о котором она много рассказывала прежде. Это был высокий, очень симпатичный и несколько загадочный мальчик. Наши встречи продолжались и после грустного расставания с незабываемой "Звездной республикой". Он часто приезжал ко мне на Большой Фонтан, и мы с упоением проходили каждый раз столь необходимую в юности науку тысячи поцелуев в парке на скамейке и в подъезде перед расставаниями. Однажды этот увлекательный процесс заставил нас забыть о времени, и мои родители были вынуждены оставить его ночевать у нас, так как он опоздал на последний автобус. Ему постелили на раскладушке, которая стояла через стол от моей кровати. Родители спали в смежной комнате, естественно, с открытой дверью. При каждом его шевелении раскладушка издавала гнусный скрип, в ответ на который звучал папин "контрольный вопрос":

"Не спится, молодой человек?". Максимальное выражение наших бурлящих чувств завершилось тем, что Валера стал размахивать в темноте какой-то белой салфеткой, поутру оказавшейся маминым объемным бюстгальтером. Кроме поцелуев мы с Валерой еще иногда занимались математикой, так как я была хронической отличницей, а у него временами возникало недопонимание с преподавательницей Анной Семеновной. Впрочем, вскоре я узнала, что она сама предложила ему помощь в виде дополнительных занятий, ведь не за горами выпускные экзамены, а там и вступительные. Каждый раз эти занятия приводили его в невероятный восторг, которым он спешил поделиться со мной. Однажды я посетила их школьный вечер и была официально представлена Анне Семеновне как лучшая подруга Лины и "девочка" Валеры. Учительница была молода, и любовь к математике явственно проступала в ее чертах. Она сказала, что наслышана обо мне от Валеры, знает, какие оценки у меня по математике, впрочем, как и по другим предметам. Это прозвучало несколько осуждающе, я не соответствовала ее правилам соблюдения безусловных математических приоритетов. Прошло немного времени, и я начала чувствовать, что происходит что-то непонятное. Валерино увлечение математикой переросло в настоящую страсть! В то же время наши с ним отношения явно перешли в стадию, о которой Жванецкий сказал: "Не можешь любить — дружи!". Однажды Валера примчался ко мне совершенно потрясенный и в пылу плохо контролируемого возбуждения осветил некоторые подробности, свидетельствующие о том, что любовь к математике приняла у них с Анной Семеновной очень странные формы. Для меня это был двойной удар, как высокоморальной комсомолке и одновременно девушке, проигравшей любовное сражение. И кому! Разрыв между нами стал неизбежен. Я страдала молча, не имея возможности ни с кем разделить свою боль и обиду. Позже рассказывали мне, что их отношения (никем не доказанные) длились несколько лет после окончания школы. Анна Семеновна жила вдвоем с престарелой тетушкой, и Валера был частым и всегда ожидаемым гостем в их доме. Мы с Линой вскоре поступили в университет, а затем повыходили замуж, кстати, за бывших коммунаров из нашего судьбоносного лагеря.

Прошло 20 лет. Моя дочь Ира после окончания 8-го класса предприняла неудачную попытку поступить в одесское театрально-художественное училище. Она вынуждена была вернуться в свою школу в 9-й класс, чтобы пересидеть учебный год и повторить поступательный подвиг. С первых же дней учебного года Ира начала рыдать из-за новой учитель-

ницы по математике Анны Семеновны, которая пыталась заставить ее совершить невозможное — хотя бы что-нибудь сообразить по этому предмету. Судьба уготовила мне такое испытание — почему-то перевела эту замечательную учительницу преподавать с Пересыпи на Фонтан, да еще точнехонько в Ирину школу и класс. Трудно описать мои нравственные мучения! Ирка ревет, в школу идти отказывается — там каждый день скандалы и истерики. Учительница с годами явно нервную систему истрепала, требует в школу родителей самой тупой девицы. Если она меня узнает, может воспринять мой приход как намек на шантаж. Ведь ей прекрасно известно, что я все знаю лучше всех на свете о некоторых событиях в греховном прошлом. Я тянула время, сколько могла, но все же пойти пришлось. Мною было придумано компромиссное решение, как это принято в Одессе. Дело в том, что в те времена учителя математики должны были начинать преподавать в школах информатику, а это почти для всех было проблематично. Я решила предложить Анне Семеновне свою помощь в проведении экскурсий на вычислительный центр, где работала программистом. Была у меня все же надежда на то, что она меня не узнает через столько лет.

Всю ночь не могла спать от волнения, зашла в класс на большой перемене. Она сидела за учительским столом. Любовь к математике, сосредоточенная в ее чертах, с годами стала еще более зрелой и выразительной. "Боже мой, это же Нина!" — услышала я. Следующий вопрос был: "Что ты знаешь о Валере, где он сейчас?". Я в тот момент этого не знала. Но всю перемену она говорила о нем. В ее глазах стояли слезы благодарности и нерастраченной любви. Мне было сложно прервать поток воспоминаний и сознаться ей в истинной цели моего визита. "Какой ужас!" — произнесла она, поняв, кто моя нематематическая дочь. "Ладно, давай я буду сама с ней заниматься!" — последовало самонадеянное предложение. Вот тут я испугалась уже совсем не на шутку, так как знала, что в этом случае могут столкнуться невероятная сила любви к математике с равной ей по силе, мягко говоря, нелюбви. "Боже вас сохрани от такого напрасного каторжного труда!" Прозвенел звонок, я спешно пыталась объяснить ей, что с математикой у Иры совершенная безнадега, мы все уже перепробовали. Класс шуршал тетрадями, а она продолжала свои воспоминания быстрым шепотом. Я узнала о том, каким незащищенным и ранимым на самом деле был Валера, какое неописуемое благородство носил он в груди, каким умел быть нежным...

Ира, сидя за своей партой, напряженно грызла ручку в ожидании своей немилостивой судьбы. Наконец, Анна Семеновна вытерла слезы и сказа-

ла мне: "Огромное тебе спасибо. Ты даже не представляешь, что для меня сегодня сотворила — за долгие годы такой праздник воспоминания самого дорогого! Если что-то о нем станет известно, сообщи мне, пожалуйста, сразу". Я поняла, что пора ретироваться, и спросила одними дрожащими губами: "Как нам быть с Ирой?" — "Ладно, поставлю ей тройки — по умолчанию, не волнуйся. Найди мне его, прошу тебя!" — так же беззвучно произнесла она. Потом на расспросы дочери, из-за чего плакала жестокосердная учительница, я вынуждена была ответить: "Просто она поняла, что не сможет ни научить тебя математике, ни до конца года расстаться с тобой!". А что можно было еще сказать ей тогда?

Мне все же удалось помочь Анне Семеновне, но только не в поиске предмета любви, а в проблемах преподавания информатики. Провела несколько экскурсий с ее классами на ВЦ. И она сдержала свое слово — Ира перестала для нее существовать как иррациональная величина. На следующий год дочь поступила в свое училище.

Что касается Валеры, то нужно сказать, что уроки математики, которые преподавались с такой любовью, явно пошли ему впрок. Он стал вполне благополучным предпринимателем. По сведениям Лины, его жизнь удалась во всех аспектах. Но учительницу по математике все мы не забудем никогда. По разным причинам.

Иногда мы с Линой вспоминаем нашу далекую коммунарскую юность. После прожитых лет и осознания многих истин все давно перестали быть идеалистами, и основной лозунг, многократно повторяемый когда-то, сегодня звучит в вопросительной форме: "Наша цель — счастье людей? Мы победим? Иначе быть не может?".

А я часто вспоминаю слова песни Александра Дольского:

А года, а года все бегут в никуда,
И ложатся на лица тревоги.
И тусклей наша речь, от внезапности встреч
Удается сберечь так немного!
И все реже и реже мы теряем надежды —
Так легко было прежде нам надежды терять.
И все чаще и чаще в то далекое счастье
Нужно нам возвращаться, возвращаться опять!

Бат-Ям

"Городок" — пятый угол!

По заслугам

Пожилой мужчина интеллигентного вида (Хозяин) устраивается в кресле читать газету с вечерним чаем. Он явно наслаждается тихим домашним уютом. Вдруг из-за стены слышится пьяное разгульное пение. Хозяин недовольно морщится и привычно стучит кулаком в стенку.

Шум затихает, он возвращается к чтению, но почти тут же раздается звонок в дверь. Хозяин открывает. На пороге выпивший Сосед с хозяйственной сумкой.

СОСЕД: Альбертыч, ты звал? Я пришел!

ХОЗЯИН: Я, между прочим, всю жизнь работал, и нахожусь на заслуженном отдыхе. А вы отдохнуть не даете.

СОСЕД: Альбертыч, а я, между прочим, хочу поделиться своим счастьем.

ХОЗЯИН: Каким еще счастьем?

СОСЕД: Заслуженным. Тоже...

ХОЗЯИН: Выпить — вот и все ваше счастье! Люди всю жизнь трудятся, зарабатывают в поте лица, а вы... Но жизнь такая штука, что раньше или позже все получат по заслугам.

СОСЕД: Точно — все получат по заслугам! Я как раз сегодня уже получил. Во! (*Открывает сумку, в ней полно денег, у Хозяина отпадает челюсть.*) Это ты верно сказал, что в поте лица. Я когда в лотерейной карточке крестики ставил, так от волненья аж вспотел...

ХОЗЯИН: Рад... Очень рад за вас... А я сколько раз покупал эти лотерейки, и никогда, ну ни рубля...

СОСЕД: Да? А я вот только первый раз попробовал. И видал сколько? Так вот, хочу, значит, поделиться...

ХОЗЯИН: Со мной?! Поделиться?! (*Неотрывно смотрит на деньги.*)

СОСЕД: Да. (*Замечая взгляд Хозяина, забирает сумку за спину.*) Поделиться мыслями, что с ними делать!

ХОЗЯИН: Ну... Что обычно делают приличные люди с неожиданными деньгами? Обычно отдают их детям.

СОСЕД: Не-е, ну, ты скажешь тоже... Если сделать как обычно, то даже я столько не выпью. А уж дети так тем более...

Сосед откладывает с хозяйского кресла газету и садится.

СОСЕД: Мне, Альбертыч, твоя помощь нужна. Ко мне теперь из газет наверняка придут, брать интервью. Давай порепетируем, а то вдруг я еще не то ляпну. Спрашивай.

ХОЗЯИН: Ну, я не знаю... А что спрашивать?

СОСЕД: Ну... Спроси о международном положении, о моем отношении к расширению НАТО.

ХОЗЯИН: При чем тут НАТО? Вас спросят, например, про жену.

СОСЕД: Думаешь? Жалко. Про НАТО я как раз могу сказать два слова... А про жену только одно. И то его вряд ли напечатают... (*Трет виски.*) Голова болит ужасно! Ты знаешь, я сегодня начал задумываться... Начал задумываться... (*Задумывается.*)

ХОЗЯИН: О чем?

СОСЕД: Просто начал задумываться. Раньше никогда ни о чем не задумывался, а тут вдруг начал... (*Трет виски.*) И это ужасно!!

Сосед начинает петь дурным голосом грустную народную песню.

Хозяин по инерции стучит в стенку, потом спохватывается.

ХОЗЯИН: Я вас очень прошу... Тише!

СОСЕД: Скучный ты человек, нет в тебе настоящей жизни! Вот смотри, как в природе все продумано, все по заслугам, все по справедливости.

ХОЗЯИН: По заслугам? Это в каком смысле?

СОСЕД: В смысле, что мне вот в жизни повезло, а тебе нет. М-да... Вот куплю себе дом в теплых краях и уеду далеко-далеко...

ХОЗЯИН: Правда? Уедете отсюда? Ну, тогда мне повезло еще больше, чем вам!..

СОСЕД: Эх, Альбертыч, ты только о своей корысти думаешь, а я о вечности. Хочу увидеть на нашем доме мраморную доску, а на ней золотом: "В этом доме живет замечательный человек Александр Иванович Кобелев"! То есть я. Посоветуй, на что лучше дать деньги, чтобы имя свое обессмертить?

ХОЗЯИН: Лучше?.. Я думаю, лучше всего на благотворительность. Можно на больных, можно на престарелых, можно на бедных... Можно дать деньги на культуру, на здравоохранение...

СОСЕД (*перебивает*)**:** Можно. Но не факт, что за это доску повесят. Совсем не факт! Я думаю, лучше дать деньги на саму доску. На мрамор, на золото... Ну и за работу, конечно. По факту!

ХОЗЯИН: Мемориальную доску себе, значит, хотите... Так вам бы тогда компанию надо сменить. А то неудобно будет, что ваши дружки здесь дебоширят.

СОСЕД: И верно! Какие они мне дружки? Теперь! Сплошная пьянь и бескультурье. К тебе тоже заходить уже вряд ли смогу. Извини, конечно.

ХОЗЯИН: Пожалуйста-пожалуйста.

СОСЕД: Нет, с такими деньгами заведу себе приличных друзей, заслуженных людей — писателей, художников, артистов...

ХОЗЯИН: Ясно... (*Горестно вздыхает.*) Значит, опять сплошная пьянка...

СОСЕД: Ладно, пойду я... Ничего, чтобы увековечить мою фамилию, так и не придумали. Соразмерного (*Кивает на сумку.*) моим заслугам... Придется пропить и потратить на баб.

ХОЗЯИН: Ха! На баб — это как раз будет соответствовать вашей фамилии. Вы же Кобелёв!

СОСЕД: Я не Кобелёв, сколько можно говорить! Это мой дед был Кобелёв. А уже папа стал К\`обелев, ясно? К\`обелев я! (*Осекается.*) Опа... Я придумал! Точно! Я премию учрежу... Международную!

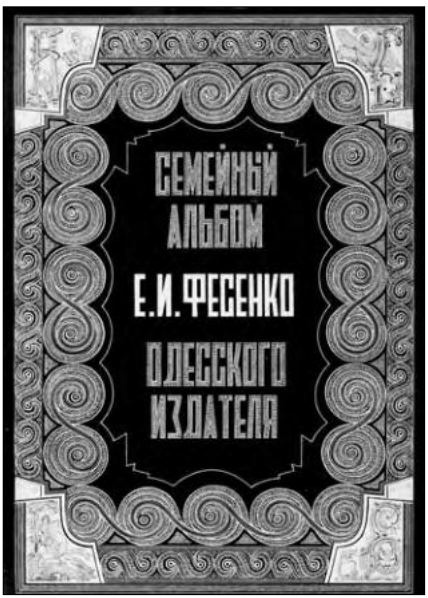
ХОЗЯИН: Для кого?

СОСЕД: Для кого — это не важно. Важно, что называться она будет по моей фамилии — К\`обелевская! Кобелевская премия! Звучит? Всё! Пошел звонить!

ХОЗЯИН: Кому?

СОСЕД: Как кому?! Королю Швеции! Я другим вот это дело... (*Тычет в сумку.*) доверить не могу. А этот — человек уже проверенный... Вроде бы... (*Исчезает в дверях.*)

Жизнь для книги

Семейный альбом
одесского издателя Е.И. Фесенко
Авторы проекта Г.В. Закипная
и Л.В. Майборода
Координатор проекта В.В. Дябло
КП "Одесская городская типография"
(бывшая типография Е.Фесенко),
2007

Тридцать пять лет тому назад под названием "Жизнь для книги" появилась статья Е. Голубовского и Г. Зленко, призывающая вспомнить и помнить крупнейшего одесского издателя, просветителя Ефима Ивановича Фесенко.

Позднее, познакомившись с внучкой Ефима Ивановича В.Е. Хренниковой, я получил от нее в дар машинописную копию воспоминаний Е. Фесенко, побывал в этом "культурном гнезде", где причудливо переплелись судьбы Фесенко и Фармаковских, княгини Тенишевой и академика Филатова... Написал еще одну статью, "То самое Талашкино", об уникальном архиве, хранящемся в этой семье... И все время стоял вопрос о том, что рукопись Е. Фесенко должна быть издана.

Наконец-то свершилось. Прекрасно изданная книга — тщанием Одесского литмузея и семьи Фесенко — представляет не только мемуары издателя, но и семейный альбом, дающий возможность проследить судьбы потомков Фесенко в тяжкие годы октябрьского переворота, гражданской и Великой Отечественной войны — вплоть до наших дней. Отличные иллюстрации дают возможность увидеть и репродукции икон, печатавшихся Е. Фесенко массовыми тиражами, и обложки книг, способствовавших просвещению народа, и фамильное древо такой важной для Одессы семьи Фесенко.

Черты одесской школы

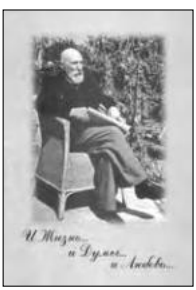
Николай Андреевич Шелюто
Автор-составитель Татьяна БАСАНЕЦ
Одесса, "Оранта", 2008

Это издание сочетает в себе великолепный альбом и серьезную монографию о творчестве известного живописца Н.А. Шелюто. И вновь хочется выразить благодарность семье мастера, предпринявшей за свой счет такое уникальное издание. Дина Михайловна Фрумина, не склонная расточать комплименты, говорила в интервью о творчестве Н. Шелюто: "В его искусстве живет аромат одесской живописи. Дыхание Одессы. Живопись Шелюто сохранила черты одесской школы...".

Во многих музеях, частных коллекциях есть произведения Николая Шелюто. Посмотреть их все — чрезвычайно трудно. Теперь альбом дает такую возможность. А монография Татьяны Басанец поможет понять, как непросто складывался творческий путь художника, сколько нападок он пережил в свое время за то, что уходил от "магистральных тем", оставался верен тихой живописи, красоте одесского пейзажа.

Воспоминания дополняют эту картину. Особенно дочери мастера Тамары Шелюто, глубокие и искренние. Кстати, и сын Николая Шелюто Андрей много сделал, для того чтобы книга стала научным изданием, он составил полный каталог работ отца, хранящихся в семье, в музеях, в частных собраниях.

Многогранность таланта

В.П. Филатов.
И жизнь, и думы, и любовь. Избранные стихотворения.
Составитель Н. Коваленко.
Музей академика В. Филатова
Одесса, 2008

Академик В.П. Филатов каждому одесситу известен как выдающийся офтальмолог, врач, вернувший зрение тысячам больных. Менее известны другие ас-

пекты его жизни. Он был живописцем, членом Общества имени К. Костанди, он был поэтом... Если его картины выставлялись на коллективных выставках Общества, то его стихи при жизни автора не публиковались. Машинописные копии стихов академик дарил друзьям, изредка читал на дружеских встречах. Так что Наталья Коваленко, руководитель музейно-выставочного комплекса имени акад. В. Филатова, открыла читателям его стихи — и духовные, академик был глубоко верующим человеком, и лирические, и шуточные.

Кстати, одновременно в Донецке в издательстве "Норд-пресс" в 2008 году вышла в серии "Литературное наследие" книга воспоминаний и размышлений В.П. Филатова. Дело в том, что перед смертью В.П. Филатов передал часть личного и литературного архива бывшему директору Одесской публичной библиотеки А.Н. Тюнеевой, многие годы дружившей с академиком. Перед своей кончиной А.Н. Тюнеева передала этот драгоценный дар протоиерею И.Я. Силакову с надеждой, что тот опубликует рукописи. И сбылось! Перед нами большой том прозы В.П. Филатова, его размышления о жизни, о вере, об искусстве.

Две эти книги объемнее представят нам человека, оставшегося в памяти поколений замечательным врачом.

Здравствуй, племя младое!

Одесская антология поэзии "Кайнозойские сумерки"
Составитель С. Главацкий
Конгресс литераторов Украины
Одесса, 2008

Поэтические антологии являются как бы временным срезом, дающим возможность увидеть творчество не одного литератора, а нового поколения. Последняя на моей памяти подобная антология была издана в 1991 году. Ее составил Юрий Михайлик, представив читателям участников литобъединения "Круг". С тех пор практически все из них заявили о себе своими книгами, "вошли в литературу". И вот менее чем через два десятилетия — новая антология. Конечно, в ней есть патриархи одесской поэзии — Игорь Павлов, Ефим Ярошевский, Илья Рейдерман... Но и в этом я вижу главный смысл издания — здесь появились новые авторы, со своим голо-

сом. Это Алена Щербакова и Юлия Мельник, Сергей Главацкий и Евгения Красноярова, Ирина Дежева и Михаил Флоря...

Новое поколение заявило о себе. Будем ждать продолжения встреч — теперь уже персональных книг молодых авторов.

И вновь — забытые и знаменитые

Алена ЯВОРСКАЯ
"Осколки"
Одесса, Optimum, 2008

Два года тому назад в серии "Вся Одесса" Алена Яворская, заместитель директора по науке Одесского литературного музея, опубликовала книгу "Забытые и знаменитые" — результат своих поисков, разысканий по истории литературного процесса в Одессе в XX веке. Прошло два года. У автора собрались новые "крохотки". И теперь они объединены в книгу "Осколки". О ком эта книга — об Э. Багрицком и И. Бабеле, о Л. Гроссмане и А. Соболе, об объединениях "Юголеф" и "Потоки "Октября", даже о том, как запечатлелась гостиница "Лондонская" в литературе.

В каждой из новелл А. Яворская рассказывает о новых, найденных ею воспоминаниях, документах, текстах. Это не хрестоматийное пересказывание общеизвестного, а работа исследователя, которая может оказаться интересной вдумчивому читателю. Важно и то, что эта работа приоткрывает для нас фонды Литературного музея.

Остается надеяться, что пройдет пару лет, и Алена Яворская склеит все эти "Осколки" и предложит нам цельную картину жизни "Юго-Запада", ею увиденную и прочувствованную.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Олег ГУБАРЬ
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 6

Илья ГЕРАСИМОВ
Письма одесских вымогателей и проблема еврейской преступности в Одессе начала XX века 14

Закир КАЛМЫКОВ
Одесские татары: прошлое без будущего? 27

Михаил ЛАНДЕР
Слепой "слухач" 33

Василий БЕЛЯЕВ
Конец банды "Черная кошка" 39

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Люсики 53

ПРОЗА

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ
Разрешите получить 60

Родион ФЕДЕНЕВ
Граф Ланжерон 64

Анатолий КОНТУШ
Игроки 71

Леонид ФИНКЕЛЬ
Воспоминания о Сульце 79

Володимир РУТКІВСЬКИЙ
Вознесіння 99

Григорий КАНОВИЧ
Игра на вылет 106

Анатолий ГОРБАТЮК
Кража 118

Елена НЕКРАСОВА
Еврейское счастье 126

ПОЭЗИЯ

Алексей ЦВЕТКОВ
Касатка 136

Татьяна МАРТЫНОВА
Нина 143

Семен ВАЙНБЛАТ
Предсказание 150

Болдинская осень в Одессе
Сергей ГЛАВАЦКИЙ
Изумруды на серебре 157
Евгения КРАСНОЯРОВА
"Безумие плещется в наших стаканах..." 159

Павел АНДРОСОВ
Театр 161

Валентина ГРЕБЕННИКОВА
Принцесса 164

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ
Кошки-мышки 166

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Юрий ДИКИЙ
"Давид Ойстрах — народный артист?" 198

Михаил ПОЙЗНЕР
Их не знали только в лицо… 212

Александр ГАЛЯС
"Не напрасно ты поешь…" 231

Сергей КНЯЗЕВ
"Одессит, художник, еврей…" 247

Валентин МАКСИМЕНКО
Последний триумф великого артиста 250

ПУБЛИКАЦИИ

Макс ФАРБЕРОВИЧ
Поэт и время 255
Публикация Татьяны АБРАМОВОЙ

Владимир Скалкин: "Я не гулял в пампасах и не носил лампасы" 260
Публикация Евгения ПОЗДНЯКОВА

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Возвращайтесь!" 271

ВИАГРА

Элана
Софизмы против сафизма 286

Феликс КОХРИХТ
О! Укрой свои белые ноги! 298

АХ, ОДЕССА

Павел СИДОРОВ
Серебряная свадьба 302

Нина ДАНИЛОВА
Дружба, любовь и математика 303

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 308

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Жизнь для книги 312

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 35

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 35

Издается с 2000 года

Технический редактор Андрей Вишненко
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать XX.XX.2008.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"